

А. С. ПУШКИН

А. С.
ПУШКИН

I

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

*Большая серия
Второе издание*

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 5 5

А. С. ПУШКИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

①

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Б. В. Томашевского*

ПУШКИН

ДЕТСТВО И ЛЕЦЕИ

Пушкин родился в Москве 26 мая (6 июня по новому стилю) 1799 года. Отец его Сергей Львович происходил от старинного боярского рода, в прошлом обладавшего обширными поместьями, пришедшими ко времени рождения Пушкина в упадок. Сергей Львович когда-то служил в гвардии, но недолго, а после женитьбы переселился в Москву, где числился в чине майора чиновником Комиссариатского (военнохозяйственного) ведомства и вел спокойную жизнь на средства, присылаемые из имений, хотя и разоренных, но еще приносивших некоторые доходы. Между тем эти доходы уменьшались, а московская жизнь среди состоятельных родственников и знакомых требовала крупных расходов. Бесхозяйственная и беспечная жизнь не по средствам вела к полному разорению.

Веселая барская жизнь богатой допожарной Москвы отвлекала родителей Пушкина от забот о семье, и дети — старшая дочь Ольга и Александр — были сданы на руки мамушкам и нянькам, а когда подросли — французам гувернерам и гувернанткам, и проводили время среди многочисленной дворовой челяди.

О ранних годах Александра Пушкина писал его младший брат Лев Сергеевич по семейным воспоминаниям: «Воспитание его мало заключало в себе русского. Он слышал один французский язык; гувернер был француз, впрочем человек неглупый и образованный, библиотека его отца состояла из одних французских сочинений. Ребенок проводил бессонные ночи и тайком в кабинете отца пожирал книги одна за другою».

Гувернеры постоянно сменялись, и Пушкин учился у них неохотно. Они оставили о себе недобрые воспоминания. Совсем иначе вспоминал Пушкин о своих нянюшках, особенно об Арине Родио-

новне, которой суждено было позднее разделять с своим воспитанником одинокую жизнь в Михайловском в годы ссылки. Она была крепостной бабушки Пушкина, Марии Алексеевны Ганнибал, и стала общей няней детей Сергея Львовича. Сестра Пушкина говорила о ней: «Была она настоящею представительницей русских нянь; мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками». И сама бабушка Марья Алексеевна своим влиянием противостояла французскому воспитанию детей. «Марья Алексеевна была ума светского и по своему времени образованного; говорила и писала прекрасным русским языком, которым так восхищался друг Александра Сергеевича, барон Дельвиг».

Детские годы Пушкин проводил в Москве и в подмосковном имении бабушки — Захарове, позднее описанном им в лицейском послании Юдину.

Когда наступили годы учения, Сергей Львович решил отдать сына в открывавшийся тогда Царскосельский лицей. Для поступления в это привилегированное учебное заведение требовалась сильная протекция. Пушкины нашли ее в лице своего петербургского знакомого — Александра Ивановича Тургенева, занимавшего крупный пост в министерстве народного просвещения. В июле 1811 года Пушкин вместе с своим дядей Василием Львовичем отправился из Москвы в Петербург.

В. Л. Пушкин, известный по тому времени поэт из числа поклонников Карамзина, с которым он был коротко знаком, имел особые причины, чтобы отправиться в Петербург. Это были годы острой литературной распри двух направлений — карамзинистов и шишковистов. Друзья и последователи Карамзина, несмотря на умеренность их политических взглядов, представляли собой в эти годы передовой отряд дворянской литературы, стремившийся распространить в своих произведениях начала просвещения, понимаемого ими в широком смысле. Их антагонисты, предводительствуемые А. С. Шишковым и объединившиеся в литературном обществе «Беседа любителей русского слова», проповедовали возвращение к старым литературным формам, языку литературы XVIII века с обилием устаревших церковнославянизмов, проклинали чувствительную литературу карамзинистов и обвиняли их в зараженности духом революции. В. Л. Пушкин, до тех пор более известный альбомными стихами и невинными баснями, вдруг воспламенился полемическим духом и написал послание «К Жуковскому», в котором высмеял «скопище стихомарателей» (т. е. «Беседу»), и одновременно написал поэму, получившую распространение в рукописных копиях — «Опасный сосед», в которой задел одного из деятелей «Беседы» —

драматурга А. Шаховского. Вождь «Беседы» А. Шишков принял вызов и ответил язвительным примечанием к своей академической речи «О красноречии священного писания». Дядя Пушкина написал в ответ новое послание, адресованное к Д. В. Дашкову, и летом отправился в Петербург, намереваясь там напечатать, хотя бы и без цензуры, свою поэму «Опасный сосед», а также, в виде отдельной брошюры, свои полемические послания. С ним поехал и его племянник. Таким образом, двенадцатилетний Пушкин был сразу введен в курс распри между шишковистами и карамзинистами, так как его дядя водил его в Петербурге с собой к своим литературным друзьям и мальчик выслушивал шумные разговоры на литературные темы. Дядя, заметив склонность племянника к поэзии, поощрял его к стихотворству и, вероятно, был озабочен тем, как бы направить мальчика по пути карамзинского «просвещения». Пушкин поступал в Лицей уже с определенными литературными вкусами и мнениями.

Лицей, над проектом которого долго работали, по замыслу своему принадлежал к числу учебных заведений с энциклопедической программой воспитания. На многопредметности этой программы отразилась традиция Шляхетского кадетского корпуса, где изучались науки от естественного права до танцев, а также традиции Московского университетского пансиона, программа которого состояла из тридцати разнообразных предметов (здесь учились Жуковский, братья Тургеневы, Гнедич, Грибоедов). В Лицее в течение шести лет воспитанники обязаны были пройти обширные курсы литературных, исторических, юридических и математических наук. В выпускном свидетельстве Пушкина находим такой перечень преподававшихся наук: языки русский, французский, немецкий и латинский, с соответствующими литературами, история, география, статистика, логика, математика, нравственная философия, право естественное, частное и публичное, право гражданское и уголовное, государственная экономия и финансы, фехтование и — обязательные предметы — закон божий и священная история. Объем проходимых наук был обширен. Так, за шесть лет воспитанники, поступавшие в Лицей с самыми элементарными сведениями по арифметике («до тройного правила»), проходили курс, включавший интегралы и простейшие дифференциальные уравнения механики. Естественно, что успехи далеко не всегда отвечали ожиданиям. Беспорядочные уроки в Лицее вызвали стихи «Евгения Онегина»:

Мы все учились понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь.

«Проклятое мое воспитание», — говорил Пушкин, вспоминая Лицей. Своими познаниями Пушкин обязан упорному чтению, постоянному стремлению пополнить пробелы в своих знаниях

И в просвещении стать с веком наравне.

Но это не значит, что Пушкин ничего не вынес из Лицея. Если Пушкин не владел достаточным знанием ни математики, ни немецкого языка, если свои знания по истории он вынес не из Лицея, то в некоторых других предметах его успехи, по отзывам самих преподавателей, были блистательны. Так, с большим интересом занимался Пушкин у профессора Куницына, преподававшего юридические и философские науки. В его курсах отразились передовые идеи века. Впоследствии, когда усилилась реакция, изданный им курс «Естественного права» был запрещен, а сам он отстранен от преподавания. На лекциях Куницына Пушкин приобрел первые политические знания, первые представления о формах государственной власти, о правах граждан.

Французский язык и литературу в Лицее преподавал родной брат Марата, переименовавший фамилию на Будри. На своих лекциях он старался внушать юношам начала высокой добродетели, а иногда рассказывал о брате и его моральных достоинствах.

Русскую и латинскую литературу преподавал Н. Кошанский, который сам считал себя поэтом и поощрял поэтические упражнения учеников. Однако вкусы его несколько устарели, и та возвышенная поэзия классического образца, какую проповедовал Кошанский, не встречала сочувствия ни у Пушкина, ни у ближайшего его друга — Дельвига. Об этом мы можем судить по лицейскому стихотворению Пушкина «Моему Аристарху» (1815) и по пародии, какую написал Дельвиг на высокопарные стихи Кошанского.

Более, чем своим профессорам, Пушкин обязан дружеской семье своих однокурсников-товарищей. Как и в других закрытых учебных заведениях энциклопедического типа, в Лицее много места отводилось литературе и самостоятельным литературным занятиям воспитанников. В Лицее завелись рукописные журналы, переписывались сборники лицейских стихов, составила группа лицейских поэтов, среди которых Пушкин скоро занял первое место, и товарищи признали первенство Пушкина. Среди поэтов Лицея необходимо назвать Антона Дельвига, с которым Пушкин остался связан и после окончания Лицея дружескими и литературными отношениями, Вильгельма Кюхельбекера, вечно восторженного и беспокойного, отличавшегося странностями характера; талант его товарищи долго не признавали. Отличался среди лицейцев гладкостью стиха эпиграм-

матист Алексей Илличевский, первое время считавшийся главой лицейской поэзии. Воспоминания о дружной семье товарищей постоянно встречаются в стихах Пушкина. В 1825 году в Михайловском Пушкин обращался к своим друзьям лицеистам:

Всё те же мы, нам целый мир чужбина,
Отечество нам Царское село.

Все годы пребывания Пушкина в Лицее прошли в напряженной политической обстановке. Хотя Лицей носил закрытый характер и в первые три года старались всячески изолировать лицеистов от влияния внешнего мира, но события были такого значения, что лицеисты не могли не принимать в них участия. Товарищ Пушкина Пущин выразил эту сторону лицейской жизни формулой: «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой жизни русской: приготавливалась гроза 1812 года».

К осени 1811 года, когда открывался Лицей, политическое напряжение в международных отношениях было таково, что никто не верил в мирное разрешение русско-французских споров. Все ждали войны. Когда Наполеон стал сосредоточивать войска на русской границе, а русская гвардия направилась в Вильно, все понимали, что война совершенно неизбежна. Царское село лежало на пути движения русских войск; Пущин пишет: «Мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея; мы всегда были тут, при их появлении, выходили даже во время классов, напутствовали воинов сердечною молитвою, обнимались с родными и знакомыми». Быстрое продвижение войск Наполеона вглубь России двумя колоннами — на Москву и на Петербург — заставило задуматься об эвакуации Лицея на север. Победы Витгенштейна над войсками, двигавшимися на Петербург, предотвратили необходимость перевода Лицея из Царского села. Этим объясняется популярность имени Витгенштейна среди лицеистов (см. упоминание имени Витгенштейна в стихотворении «К другу стихотворцу»).

Война 1812 года и последовавшие за ней события во многом определили развитие самосознания Пушкина и отразились в его творчестве. К темам Отечественной войны Пушкин возвращался не раз до последних лет своей жизни, всё глубже и полнее раскрывая исторический смысл событий. Война воспитала в Пушкине национальное самосознание и национальную гордость, твердую веру в творческие силы русского народа.

Если первые три года лицейской жизни проходили в обстановке войны, потребовавшей крайнего напряжения народных сил, то второе трехлетие характеризуется влиянием наставшего революцион-

ного брожения. Эти три года совпадают со временем деятельности первых тайных объединений декабристов, со временем организации Союза спасения.

Пушкин и его товарищи были близко знакомы с людьми, непосредственно связанными с тайным обществом. Когда гвардия вернулась из заграничного похода, некоторые части были расквартированы в Царском селе. Пушкин завел знакомство с офицерами гусарского полка. Среди этих знакомств самый значительный след в жизни и творчестве Пушкина оставило знакомство с П. Я. Чаадаевым, в те годы пламенным приверженцем свобододолюбивых идей. Следом этих ранних связей осталось знаменитое послание Чаадаеву («Любви, надежды, тихой славы»), написанное вскоре после окончания Лицея.

Еще к лицейским годам относится и организация политического кружка под руководством И. П. Бурцова, в который входили и некоторые ученики Лицея: Вольховский, Дельвиг, Кюхельбекер, Пущин. Всё это — близкие друзья Пушкина, особенно Иван Пущин, с которым Пушкин сдружился в первое трехлетие лицейской жизни, когда их комнатки разделяла тонкая стенка, упиравшаяся в одно общее окно; такое расположение их «келий» способствовало тому, что они делились всеми радостями и горестями каждого дня.

Участники кружка не потеряли с ним связь и после окончания Лицея. Из членов этого кружка Вольховский и Пущин были приняты в тайное общество немедленно после окончания Лицея, а Кюхельбекер был близкий единомышленник декабристов; незадолго до восстания он вступил в тайное общество и деятельно участвовал в событиях 14 декабря на Петровской площади. Один Дельвиг не был прямо затронут событиями 1825 года.

Исторические события получили свое отражение в лицейском творчестве Пушкина в больших стихотворениях: «Александр», «Воспоминания в Царском селе», «Наполеон на Эльбе». В этих стихотворениях Пушкин пишет об Отечественной войне и заграничном походе наших войск как о войне освободительной, а о Наполеоне как о тиране-диктаторе, поработителе народов.

Свои свобододолюбивые взгляды Пушкин изложил в послании «К Лицинию», якобы переведенном с латинского, но в котором он изобразил развращающее влияние на нравы всякого порабощения.

Однако гражданские мотивы свободы и патриотизма сравнительно редко появляются в лицейской лирике Пушкина. Близкая ему литературная школа карамзинистов (Батюшков, Жуковский, Вяземский), равно как литературные вкусы его товарищей-лицеистов, толкали его на разработку интимных тем дружбы, любви и

наслаждений жизни. В его лицейских стихах рисуется образ поэта-ленивца, небрежно слагающего стихи, пренебрегающего славой и мечтательно проводящего время в скромном уединении. Для лирики 1814 и 1815 годов характерно жизнерадостное настроение, но в 1816 и 1817 годах оно сменяется меланхолией, жалобами на страдания от неразделенной любви и выражается в ряде элегий, в которых господствует слово «слезы».

Стихи Пушкина распространялись в рукописных копиях среди товарищей, а в 1814 году он напечатал стихотворение «К другу стихотворцу» на страницах московского журнала «Вестник Европы», и за этим первым опытом последовал ряд других в том же журнале. Редактором журнала был В. В. Измайлов, заменявший в 1814 году постоянного (с 1811 года) редактора М. Каченовского. В 1815 году Каченовский вернулся к редактированию журнала, а В. Измайлов стал издавать «Российский музеум», где и продолжал Пушкин печатать свои стихотворения. В 1816 и 1817 годах Пушкин не печатался, повидимому вследствие запрещения со стороны лицейского начальства.

Однако не в создании мелких стихотворений видел Пушкин основную задачу поэтического творчества. С первых шагов он пытается создать крупное произведение. Не все из этих попыток доведены до конца, и далеко не всё из написанного Пушкиным дошло до нас. Так, лишь в пересказе товарищей известен нам роман «Фатам», упоминающийся в лицейском дневнике Пушкина, не дошла до нас комедия «Философ», о работе над которой сообщал товарищ Пушкина Илличевский в письмах к своему петербургскому другу. Повидимому, осталось неосуществленным намерение написать большое стихотворное описание Царского села, программа которого находится в том же дневнике Пушкина. Из дошедшего до нас мы можем назвать поэму «Монах» — одно из самых ранних произведений Пушкина — и начало поэмы «Бова», брошенной Пушкиным.

В конце пребывания в Лицее Пушкин наконец напал на сюжет поэмы, который он решил осуществить. Это был замысел «Руслана и Людмилы»; работа над этим произведением падает уже на петербургские годы жизни Пушкина.

ПУШКИН В ПЕТЕРБУРГЕ (1817—1820)

Пушкин окончил Лицей в июне 1817 года и был причислен к министерству иностранных дел в ожидании открытия вакансии на должность. Вскоре после окончания Лицея Пушкин отправился

отдыхать в Михайловское — псковскую деревню матери. С сентября 1817 до 6 мая 1820 года Пушкин прёжил в Петербурге, и только летом 1819 года выезжал в Михайловское.

В эти годы Пушкин сблизился с передовой петербургской молодежью, находившейся в сфере влияния декабристских тайных организаций. Среди близких друзей и знакомых Пушкина было много деятельных участников Союза спасения, просуществовавшего до осени 1817 года, и Союза благоденствия, основанного осенью 1818 года.

Первая встреча с членами тайного общества произошла у Пушкина в литературном обществе «Арзамас», в которое Пушкин вступил сразу по окончании Лицея. Общество было основано в качестве приятельского объединения друзьями Карамзина для литературной борьбы против А. С. Шишкова и его «Беседы». «Арзамас» продолжал ту полемику карамзинистов и шишковистов, которая разгорелась еще в 1811 году, когда в ней принял деятельное участие дядя Пушкина. Собрания «Арзамаса» сопровождались пародическими обрядами и сатирическими речами, направленными против всей «Беседы» и против отдельных ее членов. В «Арзамас» входили братья Александр и Николай Тургеневы, С. Уваров, Д. Дашков, Д. Блудов, В. Жуковский, а во время приездов в Петербург В. Л. Пушкин, П. Вяземский, К. Батюшков. Молодой Пушкин еще в Лицее был в курсе шуточных пародий «Арзамаса» и по окончании Лицея стал и сам участником арзамасских собраний. Но к этому времени «Арзамас» несколько изменил свой характер. Новые члены «Арзамаса» Михаил Орлов, Никита Муравьев попытались превратить это общество в орудие политической пропаганды и предложили членам «Арзамаса» организовать издание журнала с политическим отделом.

Пушкин вступил в «Арзамас» в период самых острых политических прений. Политические проекты не получили осуществления, так как в обществе не было единомыслия. Левое крыло «Арзамаса» — Николай Тургенев, Никита Муравьев и Михаил Орлов — не получило достаточной поддержки со стороны других членов «Арзамаса», и это привело к расколу общества и прекращению собраний (весной 1818 года). Пушкин разделял взгляды левого крыла общества и стал постоянным посетителем дома Тургеновых, где особенно сблизился с Николаем Ивановичем Тургеньевым, который усиленно пропагандировал идею освобождения крепостных крестьян. Стихотворение «Деревня», в котором отразились впечатления Пушкина от посещения Михайловского летом 1819 года, написано не без влияния идей Н. Тургеньева.

Горячие политические споры Пушкин слышал не только на заседаниях «Арзамаса». Всё петербургское общество, особенно молодое офицерство, в той или иной степени было захвачено политическими вопросами. Они обсуждались в великосветских салонах и в дружеском кругу молодежи. Это были годы, когда, с одной стороны, усиливалась правительственная реакция, с другой — ей противостояла политическая оппозиция, выражавшая стремления передовой части дворянского общества. Правительственная реакция сказывалась и во внешней политике и во внутренней. Александр I, поручив Аракчееву управление страной, отдался преимущественно интересам международных отношений. Вместе с министром Австрии Меттернихом он возглавлял Священный союз, задачей которого было подавление народных движений. Политика Александра была извилистой. В марте 1818 года он открывал тронной речью в Варшаве польский сейм и заявлял, что намерен распространить конституционный строй на всю Россию, а в октябре на Аахенском конгрессе воодушевлял членов Священного союза, монархов Австрии и Пруссии, в их наступлении на народные права и освободительные движения. Ответом на это было возбуждение среди немецкого студенчества и убийство русского агента, писателя А. Коцебу, в 1819 году, убийство младшего члена Бурбонского королевского дома герцога Беррийского в 1820 году; но самым крупным фактом революционного движения на Западе была испанская революция, вспыхнувшая в начале января 1820 года и послужившая сигналом к ряду революционных вспышек в Италии. К народным революционным движениям приравнивал Александр и национально-освободительную борьбу греков против турецкого владычества.

Внутри России распоряжался Аракчеев. Несмотря на то, что в эти годы Александр еще продолжал поощрять сочинение политических проектов и записок как по вопросу о введении конституционного строя, так и по освобождению крестьян, на деле он уже решительно стал на путь прямого укрепления самодержавной и помещичьей власти, причем приемы управления Аракчеева особенно ярко выступали в организации военных поселений, где был создан до такой степени невыносимый режим, что эти поселения стали очагами крестьянских волнений и восстаний.

Социальная и политическая обстановка вызывала сопротивление со стороны передовых кругов общества. Ко времени пребывания Пушкина в Петербурге относится организация Союза благоденствия, ставившего задачей широкую пропаганду идей политической свободы и отмены крепостного права. Пушкин был связан с филиалами Союза. В самом начале 1819 года Николай Тургенев

сделал попытку организации общества, задачей которого должно было быть издание журнала. Общество это должно было распространять идеи Союза благоденствия. По существу, замысел Н. Тургенева был попыткой возобновить идею издания журнала, возникшую еще в «Арзамасе». Тургенев привлек в общество и лиц, не принадлежавших к Союзу, например лицейского профессора Куницына. Среди участников были и окончившие Лицей: И. Пущин, тогда уже член Союза благоденствия, и Д. Маслов. Привлечен был и Пушкин, участие которого должно было повысить интерес читателей к журналу. Тургенев написал программу журнала, на собраниях читались статьи, заготовленные для журнала, но идея издания не осуществилась, да и вряд ли могла осуществиться, так как в число участников журнала попал и провокатор Грибовский, сумевший проникнуть в Союз благоденствия и осведомлявший правительство о деятельности Союза и его членов.

В марте 1819 года членами Союза Я. Толстым, Ф. Глинкой и С. Трубецким было основано литературное общество «Зеленая лампа», ставившее задачей пропаганду идей Союза и подготовку кандидатов в члены Союза. Пропаганда велась под видом дружеских литературных собраний. Члены общества вербовались в среде театралов. Русский театр этих лет представлял собой место открытой борьбы мнений. В театральном зале публика делилась на два враждебных лагеря. С одной стороны, были крупные бюрократы, представители правящих кругов, с другой — молодежь, воспламененная идеями свободы. Выражения одобрения или неодобрения часто выливались в политическую демонстрацию. Своими аплодисментами «левый фланг» подчеркивал то свободолобивое истолкование или то политическое применение к современности, которым легко поддавались тирады трагедий Княжнина и Озерова и сатирические выпады Крылова и Фонвизина. Среди театральных завсегдатаев нетрудно было найти молодых людей, готовых к восприятию передовой политической программы. Для большей конспирации местом собраний избрали дом Никиты Всеволожского, находившийся недалеко от театра. Всеволожские славились хлебосольством, у них чуть ли не каждый день происходили сборища молодых людей, веселые дружеские пирушки, и собрания «Зеленой лампы» не могли обратить особенного внимания полиции. Собрания эти происходили после спектаклей раз в две недели. Члены кружка были связаны обещанием хранить тайну. На собраниях обеспечивалась полная свобода мнений. Собрания имели правильный порядок: под председательством того или иного члена кружка читались стихи, статьи, театральные отчеты и свободно обсуждались присут-

ствующими. Среди задач кружка было составление словаря великих людей русского народа от древнейших времен. Название свое общество получило от зеленой лампы, висевшей в комнате собраний; этой лампе приписывалось значение эмблемы «свет и надежда», — и в слова эти вкладывался политический смысл. Членам кружка розданы были кольца-печатки с изображением светильника. Такой печаткой запечатывал Пушкин свои письма, и до нас дошли оттиски этой печати.

«Зеленая лампа» просуществовала до осени 1820 года, когда полиция узнала о ней и организаторы общества сочли за лучшее прекратить собрания.

Известны послания Пушкина к членам «Зеленой лампы» (Я. Толстому, Н. Всеволожскому, Ф. Юрьеву). В этих посланиях сочетаются вакхические мотивы с темами политического вольномыслия:

Здорово, рыцари лихие
Любви, свободы и вина!
Для нас; союзники младые,
Надежды лампа зажжена.

Выйдя из Лицея, Пушкин видел главное содержание своей лирики в элегиях, подобных тем, какие писал он в последние годы лицейской жизни. Таковы были его петербургские стихи «Не спрашивай, зачем унылой думой» или «К ней» («В печальной праздности я лиру забывал»). Однако общее политическое возбуждение в среде передовой петербургской молодежи направило его мысль по другому пути. Пушкин резко изменил направление своей лирики. Он отказался от поэзии, воспевающей личные радости и горести, что было характерно для поэзии Жуковского и Батюшкова и стало модным среди некоторой части молодых поэтов. Пушкин создал за эти годы цикл политических стихотворений, распространявшихся в рукописи и имевших огромное агитационное значение. Сюда относятся «Вольность», «Чаадаеву», «Деревня» и несколько сатирических произведений, среди которых «Сказки» (или Noë1) и несколько эпиграмм.

Политические стихи петербургского периода охватывали все основные вопросы, волновавшие передовую, революционно настроенную молодежь. В «Вольности» Пушкин излагал свои воззрения на политическую свободу и законность, в «Деревне» касался самого большого вопроса русской крепостнической действительности — положения крестьян, и обосновывал необходимость их освобождения от крепостной зависимости. В «Ноэле» и эпиграммах Пушкин давал образцы действенной политической сатиры, обличающей правитель-

ство в его реакционных действиях. В послании Чаадаеву молодежь слышала призыв к прямому действию.

Политические стихи петербургского периода тесно связали Пушкина с деятелями тайных обществ, и отныне Пушкин становится верным союзником декабристов. Хотя он и не входил ни в одну их организацию — ни в Союз благоденствия, ни в Северное, ни в Южное общество, — но и без такой организационной связи он в литературе совершал то же дело, какое руководители тайных обществ совершали в своих организациях. Политические стихи Пушкина, как это выяснилось во время процесса декабристов, явились сильным агитационным средством и многих привели в ряды борцов за политическую свободу, против самодержавия. Не только политические стихи, но и вся литературная деятельность Пушкина являлась выражением того же воззрения на мир и окружающую действительность, которое являлось общим для декабристов и всего передового дворянства декабристского поколения.

Стихи Пушкина скоро дошли до Александра I. Напуганный революционными событиями на Западе (политическое убийство Коцебу и герцога Беррийского, начало испанской революции), крестьянскими волнениями на юге России, восстаниями в военных поселениях (в Чугуеве), он решил подавить всякие попытки критики и осмеяния правительственной политики. Пушкин оказался первой жертвой правительственных репрессий против политической оппозиции. Сперва Александр задумал применить к Пушкину крутые меры, сослав его в Соловецкий монастырь, но хлопоты влиятельных друзей, популярность имени молодого поэта заставили его смягчить наказание: Пушкин был отправлен в ссылку под видом назначения на службу к генералу Инзову, главному попечителю и председателю комитета о колонистах Южного края России, управление которого находилось в Екатеринославе.

Отправляясь в ссылку, Пушкин поручил своим ближайшим друзьям издание главного произведения, написанного им за петербургские годы, — поэмы «Руслан и Людмила». Поэма эта вышла в свет через три месяца после отъезда в ссылку. Выход в свет поэмы «Руслан и Людмила» окончательно поставил Пушкина на первое место среди всех поэтов-современников.

Поэма поразила читателей своей новизной. Пушкин осуществил то, чего не могли осуществить ни Жуковский, ни Батюшков, от которых их друзья и читатели ожидали большого произведения. Жуковский давно намеревался написать полуисторическую, полусказочную поэму о Владимире, но по-настоящему так и не приступил к осуществлению своего замысла. Точно так же и Батюшков

приступал к замыслам поэм, но дальше первоначальных набросков дело не шло. Пушкин сумел создать поэму на сказочный сюжет в духе народной сказки — так, как понимали русскую народную сказку в те годы. Но новизна, современность поэмы выразилась в самом повествовании. На страницах поэмы всё время появляется — в лирических отступлениях, в системе сравнений — образ рассказчика, в котором легко узнать молодого современника из той среды петербургской молодежи, из которой позднее Пушкин выбрал героя своего основного произведения — «Евгения Онегина». Психология рассказчика передана не без иронии, окрашивающей весь рассказ. Это соединение сказочного русского сюжета с отступлениями в современность, с ироническими намеками, в которых без труда угадывалось вольномыслие автора, — всё это было ново и привлекательно, не говоря уже о безукоризненной отделке стихов, об остроумии, о естественности и новизне языка.

ЮЖНАЯ ССЫЛКА

(1820—1824)

Пушкин выехал из Петербурга 6 мая 1820 года. Он вез в Екатеринослав генералу Инзову письмо, утвержденное Александром, в котором содержалось объяснение причин ссылки, причем особое место отводилось стихотворению «Вольность»; о нем писалось: «При величайших красотах замысла и исполнения, стихотворение это обнаруживает опасные начала, почерпнутые в современных учениях или, вернее, в той анархической системе, которую неблагонамеренные люди именуют системой прав человека, свободы и независимости народов». На этом основании Пушкин поручался попечением Инзова для укрепления заблудшего на стезе «веры и добродетели», однако при этом предлагалось Инзову дать Пушкину отпуск. Такое предложение было результатом дружеских хлопот. Было условлено, что Пушкин поедет на Кавказ и в Крым с семейством генерала Н. Н. Раевского. Жена Раевского с двумя старшими дочерьми находилась в Петербурге, сам Раевский с сыном Николаем и двумя младшими дочерьми находился в Киеве. Жена и две дочери направлялись непосредственно в Крым, Н. Н. Раевский с детьми должен был предварительно отправиться на кавказские минеральные воды, где находился старший его сын Александр. По некоторым обрывочным сведениям можно думать, что Пушкин направился в Екатеринослав через Киев, чтобы увидеться с Раевским и условиться о поездке. Спустя неделю после приезда Пушкина в Екатеринослав через этот город проехал генерал Раевский и забрал с собой Пушкина. Первые сильные впечатления Пушкина после отъезда

из Петербурга были вызваны природой Северного Кавказа. Здесь Пушкин провел два месяца, после чего вместе с Раевским отправился в Крым, где находились уже жена и старшие дочери Раевского. Здесь, в Гурзуфе, Пушкин провел почти три недели, после чего направился по месту службы к Инзову. В отсутствие Пушкина Инзов, назначенный заместником в Бессарабию, переехал с своей канцелярией в Кишинев, куда Пушкин и направился из Крыма. Прибыл он в Кишинев 21 сентября, но оставался там недолго. В ноябре он уехал в Каменку, имение Давыдовых, родственников Раевских. Здесь собирались многочисленные гости на семейный праздник; но не только на этот праздник съехались гости; один из Давыдовых был деятельным членом тайного общества. У него происходили совещания по вопросу о дальнейшей судьбе Союза благоденствия. Вопрос этот должен был решиться на совещании в Москве, а каменские встречи являлись предварительными обсуждениями. Здесь присутствовали Михаил Орлов, Иван Якушкин, К. Охотников и хозяин имения В. Давыдов. Политические разговоры и споры продолжались и при неконспиративных встречах, тем более что события внешней (победа испанской революции) и внутренней политической жизни давали обширный материал для подобных разговоров. Именно здесь, в Каменке, произошла сцена, описанная в воспоминаниях И. Якушкина, когда под председательством генерала Раевского устроено было обсуждение вопроса о возможности в России существования тайного общества. Всё это обсуждение было выдано за шутку, и подобный оборот дела вызвал горькие упреки Пушкина: «Я никогда не был так несчастлив, как теперь; я уже видел жизнь мою облагороженною и высокую цель перед собой, и всё это была только злая шутка».

Из Каменки Пушкин ездил с Раевскими в Киев, оттуда снова в Каменку, и только в марте 1821 года он вернулся в Кишинев. Около этого же времени в Кишинев приехал Михаил Орлов, назначенный командиром расквартированной здесь дивизии. Дом Орлова стал местом постоянных встреч кишиневских членов тайного общества, из которых, кроме Охотникова, особенно следует упомянуть Владимира Раевского. Майор Раевский ведал солдатскими школами в дивизии Орлова и вел в них политическую пропаганду. По этому поводу началось дело. 6 февраля 1822 года Раевский был арестован и заключен в Тираспольскую крепость, а Михаил Орлов принужден был покинуть командование дивизией и уехать из Кишинева.

Здесь, в Кишиневе, Пушкин общался со многими деятелями греческого восстания. Здесь же он познакомился с Пестелем, приехавшим в Кишинев из Тульчина. Вот запись Пушкина в дневнике

под датой 9 апреля 1821 года: «Утро провел я с Пестелем; умный человек во всем смысле этого слова... Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...»

Пушкин отнюдь не смирялся в своем изгнании. Весной 1821 года агент тайной полиции доносил: «Пушкин ругает публично и даже в кофейных домах не только военное начальство, но даже и правительство». О подобных разговорах Пушкина в Кишиневе мы знаем по записям в дневнике его сослуживца П. И. Долгорукова. Приводим одну из них, самую яркую, под датой 20 июля 1822 года: «Пушкин разгорался, бесился и выходил из терпения. Наконец полетели ругательства на все сословия. Штатские чиновники — подлецы и воры, генералы — скоты большею частию, один класс земледельцев — почтенный. На дворян, русских особенно, нападал Пушкин. Их надобно всех повесить, а если б это было, то он с удовольствием затягивал бы петли».

Тем временем влиятельные друзья Пушкина (А. И. Тургенев и др.) хлопотали о том, чтобы выволить Пушкина из захолустного Кишинева. Но о возвращении в Петербург думать не приходилось. Александр не разрешал Пушкину даже временно приехать в столицу. Между тем граф М. С. Воронцов был назначен наместником Бессарабской области и генерал-губернатором Новороссийского края с местопребыванием в Одессе. Пушкину устроили перевод на службу к Воронцову в Одессу. Воронцов пользовался репутацией просвещенного администратора, даже с некоторыми либеральными взглядами. В июле 1823 года Пушкин перебрался из Кишинева в Одессу. Однако вскоре обнаружилось, что Пушкин и Воронцов вместе ужиться не могут. Воронцов стал преследовать Пушкина, писать жалобы на него петербургскому начальству, давать ему оскорбительные, с точки зрения Пушкина, поручения, не без желания уколоть его самолюбие. Пушкин, в свою очередь, писал на Воронцова эпиграммы. В мае 1824 года, после командировки Пушкина на борьбу с саранчой, дело дошло до разрыва. Пушкин подал в отставку. А между тем полиция перехватила письмо Пушкина, в котором он признавался в атеизме, и Александр распорядился о высылке Пушкина из Одессы в имение его матери Михайловское в Псковской губернии, под надзор гражданских и духовных властей, без права выезда из деревни. Выехав из Одессы 31 июля, Пушкин прибыл в деревню 9 августа.

Годы пребывания на юге совпадают с романтическим периодом в творчестве Пушкина. К романтическим произведениям относятся его южные поэмы от «Кавказского пленника» до «Цыган» и его ли-

рика, начиная со стихотворения «Погасло дневное светило», в котором впервые обрисованы основные черты романтического сознания Пушкина.

В период ученичества у Жуковского и Батюшкова Пушкин усвоил резкое разделение и противопоставление личного и общественного. В лицейской поэзии темы личного преобладали, причем внутренний мир поэта характеризовался стремлением к тихим радостям человека, не озабоченного делами, волновавшими мир, не гонящегося за славой и довольствующегося в скромном уединении дружбой, любовью и мирными наслаждениями жизни. В Петербурге, перейдя на темы гражданские, Пушкин не преодолел подобного разделения личной и гражданской лирики. В его вольнолюбивых стихах не было места для личных чувств, кроме гражданского пафоса, а те стихи, где он попрежнему воспевал свои интимные чувства, ничем не были связаны с гражданскими темами «Вольности» и «Деревни». Романтический период его творчества характеризуется новым отношением к проблеме личности и общества. Отныне личность рассматривается Пушкиным в ее отношении к обществу. Романтический герой, с настроениями которого сливаются и настроения поэта в лирических стихотворениях, обрисовывается в характерной романтической противоречивости. С одной стороны, романтический герой является незаурядной личностью, возвышающейся над средним уровнем, над «толпой»; в его характеристике отражается идеал деятеля, сложившийся в передовых революционных кругах: он наделен сильной волей, смелостью, презрением к насилию, вольнолюбием. С другой стороны, он является носителем отрицательных черт, свойственных современному обществу: преодолев сознанием пороки общества, герой остается жертвой не только по своей судьбе, но и по тем страстям, которые свойственны ему как представителю этого общества. В себе самом романтический герой находит и раздирающие его противоречия и наказание.

Особенно ярко эти черты выражены в характере Пленника, героя «Кавказского пленника», и в характере Алеко, героя «Цыган». Основной отрицательной чертой, определяющей трагическую судьбу героя, является крайний индивидуализм. Превосходя своих современников силой своего сознания, критически относясь к порочным основам общества, им покинутого, герой не избегает предельного скептицизма, презрения к окружающему, разочарования в жизни.

Наряду с характером героя — представителя порочного европейского общества Пушкин выдвигает идеал естественного человека, гармонического в своей сущности. Этот идеал воплощен, например, в характере черкешенки.

Южные поэмы Пушкина изображают действие в исключительной обстановке, далекой от обыденности европейской жизни, в обстановке чуждой природы и чуждых нравов. Здесь впечатления от тех мест, где Пушкину пришлось побывать, подсказали ему обстановку действия. Кавказ, Крым, молдаванские степи — вот место действия трех главных южных поэм.

Поэмы этого периода лиричны: они не только перебиваются выражением личных переживаний поэта, но и не всегда читатель отчетливо может определить, принадлежат ли те или иные впечатления, продиктовавшие стихи поэмы, герою или поэту.

В сравнении с «Русланом и Людмилой» южные поэмы отличаются простотой сюжета. В двух первых центральный эпизод (решающее свидание пленника с черкешенкой, встреча Марии и Заремы) занимает большую часть поэмы и в сюжете и в повествовании. Развитие событий дано в отрывочных эпизодах. Центральные сцены драматизированы, изложены в форме монологов и диалогов, но эти речи героев являются скорее лирическими самопризнаниями, чем драматическими речами, обращенными к собеседнику. Тем не менее драматические эпизоды южных поэм в какой-то мере подвели Пушкина к его драматическим замыслам — «Борису Годуну» и маленьким трагедиям.

Хотя романтическое направление характеризует весь период пребывания Пушкина на юге, но именно в эти годы наметился поворот в творчестве Пушкина к новому, связанный с началом работы над «Евгением Онегиным». Перелом наметился в 1823 году, около времени переезда из Кишинева в Одессу. В стихотворении «Демон» уже прозвучало осуждение индивидуалистического духа отрицания, характерного для романтического настроения.

Героя новой поэмы Пушкин изобразил уже не в экзотической обстановке, а в знакомой и близкой обстановке дворянского Петербурга и отнес действие к зиме 1819 года (последней зиме, проведенной им в Петербурге). Хотя, по собственному замечанию Пушкина, характер Евгения «сбивается на Кавказского пленника», т. е. является отражением той же действительности, но дан не в романтической исключительности, а в типической обстановке той исторической среды, которая его образовала и воспитала. Онегин неотделим от своего общества, и первая глава, описывающая день жизни Онегина, превратилась в изображение дворянского общества Петербурга, современного созданию «романа в стихах». Работа над «Евгением Онегиным» знаменует начало реалистического периода в творчестве Пушкина.

Одновременно с стихотворением «Демон» Пушкин написал

другое стихотворение — «Свободы сеятель пустынный» (в первоначальном наброске оба стихотворения принадлежали одному замыслу). В этом стихотворении отразились те чувства, какие вызвало в Пушкине поражение революционного движения на Западе и торжество политики Священного союза (по прямому распоряжению руководителей Священного союза Франция ввела войска в Испанию, свергла революционное правительство и восстановила самодержавную власть короля Фердинанда VII). Особенно поразило Пушкина то, что народ не поддержал революционных вождей и часто оказывался орудием в руках фанатических священников, ратовавших за восстановление королевского самодержавия. Эта отчужденность передовых политических деятелей от народа, показавшая, что филантропические мечтания и подлинные исторические силы не одно и то же, отражена Пушкиным не только в стихотворении «Свободы сеятель пустынный», но и в общем направлении его исторических интересов. От воспевания романтических идеалов Пушкин переходит к изучению и изображению действительности, что и определило движение от романтизма к реализму. Гуманистические идеалы Пушкина остаются неизменными и попрежнему воодушевляют поэта. Но и то, что для романтиков представлялось «прозой жизни», недостойной отражения в поэзии иначе как в форме резко сатирического отрицания, становится для Пушкина законной темой поэтического произведения.

Поворот от романтизма к реализму совершился не сразу. Пушкин не сознавал, что «Евгений Онегин» знаменует собой отрицание прежнего и начало нового пути. Особенности своей поэмы (или «романа в стихах») он объяснял свойствами темы, взятой из жизни современного светского общества. Одновременно с первыми главами «Онегина» Пушкин писал «Цыган». Новые качества своего творчества Пушкин рассматривал не как преодоление романтизма, а как разновидность этого романтизма. И свой роман в стихах и позднее свою трагедию Пушкин называл романтическими. Сознательное преодоление романтизма завершилось в следующие за южной ссылкой годы.

Вот почему Пушкин одновременно пишет последнюю романтическую поэму и первое реалистическое произведение.

«Цыганы» являются как бы итогом романтического периода. Вопросы, поставленные в «Цыганах», близки к тем, которые были поставлены в «Кавказском пленнике». Тот же герой-индивидуалист, бежавший из своей среды, но отравленный всеми противоречиями индивидуалистического сознания, свойственного тому обществу, из которого он пришел. У Алеко разрыв с обществом глубже, чем у

Пленника: «его преследует закон». Романтическому герою противопоставлен «естественный человек», племя цыган, живущее в примитивной простоте нравов, свойственной «золотому веку». Столкновение «естественного человека» с индивидуализмом приводит к катастрофе: Алеко приносит с собой то противоречие страстей, которое разрушает естественную гармонию первобытного общества.

Алеко остается героем поэмы и, подобно Пленнику, романтическим обобщением индивидуалистической европейской цивилизации. Задача поэта не «разоблачение» романтического героя, а изображение трагедии индивидуалистического сознания. Одновременно те же задачи Пушкин разрешает реалистическими средствами в «Евгении Онегине».

МИХАЙЛОВСКОЕ (1824—1826)

В Михайловское — место изгнания и заточения — Пушкин пришел с тяжелым чувством. Всё казалось ему мрачным и неприглядным. «И был печален мой приезд», — писал он позднее. Сама природа после ярких впечатлений юга показалась скудной и тоскливой: «Слава богу, небо у нас сивое, а луна точная репка», — писал он В. Вяземской из Михайловского в Одессу. Это настроение отразилось в стихотворении «Ненастный день потух».

Здесь, в Михайловском, Пушкин написал стихотворение «К морю». Прощание с морем — это прощание с прошлым, с романтическими настроениями южной лирики. Таким же прощанием с романтизмом был «Разговор книгопродавца с поэтом», напечатанный в качестве предисловия к первой главе «Евгения Онегина». Одно появление этого стихотворения вместе с первой главой «Онегина» показывает, что изображенный в нем поэт не совпадает с творческим обликом автора. Темами, определявшими поэтическое направление изображенного в разговоре поэта, были «приюты скал», «шум бури», «глухой гул моря», в то время как в произведении, предисловием к которому являлся «Разговор», изображались петербургские бульвары, рестораны, балы. Но в поэте из «Разговора» очень много общего с Пушкиным вчерашнего дня. И в диалоге побеждает не поэт, а книгопродавец-практик, руководимый простым здравым разумом. Характерно противопоставление формул, обрисовывающих отношение поэта к обществу. Поэт-романтик проповедует индивидуализм и презрение к обществу:

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья

И от людей, как от могил,
Не ждал за чувство воздаянья! —

на что книгопродавец возражает языком, не отвечающим его ограниченному сознанию практика, но соответствующим трезвости его разума:

Поэт казнит, поэт венчает,
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальнем поражает,
Героев утешает он...

В этой формуле содержится определение общественного значения поэта — глашатая истины, выразителя приговоров народной совести.

В своих дальнейших произведениях, писанных в Михайловском, Пушкин с еще большей отчетливостью утверждает долг поэта воздействовать на общество своими призывами и приговорами. Так, перелагая в стихи отрывки из Корана, Пушкин выбирает те места, в которых выражена сила слова, ведущего людей за собой. При этом Пушкин свободно отступает от подлинника, заменяя характеристические черты мусульманского пророка чертами поэта.

Не только северная природа казалась Пушкину недружелюбной. Нерадостна была и встреча с семьей. Отец поэта имел неосторожность принять на себя поручение правительства по политическому наблюдению за сыном. Отсюда напряженность семейных отношений, столкновения, ссоры, доходившие до того, что Пушкин готов уже был просить о замене ссылки в деревню заключением в крепость. Но вскоре семья уехала в Петербург, и Пушкин остался один, проводя время или дома в Михайловском, в обществе своей няни Арины Родионовны, или в Тригорском, у соседки по имени П. А. Осиповой с ее дочерьми и племянницами.

Оторванный от друзей, Пушкин поддерживает связь с ними усиленной перепиской. Именно ко времени его пребывания в Михайловском относится его переписка с Рылевым и Бестужевым. Одиночество нарушалось редкими приездами друзей. Так, в начале 1825 года Пушкина посетил его лицейский товарищ Иван Пущин. Встреча эта подробно описана в записках И. Пущина. Пущин был деятельным членом тайного Северного общества и не скрыл этого от Пушкина.

Весной того же года в Михайловское приезжал Дельвиг, принадлежавший, как и Пущин, к числу наиболее близких товарищей Пушкина по Лицею. К 1826 году относится знакомство Пушкина с Н. Языковым, гостившим в Тригорском. Эта встреча воспета

Языковым в стихотворениях «А. С. Пушкину», «П. А. Осиповой», «Тригорское», «А. Н. Вульф», «К няне А. С. Пушкина»; она отразилась в посланиях Пушкина Языкову.

Жизнь свою в деревне, по собственному признанию, Пушкин описал в четвертой главе «Евгения Онегина».

В Михайловском Пушкин потерял надежду на скорое возвращение в Петербург: для него было ясно, что Александр никак на это не согласится, так как испытывает личную к нему ненависть и понимает, что Пушкин отвечает ему тем же чувством. В деревенском уединении Пушкин усиленнее работал, и 1825 год был ознаменован новым приливом творческих сил. Пушкин ощутил свою творческую зрелость. Он продолжал писать «Евгения Онегина», написал трагедию «Борис Годунов», подготовил к печати сборник своих стихотворений, написал шутливую поэму «Граф Нулин».

Именно в эти дни произошли декабрьские события. Смерть Александра возродила надежду на освобождение из ссылки, но, с другой стороны, следствие над декабристами обнаружило степень популярности и действенности революционных стихов Пушкина, и он понял, что может быть подвергнут аресту и суду наряду с своими друзьями-декабристами. Действительно, опасность ареста была близка. В окрестности Михайловского был подослан шпион и провокатор Бошняк, участвовавший в разоблачении Южного общества. Ему были даны полномочия арестовать Пушкина, если будут достаточные для того данные. Пушкина подозревали в «возбуждении к вольности крестьян». Слухи эти не оправдались, и Бошняк отпустил ожидавшего его жандарма и подал благоприятное для Пушкина донесение. Однако освобождение от ссылки задерживалось. Только через месяц после казни декабристов последовало распоряжение Николая I о доставке Пушкина в Москву, где царь находился для коронации. Пушкина затребовали в Псков, откуда в сопровождении фельдъегеря он был отправлен в Москву для представления Николаю. В Москву Пушкин прибыл 8 сентября 1826 года и прямо с дороги был доставлен во дворец Николаю.

На этом свидании была решена дальнейшая судьба Пушкина. Годы ссылки в Михайловское окончились.

Как уже сказано, в Михайловском Пушкин работал с особым подъемом. Кроме перечисленных произведений, он написал много стихотворений, среди них такие крупные, как второе послание к цензору, «Андрей Шенье», «Я помню чудное мгновенье», «Жених», «19 октября» («Роняет лес багряный свой убор»), «Сцена из Фауста», «Песни о Стеньке Разине» и, наконец, «Пророк» — стихотворение, с которым он уехал из Михайловского в Москву.

К тому же 1825 году относятся разные критические наброски, затрагивающие важные вопросы современной литературы. Две критические статьи Пушкин напечатал в «Московском телеграфе» — журнале Николая Полевого, выходившем в свет начиная с 1825 года. Критические наброски этого времени дополняются его письмами тех же лет; в этих письмах вопросы литературы занимают большое место.

Каждое из названных стихотворений связано с размышлениями Пушкина о значении поэзии, о роли поэта вообще и о своей творческой судьбе в частности. Так, большая «историческая элегия» «Андрей Шенье» имеет неприкрытый автобиографический смысл: Пушкин в своих письмах говорил об иносказательности этой элегии. Под видом А. Шенье в темнице Пушкин изобразил себя в ссылке. а слова, адресованные тирану, прямо обращены были к Александру. В монологе героя ставился вопрос о выборе лирического пути: быть ли поэту певцом мирных радостей жизни или борцом за свободу и правду против тирании. Поэт выбирает гражданский путь и не смиряется перед могуществом врага, так как верит, что окончательная победа принадлежит свободе.

Стихотворение «Я помню чудное мгновенье» относится к тому же циклу стихотворений, в которых поэт обозревает свою прошлую жизнь. Стихи эти, конечно, больше, чем любовная элегия. В них выражен тот подъем, тот прилив сил, полнота жизни, которые Пушкин почувствовал в Михайловском:

В глуши, во мраке заточенья,
Тянулись тихо дни мои,
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

«Жених» и «Песни о Стеньке Разине» связаны с размышлениями о народности литературы, отразившимися в критических набросках того же времени. Вопрос о народности литературы стоял

среди центральных вопросов в русской критике. Явления застоя в русской литературе некоторые критики ставили в непосредственную связь с «безнародностью» вкусов читателей и читательниц дворянского круга. От национального направления в русской литературе ждали и расцвета литературы и развития литературного языка. Вопрос этот подымался в литературной критике и в общей форме и при обсуждении частных вопросов, например при сравнении басен Крылова, обладавшего в высшей степени качеством народности, и басен Дмитриева с их салонной светскостью. При этом рекомендовалось несколько рецептов, которые Пушкин отвергал. Он считал, что подлинная народность заключается не в выборе специфически русской темы, не в механическом сближении книжного языка с языком народных песен и сказок, а в отражении народного духа в художественных произведениях, которые бы делали литературу особенно понятной и близкой для русского читателя, а главное — в постановке и разработке важных культурных философских и политических вопросов, которые бы отвечали на духовные запросы читателей. Именно в значительности тем, поднимаемых в литературе, Пушкин видел путь к ее национальному возрождению и развитию. Однако в связи с тем же вопросом о народности Пушкин обращается к изучению быта, песен и сказок крестьян, не довольствуясь теми, какие ему пела и сказывала Арина Родионовна, но собирая и записывая песни в ближайших деревнях, посещая Святогорскую ярмарку и слушая там пение слепцов (откуда и пошли упоминавшиеся слухи о пропаганде среди крестьян). Этот интерес к народной поэзии сказался и в его собственных произведениях. «Жених» является первым опытом стихотворной сказки, написанной в духе русских народных сказок. Знаменателен выбор сюжета для песен: Степан Разин, «единственное поэтическое лицо русской истории», как Пушкин назвал его в письме к брату.

«Пророк» представляет собой законченную обработку темы, поставленной еще в «Подражаниях Корану», — о проповеднической роли поэта — глашатая великих человеческих истин. Общественный долг поэта является темой ряда подражаний. Подобно тому как в 1824 году Пушкин для этого воспользовался образами Корана, так в «Пророке» тема развита из нескольких библейских стихов, в которых, впрочем, совпадает с пушкинским стихотворением только внешний образ ангела с горящим углем, найденный им в книге пророка Исайи.

Основным трудом Пушкина в 1825 году было создание трагедии «Борис Годунов». Как свидетельствует сам Пушкин, замысел трагедии возник при чтении недавно вышедших томов «Истории

Государства Российского». Пушкина поразило то, что события начала XVII века так тесно связаны с политическими вопросами нового времени, являются историческим примером, еще свежим и живым в обстановке XIX века. В событиях прошлого можно было увидеть такую же борьбу за власть, как и в новое время, так же остро стоял вопрос о роли народа и народных движений при смене власти, так же стоял вопрос о народном мнении и народном суде. И Пушкин выбрал эту тему именно из-за тех параллелей, какие явственно выступали при сравнении прошлого с настоящим. Однако историческую тему Пушкин обработал в «Борисе Годунове» совсем не так, как он обрабатывал подобные темы ранее. Собственно говоря, подлинно историческая тема ранее не затрагивалась Пушкиным. Он обращался к прошлому за своеобразным и традиционным колоритом в «Руслане и Людмиле»; сказочный сюжет этой поэмы исключал подлинно историческое изображение прошлого. Романтический период менее всего содействовал историзму в художественном произведении, что мы видим на примере «Бахчисарайского фонтана», в котором легендарный сюжет изображен на фоне обобщенного «восточного колорита», без всякого обращения к прошлому ханского Крыма, так что мы даже не можем сказать, в каком веке всё это происходит. Романтический герой рассматривался вне породившей его среды. Писателя-романтика не интересовал исторический генезис романтического характера. Романтизм искал в прошлом только красочных, живописных деталей, контрастировавших современной обыденности. Следовательно, для поэм Пушкина, писанных на юге, историзм был органически чужд.

К исторической теме подходил Пушкин в неоконченных поэме и трагедии о Вадиме. Но, несмотря на краткость дошедшего до нас текста трагедии, нетрудно увидеть в ней модную в начале XIX века манеру исторического маскарада, когда из истории брались только имена и положения, а на сцену выводились под весьма прозрачной маской современники автора, говорившие современным языком о современных вещах.

Иное отношение к исторической теме находим мы в «Борисе Годунове». Пушкин задался целью изобразить подлинную историческую действительность. Но изображая прошлое, Пушкин исходил из особого понимания исторического течения жизни народов. Он писал: «Все мятежи похожи один на другой». В мятежах царствования Бориса Пушкин увидел ту же народную стихию, которая и в его дни влекла народ к мятежам. Те же страсти, которые видел он в действиях современных ему представителей власти, одушевляли, по его мнению, и Бориса и Димитрия в их борьбе за московский пре-

стол. В понимании исторических событий прошлого еще заметна та точка зрения, что человечеству вечно свойственны одни и те же страсти. Поэтому, несмотря на стремление к исторической верности, Пушкин в речи действующих лиц вложил некоторые суждения о народе, о борьбе за власть, которые он применял к своему времени. Вообще, главное в трагедии Пушкин видел в истинности характеров, которые он строил не только на основании изучения исторических документов, но и на основании собственных жизненных наблюдений.

Подобное же отношение к историческим фактам, интересным только по их аналогии с настоящим, мы встретим в романе «Арап Петра Великого» и в поэме «Полтава».

Со времени создания «Бориса Годунова» историзм в том или ином понимании становится неотъемлемым качеством реализма.

Первоначально Пушкин предполагал вслед за «Борисом Годуновым» написать еще несколько пьес из того же времени («Василий Шуйский», «Дмитрий и Марина»), но в дальнейшем оставил эти замыслы. Но уже в Михайловском у него возникли сюжеты психологических драм, осуществленные им только через пять лет, осенью в 1830 году в Болдине.

Значительно продвинул в Михайловском Пушкин свою работу над «Евгением Онегиным». В Михайловское Пушкин приехал с неполными тремя главами романа (кончая письмом Татьяны). В Михайловском он завершил третью главу и написал еще три, кончая шестой. Жизнь в деревне дала много наблюдений, помогавших поэту в его работе над деревенскими сценами. До этого времени изображаемый в романе быт Пушкин описывал по воспоминаниям. Начиная с конца третьей главы он писал по непосредственным наблюдениям, и суммарные, беглые характеристики заменяются точными картинами изображаемого, с характерными подробностями.

На тех же деревенских наблюдениях построена и маленькая сатирическая поэма «Граф Нулин», в которой Пушкин, по его признанию, хотел пародировать историю, перенося легенду о Тарквинии и Лукреции в современную обстановку и видоизменив развязку.

В МОСКВЕ И ПЕТЕРБУРГЕ (1827—1828)

Свидание Пушкина с Николаем I окружено было некоторой таинственностью. Однако кое-какие отрывочные известия об их беседе до нас дошли. Известно поведение Николая I во время допроса декабристов. Он проявил себя способным следователем, умело

овладевающим психологией допрашиваемого, и хорошим актером, чтобы своей игрой произвести на подсудимого нужное впечатление: когда нужно, разыгрывал комедию, роль грозного и непреклонного, карающего правосудия и, запугав этим методом подсудимого, добивался выдачи сообщников; в других случаях Николай умел обольщать благосклонностью, выражая почти полное единомыслие и самое милостивое и дружелюбное отношение и вызывая, таким образом, на наивную и искреннюю откровенность, необходимую для успешного следствия. С Пушкиным он решил действовать вторым способом, так как сразу заметил в нем редкую впечатлительность и прямодушие, склонное к доверчивости. Он несколько не смутился, услышав от Пушкина, что если бы он оказался в Петербурге 14 декабря, то стал бы в ряды восставших. Он сделал вид, что понимает Пушкина, и порадовался, что случайность избавила Пушкина от такой неприятности. Он спросил поэта, почему он так мало печатает, и, услышав жалобы на цензуру, предложил собственные услуги, вызвавшись быть цензором всех произведений Пушкина. Затем Пушкину было сообщено, что он свободен, а посредником между ним и царем будет шеф жандармов начальник политического сыска генерал Бенкендорф. На этом царь и поэт расстались. Поэт был в восторге от полученной свободы, от встречи с друзьями, от того приема, который оказала ему Москва, и не слишком задумывался о будущем. Царь был доволен, что ему так легко было приручить и обуздать беспокойного поэта и явиться вместе с тем перед миром в ореоле покровителя российской поэзии в лице ее крупнейшего представителя. Оставалось только подчинить своей воле и перо Пушкина.

Нельзя, конечно, отрицать, что Пушкин в какой-то мере, хотя бы только в первое время, поддался обольщению Николая. Но не только личным воздействием царя объясняется избранная им политическая линия, выразившаяся в стихотворениях «Стансы» и «Друзьям» и наложившая свою печать на ближайшие к освобождению произведения. Здесь следует считаться и с оценкой положения и соотношения политических сил. Поражение декабристов казалось Пушкину неизбежным, так как он считал совершенно несоизмеримыми силы правительства и те, которыми располагал дворянский заговор. несоответствие целей и средств к их осуществлению было причиной поражения декабристов. После расправы правительства с декабристами общество было обезглавлено. Единственной политической силой в России Пушкину казалось правительство, а отсюда вытекало, что единственным средством воздействия на ход дел было воздействие непосредственно на правительство. К этому присоеди-

нялись и некоторые иллюзии насчет возможной политики Николая. Реакционный характер его управления не сразу проявился. Наоборот, некоторые факты истолковывались как признаки новой, более прогрессивной программы действия. Такова была отставка Аракчеева, изменение внешней политики (в частности, по отношению к Греции, борющейся за национальное освобождение), учреждение комитета с неясными функциями, но внушавшего надежду на возможность реформ, и т. д.

Пушкин считал своим долгом как бы предстательствовать перед царем, говорить от имени народа, толкая правительство на путь преобразований. Кроме того, он не терял надежды, что путем такого воздействия на правительство удастся добиться возвращения сосланных декабристов. Поэтому он писал одновременно и «Стансы» Николаю и послание в Сибирь. Нельзя сомневаться в искренности Пушкина, не видевшего никакого противоречия между этими двумя стихотворениями. Пушкин выражал преклонение перед «высоким стремленьем дум», руководившим декабристами, т. е. заявлял свое единомыслие в политических идеалах. В прозрачно аллегорическом стихотворении «Арион» он изображал себя как единственно уцелевшего из всех пловцов, бывших на челне, разбитом бурей. Но здесь же он писал о неизменности своих убеждений:

Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою...

Между тем личное положение Пушкина было вовсе не таким блестящим, как об этом можно было предполагать после его свидания с Николаем. Надзор со стороны Бенкендорфа был весьма стеснителен. На каждую поездку Пушкин должен был испрашивать разрешения. Каждое, даже непреднамеренное нарушение неписанных правил поведения навлекало на Пушкина выговоры. Царская цензура превратилась в требование не только ничего не печатать без представления Бенкендорфу, но даже не читать своим друзьям без предварительного разрешения Николая (так на стихотворение «Друзьям» была наложена резолюция, по которой это стихотворение нельзя было печатать, но разрешалось сообщать в рукописи). «Борис Годунов», на которого Пушкин возлагал большие надежды, был запрещен, причем решение царя последовало на основании секретного отзыва Булгарина. А здесь Пушкина постигли новые и крупные неприятности. Еще до его отъезда из Михайловского в руки полиции попало стихотворение за подписью Пушкина с названием

«На 14 декабря». Это был отрывок из элегии «Андрей Шеньев», в котором говорилось о событиях Французской революции; отрывок этот был цензурой исключен из элегии и получил распространение в списках; кому-то пришло в голову приписать к нему заглавие, хотя оно находилось в явном противоречии с содержанием. Дело пошло по разным судебным инстанциям, причем Пушкину пришлось давать показания и разъяснения. В результате дело закончилось в Государственном совете учреждением секретного полицейского надзора за Пушкиным (28 июня 1828 года). Вскоре после этого началось новое дело, по жалобе митрополита, которому доставлена была кощунственная поэма «Гавриилиада», написанная Пушкиным в Кишиневе. Снова пошли допросы, на которых Пушкин отрекался от поэмы, но ему не верили. Дело кончилось, когда Пушкин написал лично Николаю I. До нас это письмо не дошло, но по косвенным данным можно утверждать, что оно заключало в себе признание Пушкина, и, следовательно, прекращение дела было обставлено как милостивое прощение, связывавшее Пушкина обязательной признательностью за такую милость.

Пушкин проводил время то в Москве, то в Петербурге. Но ни в той, ни в другой столице он не находил близкого ему круга друзей. Не многие уцелели от разгрома 1825 года. И Пушкин неоднократно просился в какую-нибудь далекую и длительную поездку. Каждый раз он получал решительный отказ.

Началась русско-турецкая война, которую рассматривали как войну освободительную, так как решалась судьба восставшей Греции. Пушкин и Вяземский просились в армию. Им было отвечено, что в армии свободных вакансий нет. На просьбу Пушкина отпустить его на полгода в Париж последовал снова отказ. В конце года, при встрече с Бенкендорфом, Пушкину удалось получить устное разрешение на поездку на Кавказ. В действительности Пушкин собирался посетить Тифлис. Это сложное по тем временам путешествие Пушкин предпринял в начале 1829 года

В первые годы после возвращения из ссылки у Пушкина появились новые знакомства и новые литературные связи. Так, в Москве он сблизился с молодой группой «любомудров», поклонников немецкой философии. Пушкин совершенно не разделял их философских взглядов, но видел в них живую, талантливую молодежь и заключил с ними временный журнальный союз. Некоторым из «любомудров» не чужды были радикальные политические взгляды. «Любомудры» (Шевырев, Веневитинов, И. Киреевский и др.) организовали новый журнал «Московский вестник», во главе которого стал М. Погорин. В этом журнале Пушкин принял деятельное участие, так как

надеялся руководить его направлением. Однако вскоре обнаружилось, что сотрудники журнала слишком во многом расходились с Пушкиным. Кроме того, и журнал принял характер личного органа М. Погодина. Пушкин стал задумываться над созданием своего печатного органа, в котором он мог бы объединить близких ему писателей и проводить свои литературные и политические идеи. Это лишь отчасти было осуществлено в 1830 году изданием «Литературной газеты» под редакцией А. Дельвига.

Среди знакомств Пушкина в эти годы следует особенно отметить знакомство с великим польским поэтом Мицкевичем. С ним Пушкин познакомился в Москве после приезда из Михайловского, затем продолжал знакомство в Петербурге, а последний раз виделся в Москве в марте 1829 года на завтраке у Погодина. Вскоре Мицкевич уехал за границу и после революции 1830 года уже не возвращался в Россию, оставаясь в Западной Европе в качестве политического эмигранта.

Пребывание Мицкевича в Москве и в Петербурге было не добровольным. Он был выслан из Вильны в 1824 году за участие в польском национальном кружке. И общность судьбы и поэтические интересы сблизили Пушкина и Мицкевича. К этому времени относится известность Крымских сонетов Мицкевича, упоминаемых в «Евгении Онегине», и его поэмы «Конрад Валенрод», начало которой перевел Пушкин. Мицкевич присутствовал на чтениях «Бориса Годунова»; Пушкин рассказывает об импровизациях Мицкевича, поражавших слушателей.

Хотя судьба и разделила поэтов, они не переставали уважать друг друга. Пушкин и позднее переводил стихи Мицкевича («Будрыс и его сыновья», «Воевода»), Мицкевич напечатал проникновенный некролог после смерти Пушкина и дал высокую оценку его поэзии в своих лекциях в Париже.

В годы 1827—1829 Пушкин писал меньше, чем в Михайловском. Заметно уменьшилось количество законченных лирических стихотворений, хотя среди них имеются и «капитальные» (по собственной терминологии Пушкина): «Череп», «Чернь» («Поэт и толпа»), «Утопленник», «Воспоминание», «Анчар», а в конце 1829 года цикл стихотворений, связанных с поездкой на Кавказ. В лирике этих лет преобладают пессимистические настроения, недовольство и самим собой и окружающим обществом («Воспоминание», «Чернь»). Пушкин чувствует, что его преследует недоброжелательное непонимание со стороны различных слоев общества, готовых поверить в любую клевету. Так, в стихотворении «Стансы» увидели простую придворную лесть, в то время как сам Пушкин видел в этом стихотво-

рении прямое указание на пример Петра и на необходимость прощения декабристов. Ответом на обвинения явилось стихотворение «Друзьям», в котором политическая программа Пушкина изложена с достаточной ясностью. Противопоставляя себя льстецу, Пушкин говорит об ограничении державных прав, т. е., в переводе на политический язык, о конституционном правлении с народным представительством, говорит о народе и естественном праве (т. е. об уничтожении крепостного строя) и о просвещении, иначе говоря, формулирует ту программу, за которую боролись декабристы. Но уже Пушкин не уверен в том, что голос его будет услышан; он предвидит победу льстеца и заключает стихи мрачным предсказанием:

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А богом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

Не следует забывать, что незадолго перед тем по поводу представленной Пушкиным записки о воспитании Бенкендорф точно формулировал взгляды Николая I на просвещение: «Правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия... Нравственность, прилежное служение, усердие предпочесть должно просвещению неопытному, безнравственному и бесполезному» (23 декабря 1826 года).

В 1827 году Пушкин задумал исторический роман из петровской эпохи, в котором центральным лицом был Абрам Ганнибал, предок поэта. Роман этот остался неоконченным, и Пушкин напечатал из него только два отрывка. Написанное Пушкиным было полностью напечатано уже после его смерти под названием «Арап Петра Великого». Интерес романа состоял в возможных параллелях между эпохой реформ Петра и новым царствованием. Пушкин показывал победу Петра над стихиями, выразившуюся в постройке новой столицы на Неве. Молодая Россия Петра была изображена в контрастном противопоставлении упадающей Франции эпохи Регентства, когда старое общество неизбежно приближалось к революции. В самой России Пушкин оттенил борьбу нового, создаваемого Петром и его сотрудниками, и старого, изображенного в лице боярства, с враждебным недоверием наблюдающего ломку прежнего уклада жизни.

Тема Петра дала Пушкину материал и для новой поэмы — «Полтава», написанной в короткий срок в 1828 году. Это была первая историческая поэма Пушкина. Задумана она была не без ана-

логий с современностью. Русско-турецкая война, носившая освободительный характер по отношению к народам, находившимся под властью турок, имела некоторую аналогию со шведской войной Петра. Эта аналогия была подчеркнута в предисловии к первому изданию поэмы, в котором говорилось, что Полтавская победа обеспечила успех внутренних реформ Петра.

Новая поэма Пушкина значительно отличалась от предшествующих. По своему высокому тону она могла бы стать в ряд с южными поэмами. И действительно, она напоминала их некоторыми своими деталями, например пейзажными описаниями, подробностями отдельных сцен (сцена появления при луне безумной Марии в третьей песне и др.). Но весьма существенно и отличие «Полтавы» от романтических поэм: отсутствие лирического героя и отсюда иное соотношение повествователя и действия. В романтической поэме субъективность рассказа выражалась в открытом сочувствии центральному герою, что сближало лирический тон рассказа с монологами героев. В «Полтаве» рассказ носит объективный характер, и рассказчик не вмешивается в действие, оставляя за собой только исторические оценки и приговоры. Правда, он часто имитирует голос действующих лиц, говоря о них их тоном, но это является только манерой рассказа, а не знаком сходства в чувствах и переживаниях.

Новая манера позволила Пушкину назвать «Полтаву» «совсем оригинальным сочинением». Между тем поэма эта, вышедшая в свет в начале 1829 года, не имела успеха. Вообще в критических оценках новых произведений Пушкина на страницах журналов всё чаще встречается осуждение, чего почти не было в середине 20-х годов. Эта враждебная критика, далеко не всегда искренняя и часто недобросовестная, вызывала в Пушкине сопротивление. Пушкин всё настойчивее возвращается к теме независимости поэта и его права пренебрегать мнением толпы.

Продолжал Пушкин работать и над «Евгением Онегиным». За годы 1827—1828 им написана глава седьмая, причем план ее сильно видоизменялся в процессе работы над ней. Кончил он ее в ноябре 1828 года.

ПЕЗДКА В ЭРЗЕРУМ. ВОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ (1829—1830)

В марте 1829 года Пушкин получил подорожную до Тифлиса и выехал из Петербурга в Москву, чтобы направиться дальше. Одновременно Бенкендорф послал распоряжение об учинении полицейского надзора за Пушкиным на местах, куда он направлялся.

Позднее Пушкин так объяснял свою поездку в Тифлис (в предисловии к «Путешествию в Арзрум»): «Мне хотелось туда съездить для свидания с некоторыми из моих приятелей и с братом, служившим в Нижегородском полку». Нетрудно расшифровать, о каких приятелях говорил Пушкин. В первую очередь это, конечно, командир Нижегородского полка Н. Раевский-младший. Но, кроме него, это были декабристы, служившие в кавказских войсках. Некоторых Пушкин назвал в путевых записках. Это — Вальховский, товарищ Пушкина по Лицею, Михаил Пущин, Н. Семичев, И. Бурцов. Кроме того, Пушкин виделся в армии с декабристами, разжалованными в рядовые, чем навлек на себя неудовольствие Паскевича.

Поездка в армию подробно описана Пушкиным в его «Путешествии в Арзрум». Двинулся он в путь из Москвы в начале мая, когда установился летний путь после весеннего бездорожья. По пути сделал крюк, чтобы заехать в Орел к Ермолову, жившему там в отставке. Прибыв на Северный Кавказ, Пушкин посетил Минеральные воды, где в 1820 году он провел два месяца, затем пересек хребет по Военно-грузинской дороге и прибыл в Тифлис, когда армия уже двинулась в поход и находилась в Карсе. Здесь ему пришлось дожидаться разрешения на дальнейшую поездку. О поездке в Тифлис, а тем более далее Тифлиса Пушкин, видимо, не говорил с Бенкендорфом, что и было после возвращения Пушкина в Петербург причиной очередного выговора за самовольные поступки. По получении разрешения от Паскевича Пушкин направился далее, но в Карсе армии не застал. Он догнал ее уже на Саганлугском перевале, где армия расположилась лагерем, а затем следовал за армией в ее движении до Эрзерума (в транскрипции Пушкина — Арзрум).

Из армии Пушкин выехал 21 июля и после трехнедельной остановки на Горячих водах направился в Москву, куда и прибыл в сентябре. В Петербург приехал в ноябре и здесь был одним из главных организаторов «Литературной газеты». Решено было издавать ее при содействии сотрудников альманахов А. Дельвига «Северные цветы». Во главе газеты стал А. Дельвиг, а его помощником был О. Сомов, человек без своих мнений, но опытный в журнальной работе, перед этим работавший у Ф. Булгарина, но разошедшийся с ним. Пушкин был ближайшим сотрудником газеты. Программа газеты была урезанной: политика из нее совершенно исключалась. Газета выходила раз в пять дней. При таких условиях газета не могла иметь большого успеха, так как существовала другая газета — «Северная пчела», издававшаяся Ф. Булгариным; эта газета выхо-

дила чаще (три раза в неделю), и в ее программу входили политические и иные сообщения. «Северная пчела» была официальным органом, а ее редактор был известен как человек бессовестный, корыстный, не брезгавший доносами, если надо было навредить конкуренту. Когда-то близкий знакомый Рылеева и Грибоедова, в годы после событий 14 декабря он стал продажным казенным писакой, содействовавшим тайной полиции в истреблении крамолы. Естественно, что он стал яростным противником «Литературной газеты», а вместе с тем и Пушкина, которого он считал главным вдохновителем газеты. Он начал помещать в своей газете пасквилы на Пушкина, на которые Пушкин ответил заметкой о Видоке, где под видом отзыва о записках начальника парижской сыскной полиции дал уничтожающую характеристику Булгарина как доносчика и бездарного писателя. Еще раз он вернулся к той же теме в стихотворении «Моя родословная».

Издавать «Литературную газету» приходилось в трудных обстоятельствах. Пушкин и его друзья были окружены недоброжелателями. Так, в лагерь противников Пушкина перешел Н. Полевой, издатель «Московского телеграфа»; окончательно разошелся Пушкин и с «Московским вестником». Впрочем, журнал этот, не имевший успеха у читателей, прекратился в этом же 1830 году. Осенью 1830 года Булгарину удалось нанести «Литературной газете» удар: по его доносу Бенкендорф запретил газету за помещение французского четверостишия Казимира Делавиня, посвященного революционным событиям во Франции. Правда, влиятельные знакомые Дельвига убедили Бенкендорфа в неосновательности запрета, но так как распоряжение было сделано от имени Николая I, то просто отменить его сочли неудобным. Газета была возобновлена, но с тем, чтобы официально ее редактором впредь считался не Дельвиг, а О. Сомов.

В 1830 году произошли крупные политические события. Борьба либералов во Франции с реакционным правительством Карла X, до тех пор ограничивавшаяся борьбой парламентской, внезапно обострилась. Попытка Карла X произвести государственный переворот вызвала в Париже восстание, продолжавшееся три дня и завершившееся полной победой восставших. Карл X удалился в Англию, на его место был избран Луи Филипп Орлеанский, реакционные министры были отданы под суд, и власть перешла в руки либерального лагеря. Тем самым Франция вышла из группировки реакционных правительств, и дело Священного союза окончательно пало.

Важны были последствия Июльской революции. Либералы по-

спешили закончить революционные действия, поделив власть между членами своей партии, но события трех дней разбудили революционные силы, с которыми не так легко было справиться. Собственно, с 1830 года рабочее движение во Франции приобретает революционный характер. С этого же времени социалистические идеи получают широкое распространение.

Революция во Франции послужила сигналом к революционным вспышкам в других странах. По Европе прокатилась новая волна революций: в сентябре началась революция в Бельгии, закончившаяся отделением Бельгии от Нидерландов. В конце ноября 1830 года вспыхнуло восстание в Варшаве, в результате которого русские войска покинули Польшу и началась длительная война, закончившаяся 26 августа 1831 года победой войск Николая. Варшава была взята русскими войсками.

Польская война происходила при сложных и трудных условиях внутренней жизни страны. Волнения крепостного крестьянства, никогда не затухавшие совершенно, в 1830 и 1831 годах разгорелись с новой силой в связи с мероприятиями, вызванными холерной эпидемией, надвинувшейся на Россию с востока. Эти меры — таможенные заставы, прекратившие сообщение между разными губерниями, — тяжело отразились на экономике крестьянства, что превысило меру терпения крепостного мужика, и повсюду начались «холерные волнения» и бунты. Всем было ясно, что холера была лишь поводом для этих бунтов, подлинная причина которых была в невыносимых условиях крепостных отношений.

Осенью 1830 года Пушкин оказался в далекой деревне, в Болдине. Холерные заставы отрезали его от Москвы, и он пробыл в деревенской глуши с начала сентября до конца ноября, т. е. почти полных три месяца.

Причина поездки в Болдино была связана с обстоятельствами его личной жизни. Пушкин, давно желавший переменить холостой образ жизни на семейный, после нескольких неудачных попыток наконец нашел то, что искал, в лице молодой москвички Натальи Гончаровой. Он сватался к ней еще до поездки в Закавказье, но тогда получил неопределенный ответ. В 1830 году дело пошло успешнее, но родители невесты потребовали прежде всего представления официальной справки от Бенкендорфа, что Пушкин не находится под полицейским надзором. На просьбу Пушкина Бенкендорф прислал ему письмо в этом смысле, хотя в действительности такой надзор за Пушкиным существовал. Далее началась торговля о денежном обеспечении невесты. Так как Пушкин свободными деньгами не располагал, то для получения необходимых сумм

была проделана следующая операция: отец Пушкина передал ему во владение часть нижегородского имения Кистеневку, недалеко от Болдина, где находился барский дом. Это имение после ввода во владение Пушкин заложил. Для этих дел необходимо было присутствие Пушкина на месте. Длительная жизнь в Болдине в тяжелые холерные дни, посещение тех учреждений, в которых приходилось выправлять документы по вводу во владение имением, — всё это познакомило Пушкина с такими сторонами крепостного быта, к каким он не присматривался во время ссылки в Михайловское. Отсюда характерные для этого времени и позднейших лет заметки Пушкина, отразившие его размышления о крепостной деревне, об исторических судьбах крестьянства и помещиков. Тема крестьянской революции возникает в замыслах Пушкина именно в эти годы.

Год 1830-й во многих отношениях был годом, замыкавшим большой исторический период. Так, Июльская революция во Франции завершала революционную борьбу, начавшуюся в 1789 году, доставив окончательную победу крупной буржуазии над феодальной знатью, временно вернувшейся к власти при восстановлении монархии Бурбонов. Польское восстание знаменовало решительный этап в сложных политических отношениях польской и русской государственности со времени польских разделов. Крестьянские восстания напоминали о пугачевщине и показали, что приближается развязка в сложных отношениях крепостного уклада жизни.

Историческое значение всех этих событий толкало Пушкина на исторические размышления. Они отразились в наброске разбора второго тома «Истории русского народа» Полевого и в замечаниях на драму Погодина «Марфа посадница». Сущность размышлений сводилась к следующему: Пушкин остановился на вопросе о своеобразии русского исторического процесса в сравнении с западноевропейским; он отмечал, что в древней Руси не было того развития городов, что в феодальной Европе, а потому и не было предпосылок к тому, чтобы сложился революционный класс буржуазии; поэтому надежды на буржуазную революцию в России напрасны (таков смысл формулы: «Феодализма у нас не было, и тем хуже») и напрасно Полевой видит в древней Руси европейский феодализм «и в сем феодализме средство задуть феодализм же».

Между тем Пушкин не представляет себе будущего России без какого-то крупного переворота, равноценного по своему историческому значению буржуазной революции, уничтожившей старый порядок. Для разрешения вопроса, какие силы совершат этот переворот, Пушкин обращается к изучению истории; «ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит

ход вещей и может выводить из одного глубокие предположения, часто оправданные временем». Уверенность в близком и коренном изменении вещей особенно чувствуется в статье о «Марфе посаднице». Пушкин ставит вопрос о будущем русской драматургии. Сопоставляя системы театра придворного и народного, Пушкин явно склоняется в пользу народного (в другом месте он писал: «Я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедий Расина» и «дух века требует важных перемен и на сцене драматической»); и Пушкин указывает, при каких условиях возможна перемена в развитии драматической литературы: «Для того, чтобы могла она (народная драма) расставить свои подмостки, надобно было бы переменить и ниспровергнуть обычаи, нравы и понятия целых столетий». Мысль эта, высказанная по частному вопросу о будущем русской драматургии, имеет гораздо более общее значение: Пушкин видел, что дальнейшее развитие русской культуры, в том числе и драматической литературы, невозможно без коренного изменения русского общества.

Эти мысли Пушкина, писанные им в Болдинскую осень 1830 года, бросают свет на всё его дальнейшее творчество.

Болдинская осень отличается исключительным напряжением сил поэта. Всё, что было им ранее задумано, но не осуществлено, доведено до завершения в Болдине. Здесь он подвел итоги прошлому и наметил пути к дальнейшему. Здесь закончен главный труд его жизни — «Евгений Онегин»; здесь написаны четыре «маленьких трагедии», создан цикл прозаических рассказов «Повести Белкина», написана «Сказка о попе и о работнике его Балде», стихотворная повесть «Домик в Коломне», около тридцати стихотворений и много критических заметок, предназначавшихся для «Литературной газеты».

«Евгений Онегин», в основном оконченный в Болдине, был результатом семилетней работы. Хотя манера Пушкина за эти годы сильно изменилась, произведение это представляет собой внутренне согласованное единство во всех частях, и это несмотря на изменение его плана в процессе работы. «Евгений Онегин» явился первым реалистическим романом, в значительной степени определившим дальнейшее развитие русского романа, но уже не стихотворного, а прозаического. И широкое изображение русской жизни и герой романа открыли путь для дальнейших разработок в русской прозе подобных тем и подобных типов. За Евгением Онегиным последовал Печорин, а за ним герои Герцена, Тургенева. Онегин и его литературные потомки в общих чертах обрисовывают историю русского

общества в наиболее типических его представителях. Несколько иначе обстоит дело с идеальным характером Татьяны, одерживающим моральную победу над Онегиным. Но и Татьяна является первой в ряду типов русских женщин, изображенных русскими писателями XIX века, и ее черты в какой-то степени являются общими с другими идеальными изображениями русского женского характера.

Роман, как он был написан в Болдине, не совсем совпадает по составу с той окончательной формой, какую придал ему Пушкин в печати. Он состоял из девяти глав. Восьмую главу составляло путешествие Онегина по России. Эту главу Пушкин устранил из романа, возможно по цензурным причинам, и часть строф перенес в последнюю главу, которая в печати стала восьмой. В первом полном издании (1833) Пушкин дал извлечения из устранившейся главы в приложении к роману.

Кроме этих девяти глав, Пушкин начал (но, повидимому, не довел до конца) еще одну главу — десятую, но не для печати. В этой главе он намеревался изобразить Онегина в среде декабристов. Начал главу Пушкин с исторического обзора политических событий с 1805 года, причем дал резко отрицательную характеристику Александру. От этого исторического обзора до нас дошли только отрывочные строки. В данных отрывках любопытна не только тема — подготовка революционного движения в России, — но и самая система быстрых исторических обзоров, какие мы не раз встречаем в произведениях Пушкина начиная с этой поры. Так, летом того же 1830 года Пушкин написал стихотворение «Вельможа», обращенное к князю Юсупову. Под предлогом обзора жизни Юсупова Пушкин нарисовал в этом стихотворении картину подготовки революции во Франции (Вольтер, энциклопедисты), последние дни старого режима (двор Людовика XVI), картины революции и закончил общей характеристикой послереволюционной Европы с господством капитала и буржуазной «деловитости». В Болдине написан и другой исторический обзор, в котором под предлогом краткого обозрения истории предков поэта дан быстрый прогреб по узловым событиям русской истории от древнейших времен до последних дней. Так в исторической теме от разработки отдельных эпизодов Пушкин всё чаще обращается к историческим обозрениям, оканчивающимся характеристикой современного положения вещей. История становится ключом к познанию и осмыслению современности.

Созданный там же, в Болдине, цикл «Повестей Белкина» является первым доведенным до конца опытом прозаического

повествования. В своих размышлениях о судьбах русского литературного языка Пушкин отводил большое место прозе, полагая, что стихи могут представить интерес только для узкого круга любителей поэзии; кроме того, украшенная стихотворная речь препятствует прямому выражению мысли во всем ее богатстве. Создавая «Повести Белкина», Пушкин, повидимому, не ставил перед собою задач широкого обобщения, а просто стремился дать читателям ряд занимательных повестей, написанных без романтических прикрас, простым и ясным языком. Однако значение этих повестей, первоначально не оцененных критикой, оказалось значительным для истории русской литературы. В прямой связи с «Станционным смотрителем» находится повесть Гоголя «Шинель», а несколько позднее «Бедные люди» Достоевского. Гуманистическая основа этих повестей о простых, «маленьких» людях, без слезливой сентиментальности, унаследована была гоголевской «натуральной школой», а затем и всей русской реалистической литературой середины XIX века. В этом отношении «Повести Белкина» опередили свое время и воплотили в себе те прогрессивные тенденции развития литературы, которые получили полное развитие и воплощение уже после смерти Пушкина. Судьба «Повестей Белкина» свидетельствует о глубоком понимании исторических тенденций развития, которым обладал Пушкин и которое он отражал в своем творчестве, наталкиваясь на непонимание, а подчас и глумление современной критики.

Пушкин отказался от исключительного героя, обратился к многочисленным и разнообразным «маленьким героям»; в повестях мы встречаем и провинциального заурядного офицера, и московского ремесленника, и дворовую девушку. Простодушный мелкий помещик Иван Петрович Белкин является для этих повестей объединяющей фигурой. Простота рассказа о простых, но разных людях придала особенные черты стилю повестей; это новое направление в повествовании отразилось на дальнейшем развитии языка русской прозы: особенности этого стиля заключаются в том умении схватить и сохранить психологические особенности речи каждого рассказчика этих повестей, сделать самую речевую ткань повестей, при очень простых средствах выражения, орудием характеристики многочисленных персонажей.

К повестям, писанным в прозе, примыкает и стихотворная повесть «Домик в Коломне», где говорится о бедной окраине Петербурга и быте «маленьких людей» этого захолустья.

Эта стихотворная повесть была в основе своей полемической. Ею Пушкин отвечал критикам-моралистам (главным образом Ф. Булгарину), требовавшим от него «возвышенных» предметов и тем в

поэзии. И если романтики в свое время были смущены, встретив в «Евгении Онегине» «низкие», недостойные поэзии описания, то в тем большей степени были шокированы официальные поклонники возвышенного, прочтя петербургскую повесть Пушкина. Вызывающим было и то, что Пушкин выбрал для повествования нарочито пустячный анекдот, из которого нельзя было вывести никакого морального умозаключения. И здесь снова время оправдало Пушкина: может быть, ни одно из его произведений (кроме, конечно, «Евгения Онегина») не оставило такого глубокого следа в дальнейшей истории русской стихотворной повести, не вызвало столько подражаний и вариаций, как «Домик в Коломне».

К циклу «Повестей Белкина» принадлежит и пародическая «История села Горюхина», писанная якобы тем же самым Белкиным. Это повествование Пушкин не довел до конца, возможно учитывая цензурные трудности, сопряженные с сатирическим изображением крепостной деревни. Некоторое представление о полном содержании всей повести дает оставшийся план, схематически намечающий темы дальнейшего. План этот кончается знаменательным словом «бунт». Бунт крепостной деревни против власти помещиков и их приказчиков и должен был явиться заключительным эпизодом повествования. Замысел этот Пушкин осуществил позднее в главе «Капитанской дочки», исключенной им из печатной редакции.

Маленькие трагедии, написанные Пушкиным в Болдине, он называл иначе «опытом драматических изучений». Этим подчеркнут экспериментальный, опытный характер данных пьес. Опыт, повидимому, состоял в попытке найти пути для изображения психологического развития характеров. Надо сказать, что в повествовательных произведениях до того времени психология действующих лиц разрабатывалась в относительно слабой степени. Ограничивались обрисовкой «характера», т. е. системы мотивов поведения в его внешнем выражении. Внутренний мир раскрывался в лучшем случае в форме «размышлений», т. е. внутренних монологов героя. Того, что мы называем психологическим анализом, почти не встречалось. Мы не найдем изображения подсознательной борьбы побуждений, неясной для самого носителя этих побуждений, такого изображения, которое становится особенностью психологического реалистического романа XIX века. Именно изображение характера в его развитии, анализ психологической подосновы поступков и привлекли внимание Пушкина, но он разработал задачи психологического анализа не для повествовательной, а для драматической формы, так как издавна, еще со времен классической драматургии, именно в драме видели средство разработки «борьбы страстей» и столкно-

вения противоречивых побуждений. По литературной традиции Пушкин прибег к драматургической форме для тех психологических опытов, какими являются маленькие трагедии. Кроме «Пира во время чумы», переведенного из английской драмы Вильсона «Чумный город», остальные пьесы были задуманы задолго до их написания, повидимому еще в Михайловском в 1826 году. Пушкин избрал три характера, три страсти, воплощающие основные формы «наслаждений жизни»: искусство («Моцарт и Сальери»), любовь («Каменный гость») и власть богатства («Скупой рыцарь»). В этих пьесах мы видим противопоставление двух типов людей: с одной стороны, замкнутых в себе, эгонистически скупых, мрачных и завистливых, с другой — непосредственно отдающихся своей страсти, «праздных гуляк», вроде Моцарта или поэта любви Дон Гуана.

Холера задержала Пушкина в Болдине до последних чисел ноября, когда он сделал третью попытку прорваться сквозь заставы. Эта третья попытка увенчалась успехом. После двухдневного пребывания в карантине он наконец добрался до Москвы 5 декабря.

Уладив все дела, Пушкин обвенчался с Н. Н. Гончаровой 18 февраля 1831 года и прожил в Москве до середины мая, когда перебрался на постоянное жительство в Петербург, сперва устроившись на лето в Царском селе.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ (1831—1837)¶

Тридцатые годы характеризуются усилением политической реакции. После волны революций 1830 года и поражения польского восстания реакционный характер политики Николая I вполне определился. Всякие иллюзии у тех, кто ими обольщался, совершенно рассеялись. Николай I сделал даже попытку воскресить в иной форме Священный союз, подписав в октябре 1833 года с Пруссией и Австрией конвенцию о борьбе с революционными движениями. Для Пушкина уже не могло возникать никаких надежд на сотрудничество с Николаем. Впредь он думал уже не о том, чтобы быть услышанным царем, а о том, чтобы воздействовать на общественное мнение.

Для этого в первую очередь необходимо было иметь в своем распоряжении печатный орган. «Литературная газета» после смерти Дельвига (в январе 1831 года) превратилась в личный орган О. Сомова и быстро захирела. Издание ее прекратилось летом 1831 года. Пушкин начал хлопотать о разрешении на издание собственной политической газеты. Ему удалось получить такое разрешение в июне 1832 года, но он не сразу приступил к организации издания, а тем

временем разрешение было взято обратно. Только в конце 1835 года Пушкин получил разрешение на издание четырех томов сборника статей. Эти четыре тома и вышли в 1836 году под названием «Современник». Они приближались более к типу журнала, чем к сборникам статей. После смерти Пушкина «Современник» превратился в журнал, сперва выходявший также раз в три месяца, а с переходом его в руки Н. Некрасова — ежемесячно (с 1847 года).

Брак не принес Пушкину ожидаемого семейного спокойствия и во многом усложнил его личную жизнь. Жена была представлена императорскому семейству и стала модной петербургской красавицей. Открытая жизнь в Петербурге запутала материальные дела Пушкина, а кроме того, заставила его поддерживать тесные связи с чуждым ему миром великосветских кругов. Попытки уехать из столицы наталкивались на сопротивление жены. Пушкин числился на службе, получал жалованье и обязан был жить в Петербурге, хотя и не имел никаких служебных поручений. Николаю I казалось выгодным держать первого поэта России при себе; кроме того, царь желал, чтобы Наталья Николаевна украшала своим присутствием петербургские балы. Чтобы еще более привязать Пушкина ко двору, Николай «пожаловал» Пушкина в камер-юнкеры (низший придворный чин), что Пушкин принял как величайшее оскорбление.

До нас дошел дневник Пушкина за время с ноября 1833 до февраля 1835 года. Это вовсе не интимный дневник. Пушкин записывал в него хронику светской жизни Петербурга, выбирая те факты, которые он считал характеристичными и которые не получали отражения ни в печати, ни в документах. Однако и в такой хронике прорывались иногда подлинные чувства Пушкина. Так, в 1834 году почтовым ведомством было вскрыто письмо Пушкина к жене; в нем оказались не совсем официальные выражения во фразе, где речь шла о царях, и письмо было представлено Николаю, а тот, несколько не стесняясь, в грубой форме выразил свое неудовольствие Пушкину. В дневнике Пушкина по этому поводу читаем: «Однако какая глубокая безнравственность в привычках нашего правительства! Полиция распечатывает письма мужа к жене и приносит их читать царю (человеку благовоспитанному и честному), и царь не стыдится в том признаться — и давать ход интриге, достойной Видака и Булгарина! Что ни говори, мудрено быть самодержавным».

В петербургском «большом свете» на «сочинителя» Пушкина смотрели как на существо низшее, чуждое и чувствовали в нем врага. Личная жизнь Пушкина подвергалась пересудам. Всякие сплетни о нем распространялись со злорадством. Когда в 1834 году в Петербурге появился французский эмигрант-монархист Дантес,

вскоре усыновленный нидерландским посланником Геккереном, он оказался в числе поклонников Натальи Николаевны, а через год все уже говорили о впечатлении, произведенном Дантесом на Наталью Николаевну. Дантес писал своему приемному отцу 20 января 1836 года: «Я безумно влюблен... но что ужасно, она тоже меня любит, но сейчас нам видеться невозможно, так как ее муж возмутительно ревнив». Меньше чем через месяц он сообщал: «У нас с ней было объяснение... Эту женщину обычно считают глупенькой, но она проявила в разговоре исключительный такт, тонкость и ум... она сказала мне: я вас люблю как никогда не любила, но требуйте от меня только сердца, остальное мне не принадлежит, и я могу быть счастлива только соблюдая свой долг».

В ноябре по городу был разослан пасквиль в форме присуждаемого Пушкину «диплома ордена рога носцев», в котором в зашифрованной, но достаточно прозрачной форме намекалось, что Наталья Николаевна состоит в связи с Николаем I. Пушкин, имея некоторые основания считать Геккерена если не автором, то вдохновителем пасквиля, послал ему вызов, но дуэль не состоялась потому, что для спасения положения Дантес женился на сестре Пушкиной. Однако это была только отсрочка. Пушкин дрался с Дантесом 27 января, а 29 января (10 февраля) 1837 года он умер от полученной раны.

Последние годы многие обстоятельства отвлекали Пушкина от творчества. Однако им написано несколько больших произведений, занимающих важное место в его наследии. Сюда относится: цикл сказок, «Песни западных славян»; в прозе — «Дубровский», «Пиковая дама», «Капитанская дочка», ряд неоконченных повестей, среди них «Египетские ночи»; поэмы «Анджело» и «Медный всадник»; из драм — неоконченная «Русалка» и еще менее обработанные «Сцены из рыцарских времен» (как называли этот набросок посмертные издания). Кроме того, написана «История Пугачева», начата работа над «Историей Петра», напечатано несколько журнальных критических и полемических статей и осталось в рукописи много статей и заметок различного содержания, в том числе две статьи об А. Радищеве и его «Путешествии из Петербурга в Москву».

Новым жанром явились сказки Пушкина. Первым опытом можно считать стихотворение 1825 года «Жених». В Болдине осенью 1830 года написана «Сказка о попе и о работнике его Балде», в августе 1831 года в Царском селе — «Сказка о царе Салтане», во вторую Болдинскую осень (1833) написана «Сказка о мертвой царевне» и в третью Болдинскую осень (1834) — «Сказка о Золотом петушке». Кроме того, к циклу сказок относится «Сказка о рыбаке и

рыбке», писанная во вторую Болдинскую осень и первоначально связанная с циклом «Песен западных славян». Все эти сказки Пушкина, из которых некоторые пересказывают сказки Арины Родионовны, отражают тот интерес к устной народной поэзии, который особенно заметен у него со времени Михайловской ссылки.

К тому же разделу произведений, передающих дух и формы народной песни, относится и цикл «Песни западных славян». Хотя своим возникновением этот цикл и обязан подделке под боснийские песни, сочиненной Проспером Мериме, но Пушкин дополнил его песнями из сборника Вука Караджича и, возможно, собственными записями. Пушкин не придавал большого значения подлинности сюжета, более заботясь о верности духа и стиля, и потому свободно отходил от буквального воспроизведения французских песен Мериме, стремясь к воссозданию национального колорита, знакомого ему по сборнику В. Караджича.

Романы «Дубровский» (оставшийся неоконченным) и «Капитанская дочка» имеют внутреннюю связь. Оба они вызваны размышлениями о крестьянских восстаниях. В «Дубровском» выведен деклассированный дворянин, возглавивший крестьянский бунт. В первоначальных планах «Капитанской дочки» в центре повествования поставлен дворянин-пугачевец. «Дубровский» возник из знакомства с судебным делом, в подлинном виде перенесенном в роман (приговор суда во второй главе является точной копией судебного документа). Но Пушкин бросил этот роман ради нового замысла, в котором он ставил задачей изобразить крестьянское восстание XVIII века. Повидимому, толчком к новому замыслу послужили какие-то полученные им сведения о дворянах, служивших в армии Пугачева. Пушкин заинтересовался судьбой дворянина, покинувшего сознательно ряды своего класса. В какой-то мере он считал себя самого человеком, отчужденным от русского дворянства XIX века, и в своих планах и набросках неоднократно останавливался на судьбе дворянина, ушедшего из дворянской среды. Но основной целью нового романа было изображение самой крестьянской революции в связи с вопросом о характере будущей революции в России. На этот раз при обработке исторического сюжета он поступил совершенно иначе, чем действовал раньше, при создании «Бориса Годунова», «Полтавы» и «Арапа Петра Великого», когда он клал в основу сюжета данные чужих и обычно немногочисленных исторических трудов. И не только недостаток исторических работ о Пугачеве заставил изменить метод работы. При новом отношении к исторической теме Пушкин проявлял гораздо большую требовательность к историческим данным, на которых строилось

вымышленное повествование. Поэтому параллельно с романом Пушкин задумал и осуществил историческое исследование о Пугачеве. Не довольствуясь архивными материалами, Пушкин выехал на места событий для ознакомления с местностью и для опроса немногих еще живых свидетелей пугачевщины. Для этого он в августе 1833 года выехал из Петербурга, посетил Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург и Уральск. На обратном пути он остановился в Болдине, где прожил полтора месяца (вторая Болдинская осень), и в ноябре вернулся в Петербург. В эту осень написан «Медный всадник», «Пиковая дама», «Анджело», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Сказка о мертвой царевне» и др. Третий раз Пушкин посетил Болдино через год и провел там около месяца. В эту третью Болдинскую осень написана «Сказка о Золотом петушке», повесть «Кирджали» и, вероятно, закончен цикл «Песни западных славян». «Пиковая дама», писанная тоже в Болдине в 1833 году, имеет тесную связь с историческими размышлениями Пушкина: в ней он столкнул два поколения и вывел на сцену хищный тип «нового человека», стремящегося к быстрому обогащению любыми средствами.

Но наиболее значительным произведением 30-х годов является поэма «Медный всадник», написанная в ту же осень 1833 года. Замыслу этой поэмы предшествовала работа над другим поэтическим замыслом, над поэмой «Езерский», которую Пушкин начал еще до поездки на Урал, а затем оставил неоконченной, так как, повидимому, основные элементы замысла перешли в поэму «Медный всадник». «Езерский» начинался строфами, излагавшими историю рода Езерских, а в действительности намечавшими основные вехи русской истории. Особенно останавливался Пушкин на событиях XVIII века, на борьбе старого и нового после смерти Петра. Эти строфы оказались малопригодными для печати по цензурным основаниям, остальные Пушкин потом напечатал отдельно.

Основной идеей этих строф была история постепенного падения старого русского дворянства, с одной стороны в результате обеднения помещичьего землевладения из-за дробления имений и бесхозяйственности, а с другой стороны — под влиянием появления новой аристократии из «случайных людей», выдвинувшихся в качестве верных слуг самодержавия, особенно при Екатерине II. Борьба мелкого и крупного дворянства, судьбы петровских преобразований — вот что было предметом пушкинского рассказа. Один из таких деклассированных потомков некогда богатого и знатного рода и должен был стать героем стихотворной повести. «Езерский» был писан онегинской строфой, что предполагало дальнейший рассказ обширного размера. Но до нас дошли только начальные строфы.

Повидимому, Пушкин бросил поэму в то время, когда приступил к новому замыслу — более сжатой поэмы «Медный всадник».

Поэма «Медный всадник» подвергалась истолкованиям самого различного рода. Отчасти это объясняется тем, что за простыми событиями сюжета определенно чувствуется мысль Пушкина, заключающая в себе широкие обобщения исторического порядка. Так, вступительная часть, содержащая как бы гимн городу, построенному Петром, имеет более общий характер, чем простое описание Петербурга. Город здесь выступает как победа Петра над стихией и как символ возрожденной России. Это ясно звучит в заключительных стихах Вступления:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия.

Таким образом, и в самой поэме памятник Петра символизирует новую Россию, созданную Петром, русское государство в его поступательном развитии.

Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Исторический смысл этих слов подчеркнут ссылкой на стихи Мицкевича, который описывал памятник Петра как символ исторических судеб петровского дела. Вообще в «Медном всаднике» присутствует полемика с Мицкевичем и его поэмой «Олешкевич», в которой описывается наводнение 1824 года.

Евгений в поэме «Медный всадник» — типичный представитель деклассированного, разоренного дворянства. Он не из тех «маленьких людей», которые встречаются нас на страницах «Повестей Белкина». Это тот же герой, который был задуман для «Езерского» и пышную генеалогию которого изложил Пушкин в введении к той поэме. Евгений — жертва хода истории. Его бунт против Петра («Ужо тебе!») бессилен. Евгений гибнет. Трагедия Евгения — это

трагедия человека, обреченного самим ходом истории на уничтожение. Судьба неизбежно, но и неповинно гибнущего человека, хотя бы и ничтожного, пред торжествующим ходом истории государства — вот трагический узел поэмы Пушкина.

Николай I, читая ее, смутно понимал, что поэма может вызвать нежелательные размышления и ввести смуту в умы, а потому, поставив на рукописи множество вопросительных знаков, в конце концов запретил ее. Она увидела свет уже после смерти Пушкина, с переделками Жуковского, ослаблявшими художественную силу поэмы.

Характерным произведением, обнаруживающим направление мысли Пушкина, являются «Сцены из рыцарских времен», писанные в 1835 году. В пьесе этой схематически дана история феодализма, причем на сцену выведены представители борющихся классов: рыцарство, которому совершенно явно угрожает полное падение, богатый буржуа, стремящийся к тому, чтобы стать хозяином положения, народ, «вассалы», уже готовые к восстанию против рыцарей, хотя и не обладающие ни достаточной силой, ни достаточной организованностью. И здесь же Франц и Бертольд, которым суждено поднять народ на победу и довести дело до конца. Один — поэт, вождь восставших, другой — фантазер, искатель истины, изобретатель пороха. В плане мы встречаем фразу: «книгопечатание — та же артиллерия», цитата из одного французского публициста (Ривароля), характеризовавшего этими словами взрывчатую силу мысли (говоря об идеологической подготовке революции во Франции). Эту силу мысли, организовывающей уже готовые к восстанию силы, и хотел изобразить Пушкин в своей неоконченной и необработанной драме. При этом выбор именно поэта в качестве вождя революции, конечно, имеет и некоторый личный смысл. Пушкин не мог отделить представление о поэте (и о себе в первую очередь) от представления о проповеднике, воздействующем на народ и ведущем его за собою во имя идеалов свободы и человеческой справедливости.

За последние годы Пушкин написал лишь небольшое количество стихотворений. Среди них часто встречаются переводы, к которым он редко обращался в 20-е годы. В 1836 году Пушкин готовил цикл стихотворений на философские темы (преимущественно в связи с темой духовной независимости поэта). К последнему году жизни относится и стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный», в котором по примеру Горация Пушкин дает перечень своих заслуг, дающих ему право на жизнь в потомстве.

НАСЛѢДІЕ ПУШКИНА

Смерть Пушкина вызвала некоторое смятение в правительственной среде. Хотя все сопутствующие обстоятельства не были всем хорошо известны, однако в широких слоях общества эта смерть была воспринята не только как национальное горе, но и как результат той вражды, которую испытывали к Пушкину представители верхушки петербургского общества. Правительство опасалось шумных демонстраций народной любви к Пушкину, неприкрытого выражения ненависти к тем, кто травил поэта при его жизни. Чувства эти выразил Лермонтов в стихотворении «Смерть поэта», получившем немедленно огромное распространение в списках. Жандармы были встревожены и приняли чрезвычайные меры против всяких возможных демонстраций. Отменена была панихида, назначенная в Казанском соборе, а гроб с телом Пушкина вывезли тайно ночью и отправили в псковское имение Пушкина, где и похоронили у монастырского собора.

Правительство имело основание опасаться Пушкина. Правда, его смерть не вызвала ни восстания, ни бунта. Однако полностью оправдались его слова о нерукотворном памятнике, им воздвигнутом:

Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа...

Чувства и мысли, выраженные Пушкиным, прочно вошли в сознание позднейших поколений и стали неотъемлемой частью русской национальной культуры, придав ей свой особый характер.

Творчество Пушкина определило и дальнейшие пути развития русской литературы в ее национальном своеобразии. В той или иной мере все русские писатели, пришедшие после Пушкина, были его учениками.

Причина этого не только в исключительном мастерстве Пушкина, но и в его органическом чувстве истории. Усвоив и воплотив в своем творчестве опыт прошлого, он выразил в своих произведениях то, что сохраняло свою жизненность и для поколений, пришедших ему на смену. Искусство Пушкина состояло в том, что все элементы его произведений были гармонично подчинены мысли, вдохновлявшей поэта.

Говоря о двух французских поэтах, «истощивших свои силы в усовершенствовании стиха» и ныне забытых, Пушкин добавил: «Такова участь, ожидающая писателей, которые пекутся более о наружных формах слова, нежели о мысли, истинной жизни его, не зависящей от употребления!». Ухищрения современных ему француз-

ских романтиков Пушкин называл «гремушками и пеленками младенчества».

Уже в начале своей творческой деятельности Пушкин выдвинул принцип простоты. Сперва он писал преимущественно о прозе: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи дело другое (впрочем, в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется)». И здесь уже сказывается стремление и в стихах всё подчинить мысли, преодолеть пустые привычные темы (воспоминаниями о минувшей юности полны были модные элегии того времени).

В дальнейшем Пушкин вполне распространил на стихи то, что говорил сперва об одной прозе. В 1828 году Пушкин писал: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченного кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному». «Мы не только еще не подумали приблизить поэтический слог к благородной простоте, но и прозе стараемся придать напыщенность, поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем».

Вместе с тем Пушкин стремился к новизне в своих произведениях, полагая, что «твердить зады» не есть задача дельной литературы. Отмечая, что поэма «Полтава» есть «сочинение совсем оригинальное», Пушкин добавлял: «а мы из того и бьемся».

Касаясь своего замысла трагедии «Борис Годунов», Пушкин выражал твердую уверенность в том, «что устарелые формы нашего театра требуют преобразования». Неоднократно Пушкин говорил о необходимости образовать русскую прозу.

В своем творчестве Пушкин соединил усвоение наследия прошлого и движение к новому, смелую оригинальность. Но эту оригинальность Пушкин искал не в мелочной изобретательности, а в широком замысле произведения. «Есть различная смелость, — писал Пушкин, — иные видят смелость в отвержении или предпочтении какого-нибудь слова; жалка участь поэтов (какого бы достоинства они, впрочем, ни были), если они принуждены славиться подобными победами над предрассудками вкуса!». Подлинная смелость иная: «Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческою мыслию, — такова смелость Шекспира, Данте, Мильтона, Гете в „Фаусте“, Мольера в „Тартюфе“».

Всю жизнь Пушкин двигался вперед. Он не любил писать произведения, похожие одно на другое. Когда друзья уговаривали его написать поэму в духе «Руслана», в которой история была бы перемешана со сказкой, Пушкин, долго размышляя над планами подобной поэмы, в конце концов отказался от мысли ее написать. Развитие поэтического мастерства Пушкина сопровождалось иной резкой перестройкой его творческой манеры. Такую перестройку мы чувствуем, например, при переходе от ранней творческой манеры к новой в 1820 году; то же самое наблюдается при преодолении романтизма в 1823—1825 годах и т. д. Поэтому трудно дать сжатую характеристику поэтического мастерства Пушкина, которая годилась бы для всех периодов его творчества в одинаковой степени. Те, кто уже в лицейскую пору находят у Пушкина сложившиеся черты реалистической поэзии, вероятно не задумываются предварительно над тем, что следует называть реализмом Пушкина. Те же, кто довольствуется тем, что ищет только отдельные элементы этого реализма, понимают творческий метод не как систему, в которой все части, все элементы подчинены целому, а как собрание подобных автономных и несогласованных между собой элементов, вступающих между собой в противоречие, отнюдь не диалектическое.

У Пушкина мы можем найти одну черту, характеризующую его произведения почти от первых шагов до конца жизни. Эта черта — способность видеть, замечать и передавать в слове замеченное. Уже в лицейских стихотворениях (например, в «Городке», написанном в духе карамзинистских дружеских посланий Батюшкова, Жуковского и Вяземского) мы находим удачно подмеченные подробности, оживляющие рассказ. В стихотворении «Деревня», выдержанном в сентиментально-риторическом стиле, описания местности даны с такой точностью, что всякий посещающий Пушкинский заповедник, стоя на крыльце дома в Михайловском, легко узнает описанный в стихотворении пейзаж. Эта способность видеть, замечать и верно передавать достигает высшей степени в произведениях зрелого реалистического периода. Поэтому так живы и жизненны описания и характеристики Пушкина и так естественно развивается действие; поэтому так понятен Пушкин всякому читателю, несмотря на то, что отдельные его выражения, отдельные слова за сто с лишком лет устарели, а многие бытовые подробности уже давно отошли в прошлое и забыты. Правдивость рассказа и убедительность тона продолжают действовать на читателя.

Наиболее ценным является для нас Пушкин в своей зрелости, когда им создана та система искусства, которую он передал следующим поколениям. Резюмируя одно литературное обозрение

И. Киреевского, Пушкин употребил формулу: «Пушкин поэт действительности». Эта формула всецело принадлежит самому поэту. У И. Киреевского нечто близкое изложено в высокопарных формулах идеалистической философии с упоминанием всеобщности человеческого духа, выражением которого служит поэзия.

Определение, данное Пушкиным самому себе, дает право считать его первым реалистом в русской литературе, хотя слово «реалист» еще не было известно в русской критике (оно появилось только в самом конце 50-х годов) и Пушкин продолжал называть свои произведения романтическими.

К реалистическому искусству принадлежат произведения последних лет творческой жизни Пушкина и потому, что в них романтические характеры героев заменяются типами русской действительности, т. е. характерами, изображаемыми в неразрывной связи с социально-исторической средой, породившей эти характеры. Вместо характеров, мыслимых в любое время и в любой среде, Пушкин рисует людей, нераздельно связанных с той обстановкой, в которой они изображаются.

Реализм Пушкина строится на трех определяющих его началах: на гуманизме, на народности и на историзме.

Гуманизм свойствен всему творчеству Пушкина, а особенно начиная с 1817 года. Это — наличие в произведениях Пушкина идей человеческого достоинства, общественных прав и обязанностей, вызывающих особенное моральное чувство, свойственное поэту. Об этом писал Пушкин в предсмертных стихах:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал.

О происхождении гуманистических идей Пушкин писал в одну из лицейских годовщин, провозглашая тост за Куницына:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

Независимо от вопроса, насколько Пушкин обязан этими идеями лично Куницыну и его лекциям, мы можем утверждать, что гуманизм Пушкина имеет теснейшую связь с тем, что говорилось на лекциях естественного права, что было записано в Зеленой книге

Союза благоденствия, что вдохновляло на борьбу современников Пушкина. Это были просветительские идеи, унаследованные у предшествующего поколения в лучших его представителях. Эти идеи вдохновляли революционно настроенных дворян, и Пушкина в том числе, на отказ от классового и сословного своекорыстия (что еще не обозначает отказа от классового самосознания) и побуждали жертвовать жизнью в борьбе за благо народа.

Пушкин в полемике с дидактиками-моралистами иногда отрицал обязанность поэта считаться с нравственными началами. В действительности основным критерием для Пушкина всегда являлось нравственное чувство. Именно с точки зрения чести и морали Пушкин судил своих героев в их психологическом облике и в их поступках. Если Пушкин привлекает симпатии читателей к своим героям, то основным мотивом к тому является их моральный облик, их верность своему долгу. Такова Татьяна в «Онегине», такова Маша и ее семья в «Капитанской дочке». Соединение передовых идей с моральным чувством и составляет сущность пушкинского гуманизма.

Вопрос о народности возник у Пушкина в 20-е годы в связи с литературной полемикой. Свое представление о народности Пушкин воспитал на основе того революционного патриотизма, который свойствен был декабристам. Вера в величие русского государства сочеталась у них с верой в моральные и творческие силы русского народа в его исторических судьбах. Патриотизм декабристов звал к верности своему народу, отворачивал от той безнародности, которая господствовала в светском обществе Петербурга, в значительной степени офранцуженном. Борьба за русский облик литературы, за отражение в ней национального начала, национального облика идей и чувств характерна для литературы декабристов. Пушкин вполне разделял эти убеждения декабристов, соединяя сверх того идею народности с идеей национального просвещения, без которого, по его мнению, не могло быть национальной литературы. Эти его мысли мы встречаем в его заметках и статьях 1825 года, в его письмах, где он спорил с Вяземским по поводу Крылова и т. д.

Но народность Пушкин понимал не только как сохранение национального своеобразия, стиля. В понятие народности входило и отражение чаяний, чувств и мыслей, свойственных самому широкому кругу населения. Народность литературы в понимании Пушкина строится на демократической основе, на обращении к народу в самом широком смысле слова, не только к привилегированным кругам, причастным к изысканному просвещению. Народность Пушкина заключалась в разрушении классово-ограниченности литературы, в борьбе против исключительности дворянской читатель-

ской аудитории, против расчета на восприятие салонов и «прекрасных читательниц», к которым обращались чувствительные писатели карамзинской школы. Инстинктивное стремление к народности становится у Пушкина совершенно сознательным в 1825 году и ложится в основу его критических оценок, одновременно являясь руководящим началом в собственном творчестве.

Народность Пушкина никогда не вырождалась в националистическую исключительность. Он всегда отдавал должное тому вкладу в общечеловеческую культуру, который принадлежал другим народам, и никогда не стыдился учиться у иностранцев, если находил это полезным для своей русской культуры. Точно так же с большим вниманием относился Пушкин к народной культуре других народностей России. Пушкин принадлежал к числу первых собирателей памятников народного творчества. Характерно, что он не ограничивался песнями, сказками и преданиями только русского народа. С большим вниманием он собирал и записывал сказки и песни других народов, какие ему приходилось слышать (например, грузинские и казахские). И сам он был уверен, что голос его дойдет до всех народностей, населяющих Россию:

И назовет меня всяк сущий в ней язык...

Сложнее всего развивалось у Пушкина начало историзма. Собственно, до середины 20-х годов историзм был чужд творчеству Пушкина, если не называть историзмом всякое обращение к исторической теме, всякое упоминание исторического имени или факта исторического значения. Только в реалистический период, когда изучение действительности становится необходимым для любого творческого замысла, Пушкин пристально обращается к историческим темам и историческим фактам, иллюстрирует ими свое понимание отношений современности. Но окончательно слагаются взгляды Пушкина на историю к 1830 году, когда одной из центральных тем его творчества становится вопрос о разложении феодально-дворянского (крепостного) уклада русской исторической жизни, о крестьянской революции, о падении дворянства, о возможном будущем России.

Историзм Пушкина имеет тесную связь с его народностью и чувством национальной гордости. Для Пушкина весьма важным являлось своеобразие русской истории. Известен ответ Пушкина Чаадаеву по поводу его «Философических писем»: «Я далек от того, чтобы восхищаться всем окружающим; как писатель я раздражен, как человек с предрассудками — я оскорблен, но клянусь вам честью, что ни за что на свете я бы не променял свою родину и не

желал бы иной истории, чем история наших предков, какой дало ее нам провидение» (письмо от 19 октября 1836 года).

Еще в 1829 году свою аристократическую гордость и приверженность к славе своих предков Пушкин оправдывал тем, что для него история рода сливается с историей страны. «Семейственные воспоминания дворянства должны быть историческими воспоминаниями народа» («Роман в письмах»). Однако эти аристократические притязания всегда отступали перед исторической истиной, и те страницы, в которых Пушкин старался нарисовать роль русского дворянства, превращались либо в сатиру, либо в обвинительный акт. Для Пушкина было ясно, что дворянство теряет роль ведущего класса, что замкнуто-дворянская литература уже невозможна: «Даже теперь наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, весьма малочисленны. Несмотря на то, их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия» («Путешествие из Москвы в Петербург», 1834). Пушкин как бы предвидел смену дворянского периода литературы периодом разночинцев.

Сущность исторических идей 30-х годов сводится к тому, что Пушкин твердо усвоил закономерность исторического процесса, в результате которого настоящее определяется предшествующим историческим развитием; он знал, что по историческим тенденциям, по направлению, в котором движется судьба народа, можно предугадывать хотя бы в общих чертах будущее. Пушкин верил в прогресс и окончательную победу своих общественных идеалов, поэтому он с твердой надеждой обращался к будущему, к грядущим поколениям.

В произведениях последних лет уже нет обращения к истории только ради поучительного примера, уже нет следов веры в то, что в существе человеческая природа неизменна и история являет нам постоянный круговорот, при котором одинаковые причины приводят в движение одинаковые человеческие страсти. Исторические темы, выбираемые Пушкиным в 30-е годы, рассматриваются в их генетической связи с современностью, в их движении, в том, чем они определяют дальнейшее положение вещей. Самая современная тема берется как страница истории. Особенно характерны в этом отношении «Пиковая дама» и «Медный всадник». Мало того, Пушкин уже не мыслит писателя без самостоятельных исторических разысканий. В 1831 году он предпринял труд по истории Французской революции и набросал введение, в котором рассмотрел феодальный строй Франции и те исторические силы, которые predeterminedили

его падение. Труд этот не был доведен до конца, но он был необходим Пушкину для решения вопроса о своеобразии русского исторического процесса; следом этих занятий явились позднее писанные «Сцены из рыцарских времен». Другим историческим трудом Пушкина была «История Пугачева», писанная параллельно с «Капитанской дочкой». Наконец, предметом постоянных занятий последних лет была история Петра. В поэзии она отразилась созданием «Медного всадника». Эта связь между историческими разысканиями Пушкина и его художественными замыслами так же характерна для 30-х годов, как для 20-х характерна зависимость поэтических тем от жизненных впечатлений. По темам его произведений 20-х годов мы можем вычертить карту его передвижений: Кавказ, Крым, Молдавия, деревня, Москва, Петербург. Особенно отчетливо эта связь выступает в работе над «Евгением Онегиным».

Особенностью исторических разысканий Пушкина в 30-е годы, а также его историко-публицистических размышлений, отразившихся в черновых набросках того же периода, является отчетливое представление о социальных силах, двигающих историю. Размышления эти касаются преимущественно судьбы классов, составляющих крепостную Россию, их антагонизма и борьбы. Вот почему тема крестьянской революции занимает такое большое место в его размышлениях последних лет («Капитанская дочка», статьи о Радищеве).

Предметом поэзии Пушкина являлся по преимуществу человек в его общественной жизни. В его произведениях мало самоценного описательного материала. Его описания, будь это картины нетронутой природы или улицы города, всегда оживлены присутствием человека в его деятельной жизни. И хотя жизнь оборачивалась к Пушкину далеко не всегда своей светлой стороной, а размышления его приводили часто к трагическим противоречиям действительности и будущее не всегда сулило скорое и легкое осуществление идеалов, Пушкин жизнь любил и понимал.

Жизнью и движением наполнены произведения Пушкина. В них нет неподвижных, замедляющих описаний, не подчиненных действию. Пушкин не любил пустого многословия и с самых ранних лет ставил себе задачей краткость, прозрачность, лаконизм рассказа. Особенно этот лаконизм свойствен прозе Пушкина, но в стихах действие также отличается быстротой и напряженностью. Только центральное произведение Пушкина «Евгений Онегин» уже в силу своей большой формы отличается относительной медленностью в развитии действия, перебиваемого отступлениями, которые сами по себе двигают тему, но двигают ее своеобразно, не по зако-

нам эпического рассказа, а скорее по законам лирического развития. Поэтому «Евгений Онегин» и отличается относительной сложностью построения.

Но даже и «Евгений Онегин», произведение, создававшееся в течение семи лет, перестраивавшееся в процессе писания, роман, из которого Пушкин устранял целые главы, — и этот роман в стихах поражает гармоничностью своего построения, правильностью сочетания частей и их подчинения целому. Это чувство гармонии и ясности построения не покидало Пушкина никогда. Возражая Кюхельбекеру, полагавшему, что один «восторг» может породить великое лирическое произведение, Пушкин писал: «Нет, решительно нет: восторг исключает спокойствие, необходимое условие прекрасного. Восторг не предполагает силы ума, располагающей части в их отношении к целому». В этой формуле сказалось то, что Пушкин ставил выше всего в произведении, — гармоническое соотношение частей, подчинение их единому замыслу.

Однако, ставя всегда замысел, план выше деталей исполнения, Пушкин никогда не допускал небрежности в отделке своих произведений. Даже самые строгие критики признавали несомненные достоинства стиха Пушкина. И, конечно, Пушкин не имел себе равных в легкости и выразительности стиха.

В области стихотворных размеров Пушкин не стремился к изобретению новых форм или необычных ритмов. В этом отношении многие его современники, даже гораздо менее его одаренные, превосходят Пушкина по числу различных примененных ими размеров. Достаточно напомнить стихи Жуковского или, из более близких Пушкину поэтов, Дельвига, Баратынского. У позднейших русских поэтов, например у Лермонтова, Некрасова, мы встречаем гораздо большее разнообразие размеров.

Пушкин с юных лет был верен ямбическим размерам, и четырехстопный ямб занимает самое значительное место в его стихотворных произведениях. Пушкин ввел этот размер в поэмы вместо традиционного в период классицизма александрийского стиха (шестистопного ямба) парной рифмовки. Именно под пером Пушкина четырехстопный ямб приобрел всю свою гибкость и разнообразие. После Пушкина легко было писать четырехстопным ямбом, и Пушкин в 1830 году сам жаловался:

Четырестопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить.

Тем не менее последнюю свою поэму, «Медный всадник», Пуш-

кин написал тем же четырехстопным ямбом, как наиболее выразительным стихом.

Применял Пушкин и пятистопный ямб, но реже. В «Гавриилиаде» этот стих употреблен в его классической функции, как стих шуточный, сатирический (ср. И. Крылова — письма «О пользе страстей» и «О пользе желаний»; ср. также перевод Пушкина из «Девственницы» Вольтера). В «Домике в Коломне», где этот размер применен тоже в шуточной поэме, Пушкин воспользовался традицией поэтов в октавах, идущей от великих итальянских поэтов, но в сатирическом плане утвержденной английскими поэтами (Байроном в «Беппо» и «Дон Жуане»). Но основное применение пятистопного ямба у Пушкина — в произведениях драматических. Для классицизма характерно применение в трагедиях и комедиях рифмованного александрийского стиха. Так написал Пушкин начало трагедии «Вадим». Но «Борис Годунов» писан уже нерифмованным («белым») пятистопным ямбом. Стих этот считался «романтическим», потому что им пользовались писатели, ценившие романтиками (в первую очередь Шекспир). Замечая, что «Борис Годунов» задуман как «трагедия истинно романтическая», Пушкин писал: «Почтенный александрийский стих переменял я на пятистопный белый, в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы». В другом месте он говорил о стихе своей трагедии: «Стих, употребленный мною (пятистопный ямб), принят обыкновенно англичанами и немцами. У нас первый пример оному находим мы, кажется, в «Аргивах» (Кюхельбекера); А. Жандр в отрывке своей прекрасной трагедии («Венцеслав»), писанной стихами вольными, преимущественно употребляет его. Я сохранил цезуру французского пентаметра на второй стопе — и, кажется, в том ошибся, лишив добровольно свой стих свойственного ему разнообразия». Последнее замечание относится к обязательной цезуре, которую Пушкин употреблял в пятистопном ямбе до 1830 года:

Роняет лес / багряный свой убор,
Сребрит мороз / увянувшее поле,
Проглянет день / как будто поневоле,
И скроется / за край окружающих гор.

От этой обязательной цезуры Пушкин отказался по примеру Кюхельбекера и Жандра в 1830 году, хотя и не без колебаний. В «Домике в Коломне» он писал:

Признаться вам, я в пятистопной строчке
Люблю цезуру на второй стопе.

Иначе стих то в яме, то на кочке,
И хоть лежу сейчас на канаве,
Всё кажется мне, будто в тряском беге
По мерзлой пашне мчусь я на телеге.

Маленькие трагедии и «Русалка» писаны уже пятистопным ямбом без цезуры.

Что касается шестистопного ямба (александрийский стих), то для Пушкина это был стих классицизма, и употреблял он его так, как это следовало по правилам классицизма, — в посланиях, в небольших стихотворениях и эпиграммах, отказавшись от него в драме и поэме. Исключение — «Анджело», где Пушкин обратился к александрийскому стиху, но несколько оживил его вольной рифмовкой вместо классического правила парной рифмовки. Сделал он это, вероятно, для того, чтобы придать повествованию некоторую архаичность.

Александрийский стих в романтические времена подвергся гонению. Об этом писал Пушкин в строфах «Домика в Коломне»:

...А стих александрийский?

Уж не его ль себе я залучу?
Извивистый, проворный, длинный, склизкий.
И с жалом даже — точная змея;
Мне кажется, что с ним управлюсь я.

Он вынянчен был мамкою не душой
(За ним смотрел степенный Буало),
Шагал он чинно, стянут был цезурой,
Но пудреной пиитике на зло
Растреплен он свободною цензурой,
Учение не впрок ему пошло:
Нико с товарищи, друзья природы,
Его гулять пустили без цезуры.

. . . . .
У нас его недавно стали гнать
(Кто первый — можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько всё узнать);
Он годен, говорят, для эпиграфа,
Да можно им порою украшать
Гробницы или мрамор кенотафа;
До наших мод, благодаря судьбе,
Мне дела нет: беру его себе.

Несмотря на последнее замечание, Пушкин редко обращался к александрийскому стиху.

Из других ямбических размеров чаще прочих Пушкин употреблял в ранний период короткий трехстопный ямб в стиле карамзинистских дружеских посланий («Городок» и др.):

Покамест сон прелестный
Под сенью тихих крил
В обители безвестной
Меня не усыпил,
Морфея в ожиданье
В постеле я лежу
И беглое посланье
Без строгого старанья
Предателю пишу...

(Послание к Галичу)

Следует упомянуть еще разностопный ямб, употреблявшийся преимущественно в элегиях («Погасло дневное светило» и др.).

Из хорейских размеров Пушкин применял преимущественно четырехстопный хорей. Этим размером писаны его сказки. Размер этот имеет характер народного песенного (ср. «Ах вы, сени, мои сени»); Однако встречается он у Пушкина и совсем в другой функции, в меланхолической лирике, например:

Снова тучи надо мною
Собрался в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Размеры трехсложные гораздо реже встречаются у Пушкина, чем даже у его современников. Пушкин почти исключительно обращается к этим размерам в балладных строфах, уже разработанных Жуковским. При этом наиболее ходовым размером был у Пушкина амфибрахий («Черная шаль», «Песнь о Вещем Олеге», «Будрыс и его сыновья»). Редко прибегал Пушкин к этим размерам за пределами балладных форм (например, «Последняя туча рассеянной бури»). Между тем наследники Пушкина широко пользовались подобными размерами, например Лермонтов и особенно Некрасов.

Правильные («классические») размеры доминируют в творчестве Пушкина. Однако это не доказывает, что он считал их единственно возможными в русской поэзии. С середины 20-х годов Пушкин обращается к формам народного стиха. Так написаны «Песни о Стеньке Разине», а затем и много других стихотворений, кончая циклом «Песни западных славян». При этом излюбленным размером Пушкина был именно стих «Песен западных славян» (стих женского окончания, содержащий от 8 до 11 слогов, редко больше). Опыты в такого рода стихах встречаются у Пушкина приблизительно начиная с 1827 года. Так написана «Сказка о рыбаке и рыбке» и одна из песен в «Русалке». Близкий к народному рифмованный стих раёшника Пушкин применил в «Сказке о попе и о работнике его Балде».

В своей статье «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкин по поводу замечаний Радищева, касающихся русских песен, писал: «Обращаюсь к русскому стихосложению. Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собой *камень*. Из-за *чувства* выглядит *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь*, *трудный* и *чудный*, *верной* и *лицемерной* и проч. — Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большою ученостию и сметливостию. Вероятно, будущий наш поэт изберет его и сделает народным».

Таким же уклонением от традиции правильного классического стиха были немногочисленные опыты Пушкина в воспроизведении античных размеров, преимущественно элегического дистиха (реже — чистого гекзаметра). Эти опыты совпадают по времени с появлением перевода «Илиады», сделанного Гнедичем. Однако форма элегического дистиха и некоторые метрические особенности показывают, что Пушкин основывался на опытах своего товарища Дельвига, еще в Лицее занимавшегося подражанием античным размерам. Для Пушкина элегические дистихи всегда связывались с темами античной поэзии и искусства, с которым он соединял представление о скульптуре, даже современной.

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:

Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе. . .

Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров

Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет. . .

Подобно тому как гекзаметры связывались у Пушкина с определенными темами, представлениями и настроениями, так и строфические формы являлись для Пушкина не просто ритмическим узо-

ром, украшающим построение стихотворения, но выразительным средством, так как почти с каждой строфой соединялись представления о той форме, с которой по литературной традиции связано было употребление каждой строфы. Так терцины Пушкина неизменно соединялись с представлением о поэме Данте. Строфа, построенная на чередовании четырех- и трехстопных ямбов, связана так или иначе со стихотворением Жуковского «Певец во стане русских воинов». Строфа «Сказок» («Урал в Россию скачет») воспроизводит куплеты сатирических святочных песен. Именно потому, что Пушкин обращался к строфам, уже определившимся в литературном употреблении и вызывавшим представление об определенных поэтических настроениях и темах, у Пушкина сравнительно мало новых строф. Нельзя считать новыми, например, те строфы, какие Пушкин в годы усиленного чтения английских поэтов, переносил из Бернса, Барри Корнуола или Мура в свои стихи («Обвал», «Не дай мне бог сойти с ума»). Не вполне новой является строфа «Воспоминаний в Царском селе» (одинаковая в одноименных стихотворениях 1814 и 1827 годов), так как строфа эта представляет видоизменение строфы «На развалинах замка в Швеции» Батюшкова. Из оригинальных строф Пушкина можно назвать для Лицея только «О Делия драгая», для зрелого периода — «19 октября» (1825 год; та же строфа в лицейской годовщине 1836 года). Но есть одна строфа, изобретенная Пушкиным, которая имеет особое значение, — это строфа «Евгения Онегина». Для своего романа Пушкин изобрел совершенно новую и в то же время очень простую строфу. До Пушкина никто такой строфы не употреблял (по крайней мере, до сих пор не найден прототип онегинской строфы). По своему размеру (14 стихов) онегинская строфа превосходит принятый предел строф (не выше 10—12 стихов). Такой объем позволяет в пределах строфы романа развивать самостоятельную тему. Вспомним, что более трети лирических стихотворений Пушкина не превышает 14 стихов. С другой стороны, структура строфы чрезвычайно удобна для развития темы. Строфа состоит из трех четверостиший и заключительного двестишия. Эти четверостишия построены по трем возможным типам рифмовки: первое, самое уравновешенное — перекрестное, второе — парное, третье — охватное; всё замыкает двестишие мужского окончания — форма очень сильная в качестве заключения (AbAbCCddEffEgg). Первое четверостишие заключает в себе краткую формулировку темы, два следующих, менее замкнутые, развивают тему; заключительное двестишие является обычно в афористической форме выводом из этого развития. Это, конечно, приближительная схема тематического хода онегинской строфы, от которой

Пушкин часто отступал, нарушая границы частей (при помощи так называемых «переносов»), а иногда отступая и от самой последовательности тематических элементов строфы; но в общем именно такое членение и такая последовательность типичны. Онегинская строфа давала Пушкину возможность вести рассказ в тоне непринужденной беседы с читателем, но при этом не вызвала эмоционального однообразия стихов; она позволяла легко менять тему, отходить от повествования в сторону, делать попутные замечания. В поэмах вольной рифмовки, написанных после 1825 года, намечается такая же структура тех стихотворных абзацев, на которые распадается повествование, но без соблюдения постоянства числа стихов и рифмовой структуры этих абзацев («Полтава», «Медный всадник»). Онегинскую строфу Пушкин применил еще в неоконченном «Езерском» (которого, в какой-то стадии работы, он хотел сделать продолжением «Онегина»). Лермонтов воспользовался этой строфой в «Казначейше».

Превосходство стиха Пушкина объясняется не предпочтением той или иной формы стиха и рифмовки, а тем гармоническим языком, каким эти стихи написаны, искусством сочетать с ритмической формой стиха строение фразы, создающей впечатление совершенной естественности стихотворной речи, как будто самый стихотворный ритм естественно возникает из непринужденной речи, без всякого усилия укладываемой в ритм стиха. Поэтому работа над стихом неразрывно связана была у Пушкина с общей работой над языком.

Язык Пушкина определяет собой начало новой эпохи в истории русского литературного языка. Творчество Пушкина образует исторический рубеж не меньшей значительности, чем рубежи, ознаменованные деятельностью Ломоносова и Карамзина. Пушкин вступил на творческий путь в годы жарких споров о литературном языке между лагерями карамзинистов и шишковистов. В 20-е годы споры о языке не прекращались, хотя участники были уже не те. Вопросы литературного языка постоянно поднимались критиками декабристской ориентации. Впрочем, вообще в критических статьях того времени едва ли не первое место отводилось замечаниям о языке разрабатываемого произведения.

В Лицее Пушкин был воспитан на карамзинском стиле. Он был поклонником поэтов-арзамасцев, хранивших заветы Карамзина и боровшихся с «Беседой» и Шишковым. Однако уже в первой половине 20-х годов Пушкин резко восстал против жеманства, чопорности и дворянской ограниченности слога последователей Карамзина. Но отказываясь следовать за примером Карамзина, Пушкин не хо-

тел возвращаться к слогу писателей XVIII века, воспитанных на прозе и стихах Ломоносова.

Языковая реформа Пушкина была завершена им в годы, когда он преодолел свои романтические увлечения и писал реалистические произведения. Эта реформа теснейшим образом связана с литературным направлением Пушкина; впрочем, и реформа Ломоносова выражала в теории стилей точку зрения классицизма как литературного направления, а реформа Карамзина неотделима от всей литературной системы сентиментализма.

В реформе своей Пушкин исходил из общего принципа, известного еще и сентименталистам и ими провозглашенного: принципа индивидуальности. Классицизм не знал, что такое индивидуальность в литературе, и допускал только три стиля: высокий, средний и низкий, соответственно высоты предмета. Сентименталисты утверждали, что имеется столько стилей, сколько индивидуальностей. Но они допускали в литературу, собственно, только одну индивидуальность — благовоспитанного дворянина, благородно мыслящего и чувствующего. Карамзин и его ближайшие последователи не могли выйти за пределы дворянского салона с его характерным «вкусом».

Пушкин думал о литературе, не ограниченной пределами одного сословия: он думал о национальной, народной литературе. Категории возвышенного и низкого не тяготели над ним. Он изменил «высокому» классического порядка и изяществу сентименталистов не из любви к низкому и площадному, а потому, что самое представление о красоте резко отличалось у Пушкина от вкусов классиков и сентименталистов. Пушкин научился и других научил видеть красоту в простых вещах. Это не то, что проповедовали французские романтики, провозгласившие красоту в безобразии, в гротеске. Пушкин обладал слишком здоровой натурой, чтобы находить подлинное наслаждение в извращении чувства красоты. Но его вкусы резко изменились в реалистический период. Когда-то он видел красоту только в экзотике южной природы, в ярком небе, в горном или морском пейзаже. Природа средней полосы России казалась ему серой, тусклой, убогой. Но во второй половине 20-х годов Пушкин показал в своих стихах красоту русской природы. В строфах «Евгения Онегина» проходит перед нами весь круговорот времен года и раскрыто действительное очарование северной природы. Этот перелом во вкусах выражен в известных стихах Путешествия Онегина:

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне — теперь их нет:

Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да щей горшок, да сам большой.

Даже друзья Пушкина при появлении первой главы «Евгения Онегина» недоумевали, как можно находить красоту и поэзию в таких простых, невозвышенных вещах.

Основной принцип реализма — изображение действительности в ее характерных и разнообразных чертах. И Пушкин в своей работе над языком стремился придать речи наибольшую выразительность и способность передавать всевозможные стилистические оттенки. Для этого необходимо было обогащение языка. Пушкин, не отказываясь от наследия прошлого, обратился к народной речи. Живой разговорный язык служил источником обогащения литературного языка. Знакомство с народной речью Пушкин считал необходимым, чтобы вполне владеть литературным языком. «Вслушайтесь в простонародное наречие, молодые писатели: вы в нем можете научиться многому, чего не найдете в наших журналах», —

писал Пушкин. «Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтоб видеть свойства русского языка».

Созданный Пушкиным литературный язык был в одинаковой степени далек как от ходульности и высокопарности классицизма, так и от чопорности и манерности сентиментализма. Зато он приобрел выразительность и смысловую глубину, недоступную предшественникам Пушкина.

Чернышевский так характеризовал язык Пушкина и его работу над ним: «Пушкин должен был выработать себе и язык, конечно, представлявший очень много затруднений. В самом деле, язык Пушкина чрезвычайно разнится от языка Жуковского и Карамзина. Наконец, Пушкин должен был бороться с приемами, которые введены в привычку прежними стихотворцами, он должен был отбрасывать множество употребительных в тогдашнее время выражений, которые сами собою подвергались под перо и между тем уже не годились для его поэзии. Эта борьба с устарелым слогом, уже не существующая для нас благодаря решительной победе Пушкина, должна была стоить ему многих трудов. . .»

И действительно, выработанный Пушкиным язык был унаследован дальнейшими писателями. Под пером Гоголя и наших великих реалистов прошлого века он продолжал совершенствоваться, обогащая и свой словарь и грамматические формы. Совершенствуется он и теперь, но при этом развивался и развивается в том направлении, какое указал ему Пушкин, который первый предугадал исторически неизбежный путь его развития.

Б. Томашевский

П О Э М Ы

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

Поэма

1817—1820

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Для вас, души моей царицы,
Красавицы, для вас одних
Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых,
Под шопот старины болтливой,
Рукою верной я писал;
Примите ж вы мой труд игривый!
Ничьих не требуя похвал,
Счастлив уж я надеждой сладкой,
Что дева с трепетом любви
Посмотрит, может быть, украдкой
На песни грешные мои.*

У лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несет богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою Ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!

И там я был, и мед я пил;
У моря видел дуб зеленый;
Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету. . .

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

В толпе могучих сыновей,
С друзьями, в гряднице высокой
Владимир-солнце пировал;
Меньшую дочь он выдавал
За князя храброго Руслана
И мед из тяжкого стакана
За их здоровье выпивал.
Не скоро ели предки наши,
Не скоро двигались кругом
Ковши, серебряные чаши
С кипящим пивом и вином.
Они веселье в сердце лили,
Шипела пена по краям,
Их важно чашники носили
И низко кланялись гостям.

Слилися речи в шум невнятный;
Жужжит гостей веселый круг;
Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гуслей беглый звук;
Все смолкли, слушают Баяна:
И славит сладостный певец
Людмилу-прелесть и Руслана
И Лелем свитый им венец.

Но, страстью пылкой утомленный,
Не ест, не пьет Руслан влюбленный;
На друга милого глядит,
Вздыхает, сердится, горит
И, щипля ус от нетерпенья,
Считает каждые мгновенья.
В уныньи, с пасмурным челом,
За шумным, свадебным столом
Сидят три витязя молодые;
Безмолвны, за ковшом пустым,
Забыли кубки круговые,
И брашна неприятны им;
Не слышат вещего Баяна;
Потупили смущенный взгляд:
То три соперника Руслана;
В душе несчастные таят
Любви и ненависти яд.
Один — Рогдай, воитель смелый,
Мечом раздвинувший пределы
Богатых киевских полей;
Другой — Фарлаф, крикун надменный,
В пирах никем не побежденный,
Но воин скромный средь мечей;
Последний, полный страстной думы,
Младой хазарский хан Ратмир:
Все трое бледны и угрюмы,
И пир веселый им не в пир.

Вот кончен он; встают рядами,
Смешались шумными толпами,
И все глядят на молодых:
Невеста очи опустила,
Как будто сердцем приуныла,
И светел радостный жених.
Но тень объемлет всю природу,
Уж близко к полночи глухой;
Бояре, задремав от меду,
С поклоном убрались домой.
Жених в восторге, в упоенье:
Ласкает он в воображенье
Стыдливой девы красоту;
Но с тайным, грустным умиленьем

Великий князь благословеньем
Дарует юную чету.

И вот невесту молодую
Ведут на брачную постель;
Огни погасли. . . и ночную
Лампаду зажигает Лель.
Свершились милые надежды,
Любви готовятся дары;
Падут ревнивые одежды
На царградские ковры. . .
Вы слышите ль влюбленный шопот
И поцелуев сладкий звук
И прерывающийся ропот
Последней робости? . . Супруг
Восторги чувствует заране;
И вот они настали. . . Вдруг
Гром грянул, свет блеснул в тумане,
Лампада гаснет, дым бежит,
Кругом всё смерклось, всё дрожит,
И замерла душа в Руслане. . .
Всё смолкло. В грозной тишине
Раздался дважды голос странный,
И кто-то в дымной глубине
Взвился чернее мглы туманной. . .
И снова терем пуст и тих;
Встает испуганный жених,
С лица катится пот остывший;
Трепеща, хладною рукой
Он вопрошает мрак немой. . .
О, горе: нет подруги милой!
Хватает воздух он пустой;
Людмилы нет во тьме густой,
Похищена безвестной силой.

Ах, если мученик любви
Страдает страстью безнадежно,
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но после долгих, долгих лет
Обнять влюбленную подругу,
Желаний, слез, тоски предмет,

И вдруг минутную супругу
Навек утратить... о друзья,
Конечно, лучше б умер я!

Однако жив Руслан несчастный.
Но что сказал великий князь?
Сраженный вдруг молвой ужасной,
На зятя гневом распалясь,
Его и двор он созывает:
«Где, где Людмила?» — вопрошает
С ужасным, пламенным челом.
Руслан не слышит. «Дети, други!
Я помню прежние заслуги:
О, сжальтесь вы над стариком!
Скажите, кто из вас согласен
Скакать за дочерью моей?
Чей подвиг будет не напрасен,
Тому — терзайся, плачь, злодей!
Не мог сберечь жены своей! —
Тому я дам ее в супруги .
С полцарством прадедов моих.
Кто ж вызовется, дети, други? ..»
«Я!» — молвил горестный жених.
«Я! я! — воскликнули с Рогдаем
Фарлаф и радостный Ратмир. —
Сейчас коней своих седлаем;
Мы рады весь изъездить мир.
Отец наш, не продлим разлуки;
Не бойся: едем за княжной».
И с благодарностью немой
В слезах к ним простирает руки
Старик, измученный тоской.

Все четверо выходят вместе;
Руслан уныньем как убит;
Мысль о потерянной невесте
Его терзает и мертвит.
Садятся на коней ретивых;
Вдоль берегов Днепра счастливых
Летят в клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Уж всадников не видно боле...

Но долго всё еще глядит
Великий князь в пустое поле
И думой им вослед летит.

Руслан томился молчаливо,
И смысл и память потеряв.
Через плечо глядя спесиво
И важно подбочась, Фарлаф
Надувшись ехал за Русланом.
Он говорит: «Насилу я
На волю вырвался, друзья!
Ну, скоро ль встречусь с великаном?
Уж то-то крови будет течь,
Уж то-то жертв любви ревнивой!
Повеселись, мой верный меч,
Повеселись, мой конь ретивый!»

Хазарский хан, в уме своем
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшет над седлом;
В нем кровь играет молодая,
Огня надежды полон взор:
То скачет он во весь опор,
То дразнит бегуна лихого,
Кружит, подьемлет на дыбы,
Иль дерзко мчит на холмы снова.

Рогдай угрюм, молчит — ни слова...
Страшась неведомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всех больше беспокоен он,
И часто взор его ужасный
На князя мрачно устремлен.

Соперники одной дорогой
Всё вместе едут целый день.
Днепра стал темен брег отлогий;
С востока льется ночи тень;
Туманы над Днепром глубоким;
Пора коням их отдохнуть.
Вот под горой путем широким
Широкий пересека путь.

«Разъедемся, пора! — сказали, —
Безвестной вверимся судьбе».
И каждый конь, не чуя стали,
По воле путь избрал себе.

Что делаешь, Руслан несчастный,
Один в пустынной тишине?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Всё, мнится, видел ты во сне.
На брови медный шлем надвинув,
Из мощных рук узду покинув,
Ты шагом едешь меж полей,
И медленно в душе твоей
Надежда гибнет, гаснет вера.

Но вдруг пред витязем пещера;
В пещере свет. Он прямо к ней
Идет под дремлющие своды,
Ровесники самой природы.
Вошел с уныньем: что же зрит?
В пещере старец; ясный вид,
Спокойный взор, брада седая;
Лампада перед ним горит;
За древней книгой он сидит,
Ее внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сын! —
Сказал с улыбкой он Руслану, —
Уж двадцать лет я здесь один
Во мраке старой жизни вяну;
Но наконец дождался дня,
Давно предвиденного мною.
Мы вместе сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.
Руслан, лишился ты Людмилы;
Твой твердый дух теряет силы;
Но зла промчится быстрый миг:
На время рок тебя постиг.
С надеждой, верою веселой
Иди на всё, не унывай;
Вперед! мечом и грудью смелой
Свой путь на полночь пробивай.

Узнай, Руслан: твой оскорбитель
Волшебник страшный Черномор,
Красавиц давний похититель,
Полнощных обладатель гор.
Еще ничей в его обитель
Не проникал доныне взор;
Но ты, злых козней истребитель,
В нее ты вступишь, и злодей
Погибнет от руки твоей.
Тебе сказать не должен боле:
Судьба твоих грядущих дней,
Мой сын, в твоей отныне воле».

Наш витязь старцу пал к ногам
И в радости лобзает руку.
Светлеет мир его очам,
И сердце позабыло муку.
Вновь ожил он; и вдруг опять
На вспыхнувшем лице кручина...
«Ясна тоски твоей причина;
Но грусть не трудно разогнать, —
Сказал старик, — тебе ужасна
Любовь седого колдуна;
Спокойся, знай: она напрасна
И юной деве не страшна.
Он звезды сводит с небосклона,
Он свистнет — задрожит луна;
Но против времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замков безжалостных дверей,
Он только немощный мучитель
Прелестной пленницы своей.
Вокруг нее он молча бродит,
Клянет жестокий жребий свой...
Но, добрый витязь, день проходит,
А нужен для тебя покой».

Руслан на мягкий мох ложится
Пред умирающим огнем;
Он ищет позабыться сном,
Вздыхает, медленно вертится...

Напрасно! Витязь наконец: -
«Не спится что-то, мой отец!
Что делать: болен я душою,
И сон не в сон, как тошно жить.
Позволь мне сердце освежить
Твоей беседою святою.
Прости мне дерзостный вопрос.
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы наперсник непонятный?
В пустыню кто тебя занес?»

Вздыхнув с улыбкою печальной,
Старик в ответ: «Любезный сын,
Уж я забыл отчизны дальней
Угрюмый край. Природный финн
В долинах, нам одним известных,
Гоня стадо сёл окрестных,
В беспечной юности я знал
Одни дремучие дубравы,
Ручьи, пещеры наших скал
Да дикой бедности забавы.
Но жить в отрадной тишине
Дано не долго было мне.

Тогда близ нашего селенья,
Как милый цвет уединенья,
Жила Наина. Меж подруг
Она гремела красотою.
Однажды утренней порою
Свои стада на темный луг
Я гнал, волынку надувая;
Передо мной шумел поток.
Одна, красавица младая
На берегу плела венок.
Меня влекла моя судьбина...
Ах, витязь, то была Наина!
Я к ней — и пламень роковой
За дерзкий взор мне был наградой,
И я любовь узнал душой
С ее небесною отрадой,
С ее мучительной тоской.

Умчалась года половина;
Я с трепетом открылся ей,
Сказал: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина с гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя,
И равнодушно отвечала:
«Пастух, я не люблю тебя!»

И всё мне дико, мрачно стало:
Родная куща, тень дубров,
Веселы игры пастухов —
Ничто тоски не утешало.
В уныньи сердце сохло, вяло.
И наконец задумал я
Оставить финские поля;
Морей неверные пучины
С дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвал смелых рыбаков
Искать опасностей и злата.
Впервые тихий край отцов
Услышал бранный звук булата
И шум немирных челноков.
Я вдаль уплыл, надежды полный,
С толпой бесстрашных земляков;
Мы десять лет снега и волны
Багрили кровию врагов.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары,
И с побежденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Под шумом битвы и пиров
Томилось тайною кручиной,
Искало финских берегов.
Пора домой, сказал я, други!

Повесим праздные кольчуги
Под сенью хижины родной.
Сказал — и весла зашумели:
И, страх оставя за собой,
В залив отчизны дорогой
Мы с гордой радостью влетели.

Сбылись давнишние мечты,
Сбылися пылкие желанья!
Минута сладкого свиданья,
И для меня блеснула ты!
К ногам красавицы надменной
Принес я меч окровавленный,
Кораллы, золото и жемчуг;
Пред нею, страстью упоенный,
Безмолвным роем окруженный
Ее завистливых подруг,
Стоял я пленником послушным;
Но дева скрылась от меня,
Примолвля с видом равнодушным:
«Герой, я не люблю тебя!»

К чему рассказывать, мой сын,
Чего пересказать нет силы?
Ах, и теперь один, один,
Душой уснув, в дверях могилы,
Я помню горесть, и порой,
Как о минувшем мысль родится,
По бороде моей седой
Слеза тяжелая катится.

Но слушай: в родине моей
Между пустынных рыбарей
Наука дивная таится.
Под кровом вечной тишины,
Среди лесов, в глуши далекой
Живут седые колдуны;
К предметам мудрости высокой
Все мысли их устремлены;
Всё слышит голос их ужасный,
Что было и что будет вновь,

И грозной воле их подвластны
И гроб и самая любовь.

И я, любви искатель жадный,
Решился в грусти безотрадной
Наину чарами привлечь
И в гордом сердце девы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спешил в объятия свободы,
В уединенный мрак лесов;
И там, в ученьи колдунов,
Провел невидимые годы.
Настал давно желанный миг,
И тайну страшную природы
Я светлой мыслию постиг:
Узнал я силу заклинаньям.
Венец любви, венец желаньям!
Теперь, Наина, ты моя!
Победа наша, думал я.
Но в самом деле победитель
Был рок, упорный мой гонитель.

В мечтах надежды молодой,
В восторге пылкого желанья,
Творю поспешно заклинанья,
Зову духов — и в тьме лесной
Стрела промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднял вой,
Земля вздрогнула под ногой. . .
И вдруг сидит передо мной
Старушка дряхлая, седая,
Глазами впалыми сверкая,
С горбом, с трясучей головой,
Печальной ветхости картина.
Ах, витязь, то была Наина! . .
Я ужаснулся и молчал,
Глазами страшный призрак мерил,
В сомненьи всё еще не верил,
И вдруг заплакал, закричал:
Возможно ль! ах, Наина, ты ли!
Наина, где твоя краса?

Скажи, ужели небеса
Тебя так страшно изменили?
Скажи, давно ль, оставя свет,
Расстался я с душой и с милой?
Давно ли? .. «Ровно сорок лет, —
Был девы роковой ответ, —
Сегодня семьдесят мне било.
Что делать, — мне пищит она, —
Толпою годы пролетели.
Прошла моя, твоя весна —
Мы оба постареть успели.
Но, друг, послушай: не беда
Неверной младости утрата.
Конечно, я теперь седа,
Немножко, может быть, горбата;
Не то, что в старину была,
Не так жива, не так мила;
Зато (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»

И было в самом деле так.
Немой, недвижимый перед нею,
Я совершенный был дурак
Со всей премудростью моею.

Но вот ужасно: колдовство
Вполне свершилось по несчастью.
Мое седое божество
Ко мне пылало новой страстью. .
Скривив улыбкой страшный рот,
Могильным голосом урод
Бормочет мне любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепетал, потупя взор;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговор:
«Так, сердце я теперь узнала;
Я вижу, верный друг, оно
Для нежной страсти рождено;
Проснулись чувства, я сгораю,
Томлюсь желаньями любви. . .

Приди в объятия мои...
О милый, милый! умираю...»

И между тем она, Руслан,
Мигала томными глазами;
И между тем за мой кафтан
Держалась тощими руками;
И между тем — я обмирал,
От ужаса зажмурия очи;
И вдруг терпеть не стало мочи;
Я с криком вырвался, бежал.
Она вослед: «О, недостойный!
Ты возмутил мой век спокойный,
Невинной девы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь — вот мужчины!
Изменой дышат все они!
Увы, сама себя вини;
Он обольстил меня, несчастный!
Я отдалась любви страстной...
Изменник, изверг! о позор!
Но трепещи, девичий вор!»

Так мы расстались. С этих пор
Живу в моем уединенье
С разочарованной душой;
И в мире старцу утешенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зовет меня могила;
Но чувства прежние свои
Еще старушка не забыла
И пламя позднее любви
С досады 'в злобу превратила.
Душою черной зло любя,
Колдунья старая, конечно,
Возненавидит и тебя;
Но горе на земле не вечно».

Наш витязь с жадностью внимал
Рассказы старца: ясны очи
Дремотой легкой не смыкал

И тихого полета ночи
В глубокой думе не слышал.
Но день блистает лучезарный...
Со вздохом витязь благодарный
Объемлет старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходит вон. Ногами стиснул
Руслан заржавшего коня,
В седле оправился, присвистнул.
«Отец мой, не оставь меня».
И скачет по пустому лугу.
Седой мудрец младому другу
Кричит вослед: «Счастливым путь!
Прости, люби свою супругу,
Советов старца не забудь!»

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Соперники в искусстве брани,
Не знайте мира меж собой;
Несите мрачной славе дани,
И упивайтесь враждой!
Пусть мир пред вами цепенеет,
Дивясь грозным торжествам:
Никто о вас не пожалеет,
Никто не помешает вам.
Соперники другого рода,
Вы, рыцари парнасских гор,
Старайтесь не смешить народа
Нескромным шумом ваших ссор;
Бранитесь — только осторожно.
Но вы, соперники в любви,
Живите дружно, если можно!
Поверьте мне, друзья мои:
Кому судьбою неременной
Девичье сердце суждено,
Тот будет мил на зло вселенной;
Сердиться глупо и грешно.

Когда Рогдай неукротимый,
Глухим предчувствием томимый,
Оставя спутников своих,
Пустился в край уединенный
И ехал меж пустынь лесных,
В глубоку думу погруженный, —
Злой дух тревожил и смущал
Его тоскующую душу,

И витязь пасмурный шептал:
«Убью! .. преграды все разрушу...
Руслан! .. узнаешь ты меня...
Теперь-то девица поплачет...»
И вдруг, поворотив коня,
Во весь опор назад он скачет.

В то время доблестный Фарлаф,
Всё утро сладко продремав,
Укрывшись от лучей полдневных,
У ручейка, наедине,
Для подкрепленья сил душевных,
Обедал в мирной тишине.
Как вдруг он видит: кто-то в поле,
Как буря, мчится на коне;
И, времени не тратя боле,
Фарлаф, покинув свой обед,
Копье, кольчугу, шлем, перчатки,
Вскочил в седло и без оглядки
Летит — а тот за ним вослед.
«Остановись, беглец бесчестный! —
Кричит Фарлафу неизвестный. —
Презренный, дай себя догнать!
Дай голову с тебя сорвать!»
Фарлаф, узнавши глас Рогдая,
Со страха скорчась, обмирал,
И, верной смерти ожидая,
Коня еще быстрее гнал.
Так точно заяц торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкам, полем, сквозь леса
Скачками мчится ото пса.
На месте славного побега
Весной растопленного снега
Потоки мутные текли
И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды стальные закусил
И через ров перескочил;
Но робкий всадник вверх ногами
Свалился тяжко в грязный ров,

Земли не взвидел с небесами .
И смерть принять уж был готов.
Рогдай к оврагу подлетает;
Жестокий меч уж занесен;
«Погибни, трус! умри!» — вещает. . .
Вдруг узнает Фарлафа он;
Глядит, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнев
В его чертах изобразились;
Скрыпя зубами, онемев,
Герой, с поникшею главою
Скорей отъехав ото рва,
Бесился. . . но едва, едва
Сам не смеялся над собою.

Тогда он встретил под горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсем седую.
Она дорожною клюкой
Ему на север указала.
«Ты там найдешь его», — сказала.
Рогдай весельем закипел
И к верной смерти полетел.

А наш Фарлаф? Во рву остался,
Дохнуть не смея; про себя
Он, лежа, думал: жив ли я?
Куда соперник злой девался?
Вдруг слышит прямо над собой
Старухи голос гробовой:
«Встань, молодец: всё тихо в поле;
Ты никого не встретишь боле;
Я привела тебе коня;
Вставай, послушайся меня».

Смущенный витязь поневоле
Ползком оставил грязный ров;
Окрестность робко озирая,
Вздыхнул и молвил, оживая:
«Ну, слава богу, я здоров!»

«Поверь! — старуха продолжала, —
Людмилу мудрено сыскать;

Она далеко убежала;
Не нам с тобой ее достать.
Опасно разъезжать по свету;
Ты, право, будешь сам не рад.
Последуй моему совету,
Ступай тихохонько назад.
Под Киевом, в уединенье,
В своем наследственном селенье
Останься лучше без забот:
От нас Людмила не уйдет».

Сказав, исчезла. В нетерпенье
Благоразумный наш герой
Тотчас отправился домой,
Сердечно позабыв о славе
И даже о княжне младой;
И шум малейший по дубраве,
Полет синицы, ропот вод
Его бросали в жар и в пот.

Меж тем Руслан далеко мчится;
В глуши лесов, в глуши полей
Привычной думою стремится
К Людмиле, радости своей,
И говорит: «Найду ли друга?
Где ты, души моей супруга?
Увижу ль я твой светлый взор?
Услышу ль нежный разговор?
Иль суждено, чтоб чародея
Ты вечной пленницей была
И, скорбной девою старея,
В темнице мрачной отцвела?
Или соперник дерзновенный
Придет? .. Нет, нет, мой друг бесценный:
Еще при мне мой верный меч,
Еще глава не пала с плеч».

Однажды, темною порою,
По камням берегом крутым
Наш витязь ехал над рекою.
Всё утихало. Вдруг за ним
Стрелы мгновенное жужжанье,

Кольчуги звон, и крик, и ржанье,
И топот по полю глухой.
«Стой!» — грянул голос громовой.
Он оглянулся: в поле чистом,
Подняв копьё, летит со свистом
Свирепый всадник, и грозой
Помчался князь ему навстречу.
«Ага! догнал тебя! постой! —
Кричит наездник удалой, —
Готовься, друг, на смертну сечу;
Теперь ложись средь здешних мест;
А там ищи своих невест».
Руслан вспылал, вздрогнул от гнева;
Он узнает сей буйный глас...

Друзья мои! а наша дева?
Оставим витязей на час;
О них опять я вспомню вскоре.
А то давно пора бы мне
Подумать о молодой княжне
И об ужасном Черноморе.

Моей причудливой мечты
Наперсник иногда нескромный,
Я рассказал, как ночью темной
Людмилы нежной красоты
От воспаленного Руслана
Сокрылись вдруг среди тумана.
Несчастливая! когда злодей,
Рукою мощною своей
Тебя сорвав с постели брачной,
Взвился, как вихорь, к облакам
Сквозь тяжкий дым и воздух мрачный
И вдруг умчал к своим горам, —
Ты чувств и памяти лишилась
И в страшном замке колдуна,
Безмолвна, трепетна, бледна,
В одно мгновенье очутилась.

С порога хижины моей
Так видел я, средь летних дней,

Когда за курицей трусливой
Султан курятника спесивый,
Петух мой по двору бежал
И сладострастными крылами
Уже подругу обнимал, —
Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Прияв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый
И пал как молния на двор.
Взвился, летит. В когтях ужасных
Во тьму расселин безопасных
Уносит бедную злодей.
Напрасно, горестью своей
И хладным страхом пораженный,
Зовет любовницу петух. . .
Он видит лишь летучий пух,
Летучим ветром занесенный.

До утра юная княжна
Лежала, тягостным забвеньем,
Как будто страшным сновиденьем,
Объята, — наконец она
Очнулась, пламенным волненьем
И смутным ужасом полна;
Душой летит за наслажденьем,
Кого-то ищет с упоеньем;
«Где ж милый, — шепчет, — где супруг?»
Зовет и помертвела вдруг.
Глядит с боязнию вокруг.
Людмила, где твоя светлица?
Лежит несчастная девица
Среди подушек пуховых,
Под гордой сенью балдахина;
Завесы, пышная перина
В кистях, в узорах дорогих;
Повсюду ткани парчевые;
Играют яхонты, как жар;
Кругом курильницы златые
Подъемлют ароматный пар;
Довольно. . . благо мне не надо
Описывать волшебный дом:

Уже давно Шехеразада
Меня предупредила в том.
Но светлый терем не отрада,
Когда не видим друга в нем.

Три девы, красоты чудесной,
В одежде легкой и прелестной
Княжне явились, подошли
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжне воздушными перстами
Златую косу заплела
С искусством, в наши дни не новым,
И обвила венцом перловым
Окружность бледного чела.
За нею, скромно взор склоняя,
Потом приблизилась другая;
Лазурный, пышный сарафан
Одел Людмилы стройный стан;
Покрылись кудри золотые,
И грудь, и плечи молодые
Фатой, прозрачной, как туман.
Покров завистливый лобзает
Красы, достойные небес,
И обувь легкая сжимает
Две ножки, чудо из чудес.
Княжне последняя девица
Жемчужный пояс подает.
Меж тем незримая певица
Веселы песни ей поет.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафан, ни перлов ряд,
Ни песни лести и веселья
Ее души не веселят;
Напрасно зеркало рисует
Ее красы, ее наряд;
Потупя неподвижный взгляд,
Она молчит, она тоскует.

Те, кои, правду возлюбя,
На темном сердца дне читали,

Конечно знают про себя,
Что если женщина в печали
Сквозь слез, украдкой, как-нибудь,
На зло привычке и рассудку,
Забудет в зеркало взглянуть, —
То грустно ей уж не на шутку.

Но вот Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
К окну решетчату подходит,
И взор ее печально бродит
В пространстве пасмурной дали.
Всё мертво. Снежные равнины
Коврами яркими легли;
Стоят угрюмых гор вершины
В однообразной белизне
И дремлют в вечной тишине;
Кругом не видно дымной кровли,
Не видно путника в снегах,
И звонкий рог веселой ловли
В пустынных не трубит горах;
Лишь изредка с унылым свистом
Бунтует вихорь в поле чистом
И на краю седых небес
Качает обнаженный лес.

В слезах отчаянья, Людмила
От ужаса лицо закрыла.
Увы, что ждет ее теперь!
Бежит в серебряную дверь;
Она с музыкой отворилась,
И наша дева очутилась
В саду. Пленительный предел:
Прекраснее садов Армиды
И тех, которыми владел
Царь Соломон иль князь Тавриды.
Пред нею зыблются, шумят
Великолепные дубровы;
Аллеи пальм и лес лавровый,
И благовонных миртов ряд,
И кедров гордые вершины,

И золотые апельсины
Зерцалом вод отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнем оживлены;
С прохладой вьется ветер майский
Средь очарованных полей,
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей;
Летят алмазные фонтаны
С веселым шумом к облакам;
Под ними блещут истуканы
И, мнится, живы; Фидий сам,
Питомец Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконец
Свой очарованный резец
Из рук бы выронил с досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валяются, плещут водопады;
И ручейки в тени лесной
Чуть выются сонною волной.
Приют покоя и прохлады,
Сквозь вечну зелень здесь и там
Мелькают светлые беседки;
Повсюду роз живые ветки
Цветут и дышат по тропам.
Но безутешная Людмила
Идет, идет и не глядит;
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустен неги светлый вид;
Куда, сама не зная, бродит,
Волшебный сад кругом обходит,
Свободу горьким дав слезам,
И взоры мрачные возводит
К неумолимым небесам.
Вдруг осветился взор прекрасный;
К устам она прижала перст;
Казалось, умысел ужасный
Рождался... Страшный путь отверст:
Высокий мостик над потоком
Пред ней висит на двух скалах;
В уныньи тяжком и глубоком

Она подходит — и в слезах
На воды шумные взглянула,
Ударила, рыдая, в грудь,
В волнах решилась утонуть, —
Однако в воды не прыгнула
И дале продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бегая с утра,
Устала, слезы осушила,
В душе подумала: пора!
На травку села, оглянулась —
И вдруг над нею сень шатра,
Шумя, с прохладой развернулась;
Обед роскошный перед ней;
Прибор из яркого кристалла;
И в тишине из-за ветвей
Незрима арфа заиграла.
Дивится пленная княжна,
Но втайне думает она:
«Вдали от милого, в неволе,
Зачем мне жить на свете боле?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзает и лелеет,
Мне не страшна злодея власть:
Людмила умереть умеет!
Не нужно мне твоих шатров,
Ни скучных песен, ни пиров —
Не стану есть, не буду слушать,
Умру среди твоих садов!»
Подумала — и стала кушать.

Княжна встаёт, и вмиг шатер,
И пышной роскоши прибор,
И звуки арфы... всё пропало;
Попрежнему всё тихо стало;
Людмила вновь одна в садах
Скитается из рощи в рощи;
Меж тем в лазурных небесах
Плывет луна, царица ночи;
Находит мгла со всех сторон
И тихо на холмах почила;

Княжну невольно клонит сон,
И вдруг неведомая сила
Нежней, чем вешний ветерок,
Ее на воздух поднимает,
Несет по воздуху в чертог
И осторожно опускает
Сквозь фимиам вечерних роз
На ложе грусти, ложе слез.
Три девы вмиг опять явились
И вокруг нее засуетились,
Чтоб на ночь пышный снять убор;
Но их унылый, смутный взор
И принужденное молчанье
Являли втайне состраданье
И немощный судьбам укор.
Но поспешим: рукой их нежной
Раздета сонная княжна;
Прелестна прелестью небрежной,
В одной сорочке белоснежной
Ложится поживать она.
Со вздохом девы поклонились,
Скорей как можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что ж наша пленница теперь?
Дрожит как лист, дохнуть не смеет;
Хладеют перси, взор темнеет;
Мгновенный сон от глаз бежит;
Не спит, удвоила вниманье,
Недвижно в темноту глядит...
Всё мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышит трепетанье...
И мнится... шепчет тишина;
Идут — идут к ее постеле;
В подушки прячется княжна —
И вдруг... о страх!.. и в самом деле
Раздался шум; озарена
Мгновенным блеском тьма ночная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Арапов длинный ряд идет
Попарно, чинно сколь возможно,

И на подушках осторожно
Седую бороду несет;
И входит с важностью за нею,
Подъяв величественно шею,
Горбатый карлик из дверей:
Его-то голове обритой,
Высоким колпаком покрытой,
Принадлежала борода.
Уж он приблизился: тогда
Княжна с постели соскочила,
Седого карлу за колпак
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащий занесла кулак
И в страхе завизжала так,
Что всех арапов оглушила.
Трепеща, скорчился бедняк,
Княжны испуганной бледнее;
Зажавши уши поскорее,
Хотел бежать, но в бороде
Запутался, упал и бьется;
Встает, упал; в такой беде
Арапов черный рой мятется;
Шумят, толкаются, бегут,
Хватают колдуна в охапку
И вон распутывать несут,
Оставя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь наш?
Вы помните ль неждану встречу?
Бери свой быстрый карандаш,
Рисуй, Орловский, ночь и сечу!
При свете трепетном луны
Сразились витязи жестоко;
Сердца их гневом стеснены,
Уж копья брошены далеко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровию покрыты,
Щиты трещат, в куски разбиты. . .
Они схватились на конях;
Взрывая к небу черный прах,
Под ними борзы кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,

Друг друга стиснув, остаются
Как бы к седлу пригвождены;
Их члены злобой сведены,
Переплелись и костенеют;
По жилам быстрый огонь бежит;
На вражьей груди грудь дрожит —
И вот колеблются, слабеют —
Кому-то пасть. . . вдруг витязь мой,
Вскипев, железною рукой
С седла наездника срывает,
Подъемлет, держит над собой
И в волны с берега бросает.
«Погибни! — грозно восклицает; —
Умри, завистник злобный мой!»

Ты догадался, мой читатель,
С кем бился доблестный Руслан:
То был кровавых битв искатель,
Рогдай, надежда киевлян,
Людмилы мрачный обожатель.
Он вдоль днепровских берегов
Искал соперника следов;
Нашел, настиг, но прежняя сила
Питомцу битвы изменила,
И Руси древний удалец
В пустыне свой нашел конец.
И слышно было, что Рогдая
Тех вод русалка молодая
На хладны перси приняла
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смехом увлекла,
И долго после, ночью темной
Бродя близ тихих берегов,
Богатыря призрак огромный
Пугал пустынных рыбаков.

ПЕСНЬ ТРЕТЯ

Напрасно вы в тени таились
Для мирных, счастливых друзей,
Стихи мои! Вы не сокрылись
От гневных зависти очей.
Уж бледный критик, ей в услугу,
Вопрос мне сделал роковой:
Зачем Русланову подругу,
Как бы на смех ее супругу,
Зову и девою и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тут злобы черную печать!
Скажи, Зоил, скажи, предатель,
Ну как и что мне отвечать?
Красней, несчастный, бог с тобою!
Красней, я спорить не хочу;
Довольный тем, что прав душою,
В смиренной кротости молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь томные глаза
Ты, жертва скучного Гимена...
Я вижу: тайная слеза
Падет на стих мой, сердцу вмятый;
Ты покраснела, взор погас;
Вздохнула молча... вздох понятный!
Ревнивец: бойся, близок час;
Амур с Досадой своенравной
Вступили в смелый заговор,

И для главы твоей бесславной
Готов уж мстительный убор.

Уж утро хладное сияло
На темени полночных гор;
Но в дивном замке всё молчало.
В досаде скрытой Черномор,
Без шапки, в утреннем халате,
Зевал сердито на кровати.
Вокруг брады его седой
Рабы толпились молчаливы,
И нежно гребень костяной
Расчесывал ее извивы;
Меж тем, для пользы и красы,
На бесконечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились;
Как вдруг, откуда ни возьмись,
В окно влетает змий крылатый;
Гремя железной чешуей,
Он в кольца быстрые согнулся
И вдруг Наиной обернулся
Пред изумленною толпой.
«Приветствую тебя, — сказала, —
Собрат, издавна чтимый мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рок соединяет
Теперь нас общею враждой;
Тебе опасность угрожает,
Нависла туча над тобой;
И голос оскорбленной чести
Меня к отмщению зовет».

Со взором, полным хитрой лести,
Ей карла руку подает,
Вещая: «Дивная Наина!
Мне драгоценен твой союз.
Мы посрамим коварство финна;
Но мрачных козней не боюсь:
Противник слабый мне не страшен;
Узнай чудесный жребий мой:

Сей благодатной бородой
Недаром Черномор украшен.
Доколь власов ее седых
Враждебный меч не перерубит,
Никто из витязей лихих,
Никто из смертных не погубит
Малейших замыслов моих;
Моею будет век Людмила,
Руслан же гробу обречен!»
И мрачно ведьма повторила:
«Погибнет он! погибнет он!»
Потом три раза прошипела,
Три раза топнула ногой
И черным змием улетела.

Блистая в ризе парчевой,
Колдун, колдуньей ободренный,
Развеселясь, решил вновь
Нести к ногам девицы пленной
Усы, покорность и любовь.
Разряжен карлик бородатый,
Опять идет в ее палаты;
Проходит длинный комнат ряд:
Княжны в них нет. Он дале, в сад,
В лавровый лес, к решетке сада,
Вдоль озера, вокруг водопада,
Под мостики, в беседки. . . нет!
Княжна ушла, пропал и след!
Кто выразит его смущенье,
И рев, и трепет испугленья?
С досады дня не взвидел он.
Раздался карлы дикий стон:
«Сюда, невольники, бегите!
Сюда, надеюсь я на вас!
Сейчас Людмилу мне сыщите!
Скорее, слышите ль? сейчас!
Не то — шутите вы со мною —
Всех удавлю вас бороною!»

Читатель, расскажу ль тебе,
Куда красавица девалась?
Всю ночь она своей судьбе

В слезах дивилась и — смеялась.
Ее пугала борода,
Но Черномор уж был известен,
И был смешон, а никогда
Со смехом ужас несовместен.
Навстречу утренним лучам
Постель оставила Людмила
И взор невольный обратила
К высоким, чистым зеркалам;
Невольно кудри золотые
С лилейных плеч приподняла;
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашние наряды
Нечаянно в углу нашла;
Вздыхнув, оделась и с досады
Тихонько плакать начала;
Однако с верного стекла,
Вздыхая, не сводила зора,
И девице пришло на ум,
В волненьи своенравных дум,
Примерить шапку Черномора.
Всё тихо, никого здесь нет;
Никто на девушку не взглянет. . .
А девушке в семнадцать лет
Какая шапка не пристанет!
Рядиться никогда не лень:
Людмила шапкой завертела;
На брови, прямо, набекрень,
И задом наперед надела.
И что ж? о чудо старых дней!
Людмила в зеркале пропала;
Перевернула — перед ней
Людмила прежняя предстала;
Назад надела — снова нет;
Сняла — и в зеркале! «Прекрасно!
Добро, колдун, добро, мой свет!
Теперь мне здесь уж безопасно;
Теперь избавлюсь от хлопот!»
И шапку старого злодея

Княжна, от радости краснея,
Надела задом наперед.

Но возвратимся же к герою.
Не стыдно ль заниматься нам
Так долго шапкой, бородою,
Руслана поруча судьбам?
Свершив с Рогдаем бой жестокий,
Проехал он дремучий лес;
Пред ним открылся дол широкий
При блеске утренних небес.
Трепещет витязь поневоле:
Он видит старой битвы поле.
Вдали всё пусто; здесь и там
Желтеют кости; по холмам
Разбросаны колчаны, латы;
Где сбруя, где заржавый щит;
В костях руки здесь меч лежит;
Травой оброс там шлем косматый
И старый череп тлеет в нем;
Богатыря там остов целый
С его поверженным конем
Лежит недвижимый; копья, стрелы
В сырую землю вонзены,
И мирный плющ их обвивает. . .
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущает,
И солнце с ясной вышины
Долину смерти озаряет.

Со вздохом витязь вокруг себя
Взирает грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усеял мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топтал
В последний час кровавой битвы?
Кто на тебе со славы пал?
Чьи небо слышало молитвы?
Зачем же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья? . .
Времен от вечной темноты,
Быть может, нет и мне спасенья!

Быть может, на холме немом
Поставят тихий гроб Русланов,
И струны громкие Баянов
Не будут говорить о нем!»

Но вскоре вспомнил витязь мой,
Что добрый меч герою нужен
И даже панцырь; а герой
С последней битвы безоружен.
Обходит поле он вокруг;
В кустах, среди костей забвенных,
В громаде тлеющих кольчуг,
Мечей и шлемов раздробленных
Себе доспехов ищет он.
Проснулись гул и степь немая,
Поднялся в поле треск и звон;
Он поднял щит, не выбирая,
Нашел и шлем и звонкий рог;
Но лишь меча сыскать не мог.
Долину брани объезжая,
Он видит множество мечей,
Но все легки, да слишком малы,
А князь красавец был не вялый,
Не то, что витязь наших дней.
Чтоб чем-нибудь играть от скуки,
Копье стальное взял он в руки,
Кольчугу он надел на грудь
И далее пустился в путь.

Уж побледнел закат румяный
Над усыпленную землей;
Дымятся синие туманы,
И всходит месяц золотой;
Померкла степь. Тропкою темной
Задумчив едет наш Руслан
И видит: сквозь ночной туман
Вдали чернеет холм огромный
И что-то страшное храпит.
Он ближе к холму, ближе — слышит:
Чудесный холм как будто дышит.
Руслан внимает и глядит
Бестрепетно, с покойным духом;

Но, шевеля пугливым ухом,
Конь упирается, дрожит,
Трясет упрямой головою,
И грива дыбом поднялась.
Вдруг холм, безоблачной луною
В тумане бледно озарясь,
Яснеет; смотрит храбрый князь —
И чудо видит пред собою.
Найду ли краски и слова?
Пред ним живая голова.
Огромны очи сном объаты;
Храпит, качая шлем пернатый,
И перья в темной высоте,
Как тени, ходят, развеваясь.
В своей ужасной красоте
Над мрачной степью возвышаясь,
Безмолвием окружена,
Пустыни сторож безымянный,
Руслану предстоит она
Громадой грозной и туманной.
В недоуменьи хочет он
Таинственный разрушить сон.
Вблизи осматривая диво,
Объехал голову кругом
И стал пред носом молчаливо;
Щекотит ноздри копием,
И, сморщась, голова зевнула,
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль; с ресниц, с усов,
С бровей слетела стая сов;
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо — конь ретивый
Заржал, запрыгал, отлетел,
Едва сам витязь усидел,
И вслед раздался голос шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Ступай назад; я не шучу!
Как раз нахала проглочу!»
Руслан с презреньем оглянулся,
Браздами удержал коня
И с гордым видом усмехнулся.

«Чего ты хочешь от меня? —
Нахмуясь, голова вскричала. —
Вот гостя мне судьба послала!
Послушай, убирайся прочь!
Я спать хочу, теперь уж ночь,
Прощай!» Но витязь знаменитый,
Услыша грубые слова,
Воскликнул с важностью сердитой:
«Молчи, пустая голова!
Слышал я истину бывало:
Хоть лоб широк, да мозгу мало!
Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу!»

Тогда, от ярости немея,
Стесненной злобой пламенея,
Надулась голова; как жар,
Кровавы очи засверкали;
Напелясь, губы задрожали;
Из уст, ушей поднялся пар —
И вдруг она, что было мочи,
Навстречу князю стала дуть;
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонив главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи
Неверный продолжает путь;
Объятый страхом, ослепленный,
Он мчится вновь, изнеможенный,
Далече в поле отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочет —
Вновь отражен, надежды нет!
А голова ему вослед,
Как сумасшедшая, хохочет,
Гремит: «Ай, витязь! ай, герой!
Куда ты? тише, тише, стой!
Эй, витязь, шею сломишь даром;
Не трусь, наездник, и меня
Порадуй хоть одним ударом,
Пока не заморил коня».
И между тем она героя
Дразнила страшным языком.
Руслан, досаду в сердце кроя,

Грозит ей молча копием,
Трясет его рукой свободной,
И, задрожав, булат холодный
Вонзился в дерзостный язык.
И кровь из бешеного зева
Рекою побежала вмиг.
От удивленья, боли, гнева,
В минуту дерзости лишась,
На князя голова глядела,
Железо грызла и бледнела.
В спокойном духе горячась,
Так иногда средь нашей сцены
Плохой питомец Мельпомены,
Внезапным свистом оглушен,
Уж ничего не видит он,
Бледнеет, ролю забывает,
Дрожит, поникнув головой,
И, заикаясь, умолкает
Перед насмешливой толпой.
Счастливым пользуясь мгновеньем,
К объятой голове смущеньем,
Как ястреб, богатырь летит
С поднятой, грозною десницей
И в щеку тяжелой рукавицей
С размаха голову разит;
И степь ударом огласилась;
Кругом росистая трава
Кровавой пеной обагрилась,
И, зашатавшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлем чугунный застучал.
Тогда на месте опустелом
Меч богатырский засверкал.
Наш витязь в трепете веселом
Его схватил и к голове
По окровавленной траве
Бежит с намереньем жестоким
Ей нос и уши обрубить;
Уже Руслан готов разить,
Уже взмахнул мечом широким —
Вдруг, изумленный, внемлет он
Главы молящей жалкий стон...

И тихо меч он опускает,
В нем гнев свирепый умирает,
И мщенье бурное падет
В душе, молением усмиренной:
Так на долине тает лед,
Лучом полудня пораженный.

«Ты вразумил меня, герой, —
Со вздохом голова сказала, —
Твоя десница доказала,
Что я виновен пред тобой;
Отныне я тебе послушен;
Но, витязь, будь великодушен!
Достоин плача жребий мой.
И я был витязь удалой!
В кровавых битвах супостата
Себе я равного не зрел;
Счастлив, когда бы не имел
Соперником меньшого брата!
Коварный, злобный Черномор,
Ты, ты всех бед моих виною!
Семейства нашего позор,
Рожденный карлой, с бороною,
Мой дивный рост от юных дней
Не мог он без досады видеть
И стал за то в душе своей
Меня, жестокий, ненавидеть.
Я был всегда немного прост,
Хотя высок; а сей несчастный,
Имея самый глупый рост,
Умен как бес — и зол ужасно.
Притом же, знай, к моей беде,
В его чудесной бороде
Таится сила роковая,
И, всё на свете презирая, —
Доколе борода цела —
Изменник не страшится зла.
Вот он однажды с видом дружбы
«Послушай, — хитро мне сказал, —
Не откажись от важной службы:
Я в черных книгах отыскал,

Что за восточными горами
На тихих моря берегах,
В глухом подвале, под замками
Хранится меч — и что же? страх!
Я разобрал во тьме волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей меч известен будет нам;
Что нас он обоих погубит:
Мне бороду мою отрубит,
Тебе главу; суди же сам,
Сколь важно нам приобретение
Сего созданья злых духов!»
«Ну, что же? где тут затрудненье? —
Сказал я карле, — я готов;
Иду, хоть за пределы света».
И сосну на плечо взвалил,
А на другое для совета,
Злодея брата посадил;
Пустился в дальнюю дорогу,
Шагал, шагал и, слава богу,
Как бы пророчеству на зло,
Всё счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвал;
Я разметал его руками
И потаенный меч достал.
Но нет! судьба того хотела:
Меж нами ссора закипела —
И было, признаюсь, о чем!
Вопрос: кому владеть мечом?
Я спорил, карла горячился;
Бранились долго; наконец
Уловку выдумал хитрец,
Притих и будто бы смягчился.
«Оставим бесполезный спор, —
Сказал мне важно Черномор, —
Мы тем союз наш обесславим;
Рассудок в мире жить велит;
Судьбе решить мы предоставим,
Кому сей меч принадлежит.
К земле приникнем ухом оба
(Чего не выдумает злоба!),

И кто услышит первый звон,
Тот и владей мечом до гроба».
Сказал и лег на землю он.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смекая: обману его!
Но сам жестоко обманулся.
Злодей в глубокой тишине,
Привстав, на цыпочках ко мне
Подкрался сзади, размахнулся;
Как вихорь свистнул острый меч,
И прежде, чем я оглянулся,
Уж голова слетела с плеч —
И сверхъестественная сила
В ней жизни дух остановила.
Мой остов тернием оброс;
Вдали, в стране, людьми забвенной,
Истлел мой прах непогребенный;
Но злобный карла перенес
Меня в сей край уединенный,
Где вечно должен был стеречь
Тобой сегодня взятый меч.
О витязь! ты храним судьбою,
Возьми его, и бог с тобою!
Быть может, на своем пути
Ты карла-чародея встретишь —
Ах, если ты его заметишь,
Коварству, злобе отомсти!
И наконец я счастлив буду,
Спокойно мир оставлю сей —
И в благодарности моей
Твою пощечину забуду».

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я каждый день, восстав от сна,
Благодарю сердечно бога
За то, что в наши времена
Волшебников не так уж много.
К тому же — честь и слава им! —
Женитьбы наши безопасны...
Их замыслы не так ужасны
Мужьям, девицам молодым.
Но есть волшебники другие,
Которых ненавижу я:
Улыбка, очи голубые
И голос милый, — о друзья!
Не верьте им: они лукавы!
Страшитесь, подражая мне,
Их упоительной отравы
И почивайте в тишине.

Поэзии чудесный гений,
Певец таинственных видений,
Любви, мечтаний и чертей,
Могил и рая верный житель,
И музы ветреной моей
Наперсник, пестун и хранитель!
Прости мне, северный Орфей,
Что в повести моей забавной
Теперь вослед тебе лечу
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы все слышали,
Как бесу в древни дни злодей
Предал сперва себя с печали,
А там и души дочерей;
Как после щедрым подаяньем,
Молитвой, верой, и постом,
И непритворным покаяньем
Снискал заступника в святом;
Как умер он и как заснули
Его двенадцать дочерей:
И нас пленили, ужаснули
Картины тайных сих ночей,
Сии чудесные виденья,
Сей мрачный бес, сей божий гнев,
Живые грешника мученья
И прелесть непорочных дев.
Мы с ними плакали, бродили
Вокруг зубчатых замка стен,
И сердцем тронутым любили
Их тихий сон, их тихий плен;
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрели их,
И часто инокинь святых
На гроб отцовский провожали.
И что ж, возможно ль? .. нам солгали!
Но правду возведу ли я? ..

Младой Ратмир, направля к югу
Нетерпеливый бег коня,
Уж думал пред закатом дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерел;
Напрасно витязь пред собою
В туманы дальние смотрел:
Всё было пусто над рекою.
Зари последний луч горел
Над ярко позлащенным бором.
Наш витязь мимо черных скал
Тихонько проезжал и взором
Ночлега меж дерев искал.
Он на долину выезжает
И видит: замок на скалах

Зубчаты стены возвышает;
Чернеют башни на углах;
И дева по стене высокой,
Как в море лебедь одинокий,
Идет, зарей освещена;
И девы песнь едва слышна
Долины в тишине глубокой.

«Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный.

Здесь ночью нега и покой,
А днем и шум и пированье.
Приди на дружное призыванье,
Приди, о путник молодой!

У нас найдешь красавиц рой;
Их нежны речи и лобзанье.
Приди на тайное призыванье,
Приди, о путник молодой!

Тебе мы с утренней зарей
Наполним кубок на прощанье.
Приди на мирное призыванье,
Приди, о путник молодой!

Ложится в поле мрак ночной;
От волн поднялся ветер хладный.
Уж поздно, путник молодой!
Укройся в терем наш отрадный».

Она манит, она поет:
И юный хан уж под стеною;
Его встречают у ворот
Девы красные толпою;
При шуме ласковых речей
Он окружен; с него не сводят
Они пленительных очей;
Две девицы коня уводят;
В чертоги входит хан молодой,

За ним отшельниц милых рой;
Одна снимает шлем крылатый,
Другая кованые латы,
Та меч берет, та пыльный щит;
Одежда неги заменит
Железные доспехи брани.
Но прежде юношу ведут
К великолепной русской бане.
Уж волны дымные текут
В ее серебряные чаны,
И брызжут хладные фонтаны;
Разостлан роскошью ковер;
На нем усталый хан ложится;
Прозрачный пар над ним клубится;
Потупя неги полный взор,
Прелестные, полунагие,
В заботе нежной и немой,
Вкруг хана девы молодые
Теснятся резвою толпой.
Над рыцарем иная машет
Ветвями молодых берез,
И жар от них душистый пашет;
Другая соком вешних роз
Усталы члены прохлаждает
И в ароматах потопляет
Темнокудрявые власы. -
Восторгом витязь упоенный
Уже забыл Людмилы пленной
Недавно милые красы;
Томится сладостным желаньем;
Бродящий взор его блестит,
И, полный страстным ожиданьем,
Он тает сердцем, он горит.

Но вот выходит он из бани.
Одетый в бархатные ткани,
В кругу прелестных дев, Ратмир
Садится за богатый пир.
Я не Гомер: в стихах высоких
Он может воспевать один
Обеды греческих дружин
И звон и пену чаш глубоких.

Милее, по следам Парни,
Мне славить лирою небрежной
И наготу в ночной тени
И поцелуй любви нежной!
Луною замок озарен;
Я вижу терем отдаленный,
Где витязь томный, воспаленный
Вкушает одинокий сон;
Его чело, его ланиты
Мгновенным пламенем горят;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манят;
Он страстно, медленно вздыхает,
Он видит их — и в пылком сне
Покровы к сердцу прижимает.
Но вот в глубокой тишине
Дверь отворилась; пол ревнивый
Скрыпит под ножкой торопливой.
И при серебряной луне
Мелькнула дева. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись — твоя настала ночь!
Проснись — дорог миг утраты! ..
Она подходит, он лежит
И в сладострастной неге дремлет;
Покров его с одра скользит,
И жаркий пух чело объемлет.
В молчаньи дева перед ним
Стоит недвижно, бездыханна,
Как лицемерная Диана
Пред милым пастырем своим;
И вот она, на ложе хана
Коленом опершись одним,
Вздохнув, лицо к нему склоняет
С томленьем, с трепетом живым
И сон счастливица прерывает
Лобзаньем страстным и немым. . .

Но, други, девственная лира
Умолкла под моей рукой;
Слабеет робкий голос мой —
Оставим юного Ратмира;

Не смею песней продолжать:
Руслан нас должен занимать,
Руслан, сей витязь беспримерный,
В душе герой, любовник верный.
Упорным боем утомлен,
Под богатырской головою
Он сладостный вкушает сон.
Но вот уж раннею зарею
Сияет тихий небосклон;
Всё ясно; утра луч игривый
Главы косматый лоб златит.
Руслан встает, и конь ретивый
Уж витязя стрелюю мчит.

И дни бегут; желтеют нивы;
С дерев спадает дряхлый лист;
В лесах осенний ветра свист
Певец пернатых заглушает;
Тяжелый, пасмурный туман
Нагие холмы обвивает;
Зима приблизилась — Руслан
Свой путь отважно продолжает
На дальний север; с каждым днем
Преграды новые встречает:
То бьется он с богатырем,
То с ведьмою, то с великаном,
То лунной ночью видит он,
Как будто сквозь волшебный сон,
Окружены седым туманом,
Русалки, тихо на ветвях
Качаясь, витязя младого
С улыбкой хитрой на устах
Манят, не говоря ни слова. . .
Но тайным промыслом храним,
Бесстрашный витязь невредим;
В его душе желанье дремлет,
Он их не видит, им не внемлет,
Одна Людмила всюду с ним.

Но между тем, никем не зрима,
От нападений колдуна
Волшебной шапкою хранима,

Что делает моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляет по садам,
О друге мыслит и вздыхает,
Иль, волю дав своим мечтам,
К родимым киевским полям
В забвеньи сердца улетает;
Отца и братьев обнимает,
Подружек видит молодых
И старых мамушек своих —
Забыты плен и разлученье!
Но вскоре бедная княжна
Свое теряет заблужденье
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленного злодея,
И день и ночь, сидеть не смея,
Меж тем по замку, по садам
Прелестной пленницы искали,
Метались, громко призывали,
Однако всё по пустякам.
Людмила ими забавлялась:
В волшебных рощах иногда
Без шапки вдруг она являлась
И кликала: «сюда, сюда!»
И все бросались к ней толпою;
Но в сторону — незрима вдруг —
Она неслышную стопою
От хищных убегала рук.
Везде всечасно замечали
Ее минутные следы:
То позлащенные плоды
На шумных ветвях исчезали,
То капли ключевой воды
На луг измятый упали:
Тогда наверно в замке знали,
Что пьет иль кушает княжна.
На ветвях кедра иль березы
Скрываясь по ночам, она
Минутного искала сна —
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,

Томилаcь груcтью и зевотой
И редко, редко пред зарей,
Склоняcь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой;
Едва редела ночи мгла,
Людмила к водопаду шла
Умыться хладною струею:
Сам карла утренней порою
Однажды видел из палат,
Как под невидимой рукою
Плескал и брызгал водопад.
С своей обычною тоскою
До новой ночи, здесь и там,
Она бродила по садам;
Нередко под вечер слышали
Ее приятный голосок;
Нередко в рощах поднимали
Иль ею брошенный венок,
Или клочки персидской шали,
Или заплаканный платок.

Жестокой страcтью уязвленный,
Досадою, злобой омраченный,
Колдун решилcя наконец
Поймать Людмилу непременно.
Так Лемноса хромою кузнец,
Привя супружеский венец
Из рук прелестной Цитереи,
Раскинул сеть ее красам,
Открыв насмешливым богам
Киприды нежные затеи. . .

Скучая, бедная княжна
В прохладе мраморной беседки
Сидела тихо близ окна
И сквозь колеблемые ветки
Смотрела на цветущий луг.
Вдруг слышит — кличут: «милый друг!»
И видит верного Руслана.
Его черты, походка, стан;
Но бледен он, в очах туман,
И на бедре живая рана, —

В ней сердце дрогнуло. «Руслан!
Руслан!.. он точно!» И стрелюю
К супругу пленница летит,
В слезах, трепеща, говорит:
«Ты здесь... ты ранен... что с тобою?»
Уже достигла, обняла:
О ужас... призрак исчезает!
Княжна в сетях; с ее чела
На землю шапка упадает.
Хладея, слышит грозный крик:
«Она моя!» — и в тот же миг
Зрит колдуна перед очами.
Раздался девы жалкий стон,
Падет без чувств — и дивный сон
Объял несчастную крылами.

Что будет с бедною княжной!
О страшный вид: волшебник хилый
Ласкает дерзостной рукой
Младые прелести Людмилы!
Ужели счастлив будет он?
Чу... вдруг раздался рога звон,
И кто-то карлу вызывает.
В смятеньи, бледный чародей
На деву шапку надевает;
Трубят опять; звучней, звучней!
И он летит к безвестной встрече,
Закинув бороду за плечи.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Ах, как мила моя княжна!
Мне нрав ее всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской верна,
Немножко ветрена... так что же?
Еще милее тем она.
Всечасно прелестию новой
Умеет нас она пленить;
Скажите: можно ли сравнить
Ее с Дельфиною суровой?
Одной — судьба послала дар
Обворожать сердца и взоры;
Ее улыбка, разговоры
Во мне любви рождают жар.
А та — под юбку гусар,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блажен, кого под вечерок
В уединенный уголок
Моя Людмила поджидает
И другом сердца назовет;
Но, верьте мне, блажен и тот,
Кто от Дельфиры убегает
И даже с нею незнаком.
Да, впрочем, дело не о том!
Но кто трубил? Кто чародея
На сечу грозну вызывал?
Кто колдуна перепугал?

Руслан. Он, мезтью пламенея,
Достиг обители злодея.
Уж витязь под горой стоит,
Призывный рог, как буря, воег,
Нетерпеливый конь кипит
И снег копытом мочным роет.
Князь карлу ждет. Внезапно он
По шлему крепкому стальному
Рукой незримой поражен;
Удар упал подобно грому;
Руслан подьемлет смутный взор
И видит — прямо над главою —
С подъятой, страшной булавою
Летает карла Черномор.
Щитом покрывшись, он нагнулся,
Мечом потряс и замахнулся;
Но тот взвился под облака;
На миг исчез — и свысока
Шумя летит на князя снова.
Проворный витязь отлетел,
И в снег с размаха рокового
Колдун упал — да там и сел;
Руслан, не говоря ни слова,
С коня долой, к нему спешит,
Поймал, за бороду хватает,
Волшебник силится, кряхтит
И вдруг с Русланом улетает. . .
Ретивый конь вослед глядит;
Уже колдун под облаками;
На бороде герой висит;
Летят над мрачными лесами,
Летят над дикими горами,
Летят над бездною морской;
От напряженья костенея,
Руслан за бороду злодея
Упорной держится рукой.
Меж тем, на воздухе слабея
И силе русской изумясь,
Волшебник гордому Руслану
Коварно молвит: «Слушай, князь!
Тебе вредить я перестану;
Младое мужество любя,

Забуду всё, прощу тебя,
Спущусь — но только с уговором... »
«Молчи, коварный чародей! —
Прервал наш витязь, — с Черномором;
С мучителем жены своей,
Руслан не знает договора!
Сей грозный меч накажет вора.
Лети хоть до ночной звезды,
А быть тебе без бороды!»
Боязнь объемлет Черномора;
В досаде, в горести немой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясает:
Руслан ее не выпускает
И щиплет волосы порой.
Два дни колдун героя носит,
На третий он пощады просит:
«О рыцарь, сжался надо мной;
Едва дышу; нет мочи боле;
Оставь мне жизнь, в твоей я воле;
Скажи — спущусь, куда велишь... » —
«Теперь ты наш: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй русской силе!
Неси меня к моей Людмиле».

Смиренно внемлет Черномор;
Домой он с витязем пустился;
Летит — и мигом очутился
Среди своих ужасных гор.
Тогда Руслан одной рукою
Взял меч сраженной головы
И, бороду схватив другою,
Отсек ее, как горсть травы.
«Знай наших! — молвил он жестоко, —
Что, хищник, где твоя краса?
Где сила?» и на шлем высокий
Седые вяжет волоса;
Свистя зовет коня лихого;
Веселый конь летит и ржет;
Наш витязь карлу чуть живого
В котомку за седло кладет,
А сам, боясь мгновенья траты,

Спешит на верх горы крутой,
Достиг, и с радостной душой
Летит в волшебные палаты.
Вдали завидя шлем брадатый,
Залог победы роковой,
Пред ним арапов чудный рой,
Толпы невольниц боязливых,
Как призраки, со всех сторон
Бегут — и скрылись. Ходит он
Один среди храмин горделивых,
Супругу милую зовет —
Лишь эхо сводов молчаливых
Руслану голос подает;
В волненьи чувств нетерпеливых
Он отворяет двери в сад, —
Идет, идет — и не находит;
Кругом смущенный взор обводит —
Всё мертво: рощицы молчат,
Беседки пусты; на стремнинах,
Вдоль берегов ручья, в долинах,
Нигде Людмилы следу нет,
И ухо ничего не внемлет.
Внезапный князя хлад объемлет,
В очах его темнеет свет,
В уме возникли мрачны думы. . .
«Быть может, горесть. . . плен угрюмый. . .
Минута. . . волны. . .» В сих мечтах
Он погружен. С немой тоскою
Поникнул витязь головою;
Его томит невольный страх;
Недвижим он, как мертвый камень;
Мрачится разум; дикий пламень
И яд отчаянной любви
Уже текут в его крови.
Казалось — тень княжны прекрасной
Коснулась трепетным устам. . .
И вдруг, неистовый, ужасный;
Стремится витязь по садам;
Людмилу с воплем призывает,
С холмов утесы отрывает,
Всё рушит, всё крушит мечом —
Беседки, рощи упадают,

Древа, мосты в волнах ныряют,
Степь обнажается кругом!
Далеко гулы повторяют
И рев, и треск, и шум, и гром;
Повсюду меч звенит и свищет,
Прелестный край опустошен —
Безумный витязь жертвы ищет,
С размаха вправо, влево он
Пустынный воздух рассекает...
И вдруг — нечаянный удар
С княжны невидимой сбивает
Прощальный Черномора дар...
Волшебства вмиг исчезла сила:
В сетях открылася Людмила!
Не веря сам своим очам,
Нежданым счастьем упоенный,
Наш витязь падает к ногам
Подруги верной, незабвенной,
Целует руки, сети рвет,
Любви, восторга слезы льет,
Зовет ее — но дева дремлет,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ее подьмлет.
Руслан с нее не сводит глаз,
Его терзает вновь кручина...
Но вдруг знакомый слышит глас,
Глас добродетельного финна:

«Мужайся, князь! В обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести верён будь.
Небесный гром на злобу грянет,
И воцарится тишина —
И в светлом Киеве княжна
Перед Владимиром восстанет
От очарованного сна».

Руслан, сим гласом оживленный,
Берет в объятия жену,

И тихо с ношей драгоценной
Он оставляет вышину
И сходит в дол уединенный.

В молчаньи, с карлой за седлом,
Поехал он своим путем;
В его руках лежит Людмила,
Свежа, как вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми в кольцо,
Пустынный ветерок играет;
Как часто грудь ее вздыхает!
Как часто тихое лицо
Мгновенной розою пылает!
Любовь и тайная мечта
Русланов образ ей приносят,
И с томным шопотом уста
Супруга имя произносят...
В забвеньи сладком ловит он
Ее волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нежный стон
И сонных персей волнованье...

Меж тем по долам, по горам,
И в белый день и по ночам
Наш витязь едет непрестанно.
Еще далек предел желанный,
А дева спит. Но юный князь,
Бесплодным пламенем томясь,
Ужель, страдалец постоянный,
Супругу только сторожил
И в целомудренном мечтанье,
Смирив нескромное желанье,
Свое блаженство находил?
Монах, который сохранил
Потомству верное преданье
О славном витязе моем,
Нас уверяет смело в том:
И верю я! Без разделенья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоем.

Пастушки, сон княжны прелестной
Не походил на ваши сны
Порой томительной весны,
На мураве, в тени древесной.
Я помню маленький лужок
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерок,
Я помню Лиды сон лукавый...
Ах, первый поцелуй любви,
Дрожащий, легкий, торопливый,
Не разогнал, друзья мои,
Ее дремоты терпеливой...
Но полно, я болтаю вздор!
К чему любви воспоминанье?
Ее утеха и страданье
Забыты мною с давних пор;
Теперь влекут мое вниманье
Княжна, Руслан и Черномор.

Пред ними стелется равнина,
Где ели изредка взошли;
И грозного холма вдали
Чернеет круглая вершина
Небес на яркой синеве.
Руслан глядит — и догадался,
Что подъезжает к голове;
Быстрее борзый конь помчался;
Уж видно чудо из чудес;
Она глядит недвижным оком;
Власы ее как черный лес,
Поросший на челе высоком;
Ланиты жизни лишены;
Свинцовой бледностью покрыты,
Уста огромные открыты,
Огромны зубы стеснены...
Над полумертвой головою
Последний день уж тяготел.
К ней храбрый витязь прилетел
С Людмилой, с карлой за спиною.
Он крикнул: «Здравствуй, голова!
Я здесь! наказан твой изменник!
Гляди: вот он, злодей наш пленник!»

И князя гордые слова
Ее внезапно оживили,
На миг в ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...
Узнала витязя она
И брата с ужасом узнала.
Надулись ноздри; на щеках
Багровый огонь еще родился,
И в умирающих глазах
Последний гнев изобразился.
В смятеньи, в бешенстве немом
Она зубами скрежетала
И брату хладным языком
Укор невнятный лепетала...
Уже ее в тот самый час
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гас,
Слабело тяжкое дыханье,
Огромный закатился взор,
И вскоре князь и Черномор
Узрели смерти содроганье...
Она почила вечным сном.
В молчаньи витязь удалился;
Дрожащий карлик за седлом
Не смел дышать, не шевелился
И чернокнижным языком
Усердно демонам молился.

На склоне темных берегов
Какой-то речки безымянной,
В прохладном сумраке лесов,
Стоял поникшей хаты кров,
Густыми соснами венчаный.
В теченьи медленном река
Вблизи плетень из тростника
Волною сонной омывала
И вокруг него едва журчала
При легком шуме ветерка.
Долина в сих местах таилась,
Уединенна и темна;
И там, казалось, тишина

С начала мира воцарилась.
Руслан остановил коня.
Всё было тихо, безмятежно;
От рассветающего дня
Долина с рощею прибрежной
Сквозь утренний сияла дым.
Руслан на луг жену слагает,
Садится близ нее, вздыхает
С уныньем сладким и немым;
И вдруг он видит пред собою
Смиранный парус челнока
И слышит песню рыбака
Над тихоструйною рекою.
Раскинув невод по волнам,
Рыбак, на весла наклоненный,
Плывет к лесистым берегам,
К порогу хижины смиренной.
И видит добрый князь Руслан:
Челнок ко берегу приплывает;
Из темной хаты выбегает
Младая дева; стройный стан,
Власы, небрежно распущенны,
Улыбка, тихий взор очей,
И грудь, и плечи обнаженны —
Всё мило, всё пленяет в ней.
И вот они, обняв друг друга,
Садятся у прохладных вод,
И час беспечного досуга
Для них с любовью настаёт.
Но в изумленьи молчаливом
Кого же в рыбаке счастливом
Наш юный витязь узнаёт?
Хазарский хан, избранный славой,
Ратмир, в любви, в войне кровавой
Его соперник молодой,
Ратмир в пустыне безмятежной
Людмилу, славу позабыл
И им навеки изменил
В объятиях подруги нежной.

Герой приблизился, и вмиг
Отшельник узнает Руслана,

Встает, летит. Раздался крик. . .
И обнял князь младого хана.
«Что вижу я? — спросил герой, —
Зачем ты здесь, зачем оставил
Тревоги жизни боевой
И меч, который ты прославил?»
«Мой друг, — ответствовал рыбак, —
Душе наскучил бранной славы
Пустой и гибельный призрак.
Поверь: невинные забавы,
Любовь и мирные дубравы
Милее сердцу во сто крат, —
Теперь, утратив жажду брани,
Престал платить безумству дани,
И, верным счастьем богат,
Я всё забыл, товарищ милый,
Всё, даже прелести Людмилы». —
«Любезный хан, я очень рад! —
Сказал Руслан, — она со мною». —
«Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Русская княжна. . .
Она с тобою, где ж она?
Позволь. . . но нет, боюсь измены;
Моя подруга мне мила;
Моей счастливой перемены
Она виновницей была;
Она мне жизнь, она мне радость!
Она мне возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И мир, и чистую любовь.
Напрасно счастье мне сулили
Уста волшебниц молодых;
Двенадцать дев меня любили:
Я для нее покинул их;
Оставил терем их веселый
В тени хранительных дубров;
Сложил и меч и шлем тяжелый,
Забыл и славу и врагов.
Отшельник мирный и безвестный,
Остался в счастливой глуши
С тобой, друг милый, друг прелестный,
С тобою, свет моей души!»

Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговор
И, устремив на хана взор,
И улыбалась и вздыхала.

Рыбак и витязь на берегах
До темной ночи просидели
С душой и сердцем на устах —
Часы невидимо летели.
Чернеет лес, темна гора;
Встает луна — всё тихо стало;
Герою в путь давно пора, —
Накинув тихо покрывало
На деву спящую, Руслан
Идет и на коня садится;
Задумчиво безмолвный хан
Душой вослед ему стремится.
Руслану счастья, побед
И славы и любви желает...
И думы гордых, юных лет
Невольной грустью оживляет...

Зачем судьбой не суждено
Моей непостоянной лире
Геройство воспевать одно
И с ним (незнаемые в мире)
Любовь и дружбу старых лет?
Печальной истины поэт,
Зачем я должен для потомства
Порок и злобу обнажать
И тайны козни вероломства
В правдивых песнях обличать?

Княжны искатель недостойный,
Охоту к славе потеряв,
Никем не знаемый Фарлаф
В пустыне дальней и спокойной
Скрывался и Наины ждал.
И час торжественный настал.
К нему волшебница явилась,
Вещая: «Знаешь ли меня?
Ступай за мной; седлай коня!»

И ведьма кошкой обратилась;
Оседлан конь, она пустилась;
Тропами мрачными дубрав
За нею следует Фарлаф.

Долина тихая дремала,
В ночной одетая туман,
Луна во мгле перебегала
Из тучи в тучу и курган
Мгновенным блеском озаряла.
Под ним в безмолвии Руслан
Сидел с обычною тоскою
Пред усыпленную княжнюю.
Глубоку думу думал он,
Мечты летели за мечтами,
И неприметно веял сон
Над ним холодными крылами.
На деву смутными очами
В дремоте томной он взглянул
И, утомленную главою
Склонясь к ногам ее, заснул.

И снится вещей сон герою:
Он видит, будто бы княжна
Над страшной бездны глубиною
Стоит недвижна и бледна...
И вдруг Людмила исчезает,
Стоит один над бездной он...
Знакомый глас, призывный стон
Из тихой бездны вылетает...
Руслан стремится за женой;
Стремглав летит во тьме глубокой...
И видит вдруг перед собой:
Владимир, в GRIDнице высокой,
В кругу седых богатырей,
Между двенадцатью сынами,
С толпою названных гостей
Сидит за браными столами.
И так же гневен старый князь,
Как в день ужасный расставанья,
И все сидят не шевелясь,
Не смея перервать молчанья.

Утих веселый шум гостей,
Не ходит чаша круговая. . .
И видит он, среди гостей,
В бою сраженного Рогдая:
Убитый, как живой, сидит;
Из опененного стакана
Он, весел, пьет и не глядит
На изумленного Руслана.
Князь видит и младого хана,
Друзей и недругов. . . и вдруг
Раздался гуслей беглый звук
И голос вещего Баяна,
Певца героев и забав.
Вступает в гридницу Фарлаф,
Ведет он за руку Людмилу;
Но старец, с места не привстав,
Молчит, склонив главу унылу,
Князья, бояре — все молчат,
Душевные движенья кроя.
И всё исчезло — смертный хлад
Объемлет спящего героя.
В дремоту тяжко погружен,
Он льет мучительные слезы,
В волненьи мыслит: это сон!
Томится, но зловещей грезы,
Увы, прервать не в силах он.

Луна чуть светит над горою;
Объяты рощи темнотою,
Долина в мертвой тишине. . .
Изменник едет на коне.

Пред ним открылася поляна;
Он видит сумрачный курган;
У ног Людмилы спит Руслан,
И ходит конь кругом кургана.
Фарлаф с боязнию глядит;
В тумане ведьма исчезает,
В нем сердце замерло, дрожит,
Из хладных рук узду роняет,
Тихонько обнажает меч,

Готовясь витязя без боя
С размаха надвое рассечь...
К нему подъехал. Конь героя,
Врага почуя, закипел,
Заржал и топнул. Знак напрасный!
Руслан не внемлет; сон ужасный,
Как груз, над ним отяготел!..
Изменник, ведьмой ободренный,
Герою в грудь рукой презренной
Вонзает трижды хладну сталь...
И мчится боязливо вдаль
С своей добычей драгоценной.

Всю ночь бесчувственный Руслан
Лежал во мраке под горою.
Часы летели. Кровь рекою
Текла из воспаленных ран.
Поутру, взор открыв туманный,
Пуская тяжкий, слабый стон,
С усилием приподнялся он,
Взглянул, поник главою бранной —
И пал недвижимый, бездыханный.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Ты мне велишь, о друг мой нежный,
На лире легкой и небрежной
Старинны были напевать
И музе верной посвящать
Часы бесценного досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь с ветреной молвой,
Твой друг, блаженством упоенный,
Забыл и труд уединенный
И звуки лиры дорогой.
От гармонической забавы
Я, негой упоен, отвык...
Дышу тобой — и гордой славы
Невнятен мне призывный клик!
Меня покинул тайный гений
И вымыслов и сладких дум;
Любовь и жажда наслаждений
Одни преследуют мой ум.
Но ты велишь, но ты любила
Рассказы прежние мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила,
Владимир, ведьма, Черномор,
И финна верные печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкий вздор,
С улыбкой иногда дремала;

Но иногда свой нежный взор
Нежнее на певца бросала...
Решусь; влюбленный говорун,
Касаюсь вновь ленивых струн;
Сажусь у ног твоих и снова
Бренчу про витязя молодого.

Но что сказал я? Где Руслан?
Лежит он мертвый в чистом поле;
Уж кровь его не льется боле,
Над ним летает жадный вран,
Безгласен рог, недвижны латы,
Не шевелится шлем косматый!

Вокруг Руслана ходит конь,
Поникнув гордой головою,
В его глазах исчез огонь!
Не машет гривой золотою,
Не тешится, не скачет он,
И ждет, когда Руслан воспрянет...
Но князя крепок хладный сон,
И долго щит его не грянет.

А Черномор? Он за седлом,
В котомке, ведьмою забытый,
Еще не знает ни о чем;
Усталый, сонный и сердитый
Княжну, героя моего
Бранил от скуки молчаливо;
Не слыша долго ничего,
Волшебник выглянул — о диво!
Он видит, богатырь убит;
В крови потопленный лежит;
Людмилы нет, всё пусто в поле;
Злодей от радости дрожит
И мнит: свершилось, я на воле!
Но старый карла был неправ.

Меж тем, Наинной осененный,
С Людмилой, тихо усыпленной,
Стремится к Киеву Фарлаф:

Летит, надежды, страха полный;
Пред ним уже днепровски волны
В знакомых пажитях шумят;
Уж видит златоверхий град;
Уже Фарлаф по граду мчится,
И шум на стогнах восстает;
В волненьи радостном народ
Валит за всадником, теснится;
Бегут обрадовать отца:
И вот изменник у крыльца.

Влача в душе печали бремя,
Владимир-солнышко в то время
В высоком тереме своем
Сидел, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругом
Сидели с важностью угрюмой.
Вдруг внемлет он: перед крыльцом
Волненье, крики, шум чудесный;
Дверь отворилась; перед ним
Явился воин неизвестный;
Все встали с шопотом глухим
И вдруг смутились, зашумели:
«Людмила здесь! Фарлаф... ужели?»
В лице печальном изменясь,
Встает со стула старый князь,
Спешит тяжелыми шагами
К несчастной дочери своей,
Подходит; отчими руками
Он хочет прикоснуться к ней;
Но дева милая не внемлет,
И очарованная дремлет
В руках убийцы, — все глядят
На князя в смутном ожиданьи;
И старец беспокойный взгляд
Вперил на витязя в молчаньи.
Но, хитро перст к устам прижав,
«Людмила спит, — сказал Фарлаф. —
Я так нашел ее недавно
В пустынных муромских лесах
У злого лешего в руках;
Там совершилось дело славно;

Три дня мы билися; луна
Над боем трижды подымалась;
Он пал, а юная княжна
Мне в руки сонною досталась;
И кто прервет сей дивный сон?
Когда настанет пробужденье?
Не знаю — скрыт судьбы закон!
А нам надежда и терпенье
Одни остались в утешенье».

И вскоре с вестью роковой
Молва по граду полетела;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипела;
Печальный терем всем открыт;
Толпа волнуется, валит
Туда, где на одре высоком,
На одеяле парчевом
Княжна лежит во сне глубоком;
Князя и витязи кругом
Стоят унылы; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремят над нею; старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
К ногам Людмилы сединами
Приник с безмолвными слезами;
И бледный близ него Фарлаф
В немом раскаяньи, в досаде,
Трепещет, дерзость потеряв.

Настала ночь. Никто во граде
Очей бессонных не смыкал;
Шумя, теснились все друг к другу;
О чуде всякий толковал;
Младой супруг свою супругу
В светлице скромной забывал.
Но только свет луны двурогой
Исчез пред утренней зарей,
Весь Киев новою тревогой
Смутился. Клики, шум и вой
Возникли всюду. Киевляне
Толпятся на стене градской. . .

И видят: в утреннем тумане
Шатры белеют за рекой;
Щиты, как зарево, блистают;
В полях наездники мелькают,
Вдали подъявля чернѣй прах;
Идут походные телеги,
Костры пылают на холмах.
Беда: восстали печенеги!

Но в это время вещей финн,
Духов могучий властелин,
В своей пустыне безмятежной,
С спокойным сердцем ожидал,
Чтоб день судьбины неизбежной,
Давно предвиденный, восстал.

В немой глуши степей горючих,
За дальною цепью диких гор,
Жилища ветров, бурь гремучих,
Куда и ведьмы смелый взор
Проникнуть в поздний час боится,
Долина чудная таится,
И в той долине два ключа:
Один течет волной живою,
По камням весело журча,
Тот льется мертвою водою;
Кругом всё тихо, ветры спят,
Прохлада вешняя не веет,
Столетни сосны не шумят,
Не вьются птицы, лань не смеет
В жар летний пить из тайных вод;
Чета духов с начала мира,
Безмолвная на лоне мира,
Дремучий берег стережет...
С двумя кувшинами пустыми
Предстал отшельник перед ними;
Прервали духи давний сон
И удалились страха полны.
Склонившись, погружает он
Сосуды в девственные волны;
Наполнил, в воздухе пропал,
И очутился в два мгновенья

В долине, где Руслан лежал
В крови, безгласный, без движенья;
И стал над рыцарем старик,
И вспрыснул мертвою водою,
И раны засияли вмиг,
И труп чудесной красотой
Процвел; тогда водой живую
Героя старец окропил,
И бодрый, полный новых сил,
Трепеща жизнью молодою,
Встает Руслан, на ясный день
Очами жадными взирает,
Как безобразный сон, как тень,
Пред ним минувшее мелькает.
Но где Людмила? Он один!
В нем сердце, вспыхнув, замирает.
Вдруг витязь вспрыснул; вещей финн
Его зовет и обнимает:
«Судьба свершилась, о мой сын!
Тебя блаженство ожидает;
Тебя зовет кровавый пир;
Твой грозный меч бедою грянет;
На Киев снидет кроткий мир,
И там она тебе предстанет.
Возьми заветное кольцо,
Коснися им чела Людмилы,
И тайных чар исчезнут силы,
Врагов смутит твое лицо,
Настанет мир, погибнет злоба.
Достойны счастья будьте оба!
Прости надолго, витязь мой!
Дай руку. . . там, за дверью гроба —
Не прежде — свидимся с тобой!»
Сказал, исчезнул. Упоенный
Восторгом пылким и немым,
Руслан, для жизни пробужденный,
Подъемлет руки вслед за ним. . .
Но ничего не слышно боле!
Руслан один в пустынном поле;
Запрыгав, с карлой за седлом,
Русланов конь нетерпеливый
Бежит и ржет, махая гривой;

Уж князь готов, уж он верхом,
Уж он летит живой и здоровый
Через поля, через дубравы.

Но между тем какой позор
Являет Киев осажденный?
Там, устремив на нивы взор,
Народ, уныньем пораженный,
Стоит на башнях и стенах
И в страхе ждет небесной казни;
Стенанья робкие в домах,
На стогнах тишина боязни;
Один, близ дочери своей,
Владимир в горестной молитве;
И храбрый сонм богатырей
С дружиной верною князей
Готовится к кровавой битве.

И день настал. Толпы врагов
С зарею двинулись с холмов;
Неукротимые дружины,
Волнуясь, хлынули с равнины
И потекли к стене градской;
Во граде трубы загремели,
Бойцы сомкнулись, полетели
Навстречу рати удалой,
Сошлись — и заварился бой.
Почуя смерть, выиграли кони,
Пошли стучать мечи о брони;
Со свистом туча стрел взвилась,
Равнина кровью залилась;
Стремглав наездники помчались,
Дружины конные смешались;
Сомкнутой, дружною стеной
Там рубится со строем строй;
Со всадником там щелей бьется;
Там конь испуганный несется;
Там русский пал, там печенег;
Там клики битвы, там побег;
Тот опрокинут булавою;
Тот легкой поражен стрелою;
Другой, придавленный щитом,

Растоптан бешеным конем. . .
И длился бой до темной ночи;
Ни враг, ни наш не одолел!
За горами кровавых тел
Бойцы сомкнули томны очи,
И крепок был их бранный сон;
Лишь изредка на поле битвы
Был слышен падших скорбный стон
И русских витязей молитвы.

Бледнела утренняя тень,
Волна сребрилась в потоке,
Сомнительный рождался день
На отуманенном востоке.
Яснели холмы и леса,
И просыпались небеса.
Еще в бездейственном покое
Дремало поле боевое;
Вдруг сон прервался: вражий стан
С тревогой шумною воспрянул,
Внезапный крик сражений грянул;
Смутилось сердце киевлян;
Бегут нестройными толпами
И видят: в поле меж врагами,
Блестя в латах, как в огне,
Чудесный воин на коне
Грозой несетя, колет, рубит,
В ревуший рог, летая, трубит. . .
То был Руслан. Как божий гром,
Наш витязь пал на басурмана;
Он рыщет с карлом за седлом
Среди испуганного стана.
Где ни просвищет грозный меч,
Где конь сердитый ни промчится,
Везде главы слетают с плеч
И с воплем строй на строй валится;
В одно мгновенье бранный луг
Покрыт холмами тел кровавых,
Живых, раздавленных, безглавых,
Громадой копий, стрел, кольчуг.
На трубный звук, на голос боя
Дружины конные славян

Помчались по следам героя,
Сразились... гибни, басурман!
Объемлет ужас печенегов;
Питомцы бурные набегов
Зовут рассеянных коней,
Противиться не смеют боле
И с диким воплем в пыльном поле
Бегут от киевских мечей,
Обречены на жертву аду;
Их сонмы русский меч казнит;
Ликует Киев... Но по граду
Могучий богатырь летит;
В деснице держит меч победный;
Копье сияет как звезда;
Струится кровь с кольчуги медной;
На шлеме вьется борода;
Летит, надеждой окриленный,
По стогнам шумным в княжий дом.
Народ, восторгом упоенный,
Толпится с кликами кругом,
И князя радость оживила.
В безмолвный терем входит он,
Где дремлет чудным сном Людмила;
Владимир, в думу погружен,
У ног ее стоял унылый.
Он был один. Его друзей
Война влекла в поля кровавы.
Но с ним Фарлаф, чуждаясь славы,
Вдали от вражеских мечей,
В душе презрев тревоги стана,
Стоял на страже у дверей.
Едва злодей узнал Руслана,
В нем кровь остыла, взор погас,
В устах открытых замер глас,
И пал без чувств он на колена...
Достойной казни ждет измена!
Но, помня тайный дар кольца,
Руслан летит к Людмиле спящей,
Ее спокойного лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо: юная княжна,
Вздыхнув, открыла светлы очи!

Казалось, будто бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сон
Ее томил мечтой неясной,
И вдруг узнала — это он!
И князь в объятиях прекрасной.
Воскреснув пламенной душой,
Руслан не видит, не внимает,
И старец в радости немой,
Рыдая, милых обнимает.

Чем кончу длинный мой рассказ?
Ты угадаешь, друг мой милый!
Неправый старца гнев погас;
Фарлаф пред ним и пред Людмилой
У ног Руслана объявил
Свой стыд и мрачное злодейство;
Счастливым князь ему простил;
Лишенный силы чародейства,
Был принят карла во дворец;
И, бедствий празднуя конец,
Владимир в гриднице высокой
Запировал в семье своей.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

ЭПИЛОГ

Так, мира житель равнодушный,
На лоне праздной тишины,
Я славил лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пел — и забывал обиды
Слепого счастья и врагов,
Измены ветреной Дориды
И сплетни шумные глупцов.
На крыльях вымысла носимый,
Ум улетал за край земной;
И между тем грозы незримой
Сбиралась туча надо мной! . .
Я погибал. . . Святой хранитель
Первоначальных, бурных дней,
О дружба, нежный утешитель
Болезненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила мир;
Ты сохранила мне свободу,
Кипящей младости кумир!
Забывтый светом и молвою,
Далече от берегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой;

Душа, как прежде, каждый час
Полна томительною думой —
Но огонь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений:
Она прошла, пора стихов,
Пора любви, веселых снов,
Пора сердечных вдохновений!
Восторгов краткий день протек —
И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений. . .

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Повесть

1820—1821

ПОСВЯЩЕНИЕ

Н. Н. РАВВСКОМУ

*Прими с улыбкою, мой друг,
Свободной музы приношенье.
Тебе я посвятил изгнанной лиры пеньё
И вдохновенный свой досуг.
Когда я погибал, безвинный, безотрадный,
И шопот клеветы внимал со всех сторон,
Когда кинжал измены хладной,
Когда любви тяжелый сон
Меня терзали и мертвили,
Я близ тебя еще спокойство находил;
Я сердцем отдыхал — друг друга мы любили:
И бури надо мной свирепость утомили,
Я в мирной пристани богов благословил.*

*Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту,¹ пустынный величавый,
Аулов² и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.
Забуду ли его кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные, края, где ты со мной
Делил души младые впечатленья,
Где рыскает в горах воинственный разбой
И дикий гений вдохновенья
Таится в тишине глухой?*

*Ты здесь найдешь воспоминанья,
Быть может, милых сердцу дней,
Противуречия страстей,
Мечты знакомые, знакомые страданья
И тайный глас души моей.*

*Мы в жизни розно шли: в объятиях покоя
Едва, едва расцвел и вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел.
Отечество тебя ласкало с умиленьем,
Как жертву милую, как верный цвет надежд.
Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем;
Я жертва клеветы и мстительных невежд;
Но, сердце укрепив свободой и терпеньем,
Я ждал беспечно лучших дней;
И счастье моих друзей
Мне было сладким утешеньем.*

ЧАСТЬ I

В ауле на своих порогах
Черкесы праздные сидят.
Сыны Кавказа говорят
О бранных, гибельных тревогах,
О красоте своих коней,
О наслажденьях дикой неги;
Вспоминают прежних дней
Неотразимые набеги,
Обманы хитрых узденей,³
Удары шашек⁴ их жестоких,
И меткость неизбежных стрел,
И пепел разоренных сел,
И ласки пленниц чернооких.

Текут беседы в тишине;
Луна плывет в ночном тумане;
И вдруг пред ними на коне
Черкес. Он быстро на аркане
Младого пленника влачил.
«Вот русский!» — хищник возопил.
Аул на крик его сбежался
Ожесточенною толпой;
Но пленник хладный и немой,
С обезображенной главой,
Как труп, недвижим оставался.
Лица врагов не видит он,
Угроз и криков он не слышит;
Над ним летает смертный сон
И холодом тлетворным дышит.

И долго пленник молодой
Лежал в забвении тяжелом.
Уж полдень над его главой
Пылал в сиянии веселом,
И жизни дух проснулся в нем,
Невнятный стон в устах раздался,
Согретый солнечным лучом,
Несчастный тихо приподнялся.
Кругом обводит слабый взор...
И видит: неприступных гор
Над ним воздвигнулась громада,
Гнездо разбойничьих племен,
Черкесской вольности ограда.
Вспомнил юноша свой плен,
Как сна ужасного тревоги,
И слышит: загремели вдруг
Его закованные ноги...
Всё, всё сказал ужасный звук;
Затмилась перед ним природа.
Прости, священная свобода!
Он раб.

За саклями⁵ лежит
Он у колючего забора.
Черкесы в поле, нет надзора,
В пустом ауле всё молчит.
Пред ним пустынные равнины
Лежат зеленой пеленой;
Там холмов тянутся грядой
Однообразные вершины;
Меж них уединенный путь
В дали теряется угрюмой, —
И пленника молодого грудь
Тяжелой взволновалась думой...

В Россию дальний путь ведет,
В страну, где пламенную младость
Он гордо начал без забот,
Где первую познал он радость,
Где много милого любил,
Где обнял грозное страданье,
Где бурной жизнью погубил
Надежду, радость и желанье —

И лучших дней воспоминанье
В увядшем сердце заключил.

Людей и свет изведал он,
И знал неверной жизни цену.
В сердцах друзей нашед измену,
В мечтах любви безумный сон,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презренной суеты,
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступник света, друг природы,
Покинул он родной предел
И в край далекий полетел
С веселым призраком свободы.

Свобода! он одной тебя
Еще искал в пустынном мире;
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечтам и к лире,
С волненьем песни он внимал,
Одушевленные тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.

Свершилось! целью упованья
Не зрит он в мире ничего.
И вы, последние мечтанья,
И вы сокрылись от него.
Он раб. Склонясь головой на камень,
Он ждет, чтоб с сумрачной зарей
Погас печальной жизни пламень,
И жаждет сени гробовой.

Уж меркнет солнце за горами;
Вдали раздался шумный гул;
С полей народ идет в аул,
Сверкая светлыми косами.
Пришли. В домах зажглись огни,
И постепенно шум нестройный
Умолкнул; всё в ночной тени
Объято негою спокойной;

Вдали сверкает горный ключ,
Сбегая с каменной стремнины;
Оделись пеленою туч
Кавказа спящие вершины. . .
Но кто, в сиянии луны,
Среди глубокой тишины
Идет, украдкой ступая?
Очнулся русский: перед ним,
С приветом нежным и немым,
Стоит черкешенка младая.
На деву молча смотрит он
И мыслит: это лживый сон,
Усталых чувств игра пустая.
Луною чуть озарена,
С улыбкой жалости отрадной
Колена преклонив, она
К его устам кумыс⁶ прохладный
Подносит тихую рукой.
Но он забыл сосуд целебный;
Он ловит жадною душой
Приятной речи звук волшебный
И взоры девы молодой.
Он чуждых слов не понимает;
Но взор умильный, жар ланит,
Но голос нежный говорит:
Живи! и пленник оживает.
И он, собрав остаток сил,
Веленью милому покорный,
Привстал — и чашей благотворной
Томленья жажды утолил.
Потом на камень вновь склонился
Отягощенною главой,
Но всё к черкешенке младой
Угасший взор его стремился.
И долго, долго перед ним
Она, задумчива, сидела;
Как бы участием немым
Утешить пленника хотела;
Уста невольно каждый час
С начатой речью открывались;
Она вздыхала, и не раз
Слезамии очи наполнялись.

За днями дни прошли как тень.
В горах, окованный, у стада
Проводит пленник каждый день.
Пещеры влажная прохлада
Его скрывает в летний зной;
Когда же рог луны серебристой
Блеснет за мрачною горой,
Черкешенка, тропой тенистой,
Приносит пленнику вино,
Кумыс, и ульев сот душистый,
И белоснежное пшено;
С ним тайный ужин разделяет;
На нем покоит нежный взор;
С неясной речью сливает
Очей и знаков разговор;
Поет ему и песни гор,
И песни Грузии счастливой,⁷
И памяти нетерпеливой
Передает язык чужой.
Впервые девственной душой
Она любила, знала счастье;
Но русский жизни молодой
Давно утратил сладострастье.
Не мог он сердцем отвечать
Любви младенческой, открытой —
Быть может, сон любви забытой
Боялся он вспоминать.

Не вдруг увянет наша младость,
Не вдруг восторги бросят нас,
И неожиданную радость
Еще обнимем мы не раз:
Но вы, живые впечатленья,
Первоначальная любовь,
Небесный пламень упоенья,
Не прилетаете вы вновь.

Казалось, пленник безнадежный
К унылой жизни привыкал.
Тоску неволи, жар мятежный
В душе глубоко он скрывал.
Влачась меж угрюмых скал,

В час ранней утренней прохлады,
Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины!
Престолы вечные снегов,
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,
И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый
Белел на небе голубом.⁸
Когда, с глухим сливаясь гулом,
Предтеча бури, гром гремел,
Как часто пленник над аулом
Недвижим на горе сидел!
У ног его дымились тучи,
В степи взвивался прах летучий;
Уже приюта между скал
Елень испуганный искал;
Орлы с утесов подымались
И в небесах перекликались;
Шум табунов, мычанье стад
Уж гласом бури заглушались...
И вдруг на доли дождь и град
Из туч сквозь молний извергались.
Волнами роя крутизны,
Сдвигая камни вековые,
Текли потоки дождевые —
А пленник, с горной вышины,
Один, за тучей громовою,
Возврата солнечного ждал,
Недосягаемый грозою,
И бури немощному вою
С какой-то радостью внимал.

Но европейца всё вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,

И боюся му.

Кода, нощь до

На нудысуга

Модубит пави

Коды на мей

Бнептил сум

И рэдуби

И 4% етат

Кбунд нбу

Медл а бо

О томедпе

Будат ил

Анбон дуб

Тытуб, нур

Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани;
Смотрел по целым он часам,
Как иногда черкес проворный,
Широкой степью, по горам,
В косматой шапке, в бурке черной,
К луке склонясь, на стремяна
Ногою стройной опираясь,
Летал по воле скакуна,
К войне заранее приучаясь.
Он любовался красотой
Одежды бранной и простой.
Черкес оружием обвешен;
Он им гордится, им утешен;
На нем броня, пищаль, колчан,
Кубанский лук, кинжал, аркан
И шашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто его не тяготит,
Ничто не брякнет; пеший, конный —
Всё тот же он; всё тот же вид
Непобедимый, непреклонный.
Гроза беспечных казаков,
Его богатство — конь ретивый,
Питомец горских табунов,
Товарищ верный, терпеливый.
В пещере иль в траве глухой
Коварный хищник с ним таится
И вдруг, внезапною стрелой,
Завидя путника, стремится;
В одно мгновенье верный бой
Решит удар его могучий,
И странника в ущелья гор
Уже влечет аркан летучий.
Стремится конь во весь опор,
Исполнен огненной отваги;
Всё путь ему: болото, бор,
Кусты, утесы и овраги;
Кровавый след за ним бежит,
В пустыне топот раздаётся;
Седой поток пред ним шумит —
Он в глубь кипящую несется;

И путник, брошенный ко дну,
Глодает мутную волну,
Изнемогая смерти просит
И зрит ее перед собой. . .
Но мощный конь его стрелой
На берег пенистый выносит.

Иль, ухватив рогатый пень,
В реку низверженный грозою,
Когда на холмах пеленою
Лежит безлунной ночи тень,
Черкес на корни вековые,
На ветви вешает кругом
Свои доспехи боевые,
Щит, бурку, панцырь и шелом,
Колчан и лук — и в быстры волны
За ним бросается потом,
Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Река ревет;
Могучий ток его несет
Вдоль берегов уединенных,
Где на курганах возвышенных,
Склонясь на копья, казаки
Глядят на темный бег реки; —
И мимо их, во мгле чернея,
Плывет оружие злодея. . .
О чем ты думаешь, казак?
Вспоминаешь прежни битвы,
На смертном поле свой бивак,
Полков хвалебные молитвы
И родину? . . Коварный сон!
Простите, вольные станицы,
И дом отцов, и тихий Дон,
Война и красные девицы!
К брегам причалил тайный враг,
Стрела выходит из колчана, —
Взвилась — и падает казак
С окровавленного кургана.

Когда же с мирною семьей
Черкес в отеческом жилище

Сидит ненастною порой
И тлеют угли в пепелище;
И, спрянув с верного коня,
В горах пустынных запоздалый,
К нему войдет пришлец усталый
И робко сядет у огня, —
Тогда хозяин благосклонный
С приветом, ласково, встает
И гостю в чаше благовонной
Чихирь⁹ отраднй подает.
Под влажной буркой, в сакле дымной,
Вкушает путник мирный сон,
И утром оставляет он
Ночлега кров гостеприимный.¹⁰

Бывало в светлый Баиран¹¹
Сберутся юноши толпою;
Игра сменяется игрою.
То, полный разобрав колчан,
Они крылатыми стрелами
Пронзают в облаках орлов;
То с высоты крутых холмов
Нетерпеливыми рядами,
При данном знаке, вдруг падут,
Как лани землю поражают,
Равнину пылью покрывают
И с дружным топотом бегут.

Но скучен мир однообразный
Сердцам, рожденным для войны;
И часто игры воли праздной
Игрой жестокой смущены.
Нередко шашки грозно блещут
В безумной резвости пиров,
И в прах летят главы рабов,
И в радости младенцы плещут.

Но русский равнодушно зрел
Сии кровавые забавы.
Любил он прежде игры славы
И жаждой гибели горел.
Невольник чести беспощадной,

Вблизи видал он свой конец,
На поединках твердый, хладный,
Встречая гибельный свинец.
Быть может, в думу погруженный,
Он время то воспоминал,
Когда, друзьями окруженный,
Он с ними шумно пировал. . .
Жалел ли он о днях минувших,
О днях, надежду обманувших,
Иль, любопытный, созерцал
Суровой простоты забавы
И дикого народа нравы
В сем верном зеркале читал, —
Таил в молчаньи он глубоком
Движенья сердца своего,
И на челе его высоком
Не изменялось ничего;
Беспечной смелости его
Черкесы грозные дивились,
Щадили век его молодой
И шопотом между собой
Своей добычею гордились.

ЧАСТЬ II

Ты их узнала, дева гор,
Восторги сердца, жизни сладость;
Твой огненный, невинный взор
Высказывал любовь и радость.
Когда твой друг во тьме ночной
Тебя лобзал немым лобзаньем,
Сгорая негой и желаньем,
Ты забывала мир земной,
Ты говорила: «Пленник милый,
Развесели свой взор унылый,
Склонись главою ко мне на грудь,
Свободу, родину забудь.
Скрываться рада я в пустыне.
С тобою, царь души моей!
Люби меня; никто доньше
Не целовал моих очей;
К моей постеле одинокой
Черкес молодой и черноокий
Не крался в тишине ночной;
Слыву я девою жестокой,
Неумолимой красотой.
Я знаю жребий мне готовый:
Меня отец и брат суровый
Немилому продать хотят
В чужой аул ценою злата;
Но умолю отца и брата,
Не то — найду кинжал иль яд.

Непостижимой, чудной силой
К тебе я вся привлечена;
Люблю тебя, невольник милый,
Душа тобой упоена...»

Но он с безмолвным сожаленьем
На деву страстную взирал
И, полный тяжким размышленьем,
Словам любви ее внимал.
Он забывался. В нем теснились
Воспоминанья прошлых дней,
И даже слезы из очей
Однажды градом покатались.
Лежала в сердце, как свинец,
Тоска любви без упования.
Пред юной девой наконец
Он изливал свои страданья:

«Забудь меня; твоей любви,
Твоих восторгов я не стою.
Бесценных дней не трать со мною;
Другого юношу зови.
Его любовь тебе заменит
Моей души печальный хлад;
Он будет верен, он оценит
Твою красу, твой милый взгляд,
И жар младенческих лобзаний,
И нежность пламенных речей;
Без упоенья, без желаний
Я вяну жертвою страстей.
Ты видишь след любви несчастной,
Душевной бури след ужасный;
Оставь меня; но пожалей
О скорбной участи моей!
Несчастный друг, зачем не прежде
Явилась ты моим очам,
В те дни, как верил я надежде
И упоительным мечтам?
Но поздно: умер я для счастья;
Надежды призрак улетел;
Твой друг отвык от сладострастья,
Для нежных чувств окаменел...»

Как тяжко мертвыми устами
Живым лобзаньям отвечать
И очи, полные слезами,
Улыбкой хладною встречать!
Измучась ревностью напрасной,
Уснув бесчувственной душой,
В объятиях подруги страстной
Как тяжко мыслить о другой!..

Когда так медленно, так нежно
Ты пьешь лобзания мои,
И для тебя часы любви
Проходят быстро, безмятежно, —
Снедая слезы в тишине,
Тогда, рассеянный, унылый,
Перед собою, как во сне,
Я вижу образ вечно милый;
Его зову, к нему стремлюсь,
Молчу, не вижу, не внимаю,
Тебе в забвеньи предаюсь
И тайный призрак обнимаю.
Об нем в пустыне слезы лью;
Повсюду он со мною бродит
И мрачную тоску наводит
На душу сирую мою.

Оставь же мне мои железы,
Уединенные мечты,
Воспоминанья, грусть и слезы:
Их разделить не можешь ты.
Ты сердца слышала признание;
Прости... дай руку — на прощанье.
Недолго женскую любовь
Печалит хладная разлука;
Пройдет любовь, настанет скука,
Красавица полюбит вновь».

Раскрыв уста, без слез рыдая,
Сидела дева молодая.
Туманный, неподвижный взор
Безмолвный выражал укор;
Бледна как тень, она дрожала;

В руках любовника лежала
Ее холодная рука;
И наконец любви тоска
В печальной речи излилася:

«Ах, русский, русский, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебе навек я предалась?
Недолго на груди твоей
В забвеньи дева отдыхала;
Не много радостных ночей
Судьба на долю ей послала!
Придут ли вновь когда-нибудь?
Ужель навек погибла радость? ..
Ты мог бы, пленник, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотя б из жалости одной,
Молчаньем, ласкою притворной;
Я услаждала б жребий твой
Заботой нежной и покорной;
Я стерегла б минуты сна,
Покой тоскующего друга;
Ты не хотел. . . Но кто ж она,
Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русский? ты любим? ..
Понятны мне твои страданья. . .
Прости ж и ты мои рыданья,
Не смейся горестям моим».

Умолкла. Слезы и стенанья
Стеснили бедной девы грудь.
Уста без слов роптали пени.
Без чувств, обняв его колени,
Она едва могладохнуть.
И пленник, тихую рукою
Подняв несчастную, сказал:
«Не плачь: и я гоним судьбою,
И муки сердца испытал.
Нет, я не знал любви взаимной,
Любил один, страдал один;
И гасну я, как пламень дымный,
Забытый средь пустых долин;

Умру вдали берегов желанных;
Мне будет гробом эта степь;
Здесь на костях моих изгнанных
Заржавит тягостная цепь...»

Светила ночи затмевались;
В дали прозрачной означались
Громады светлоснежных гор;
Главу склонив, потупя взор,
Они в безмолвии расстались.

Унылый пленник с этих пор
Один окрест аула бродит.
Заря на знойный небосклон
За днями новы дни возводит,
За ночью ночь вослед уходит,
Вотще свободы жаждет он.
Мелькнет ли серна меж кустами,
Проскачет ли во мгле сайгак,
Он, вспыхнув, загремит цепями,
Он ждет, не крадется ль казак,
Ночной аулов разоритель,
Рабов отважный избавитель.
Зовет... но всё кругом молчит;
Лишь волны плещутся, бушуя,
И человека зверь почуя,
В пустыню темную бежит.

Однажды слышит русский пленный,
В горах раздался клик военный:
«В табун, в табун!» Бегут, шумят;
Уздечки медные гремят,
Чернеют бурки, блещут брони,
Кипят оседланные кони,
К набегу весь аул готов,
И дикие питомцы брани
Рекою хлынули с холмов
И скачут по берегам Кубани
Сбирать насильственные дани.

Утих аул; на солнце спят
У саклей псы сторожевые.

Младенцы смуглые, нагие
В свободной резвости шумят;
Их прадеды в кругу сидят,
Из трубок дым вьась синеет.
Они безмолвно юных дев
Знакомый слушают припев,
И старцев сердце молодеет.

Черкесская песня,

1

В реке бежит гремучий вал;
В горах безмолвие ночное;
Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное.
Не спи, казак: во тьме ночной
Чеченец ходит за рекой.

2

Казак плывет на челноке,
Влача по дну речному сети.
Казак, утонешь ты в реке,
Как тонут маленькие дети,
Купаясь жаркою порой:
Чеченец ходит за рекой.

3

На берегу заветных вод
Цветут богатые станицы;
Веселый пляшет хоровод.
Бегите, русские певицы,
Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

Так пели девы. Сев на берегу,
Мечтает русский о побеге;
Но цепь невольника тяжка,
Быстра глубокая река...

Меж тем, померкнув, степь уснула,
Вершины скал омрачены,
По белым хижинам аула
Мелькает бледный свет луны;
Елени дремлют над водами,
Умолкнул поздний крик орлов,
И глухо вторится горами
Далекий топот табунов.

Тогда кого-то слышно стало,
Мелькнуло девы покрывало,
И вот — печальна и бледна
К нему приблизилась *она*.
Уста прекрасной ищут речи;
Глаза исполнены тоской,
И черной падают волной
Ее власы на грудь и плечи.
В одной руке блестит пила,
В другой кинжал ее булатный;
Казалось, будто дева шла
На тайный бой, на подвиг ратный.

На пленника возведши взор,
«Беги, — сказала дева гор, —
Нигде черкес тебя не встретит.
Спеш: не трать ночных часов;
Возьми кинжал: твоих следов
Никто во мраке не заметит».

Пилу дрожащей взяв рукой,
К его ногам она склонилась:
Визжит железо под пилой,
Слеза невольная скатилась —
И цепь распалась и гремит.
«Ты волен, — дева говорит, —
Беги!» Но взгляд ее безумный
Любви порыв изобразил.
Она страдала. Ветер шумный,
Свистя, покров ее клубил.
«О друг мой! — русский возопил, —
Я твой навек, я твой до гроба.

Ужасный край оставим оба,
Беги со мной. . .» — «Нет, русский, нет!
Она исчезла, жизни сладость;
Я знала всё, я знала радость,
И всё прошло, пропал и след.
Возможно ль? ты любил другую! . .
Найди ее, люби ее;
О чем же я еще тоскую?
О чем уныние мое? . .
Прости! любви благословенья
С тобою будут каждый час.
Прости — забудь мои мученья,
Дай руку мне. . . в последний раз».

К черкешенке простер он руки,
Воскресшим сердцем к ней летел,
И долгий поцелуй разлуки
Союз любви запечатлел.
Рука с рукой, унынья полны,
Сошли ко берегу в тишине —
И русский в шумной глубине
Уже плывет и пенит волны,
Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них. . .
Вдруг волны глухо зашумели,
И слышен отдаленный стон. . .
На дикий берег выходит он,
Глядит назад. . . берега яснили
И, опененные, белели;
Но нет черкешенки молодой
Ни у берегов, ни под горой. . .
Всё мертво. . . на берегах уснувших
Лишь ветра слышен легкий звук,
И при луне в водах плеснувших
Струистый исчезает круг.

Всё понял он. Прощальным взором
Объемлет он в последний раз
Пустой аул с его забором,
Поля, где пленный стадо пас,
Стремнины, где влачил оковы,
Ручей, где в полдень отдыхал,

Когда в горах черкес суровый
Свободы песню запевал.

Редел на небе мрак глубокий,
Ложился день на темный дол,
Взошла заря. Тропой далекой
Освобожденный пленник шел;
И перед ним уже в туманах
Сверкали русские штыки,
И окликались на курганах
Сторожевые казаки.

ЭПИЛОГ

Так муза, легкий друг мечты,
К пределам Азии летала
И для венка себе срывала
Кавказа дикие цветы.
Ее пленял наряд суровый
Племен, возросших на войне,
И часто в сей одежде новой
Волшебница являлась мне;
Вокруг аулов опустелых
Одна бродила по скалам
И к песням дев осиротелых
Она прислушивалась там;
Любила бранные станицы,
Тревоги смелых казаков,
Курганы, тихие гробницы,
И шум, и ржанье табунов.
Богиня песен и рассказа,
Воспоминания полна,
Быть может, повторит она
Преданья грозного Кавказа;
Расскажет повесть дальних стран,
Мстислава ¹² древний поединок,
Измены, гибель россиян
На лоне мстительных грузинок;
И воспую тот славный час,
Когда, почуя бой кровавый,
На негодующий Кавказ
Подъялся наш орел двуглавый;

Когда на Тереке седом
Впервые грянул битвы гром
И грохот русских барабанов,
И в сече, с дерзностным челом,
Явился пылкий Цицианов.
Тебя я воспою, герой,
О Котляревский, бич Кавказа!
Куда ни мчался ты грозой —
Твой ход, как черная зараза,
Губил, ничтожил племена...
Ты днесь покинул саблю мести,
Тебя не радует война;
Скучая миром, в язвах чести,
Вкушаешь праздный ты покой
И тишину домашних долов...
Но се — Восток подъемлет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!

И смолкнул ярый крик войны,
Всё русскому мечу подвластно.
Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ,
Забудет алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят об вашей казни
Преданья темные молвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Бешту*, или, правильнее, *Бештау*, кавказская гора в 40 верстах от Георгиевска. Известна в нашей истории.

² *Аул*. Так называются деревни кавказских народов.

³ *Уздень*, начальник или князь.

⁴ *Шашка*, черкесская сабля.

⁵ *Сакля*, хижина.

⁶ *Кумыс* делается из кобыльего молока; напиток сей в большом употреблении между всеми горскими и кочующими народами Азии. Он довольно приятен вкусу и почитается весьма здоровым.

⁷ Счастливый климат Грузии не вознаграждает сию прекрасную страну за все бедствия, вечно ею претерпеваемые. Песни грузинские приятны и по большей части заунывны. Они славят минутные успехи кавказского оружия, смерть наших героев: Бакунина и Цицианова, измены, убийства — иногда любовь и наслаждения.

⁸ Державин в превосходной своей оде графу Зубову первый изобразил в следующих строфах дикие картины Кавказа:

О юный вождь! — сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.

Ты зрел, как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизоянтарна,
Навесаь, смотрит в темный бор;
А там заря златобагряна
Сквозь лес увеселяет взор.

le d'été ombré, le milieu d'été
~~le printemps~~ l'été.....
l'été un peu

14

Жуковский, в своём послании к г. Воейкову, также посвящает несколько прелестных стихов описанию Кавказа:

Ты зрел, как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел,
Где, часто притаясь на берегу,
Чеченец иль черкес сидел
Под буркой, с гибельным арканом;
И вдалеке перед тобой,
Одеты голубым туманом,
Гора вздымалась над горой,
И в сонме их гигант седой,
Как туча, Эльборус двуглавый.
Ужасною и величавой
Там всё блистает красотой:
Утесов мшистые громады,
Бегущи с ревом водопады
Во мрак пучин с гранитных скал;
Леса, которых сна от века
Ни стук секир, ни человека
Веселый глас не возмущал,
В которых сумрачные сени
Еще луч дневный не проник,
Где изредка одни елени,
Орла послушав грозный крик,
Теснясь в толпу, шумят ветвями,
И козы легкими ногами
Перебегают по скалам.
Там всё является очам
Великолепие творенья!
Но там, среди уединенья
Долин, таящихся в горах,
Гнездятся и балкар, и бах,
И абазех, и камуцинец,
И корбулак, и албазинец,
И чечерец, и шапсук.
Пищаль, кольчуга, сабля, лук
И конь, соратник быстроногий, —
Их и сокровища и боги;
Как серны скачут по горам,
Бросают смерть из-за утеса;
Или по топким берегам,
В траве высокой, в чаще леса
Рассыпавшись, добычи ждут;
Скалы свободы их приют.
Но дни в аулах их бредут
На костылях угрюмой лени:
Там жизнь их — сон; стеснясь в кружок
И в братский с табаком горшок
Вонзивши чубуки, как тени,
В дыму клубящемся сидят
И об убийствах говорят;

Иль хвалят меткие пищали,
Из коих деды их стреляли;
Иль сабли на кремнях острят,
Готовясь на убийства новы.

⁹ *Чихирь*, красное грузинское вино.

¹⁰ Черкесы, как и все дикие народы, отличаются пред нами гостеприимством. Гость становится для них священной особою. Предать его или не защитить почитается меж ними за величайшее бесчестие. *Кунак* (т. е. приятель, знакомец) отвечает жизнью за вашу безопасность, и с ним вы можете углубиться в самую средину кабардинских гор.

¹¹ *Байран*, или *Бейрам*, — праздник розговенья. *Рамазан* — мусульманский пост.

¹² Мстислав, сын св. Владимира, прозванный *Удалым*, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. См. Ист. Гос. Росс. Том II.

ГАВРИИЛИАДА

Поэма

1821

Воистину еврейки молодой
Мне дорого душевное спасенье.
Приди ко мне, прелестный ангел мой,
И мирное прими благословенье.
Спасти хочу земную красоту!
Любозных уст улыбкою довольный,
Царю небес и господу-Христу
Пою стихи на лире богомольной.
Смиранных струн, быть может, наконец
Ее пленят церковные напевы,
И дух святой сойдет на сердце девы;
Властитель он и мыслей и сердец.

Шестнадцать лет, невинное смирение,
Бровь темная, двух девственных холмов
Под полотном упругое движенье,
Нога любви, жемчужный ряд зубов...
Зачем же ты, еврейка, улыбнулась
И по лицу румянец пробежал?
Нет, милая, ты право обманулась:
Я не тебя — Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима,
Вдали забав и юных волокит
(Которых бес для гибели хранит),
Красавица, никем еще не зрима,
Без прихотей вела спокойный век.
Ее супруг, почтенный человек,
Седой старик, плохой столяр и плотник,
В селеньи был единственный работник.

И день и ночь, имея много дел
То с уровнем, то с верною пилою,
То с топором, не много он смотрел
На прелести, которыми владел,
И тайный цвет, которому судьбою
Назначена была иная честь,
На стебельке не смел еще процвести.
Ленивый муж своею старой лейкой
В час утренний не орошал его;
Он как отец с невинной жил еврейкой,
Ее кормил — и больше ничего.

Но, братие, с небес во время оно
Всевышний бог склонил приветный взор
На стройный стан, на девственное лоно
Рабы своей — и, чувствуя задор,
Он положил в премудрости глубокой
Благословить достойный вертоград,
Сей вертоград забытый, одинокий,
Щедротою таинственных наград.

Уже поля немая ночь объемлет;
В своем углу Мария сладко дремлет.
Всевышний рек, — и деве снится сон:
Пред нею вдруг открылся небосклон
Во глубине своей необозримой;
В сиянии и славе нестерпимой
Тьмы ангелов волнуются, кипят,
Бесчисленны летают серафимы,
Струнами арф бряцают херувимы,
Архангелы в безмолвии сидят,
Главы закрыв лазурными крылами, —
И, яркими одеян облаками,
Предвечного стоит пред ними трон.
И светел вдруг очам явился он...
Все пали ниц... Умолкнул арфы звон.
Склонив главу, едва Мария дышит,
Дрожит как лист и голос бога слышит:
«Краса земных любезных дочерей,
Израиля надежда молодая!
Зову тебя, любовию пылая,
Причастница ты славы будь моей:

Готовь себя к неведомой судьбине,
Жених грядет, грядет к своей рабыне».

Вновь облаком оделся божий трон,
Восстал духов крылатый легион,
И раздались небесной арфы звуки...
Открыв уста, сложив умильно руки,
Лицу небес Мария предстоит.
Но что же так волнует и манит
Ее к себе внимательные взоры?
Кто сей в толпе придворных молодых
С нее очей не сводит голубых?
Пернатый шлем, роскошные уборы,
Сиянье крил и локонов золотых,
Высокий стан, взор томный и стыдливый —
Всё нравится Марии молчаливой.
Замечен он, один он сердцу мил!
Гордись, гордись, архангел Гавриил!
Пропало всё. — Не внемля детской пени,
На полотне так исчезают тени,
Рожденные в волшебном фонаре.

Красавица проснулась на заре
И нежилась на ложе томной лени.
Но дивный сон, но милый Гавриил
Из памяти ее не выходил.
Царя небес пленить она хотела,
Его слова приятны были ей,
И перед ним она благоговела, —
Но Гавриил казался ей милей...
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант.
Что делать нам? судьба так приказала, —
Согласны в том невежда и педант.

Поговорим о странностях любви
(Другого я не смыслю разговора).
В те дни, когда от огненного взора
Мы чувствуем волнение в крови,
Когда тоска обманчивых желаний
Объемлет нас и душу тяготит,

И всюду нас преследует, томит
Предмет один и думы и страданий, —
Не правда ли? в толпе молодых друзей
Наперсника мы ищем и находим.
С ним тайный глас мучительных страстей
Наречием восторгов переводим.
Когда же мы поймали на лету
Крылатый миг небесных упоений
И к радости на ложе наслаждений
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего нам более желать, —
Чтоб оживить о ней воспоминанье,
С наперсником мы любим поболтать.

И ты, господь! познал ее волненье,
И ты пылал, о боже, как и мы.
Создателю постыло всё творенье,
Наскучило небесное моленье, —
Он сочинял любовные псалмы
И громко пел: «Люблю, люблю Марию,
В унынии бессмертие влачу. . .
Где крылья? к Марии полечу
И на груди красавицы почию! . . .»
И прочее. . . всё, что придумать мог. —
Творец любил восточный, пестрый слог.
Потом, призвав любимца Гавриила,
Свою любовь он прозой объяснял.
Беседы их нам церковь утаила,
Евангелист немного оплошал!
Но говорит армянское преданье,
Что царь небес, не пожалев похвал,
В Меркурии архангела избрал,
Заметья в нем и ум и дарованье, —
И вечерком к Марии подослал.
Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был счастлив;
Переносить записочки да вести
Хоть выгодно, но он самолюбив.
И славы сын, намеренье сокрыв,
Стал нехотя услужливый угодник
Царю небес. . . а по-земному сводник:

Но, старый враг, не дремлет сатана!
Услышал он, шатаясь в белом свете,
Что бог имел еврейку на примете,
Красавицу, которая должна
Спасти наш род от вечной муки ада.
Лукавому великая досада —
Хлопочет он. Всевышний между тем
На небесах сидел в уныньи сладком,
Весь мир забыл, не правил он ничем —
И без него всё шло своим порядком.

Что ж делает Мария? Где она,
Иосифа печальная супруга?
В своем саду, печальных дум полна,
Проводит час невинного досуга
И снова ждет пленительного сна.
С ее души не сходит образ милый,
К архангелу летит душой унылой.
В прохладе пальм, под говором ручья
Задумалась красавица моя;
Не мило ей цветов благоуханье,
Не весело прозрачных вод журчанье...
И видит вдруг: прекрасная змия,
Приманчивой блистая чешуею,
В тени ветвей качается над нею
И говорит: «Любимица небес!
Не убегай, — я пленник твой послушный...»
Возможно ли? О, чудо из чудес!
Кто ж говорил Марии простодушной,
Кто ж это был? Увы, конечно, бес.

Краса змии, цветов разнообразность,
Ее привет, огонь лукавых глаз
Понравились Марии в тот же час.
Чтоб усладить младого сердца праздность,
На сатане покоя нежный взор,
С ним завела опасный разговор:

«Кто ты, змия? По льстивому напеву,
По красоте, по блеску, по глазам —
Я узнаю того, кто нашу Еву

Привлечь успел к таинственному древу
И там склонил несчастную к грехам.
Ты погубил неопытную деву,
А с нею весь адамов род и нас.
Мы в бездне бед невольно потонули.
Не стыдно ли?» —

«Попы вас обманули,
И Еву я не погубил, а спас!» —
«Спас! от кого?» —

«От бога». —

«Враг опасный!» —

«Он был влюблен. . .» —

«Послушай, берегись!» —

«Он к ней пылал. . .»

«Молчи!» —

«. . . любовью страстной.

Она была в опасности ужасной». —

«Змия, ты лжешь!» —

«Ей-богу!» —

«Не божись».

«Но выслушай. . .»

Подумала Мария:

Нехорошо в саду, наедине,
Украдкою внимать наветам змия,
И к стати ли поверить сатане?
Но царь небес меня хранит и любит,
Всевышний благ: он верно не погубит
Своей рабы, — за что ж? за разговор!
К тому же он не даст меня в обиду,
Да и змия скромна довольно с виду.
Какой тут грех? где зло? пустое, вздор! —
Подумала и ухо приклонила,
Забыв на час любовь и Гавриила.
Лукавый бес, надменно развернув
Гремучий хвост, согнув дугою шею,
С ветвей скользит — и падает пред нею;
Желаний огонь во грудь ее вдохнув,
Он говорит:

«С рассказом Моисея
Не соглашу рассказа моего:

Он вымыслом хотел пленить еврея,
Он важно лгал, — и слушали его.
Бог наградил в нем слог и ум покорный,
Стал Моисей известный господин,
Но я, поверь, — историк не придворный,
Не нужен мне пророка важный чин!

Они должны, красавицы другие,
Завидовать огню твоих очей,
Ты рождена, о скромная Мария,
Чтоб изумлять адамовых детей,
Чтоб властвовать над легкими сердцами,
Улыбкою блаженство им дарить,
Сводить с ума двумя-тремя словами,
По прихоти — любить и не любить...
Вот жребий твой. Как ты — младая Ева
В своем саду скромна, умна, мила,
Но без любви в унынии цвела;
Всегда одни, глаз на глаз, муж и дева
На берегах Эдема светлых рек
В спокойствии вели невинный век.
Скучна была их дней однообразность.
Ни рощи сень, ни молодость, ни праздность —
Ничто любви не воскрешало в них;
Рука с рукой гуляли, пили, ели,
Зевали днем, а ночью не имели
Ни страстных игр, ни радостей живых...
Что скажешь ты? Тиран несправедливый,
Еврейский бог, угрюмый и ревнивый,
Адамову подругу любя,
Ее хранил для самого себя...
Какая честь и что за наслажденье!
На небесах, как будто в заточенье,
У ног его молися да молись,
Хвалили его, красе его дивись,
Взглянуть не смей украдкой на другого,
С архангелом тихонько молвить слово;
Вот жребий той, которую творец
Себе возьмет в подруги наконец.
И что ж потом? За скуку, за мученье —
Награда вся дьячков осиплых пенье,
Свечи, старух докучная мольба,

Да чад кадил, да образ под алмазом,
Написанный каким-то богомазом...
Как весело! Завидная судьба!

Мне стало жаль моей прелестной Евы;
Решился я, создателю на зло,
Разрушить сон и юноши и девы.
Ты слышала, как всё произошло?
Два яблока, вися на ветке дивной
(Счастливым знак, любви символ призывный),
Открыли ей неясную мечту.
Проснулись неясные желанья;
Она свою познала красоту,
И негу чувств, и сердца трепетанье,
И юного супруга наготу!
Я видел их! любви — моей науки —
Прекрасное начало видел я.
В глухой лесок ушла чета моя...
Там быстро их блуждали взгляды, руки...
Меж милых ног супруги молодой
Заботливый, неловкий и немой,
Адам искал восторгов упоенья;
Неистовым исполненный огнем,
Он вопрошал источник наслажденья
И, закипев душой, терялся в нем...
И, не страшась божественного гнева,
Вся в пламени, власы раскинув, Ева,
Едва, едва устами шевеля,
Лобзанием Адаму отвечала,
В слезах любви, в бесчувствии лежала
Под сенью пальм, — и юная земля
Любовников цветами покрывала.

Блаженный день! Увенчанный супруг
Жену ласкал с утра до темной ночи,
Во тьме ночной смыкал он редко очи.
Как их тогда украшен был досуг!
Ты знаешь: бог, утехи прерывая,
Чету мою лишил навеки рая.
Он их изгнал из милой стороны,
Где без трудов они так долго жили

И дни свои невинно проводили
В объятиях ленивой тишины.
Но им открыл я тайну сладострастья
И младости веселые права,
Томленье чувств, восторги, слезы счастья,
И поцелуй, и нежные слова.
Скажи теперь: ужели я предатель?
Ужель Адам несчастлив от меня?
Не думаю, но знаю только я,
Что с Евою остался я приятель».

Умолкнул бес. Мария в тишине
Коварному внимала сатане.
«Что ж? — думала, — быть может, прав лукавый;
Слыхала я: ни почестями, ни славой,
Ни золотом блаженства не купить;
Слыхала я, что надобно любить...
Любить! Но как, зачем и что такое...»
А между тем вниманье молодое
Ловило всё в рассказах сатаны:
И действия и странные причины,
И смелый слог и вольные картины...
(Охотники мы все до новизны.)
Час от часу неясное начало
Опасных дум казалось ей ясней,
И вдруг змии как будто не бывало —
И новое явленье перед ней:
Мария зрит красавца молодого.
У ног ее, не говоря ни слова,
К ней устремив чудесный блеск очей,
Чего-то он красноречиво просит,
Одной рукой цветочек ей подносит,
Другую мнет простое полотно
И крадется под ризы торопливо,
И легкий перст касается игриво
До милых тайн... Всё для Марии диво,
Всё кажется ей ново, мудрено, —
А между тем румянец нестыдливый
На девственных ланитах заиграл —
И томный жар и вздох нетерпеливый
Младую грудь Марии подымал.
Она молчит: но вдруг не стало мочи,

Закрылися блистательные очи,
К лукавому склонив на грудь главу,
Вскричала: ах! .. и пала на траву. . .

О милый друг! кому я посвятил
Мой первый сон надежды и желанья,
Красавица, которой был я мил,
Простишь ли мне мои воспоминанья?
Мои грехи, забавы юных дней,
Те вечера, когда в семье твоей,
При матери докучливой и строгой
Тебя томил я тайною тревогой
И просветил невинные красы?
Я научил послушливую руку
Обманывать печальную разлуку
И услаждать безмолвные часы,
Бессонницы девическую муку.
Но молодость утрачена твоя,
От бледных уст улыбка отлетела,
Твоя краса во цвете помертвела. . .
Простишь ли мне, о милая моя!

Отец греха, Марии враг лукавый,
Ты стал и был пред нею виноват;
Ах, и тебе приятен был разврат. . .
И ты успел преступною забавой
Всевышнего супругу просветить
И дерзостью невинность изумить.
Гордись, гордись своей проклятой славой!
Спеши ловить. . . но близок, близок час!
Вот меркнет свет, заката луч угас.
Всё тихо. Вдруг над девой утомленной
Шумя парит архангел окриленный,
Посол любви, блестящий сын небес.

От ужаса при виде Гавриила
Красавица лицо свое закрыла. . .
Пред ним восстав, смутился мрачный бес
И говорит: «Счастливец горделивый,
Кто звал тебя? Зачем оставил ты
Небесный двор, эфира высоты?

Зачем мешать утехе молчаливой,
Занятиям чувствительной четы?»
Но Гавриил, нахмуря взгляд ревнивый,
Рек на вопрос и дерзкий и шуточный:
«Безумный враг небесной красоты,
Повеса злой, изгнанник безнадежный,
Ты соблазнил красу Марии нежной
И смеешь мне вопросы задавать!
Беги сейчас, бесстыдник, раб мятежный,
Иль я тебя заставлю трепетать!»
«Не трепетал от ваших я придворных,
Всевышнего прислужников покорных,
От сводников небесного царя!» —
Проклятый рек и, злобою горя,
Наморщив лоб, скосясь, кусая губы,
Архангела ударил прямо в зубы.
Раздался крик, шатнулся Гавриил
И левое колено преклонил;
Но вдруг восстал, исполнен новым жаром,
И сатану нечаянным ударом
Хватил в висок. Бес ахнул, побледнел —
И ворвались в объятия друг другу.
Ни Гавриил, ни бес не одолел:
Сплетенные кружась идут по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединив крест-накрест ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотят увлечь друг друга за собой.

Не правда ли? вы помните то поле,
Друзья мои, где в прежни дни, весной,
Оставя класс, играли мы на воле
И тешились отважною борьбой.
Усталые, забыв и брань и речи,
Так ангелы боролись меж собой.
Подземный царь, буян широкоплечий,
Вотще кряхтел с увертливым врагом,
И наконец, желая кончить разом,
С архангела пернатый сбил шелом,
Златой шелом, украшенный алмазом:
Схватив врага за мягкие волосы,

Он сзади гнет могучею рукою
К сырой земле. Мария пред собою
Архангела зрит юные красы
И за него в безмолвии трепещет.
Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет;
По счастью проворный Гавриил
Впился ему в то место роковое
(Излишнее почти во всяком бое),
В надменный член, которым бес грешил.
Лукавый пал, пощады запросил
И в темный ад едва нашел дорогу.

На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица глядела чуть дыша;
Когда же к ней, свой подвиг соверша,
Приветливо архангел обратился,
Огонь любви в лице ее разлился
И нежностью исполнилась душа.
Ах, как была еврейка хороша!..

Посол краснел и чувства чужие
Так изъяснял в божественных словах:
«О, радуйся, невинная Мария!
Любовь с тобой, прекрасна ты в женах;
Стократ блажен твой плод благословенный,
Спасет он мир и ниспровергнет ад...
Но признаюсь душою откровенной,
Отец его блаженнее стократ!»
И перед ней коленопреклоненный
Он между тем ей нежно руку жал...
Потупя взор, прекрасная вздыхала,
И Гавриил ее поцеловал.
Смутясь, она краснела и молчала,
Ее груди дерзнул коснуться он...
«Оставь меня!» — Мария прошептала,
И в тот же миг лобзаньем заглушен
Невинности последний крик и стон...

Что делать ей? Что скажет бог ревнивый?
Не сетуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви,
Умеете вы хитростью счастливой

Обманывать вниманье жениха
И знатоков внимательные взоры,
И на следы приятного греха
Невинности набрасывать уборы...
От матери проказливая дочь
Берет урок стыдливости покорной
И мнимых мук, и с робостью притворной
Играет роль в решительную ночь;
И поутру, оправясь понемногу,
Встает бледна, чуть ходит, так томна.
В восторге муж, мать, шепчет: слава богу,
А старый друг стучится у окна.

Уж Гавриил с известием приятным
По небесам летит путем обратным.
Наперсника нетерпеливый бог
Приветствием встречает благодатным:
«Что нового?» — «Я сделал всё, что мог,
Я ей открыл». — «Ну что ж она?» —
«Готова!» —

И царь небес, не говоря ни слова,
С престола встал и манием бровей
Всех удалил, как древний бог Гомера,
Когда смирял бесчисленных детей;
Но Греции навек погасла вера,
Зевеса нет, мы сделались умней!

Упоена живым воспоминаньем,
В своем углу Мария в тишине
Покоилась на смятой простыне.
Душа горит и негой и желаньем,
Младую грудь волнует новый жар.
Она зовет тихонько Гавриила,
Его любви готовя тайный дар,
Ночной покров ногою отдалила,
Довольный взор с улыбкою склонила,
И, счастлива в прелестной наготе,
Сама своей дивится красоте.
Но между тем в задумчивости нежной
Она грешит, прелестна и томна,
И чашу пьет отрады безмятежной.
Смеешься ты, лукавый сатана!

И что же! вдруг мохнатый, белокрылый
В ее окно влетает голубь милый,
Над нею он порхает и кружит
И пробует веселые напевы,
И вдруг летит в колени милой девы,
Над розою садится и дрожит,
Клюет ее, копышется, вертится,
И носиком и ножками трудится.
Он, точно он! — Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;
Колени сжав, еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубь торжествует,
В жару любви трепещет и воркует,
И падает, объятый легким сном,
Приосеня цветок любви крылом.

Он улетел. Усталая Мария
Подумала: «Вот шалости какие!
Один, два, три! — как это им не лень?
Могу сказать, перенесла тревогу:
Досталась я в один и тот же день
Лукавому, архангелу и богу».

Всевышний бог, как водится, потом
Признал своим еврейской девы сына,
Но Гавриил (завидная судьбина!)
Не преставал являться ей тайком;
Как многие, Иосиф был утешен,
Он пред женой попрежнему безгрешен,
Христа любил как сына своего,
За то господь я наградил его!

Аминь, амины! Чем кончу я рассказы?
Навек забыв старинные проказы,
Я пел тебя, крылатый Гавриил,
Смиранных струн тебе я посвятил
Усердное, спасительное пенье:
Храни меня, внемли мое моление!
Досель я был еретиком в любви,
Младых богинь безумный обожатель,

Друг демона, повеса и предатель...
Раскаянье мое благослови!
Приемлю я намеренья благие,
Переменюсь: Елену видел я;
Она мила, как нежная Мария!
Подвластна ей навек душа моя.
Моим речам придай очарованье,
Понравиться поведай тайну мне,
В ее душе зажги любви желанье,
Не то пойду молиться сатане!
Но дни бегут, и время сединою
Мою главу тишком посеребрят,
И важный брак с любезною женою
Пред алтарем меня соединит.
Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклоня,
О рогачей заступник и хранитель,
Молю — тогда благослови меня,
Даруй ты мне беспечность и смиренье,
Даруй ты мне терпенье вновь и вновь,
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему любовь!

ВАДИМ

Отрывок
из неоконченной поэмы

1821—1822

Свод неба мраком обложился;
В волнах варяжских лунный луч,
Сверкая меж вечерних туч,
Столпом неровным отразился.
Качаясь, лебедь на волне
Заснул, и всё кругом почило;
Но вот по темной глубине
Стремится белое ветрило,
И блещет пена при луне;
Летит испуганная птица,
Услыша близкий шум весла.
Чей это парус? Чья десница
Его во мраке напрягла?

Их двое. На весло нагбенный,
Один, смиренный житель волн,
Гребет и к югу правит челн;
Другой, как волхвом пораженный,
Стоит недвижим; на брега
Глаза вперив, не молвит слова, —
И через челн его нога
Перешагнуть уже готова.
Плывут. . .

«Причаливай, старик!
К утесу правь» — и в волны вмиг
Прыгнул пловец нетерпеливый
И берегов уже достиг.
Меж тем, рукой неторопливой,
Другой ветрило опустил,

Свой челн к утесу пригоняет,
К подошвам двух союзных ив
Узлом надежным укрепляет,
И входит медленной стопой
На берег дикий и крутой.
Кремень звучит, и пламя вскоре
Далеко осветило море.
Суровый край! Громады скал
На берегу стоят угрюмом;
Об них мятежный бьется вал
И пена плещет; сосны с шумом
Качают старые главы
Над зыбкой пеленой пучины;
Кругом ни цвета, ни травы,
Песок да мох; скалы, стремнины
Везде хранят клеймо громов
И след потоков истощенных,
И тлеют кости, пир волков
В расселинах окровавленных.
К огню заботливый старик
Простер немеющие руки.
Приметы долголетней муки,
Согбенны кости, тощий лик,
На коем время углубляло
Свои последние следы,
Одежда, обувь — всё являло
В нем дикость, нужду и труды.
Но кто же тот? Блистает младость
В его лице; как вешний цвет
Прекрасен он; но, мнится, радость
Его не знала с детских лет;
В глазах потупленных кручина;
На нем одежда славянина
И на бедре славянский меч.
Славян вот очи голубые,
Вот их и волосы златые,
Волнами падшие до плеч...
Косматым рубищем одетый,
Огнем живительным согретый,
Старик забылся крепким сном.
Но юноша, на перся руки
Задумчиво сложив крестом,

Сидит с нахмуренным челом.
Уста невнятные шепчут звуки.
Предмет великий, роковой
Чуждые чувства в нем объемлет,
Он в мыслях видит край иной,
Он тайному призыву внемлет. . .

Проходит ночь, огонь погас,
Остыл и пепел; вод пучина
Белеет; близок утра час;
Нисходит сон на славянина.

Видал он дальные страны,
По суше, по морю носился,
Во дни былые, дни войны
На западе, на юге бился,
Деля добычу и труды
С суровым племенем Одена,
И перед ним врагов ряды
Бежали, как морская пена
В час бури к черным берегам.
Внимал он радостным хвалам
И арфам скальдов иступленных,
В жилище сильных пировал
И очи дев иноплеменных
Красою чуждой привлекал.
Но сладкий сон не переносит
Теперь героя в край чужой,
В поля, где мчится бурный бой,
Где меч главы героев косит;
Не видит он знакомых скал
Кириаландии печальной,
Ни Альбиона, где искал
Кровавых сеч и славы дальней;
Ему не снится шум валов;
Он позабыл морские битвы,
И пламя яркое костров,
И трубный звук, и лай ловитвы;
Другие грезы и мечты
Волнуют сердце славянина:
Пред ним славянская дружина,
Он узнает ее щиты,

Он снова простирает руки
Товарищам минувших лет,
Забытым в долги дни разлуки,
Которых уж и в мире нет.
Он видит Новгород великий,
Знакомый терем с давних пор;
Но тын оброс крапивой дикой,
Обвиты окна повиликой,
В траве заглох широкий двор.
Он быстро храмин опустелых
Проходит молчаливый ряд,
Всё мертво... нет гостей веселых,
Застольны чаши не гремят.
И вот высокая светлица...
В нем сердце бьется: «Здесь иль нет
Любовь очей, душа девица,
Цветет ли здесь мой милый цвет,
Найду ль ее?» — и с этим словом
Он входит; что же? страшный вид!
В постеле холодной, под покровом
Девица мертвая лежит.
В нем замер дух и взволновался.
Покров приподымает он,
Глядит: *она!* — и слабый стон
Сквозь тяжкий сон его раздался...
Она... она... ее черты;
На персях рану обнажает.
«Она погибла, — восклицает, —
Кто мог?..» и слышит голос: «Ты...»

Меж тем привычные заботы
Средь усладительной дремоты
Тревожат душу старика:
Во сне он парус развивает,
Плывет по воле ветерка,
Его тихонько увлекает
К заливу светлая река,
И рыба вольная впадает
В тяжелый невод старика;
Всё тихо: море почивает,
Но туча виснет; дальный гром
Над звучной бездною грохочет,

И вот пучина под челном
Кипит, подьется, клокочет;
Напрасно к верным берегам
Несчастный возвратиться хочет,
Челнок трещит и — пополам!
Рыбак идет на дно морское,
И, пробудясь, трепещет он,
Глядит окрест: берега в покое,
На полусветлый небосклон
Восходит утро золотое;
С дерев, с утесистых вершин,
Навстречу радостной денницы,
Щебеча, полетели птицы,
И рассвело — но славянин
Еще на мшистом камне дремлет,
Пылает гневом гордый лик,
И сонный движется язык.
Со стоном камень он объемлет...
Тихонько юношу старик
Ногой толкает осторожной —
И улетает призрак ложный
С его главы, он восстает
И, видя солнечный восход,
Прощаясь, старику седому
Со златом руку подает.
«Чу, — молвил, — к берегу родному
Попутный ветер тебя зовет,
Спеши — теперь тиха пучина,
Ступай, а я — мне путь иной».
Старик с веселою душой
Благословляет славянина:
«Да сохранят тебя Перун,
Родитель бури, царь полнощный,
И Световид, и Ладо мощный;
Будь здрав до гроба, долго юн,
Да встретит юная супруга
Тебя в веселье и слезах,
Да выпьешь мед из чаши друга,
А недруга низринешь в прах».
Потом со скал он к челну сходит
И влажный узел развязал.
Надулся парус, побежал —

Но старец долго глаз не сводит
С крутых прибрежных вершин,
Венчанных темными лесами,
Куда уж быстрыми шагами
Сокрылся юный славянин.

БРАТЪЯ РАЗБОЙНИКИ

1821—1822

Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вокруг огней
Удалых шайка собиралась.
Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний!
Из хат, из келий, из темниц
Они стеклися для стяжаний!
Здесь цель одна для всех сердец —
Живут без власти, без закона.
Меж ними зрится и беглец
С берегов воинственного Дона,
И в черных локонах еврей,
И дикие сыны степей,
Калмык, башкирец безобразный,
И рыжий финн, и с ленью праздной
Везде кочующий цыган!
Опасность, кровь, разврат, обман —
Суть узы страшного семейства;
Тот их, кто с каменной душой
Прошел все степени злодейства;
Кто режет хладною рукой
Вдовицу с бедной сиротой,
Кому смешно детей стенанье,
Кто не прощает, не щадит,
Кого убийство веселит,
Как юношу любви свиданье.

Затихло всё, теперь луна
Свой бледный свет на них наводит,
И чарка пенного вина
Из рук в другие переходит.

Простерты на земле сырой,
Иные чутко засыпают,
И сны зловещие летают
Над их преступной головой.
Другим рассказы сокращают
Угрюмой ночи праздный час;
Умолкли все — их занимает
Пришельца нового рассказ,
И всё вокруг его внимает:

«Нас было двое: брат и я.
Росли мы вместе; нашу младость
Вскормила чуждая семья:
Нам, детям, жизнь была не в радость;
Уже мы знали нужды глас,
Сносили горькое презренье,
И рано волновало нас
Жестокоей зависти мученье.
Не оставалось у сирот
Ни бедной хижинки, ни поля;
Мы жили в горе, средь забот,
Наскучила нам эта доля,
И согласились меж собой
Мы жребий испытать иной:
В товарищи себе мы взяли
Булатный нож да темную ночь;
Забыли робость и печали,
А совесть отогнали прочь.

Ах, юность, юность удалая!
Житье в то время было нам,
Когда, погибель презирая,
Мы всё делили пополам.
Бывало, только месяц ясный
Взойдет и станет средь небес,
Из подземелия мы в лес
Идем на промысел опасный.
За деревом сидим и ждем:
Идет ли позднею дорогой
Богатый жид иль поп убогий, —
Всё наше! всё себе берем.
Зимой, бывало, в ночь глухую
Заложим тройку удалую,

Поем и свищем, и стрелой
Летим над снежной глубиной.
Кто не боялся нашей встречи?
Завидели в харчевне свечи —
Туда! к воротам, и стучим,
Хозяйку громко вызываем,
Вошли — всё даром: пьем, едим
И красных девушек ласкаем!

И что ж? попались молодцы;
Недолго братья пировали;
Поймали нас — и кузнецы
Нас друг ко другу приковали,
И стража отвела в острог.

Я старший был пятью годами
И вынести больше брата мог.
В цепях, за душными стенами
Я уцелел — он изнемог.
С трудом дыша, томим тоскою,
В забвеньи, жаркой головою
Склоняясь к моему плечу,
Он умирал, твердя всечасно:
«Мне душно здесь... я в лес хочу...
Воды, воды!..» но я напрасно
Страдальцу воду подавал:
Он снова жаждою томился,
И градом пот по нем катился.
В нем кровь и мысли волновал
Жар ядовитого недуга;
Уж он меня не узнавал
И поминутно призывал
К себе товарища и друга.
Он говорил: «Где скрылся ты?
Куда свой тайный путь направил?
Зачем мой брат меня оставил
Средь этой смрадной темноты?
Не он ли сам от мирных пашен
Меня в дремучий лес сманил,
И ночью там, могущ и страшен,
Убийству первый научил?
Теперь он без меня на воле
Один гуляет в чистом поле,

Тяжелым машет кистенем
И позабыл в завидной доле
Он о товарище своем! . . .»
То снова разгорались в нем
Докучной совести мученья:
Пред ним толпились привиденья,
Грозя перстом издалека.
Всех чаще образ старика,
Давно зарезанного нами,
Ему на мысли приходил;
Больной, зажав глаза руками,
За старца так меня молил:
«Брат! сжался над его слезами!
Не режь его на старость лет. . .
Мне дряхлый крик его ужасен. . .
Пусти его — он не опасен;
В нем крови капли теплой нет. . .
Не смейся, брат, над сединами,
Не мучь его. . . авось мольбами
Смягчит за нас он божий гнев! . . .»
Я слушал, ужас одолев;
Хотел унять больного слезы
И удалить пустые грезы.
Он видел пляски мертвецов,
В тюрьму пришедших из лесов,
То слышал их ужасный шопот,
То вдруг погони близкий топот,
И дико взгляд его сверкал,
Стояли волосы горою,
И весь как лист он трепетал.
То мнил уж видеть пред собою
На площадях толпы людей,
И страшный ход до места казни,
И кнут и грозных палачей. . .
Без чувств, исполненный боязни,
Брат упал ко мне на грудь.
Так проводил я дни и ночи,
Не мог минуты отдохнуть,
И сна не знали наши очи.

Но молодость свое взяла:
Вновь силы брата возвратились,

Болезнь ужасная прошла,
И с нею грезы удалились.
Воскресли мы. Тогда сильней
Взяла тоска по прежней доле;
Душа рвалась к лесам и к воле,
Алкала воздуха полей.
Нам тошен был и мрак темницы,
И сквозь решетки свет денницы,
И стражи клик, и звон цепей,
И легкий шум залетной птицы.

По улицам однажды мы,
В цепях, для городской тюрьмы
Сбирали вместе подаянье,
И согласились в тишине
Исполнить давнее желанье;
Река шумела в стороне,
Мы к ней — и с берегов высоких
Бух! поплыли в водах глубоких.
Цепями общими гремим,
Бьем волны дружными ногами,
Песчаный видим островок
И, рассекая быстрый ток,
Туда стремимся. Вслед за нами
Кричат: «Лови! лови! уйдут!»
Два стража издали плывут,
Но уж на остров мы ступаем,
Оковы камнем разбиваем,
Друг с друга рвем клочки одежд,
Отягощенные водою. . .
Погоню видим за собою;
Но смело, полные надежд,
Сидим и ждем. Один уж тонет,
То захлебнется, то застонет,
И как свинец пошел ко дну.
Другой проплыл уж глубину,
С ружьем в руках, он вброд упрямо,
Не внемля крику моему,
Идет, но в голову ему
Два камня полетели прямо —
И хлынула на волны кровь;
Он утонул — мы в воду вновь,

За нами гнаться не посмели,
Мы берегов достичь успели
И в лес ушли. Но бедный брат...
И труд и волн осенний хлад
Недавних сил его лишили:
Опять недуг его сломил,
И злые грезы посетили.
Три дня больной не говорил
И не смыкал очей дремотой;
В четвертый грустною заботой,
Казалось, он исполнен был;
Позвал меня, пожал мне руку,
Потухший взор изобразил
Одолевающую муку;
Рука задрогла, он вздохнул
И на груди моей уснул.

Над хладным телом я остался,
Три ночи с ним не расставался,
Всё ждал, очнется ли мертвец?
И горько плакал. Наконец
Взял заступ; грешную молитву
Над братней ямой совершил
И тело в землю схоронил...
Потом на прежнюю ловитву
Пошел один... Но прежних лет
Уж не дождусь: их нет как нет!
Пиры, веселые ночлеги
И наши буйные набеги —
Могила брата всё взяла.
Влачусь угрюмый, одинокий,
Окаменел мой дух жестокий,
И в сердце жалость умерла.
Но иногда щажу морщины:
Мне страшно резать старика;
На беззащитные седины
Не подымается рука.
Я помню, как в тюрьме жестокой
Больной, в цепях, лишенный сил,
Без памяти в тоске глубокой
За старца брат меня молил».

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Многие, так же как и я,
посещали сей фонтан; но
иных уже нет, другие стран-
ствуют далече.

Сади

1821—1823

Гирей сидел потупя взор;
Янтарь в устах его дымился;
Безмолвно раболепный двор
Вкруг хана грозного теснился.
Всё было тихо во дворце;
Благоговея, все читали
Приметы гнева и печали
На сумрачном его лице.
Но повелитель горделивый
Махнул рукой нетерпеливой:
И все, склонившись, идут вон.

Один в своих чертогах он;
Свободней грудь его вздыхает,
Живее строгое чело
Волненье сердца выражает.
Так бурны тучи отражает
Залива зыбкое стекло.

Что движет гордою душою?
Какою мыслью занят он?
На Русь ли вновь идет войною,
Несет ли Польше свой закон,
Горит ли местию кровавой,
Открыл ли в войске заговор,
Страшится ли народов гор
Иль козней Генуи лукавой?

Нет, он скучает бранной славой;
Устала грозная рука;
Война от мыслей далека.

Ужель в его гарем измена
Стезей преступною вошла,
И дочь неволи, нег и плена
Гяуру сердце отдала?

Нет, жены робкие Гирея,
Ни думать, ни желать не смея,
Цветут в унылой тишине;
Под стражей бдительной и хладной
На лоне скуки безотрадной
Измен не ведают оне.
В тени хранительной темницы
Утаены их красоты:
Так аравийские цветы
Живут за стеклами теплицы.
Для них унылой чередой
Дни, месяцы, лета проходят
И неприметно за собой
И младость и любовь уводят.
Однообразен каждый день,
И медленно часов теченье.
В гареме жизнью правит лень;
Мелькает редко наслажденье.
Младые жены, как-нибудь
Желая сердце обмануть,
Меняют пышные уборы,
Заводят игры, разговоры
Или при шуме вод живых,
Над их прозрачными струями
В прохладе яворов густых
Гуляют легкими роями.
Меж ними ходит злой эвнух,
И убежать его напрасно:
Его ревнивый взор и слух
За всеми следует всечасно.
Его стараньем заведен
Порядок вечный. Воля хана
Ему единственный закон;
Святую заповедь Корана
Не строже наблюдает он.
Его душа любви не просит;
Как истукан он переносит

Насмешки, ненависть, укор,
Обиды шалости нескромной,
Презренье, просьбы, робкий взор,
И тихий вздох, и ропот томный.
Ему известен женский нрав;
Он испытал, сколь он лукав
И на свободе и в неволе:
Взор нежный, слез упрек немой
Не властны над его душой;
Он им уже не верит боле.

Раскинув легкие власы,
Как идут пленницы молодые
Купаться в жаркие часы
И льются волны ключевые
На их волшебные красы,
Забав их сторож неотлучный,
Он тут; он видит, равнодушный,
Прелестниц обнаженный рой;
Он по гарему в тьме ночной
Неслышными шагами бродит;
Ступая тихо по коврам,
К послушным крадется дверям,
От ложа к ложу переходит;
В заботе вечной, ханских жен
Роскошный наблюдает сон,
Ночной подслушивает лепет;
Дыханье, вздох, малейший трепет —
Всё жадно примечает он;
И горе той, чей шопот сонный
Чужое имя призывал
Или подруге благосклонной
Порочны мысли доверял!

Что ж полон грусти ум Гирея?
Чубук в руках его потух;
Недвижим, и дохнуть не смея,
У двери знака ждет эвнух.
Встает задумчивый властитель;
Пред ним дверь настезь. Молча он
Идет в заветную обитель
Еще недавно милых жен.

Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне
Толпою резвою сидели
И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.
Нарочно к ней на дно иные
Роняли серьги золотые.
Кругом невольницы меж тем
Шербет носили ароматный,
И песнью звонкой и приятной
Вдруг огласили весь гарем:

Татарская песня

1

«Дарует небо человеку
Замену слез и частых бед:
Блажен факир, узревший Меку
На старости печальных лет.

2

Блажен, кто славный берег Дуная
Своею смертью освятит:
К нему навстречу дева рая
С улыбкой страстной полетит.

3

Но тот блаженней, о Зарема,
Кто, мир и негу возлюбя,
Как розу, в тишине гарема
Лелеет, милая, тебя».

Они поют. Но где Зарема,
Звезда любви, краса гарема? —
Увы! печальна и бледна,
Похвал не слушает она;
Как пальма, смятая грозой,
Поникла юной головою;

Ничто, ничто не мило ей:
Зарему разлюбил Гирей.

Он изменил! . . Но кто с тобою,
Грузинка, равен красотою?
Вокруг лилейного чела
Ты косу дважды обвила;
Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи;
Чей голос выразит сильней
Порывы пламенных желаний?
Чей страстный поцелуй живей
Твоих язвительных лобзаний?
Как сердце, полное тобой,
Забьется для красоты чужой?
Но, равнодушный и жестокий,
Гирей презрел твои красы
И ночи хладные часы
Проводит мрачный, одинокий
С тех пор, как польская княжна
В его гарем заключена.

Недавно юная Мария
Узрела небеса чужие;
Недавно милою красой
Она цвела в стране родной.
Седой отец гордился ею
И звал отрадою своею.
Для старика была закон
Ее младенческая воля.
Одну заботу ведал он:
Чтоб дочери любимой доля
Была, как вешний день, ясна,
Чтоб и минутные печали
Ее души не помрачали,
Чтоб даже замужем она
Вспоминала с умилением
Девичье время, дни забав,
Мелькнувших легким сновиденьем.
Всё в ней пленяло: тихий нрав,
Движенья стройные, живые
И очи томно-голубые.

Природы милые дары
Она искусством украшала;
Она домашние пиры
Волшебной арфой оживляла;
Толпы вельмож и богачей
Руки Мариной искали,
И много юношей по ней
В страданьи тайном изнывали.
Но в тишине души своей
Она любви еще не знала
И независимый досуг
В отцовском замке меж подруг
Одним забавам посвящала.

Давно ль? И что же! Тьмы татар
На Польшу хлынули рекою:
Не с столь ужасной быстротою
По жатве стелется пожар.
Обезображенный войною,
Цветущий край осиротел;
Исчезли мирные забавы,
Уныли сѣла и дубравы,
И пышный замск опустел.
Тиха Мариина светлица...
В домово́й церкви, где кругом
Почиют мощи хладным сном,
С короной, с княжеским гербом
Воздвиглась новая гробница...
Отец в могиле, дочь в плену,
Скупой наследник в замке правит
И тягостным ярмом бесславит
Опустошенную страну.

Увы! Дворец Бахчисарая
Скрывает юную княжну.
В неволе тихой увядая,
Мария плачет и грустит.
Гирей несчастную щадит:
Ее унынье, слезы, стоны
Тревожат хана краткий сон,
И для нее смягчает он
Гарема строгие законы.

Угрюмый сторож ханских жен
Ни днем, ни ночью к ней не входит;
Рукой заботливой не он
На ложе сна ее возводит;
Не смеет устремиться к ней
Обидный взор его очей;
Она в купальне потаенной
Одна с невольницей своей;
Сам хан боится девы пленной
Печальный возмущать покой;
Гарема в дальнем отделении
Позволено ей жить одной:
И мнится, в том уединеньи
Сокрылся некто неземной.
Там день и ночь горит лампада
Пред ликом девы пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Там упованье в тишине
С смиренной верой обитает,
И сердцу всё напоминает
О близкой, лучшей стороне;
Там дева слезы проливает
Вдали завистливых подруг;
И между тем как всё вокруг
В безумной неге утопает,
Святыню строгую скрывает
Спасенный чудом уголок.
Так сердце, жертва заблуждений,
Среди порочных упоений
Хранит один святой залог,
Одно божественное чувство. . .

. . . . .
. . . . .

Настала ночь; покрылись тенью
Тавриды сладостной поля;
Вдали, под тихой лавров сенью
Я слышу пенье соловья;
За хором звезд луна восходит;
Она с безоблачных небес
На доли, на холмы, на лес
Сиянье томное наводит.

Покрыты белой пеленой,
Как тени легкие мелькая,
По улицам Бахчисарая,
Из дома в дом, одна к другой,
Простых татар спешат супруги
Делить вечерние досуги.
Дворец утих; уснул гарем,
Объятый негой безмятежной;
Не прерывается ничем
Спокойство ночи. Страж надежный,
Дозором обошел эвнух.
Теперь он спит; но страх прилежный
Тревожит в нем и спящий дух.
Измен всечасных ожиданье
Покоя не дает уму.
То чей-то шорох, то шептанье,
То крики чудятся ему;
Обманутый неверным слухом,
Он пробуждается, дрожит,
Напуганным прикинув ухом...
Но всё кругом его молчит;
Одни фонтаны сладкозвучны
Из мраморной темницы бьют,
И с милой розой неразлучны
Во мраке соловьи поют;
Эвнух еще им долго внемлет,
И снова сон его объемлет.

· Как милы темные красы
Ночей роскошного Востока!
Как сладко льются их часы
Для обожателей Пророка!
Какая нега в их домах,
В очаровательных садах,
В тиши гаремов безопасных,
Где под влиянием луны
Всё полно тайн и тишины
И вдохновений сладострастных!

· · · · ·

Все жены спят. Не спит одна.
Едва дыша, встает она;

Идет; рукою торопливой
Открыла дверь; во тьме ночной
Ступает легкою ногой. . .
В дремоте чуткой и пугливой
Пред ней лежит эвнух седой.
Ах, сердце в нем неумолимо:
Обманчив сна его покой! . .
Как дух, она проходит мимо.

. . . . .

Пред нею дверь; с недоумением
Ее дрожащая рука
Коснулась верного замка. . .
Вошла, взирает с изумленьем. . .
И тайный страх в нее проник.
Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой девы кроткий лик
И крест, любви символ священный, —
Грузинка! всё в душе твоей
Родное что-то пробудило,
Всё звуками забытых дней
Невнятно вдруг заговорило. —
Пред ней покоилась княжна,
И жаром девственного сна
Ее ланиты оживлялись
И, слез являя свежий след,
Улыбкой томной озарялись:
Так озаряет лунный свет
Дождем отягощенный цвет.
Спорхнувший с неба сын эдема,
Казалось, ангел почивал
И, сонный, слезы проливал
О бедной пленнице гарема. . .
Увы, Зарема, что с тобой?
Стеснилась грудь ее тоской,
Невольню клонятся колени,
И молит: «Сжался надо мной,
Не отвергай моих молений! . .»
Ее слова, движенье, стон
Прервали девы тихий сон.

Дышали счастьем; и ни раз
Ни клевета, ни подозренье,
Ни злобной ревности мученье,
Ни скука не смущала нас.
Мария! ты пред ним явилась...
Увы, с тех пор его душа
Преступной думой омрачилась!
Гирей, изменою дыша,
Моих не слушает укоров,
Ему докучен сердца стон;
Ни прежних чувств, ни разговоров
Со мною не находит он.
Ты преступленью не причастна;
Я знаю; не твоя вина...
Итак послушай: я прекрасна;
Во всем гареме ты одна
Могла б еще мне быть опасна;
Но я для страсти рождена,
Но ты любить, как я, не можешь;
Зачем же хладной красотой
Ты сердце слабое тревожишь?
Оставь Гирея мне; он мой:
На мне горят его лобзанья,
Он клятвы страшные мне дал,
Давно все думы, все желанья
Гирей с моими сочетал;
Меня убьет его измена...
Я плачу; видишь, я колена
Теперь склоняю пред тобой,
Молю, винить тебя не смея,
Отдай мне радость и покой,
Отдай мне прежнего Гирея...
Не возражай мне ничего;
Он мой! он ослеплен тобою.
Презреньем, просьбою, тоскою,
Чем хочешь, отврати его;
Клянись... (хоть я для Алкорана,
Между невольницами хана,
Забыла веру прежних дней;
Но вера матери моей
Была твоя) клянись мне ею
Зарему возвратить Гирею...

Но слушай: если я должна
Тебе... кинжалом я владею,
Я близ Кавказа рождена».

Сказав, исчезла вдруг. За нею
Не смеет следовать княжна.
Невинной деве непонятен
Язык мучительных страстей,
Но голос их ей смутно внятен;
Он странен, он ужасен ей.
Какие слезы и моленья
Ее спасут от посягательства?
Что ждет ее? Ужели ей
Остаток горьких юных дней
Провести наложницей презренной?
О боже! если бы Гирей
В ее темнице отдаленной
Забыл несчастную навек,
Или кончиной ускоренной
Унылы дни ее пресек!
С какою б радостью Мария
Оставила печальный свет!
Мгновенья жизни дорогие
Давно прошли, давно их нет!
Что делать ей в пустыне мира?
Уж ей пора, Марию ждут
И в небеса, на лоно мира,
Родной улыбкою зовут.

. . . . .

Промчались дни; Марии нет.
Мгновенно сирота почила.
Она давно-желанный свет,
Как новый ангел, озарила.
Но что же в гроб ее свело?
Тоска ль неволи безнадежной,
Болезнь, или другое зло? . .
Кто знает? — Нет Марии нежной!
Дворец угрюмый опустел;
Его Гирей опять оставил;
С толпой татар в чужой предел
Он злой набег опять направил;

Он снова в бурях боевых
Несется мрачный, кровожадный:
Но в сердце хана чувств иных
Таится пламень безотрадный.
Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю, и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет, будто полный страха,
И что-то шепчет, и порой
Горючи слезы льет рекой.

Забытый, преданный презренью,
Гарем не зрит его лица;
Там, обреченные мученью,
Под стражей хладного скопца
Стареют жены. Между ними
Давно грузинки нет; она
Гарема стражами немymi
В пучину вод опущена.
В ту ночь, как умерла княжна,
Свершилось и ее страданье.
Какая б ни была вина,
Ужасно было наказанье! —
Опустошив огнем войны
Кавказу близкие страны
И села мирные России,
В Тавриду возвратился хан,
И в память горестной Марии
Воздвигнул мраморный фонтан,
В углу дворца уединенный.
Над ним крестом осенена
Магометанская луна
(Символ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
Есть надпись: едкими годами
Еще не сгладилась она.
За чуждыми ее чертами
Журчит во мраморе вода
И каплет хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Так плачет мать во дни печали

О сыне, падшем на войне.
Младые девы в той стране
Преданье старины узнали
И мрачный памятник оне
Фонтаном слез именовали.

Покинув север наконец,
Пиры надолго забывая,
Я посетил Бахчисарая
В забвеньи дремлющий дворец.
Среди безмолвных переходов
Бродил я там, где бич народов,
Татарин буйный пировал
И после ужасов набега
В роскошной лени утопал.
Еще поныне дышит нега
В пустых покоях и садах;
Играют воды, рдеют розы,
И вьются виноградны лозы,
И злато блещет на стенах.
Я видел ветхие решетки,
За коими, в своей весне,
Янтарны разбирая четки,
Вздыхали жены в тишине.
Я видел ханское кладбище,
Владык последнее жилище.
Сии надгробные столбы,
Венчанны мраморной чалмою,
Казалось мне, завет судьбы
Гласили внятную молвою.
Где скрылись ханы? Где гарем?
Кругом всё тихо, всё уныло,
Всё изменилось... но не тем
В то время сердце полно было:
Дыханье роз, фонтанов шум
Влекли к невольному забвенью,
Невольно предавался ум
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тенью
Мелькала дева предо мной! . . .

Чью тень, о други, видел я?
Скажите мне: чей образ нежный
Тогда преследовал меня,
Неотразимый, неизбежный?
Марии ль чистая душа
Являлась мне, или Зарема
Носилась, ревностью дыша,
Средь опустелого гарема?

Я помню столь же милый взгляд
И красоту еще земную;
Все думы сердца к ней летят,
Об ней в изгнании тоскую...
Безумец! полно! перестань,
Не оживляй тоски напрасной,
Мятежным снам любви несчастной
Заплачена тобою дань —
Опомнись; долго ль, узник томный,
Тебе оковы лобызать
И в свете лирою нескромной
Свое безумство разглашать?

Поклонник муз, поклонник мира,
Забыв и славу и любовь,
О, скоро вас увижу вновь,
Брега веселые Салгира!
Приду на склон приморских гор,
Воспоминаний тайных полный,
И вновь таврические волны
Обрадуют мой жадный взор.
Волшебный край! очей отрада!
Всё живо там: холмы, леса,
Янтарь и яхонт винограда,
Долин уютная краса,
И струй и тополей прохлада;
Всё чувство путника манит,
Когда, в час утра безмятежный,
В горах, дорогою прибрежной,
Привычный конь его бежит,
И зеленеющая влага
Пред ним и блещет и шумит
Вокруг утесов Аю-дага...

I

ВЫПИСКА ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ТАВРИДЕ И. Ж. МУРАВЬЕВА - АПОСТОЛА

«Вчера ввечеру, подъехав к Бакчисараю и спустившись в ущелину, в которой он лежит, я засветло успел только проехать длинную улицу, ведущую к Хан-сараю (т. е. к ханскому дворцу), на восточном конце города находящемуся. Солнца давно уже не видно было за горами, и сумрак начинал сгущаться, когда я вступил на первый двор *сарая*. Это не помешало мне пробежать по теремам и дворам таврической *Аламбры*; и чем менее видимы становились предметы, тем живее делалась игра воображения моего, наполнившегося радужными цветами восточной поэзии.

Я поведу тебя, мой друг, не из покоев, но так, как должно, от внешних ворот, в которые проезд с улицы, по мосту, чрез узкую *Грязную речку*, Сурук-су. Прощед в ворота, ты на первом дворе; на просторном параллелограме, коего противоположный входу, малый бок граничит с садовыми террасами; оба же большие заняты на левой стороне мечетью и службами; а с правой дворцом, состоящим из смежных не одинаковой высоты зданий. На этой правой стороне, чрез ворота, под строением находящиеся, ты проходишь во внутренний двор, где тотчас на левой руке представляются тебе железные двери, пестро в аравском вкусе украшенные, с двуглавым над ними орлом, занявшим место оттоманской луны.

Переступив за порог, ты в просторных сенях, на мраморном помосте и на правой руке видишь широкое крыльцо, ведущее на верхние палаты. Но сперва остановимся в сенях и посмотрим на два прекрасные фонтана, беспрестанно лиющие воду из стены в белые мраморные чаши: один насупротив дверей, другой тотчас налево.

Дабы не оставить ничего недосказанным о сем нижнем помосте, заметим широкий коридор от левого угла противоположной входу стены, ведущий прямо в домовую ханскую божницу, над дверью коей начертано:

Селамид-Гирей хан, сын Гаджи-Селим-Гирея хана.¹

Другая дверь того же коридора налево дает вход в большую комнату, где диван вокруг стен до половины покоя, с мраморным посреди онго водометом. Это убежище прелестно прохладю в знойные часы, когда раскаляются от жару окружающие Бакчисарай горы. Третья дверь ведет в ханский диван, т. е. в комнату, где соби-рался государственный совет; в нее есть вход и чрез переднюю, снару-жи от большого двора.

Когда я опишу тебе одну из зал верхнего жилья, ты будешь иметь понятие о всех прочих, разнствующих между собою одним только большим или меньшим украшением на стенах. Как фасад строения не по прямой черте, а городками, то первое должно заметить, что главные залы освещены с трех сторон; т. е. все из фасады выступающие оных стены всплошь окончатые. Другого входа в залу нет, кроме одной двери боковой, неприметной, между пиластрами аравского вкусу, между коими и шкафы, также неприметные, находятя по всей темной этой стене. Над оными (в лучших залах) стекла снутри и снаружи покоя, до потолка, между коими стоят украшения лепной работы, как то: чаши с плодами, с цветами или деревцы с чучелами разных птиц. Потолки так же, как и темная стена, столярной работы и весьма красивы: это тоненькая вызолоченная решетка, лежащая на лаковом грунте, густого красного цвета; на полу я увидел знакомые мне в Испании *эстеры*, т. е. рогожки, весьма искусно сплетенные из тростника, род *гениста*, и употребляемые вместо ковров на полах кирпичных или каменных. Для защиты от яркости лучей в комнате, с трех сторон освещенной, кроме ставней, служат еще и цветные, узорчатые стекла в окнах, любимое рыцарских замков украшение, без сомнения занятое европейцами от восточных народов, во время крестовых походов. Если в заключение сего общего описания ты представишь себе диван, т. е. подушки, некогда из шелковых тканей, на полу лежащие вокруг всех стен, исключая темной, ты будешь иметь понятие о лучших залах дворца, кроме трех или четырех, переделанных для императрицы Екатерины II, в европейском вкусе, с высокими диванами, с креслами и столами. Сия последняя утварь особливо драгоценна для нас, *крещеных*, ибо во всех странах, где проповедуется Коран,

---

¹ Селамид владел от 1587 по 1610.

правоверные вместо столов употребляют низкие круглые скамьи, на которые ставят подносы, и едят на них сидя, поджав под себя ноги, на полу.

Ты легко догадаться можешь, что в стороне от сего строения находился гарем, не́приступный для всех, кроме хана, и для него одного имеющий сообщение чрез коридор с дворцом. Эта часть более всех в упадке. Разные домики, в коих некогда жертвы любви, или, лучше сказать, любострастия, томилися в неволе, представляют теперь печальную картину разрушения: обвалившиеся потолки, изломанные полы. Время сокрушило узилище; но что в том пользы, когда то же время, роком узникам определенное, протекло для них безотрадно, в рабских угождениях *одному*, не по сердцу избранному другу, но жестокому властелину! — На краю сего гарема стоит на большом дворе высокая шестиугольная беседка, с решетками вместо окон, из которой, как сказывают, ханские жены, невидимые, смотрели на игры, въезды послов и другие позорища. Иные говорят, что будто бы тут хан любовался фазанами и показывал их любимцам своим. Это последнее потому только вероятно, что петух с семейством своим есть единственная картина, которую супруг-мусульман может представлять невольницам своим в оправдание многоженства. — Между сею полусогнившею беседкою и комнатою, о которой я говорил, на нижнем помосте, с мраморным фонтаном, есть прекрасный цветничок, где мирт и розы могли некогда внушать песни татарскому Анакреону.

Но пора оставить сии грудь теснящие памятники невольничества и выйти подышать на чистом воздухе. Вот насупротив больших ворот, на конце двора, к горе примыкающегося, террасы в четыре уступа, на коих плодоносные деревья, виноград на решетках и прозрачные источники, с уступа на другой лиющися в каменные бассейны. Может быть, некогда мурзы-царедворцы, уподобляя Гиреев владыкам Вавилона, сравнивали и террасы их с висящими садами Семирамисы: но теперь крымское чудо сие представляет вид опустения так, как и все памятники в Тавриде. Более всего жаль драгоценнейшего здесь сокровища, воды: многие трубы уже засорились, а некоторые источники и совсем исчезли.

За мечетью, вне двора, кладбище ханов и султанов владетельного дома Гиреев. Прах их покоится под белыми мраморными гробницами, осененными высокими тополями, ореховыми и шелковичными деревьями. Тут лежат Менгли и отец его, основатель могущества царства крымского. Все памятники покрыты надписями...

Прежде нежели оставить сию юдоль сна непробудного, я укажу тебе отсюда на холм, влево от верхней садовой террасы, на коем

стоит красивое здание с круглым куполом: это мавзолей прекрасной грузинки, жены хана Керим-Гирея. Новая Зайра, силою прелестей своих, она повелевала тому, кому всё здесь повиновалось; но недолго: увял райский цвет в самое утро жизни своей, и безотрадный Керим соорудил *любезной* памятник сей, дабы ежедневно входить в оный и утешаться слезами над прахом незабвенной. Я сам хотел поклониться гробу красавицы, но нет уже более входа к нему; дверь наглухо заложена. Странно очень, что все здешние жители непременно хотят, чтобы эта красавица была не грузинка, а полячка, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керим-Гиреем. Сколько я ни спорил с ними, сколько ни уверял их, что предание сие не имеет никакого исторического основания и что во второй половине XVIII века не так легко было татарам похищать полячек, все доводы мои остались бесполезными: они стоят в одном: красавица была Потоцкая; и я другой причины упорству сему не нахожу, как разве принятое и справедливое мнение, что красота женская есть, так сказать, принадлежность рода Потоцких».

II

ОТРЫВОК ИЗ ПИСЬМА

Из Азии переехали мы в Европу¹ на корабле. Я тотчас отправился на так названную *Митридадову гробницу* (развалины какой-то башни); там сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления. Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на мое воображение. Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи и только. Из Феодосии до самого Юрзуфа ехал я морем. Всю ночь не спал; луны не было; звезды блистали; передо мною в тумане тянулись полуденные горы... «Вот Четырдаг», сказал мне капитан. Я не различил его, да и не любопытствовал. Перед светом я заснул. Между тем корабль остановился в виду Юрзуфа. Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам, тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аюдаг... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный...

В Юрзуфе жил я *сиднем*, купался в море и объедался виногра-

---

¹ Из Тамани в Керчь.

дом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечною неаполитанского Lazzarone. Я любил, проснувшись ночью, слушать шум моря и заслушивался целые часы. В двух шагах от дома рос молодой кипарис; каждое утро я посещал его и к нему привязался чувством, похожим на дружество. Вот всё, что пребывание мое в Юрзуфе оставило у меня в памяти.

Я объехал полуденный берег, и путешествие М. оживило во мне много воспоминаний, но страшный переход его по скалам Кикенеиса не оставил ни малейшего следа в моей памяти. По горной лестнице взобрались мы пешком, держа за хвост татарских лошадей наших. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось каким-то таинственным, восточным обрядом. Мы переехали горы, и первый предмет, поразивший меня, была береза, северная береза! Сердце мое сжалось: я начал уж тосковать о милом полудне, хотя всё еще находился в Тавриде, всё еще видел и тополи и виноградные лозы. Георгиевский монастырь и его круглая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же видел я и баснословные развалины храма Дианы. Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоминаний исторических, по крайней мере тут посетили меня рифмы.

В Бахчисарае приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюбленного хана. К** поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes. * Вошел во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошел дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. N. N. почти насильно повел меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище:

Но не тем

В то время сердце полно было, —

лихорадка меня мучила.

Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М., я о нем не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался.

---

* Фонтаном слез. (Франц.) — *Ред.*

ЦЫГАНЫ

1824

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами.
Между колесами телег,
Полузавешенных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Всё живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недалёкий,
И песни жен и крик детей
И звон походной наковальни.
Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье.
Огни везде погашены,
Спокойно всё, луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальное глядит,
Ночным подернутое паром.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном поле.

Она привыкла к резвой воле,
Она придет; но вот уж ночь,
И скоро месяц уж покинет
Небес далеких облака;
Земфиры нет как нет, и стынет
Убогий ужин старика.

Но вот она. За нею следом
По степи юноша спешит;
Цыгану вовсе он неведом.
«Отец мой, — дева говорит, —
Веду я гостя: за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на́ ночь зазвала.
Он хочет быть, как мы, цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду.
Его зовут Алеко; он
Готов идти за мною всюду».

С т а р и к

Я рад. Остаься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и кров.
Будь наш, привыкни к нашей доле,
Бродящей бедности и воле;
А завтра с утренней зарей
В одной телеге мы поедем;
Примись за промысел любой:
Железо куй иль песни пой
И сёла обходи с медведем.

А л е к о

Я остаюсь.

З е м ф и р а

Он будет мой:
Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно... месяц молодой
Зашел; поля покрыты мглой,
И сон меня невольно клонит...

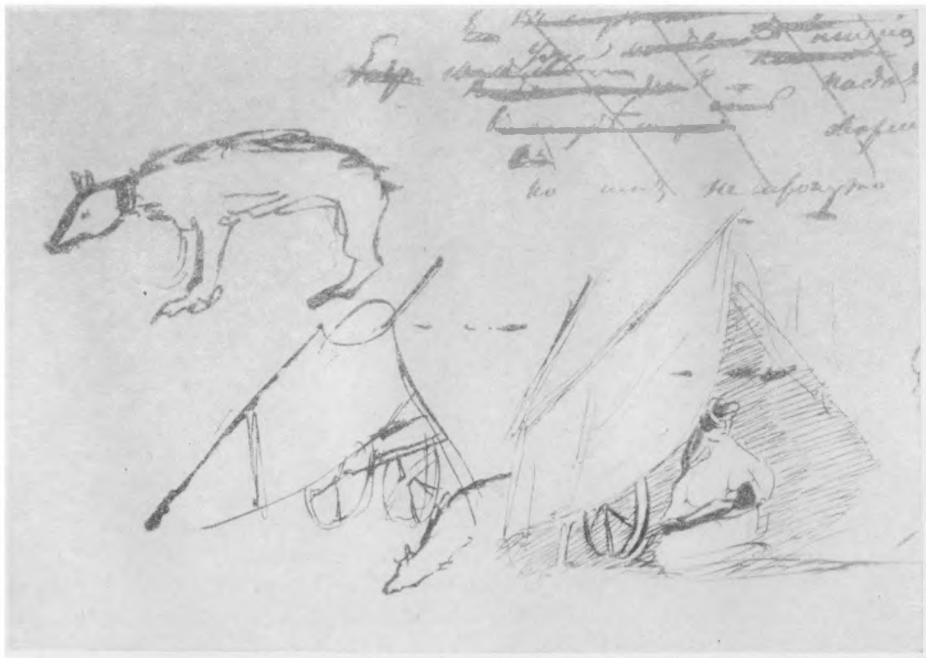
Светло. Старик тихонько бродит
Вокруг безмолвного шатра.
«Вставай, Земфира, солнце всходит,
Проснись, мой гость, пора, пора! . .
Оставьте, дети, ложе неги! . .»
И с шумом высыпал народ,
Шатры разобраны, телеги
Готовы двинуться в поход;
Всё вместе тронулось: и вот
Толпа валит в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;
Мужья и братья, жены, девы,
И стар и млад вослед идут;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собаки и лай и завыванье,
Волынки говор, скрип телег,
Всё скудно, дико, всё нестройно,
Но всё так живо-непокойно,
Так чуждо мертвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной,
Как песнь рабов однообразной.

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.
С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет;
Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда,
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет —
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальные страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной
И он, изгнанник перелетный,
Гнезда надежного не знал
И ни к чему не привыкал.

Ему везде была дорога,
Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.
Его порой волшебной славы
Манила дальная звезда;
Неждано роскошь и забавы
К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром нередко грохотал;
Но он беспечно под грозою
И в вёдро ясное дремал.
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но, боже, как играли страсти
Его послушною душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, надолго ль усмирили?
Они проснутся: погоди.

Земфира

Скажи, мой друг, ты не жалеешь
О том, что бросил навсегда?

Алеко

Что ж бросил я?

Земфира

Ты разумеешь:
Людей отчизны, города.

Алеко

О чем жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душных городов!
Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волнение,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

Земфира

Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,

Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!

А л е к о

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий;
А девы. . . Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг!
А я. . . одно мое желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье.

С т а р и к

Ты любишь нас, хоть и рожден
Среди богатого народа;
Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучен.
Меж нами есть одно преданье:
Царем когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудреное прозвание.)
Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной —
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный.
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя.
Не разумел он ничего,
И слаб и робок был, как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мерзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали.
Они святого старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;

Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный бог
Его карал за преступленье,
Он ждал: придет ли избавленье.
И всё несчастный тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слезы проливал,
Свой дальний град вспоминая,
И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Не успокоенные гости.

А л е к о

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!
Певец любви, певец богов,
Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий
Или под сенью дымной кущи
Цыгана дикого рассказ?

Прошло два лета. Так же бродят
Цыганы мирною толпой;
Везде попрежнему находят
Гостеприимство и покой.
Презрев оковы просвещенья,
Алеко волен, как они;
Он без забот и сожаленья
Ведет кочующие дни.
Всё тот же он, семья всё та же;
Он, прежних лет не помня даже,
К бытию цыганскому привык.
Он любит их ночлегов сени,
И упоенье вечной лени,
И бедный, звучный их язык.
Медведь — беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора
Перед толпою осторожной
И тяжко пляшет и ревет
И цепь докучную грызет.
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьет,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берет,
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул, — и всё в покое...
В шатре и тихо и темно.

Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поет любовь.
Алеко внемлет и бледнеет.

Земфира
Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

Алеко
Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песен не люблю.

Земфира
Не любишь? мне какое дело!
Я песню для себя пою.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;

Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

А л е к о

Молчи, Земфира, я доволен. . .

З е м ф и р а

Так понял песню ты мою?

А л е к о

Земфира! . .

З е м ф и р а

Ты сердиться волен,

Я песню про тебя пою.

(Уходит и поет: Старый муж и проч.)

С т а р и к

Так, помню, помню: песня эта
Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поется меж людей она.
Кочуя на степях Кагула,
Ее бывало в зимнюю ночь
Моя певала Мариула,
Перед огнем качая дочь.
В уме моем минувши лета
Час от часу темней, темней;
Но заронилась песня эта
Глубоко в памяти моей.

Всё тихо; ночь; луной украшен
Лазурный юга небосклон.
Старик Земфирой пробужден:
«О мой отец! Алеко страшен:
Послушай, сквозь тяжелый сон
И стонет и рыдает он».

Старик

Не тронь его, храни молчанье.
Слышал я русское преданье:
Теперь полунощной порой
У спящего теснит дыханье
Домашний дух; перед зарей
Уходит он. Сиди со мной.

Земфира

Отец мой! шепчет он: Земфира!

Старик

Тебя он ищет и во сне:
Ты для него дороже мира.

Земфира

Его любовь постыла мне,
Мне скучно; сердце воли просит,
Уж я... Но тише! слышишь? он
Другое имя произносит.

Старик

Чье имя?

Земфира
Слышишь? хриплый стон
И скрежет ярый! . . . Как ужасно;
Я разбужу его.

Старик
Напрасно,
Ночного духа не гони;
Уйдет и сам.

Земфира
Он повернулся;
Привстал: зовет меня; проснулся.
Иду к нему. — Прощай, усни.

Алеко
Где ты была?

Земфира
С отцом сидела.
Какой-то дух тебя томил,
Во сне душа твоя терпела
Мученья. Ты меня страшил:
Ты, сонный, скрежетал зубами
И звал меня.

Алеко
Мне снилась ты.
Я видел, будто между нами. . .
Я видел страшные мечты.

Земфира
Не верь лукавым сновиденьям.

Алеко
Ах, я не верю ничему:
Ни снам, ни сладким увереньям,
Ни даже сердцу твоему.

С т а р и к

О чем, безумец молодой,
О чем вздыхаешь ты всечасно?
Здесь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубит.

А л е к о

Отец! она меня не любит.

С т а р и к

Утешься, друг; она дитя,
Твое унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шутя.
Взгляни: под отдаленным сводом
Гуляет вольная луна;
На всю природу мимоходом
Равно сиянье льет она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит,
И вот — уж перешла в другое
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?
Утешься!

А л е к о

Как она любила!
Как нежно преклонясь ко мне
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила! —
Веселья детского полна,
Как часто милым лепетаньем
Иль упоительным лобзаньем
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!
И что ж? Земфира неверна!
Моя Земфира охладела.

С т а р и к

Послушай, расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал еще москаль
(Вот видишь: я припоминаю,
Алеко, старую печаль),
Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком паша
С высоких башен Аккермана —
Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела,
И ни одна в кудрях моих
Еще сединка не белела;
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею
Как солнцем любовался я
И наконец назвал моею.

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее: только год
Меня любила Мариула.

Однажды близ кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали;
Цыганы те, свои шатры
Разбив близ наших у горы,
Две ночи вместе ночевали.

Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спал; заря блеснула;
Проснулся я: подруги нет!
Ищу, зову — пропал и след...
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал!.. с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

А л е к о

Да как же ты не поспешил
Тотчас вослед неблагодарной
И хищникам и ей, коварной,
Кинжала в сердце не вонзил?

С т а р и к

К чему? вольнее птицы младость.
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем дается радость;
Что было, то не будет вновь.

А л е к о

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь;
О нет! когда б над бездной моря
Нашел я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.

Молодой цыган
Еще одно, одно лобзанье!

Земфира
Пора: мой муж ревнив и зол.

Цыган
Одно... но доле! на прощанье.

Земфира
Прощай, покамест не пришел.

Цыган
Скажи — когда ж опять свиданье?

Земфира
Сегодня; как зайдет луна,
Там, за курганом над могилой...

Цыган
Обманет! не придет она!

Земфира
Беги — вот он. Приду, мой милый.

Алеко спит. В его уме
Виденье смутное играет;
Он, с криком пробудясь во тьме,
Ревниво руку простирает;
Но обробелая рука
Покровы хладные хватает —
Его подруга далека...
Он с трепетом привстал и внемлет...
Всё тихо: страх его объемлет,
По нем текут и жар и хлад,
Встает он, из шатра выходит,
Вокруг телег ужасен бродит;
Спокойно всё; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звезд неверный свет,
Чуть по росе приметный след
Ведет за дальные курганы:
Нетерпеливо он идет,
Куда зловещий след ведет.

Могила на краю дороги
Вдали белеет перед ним,
Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием томим,
Дрожат уста, дрожат колени,
Идет... и вдруг... иль это сон?
Вдруг видит близкие две тени
И близкий шопот слышит он
Над обесславленной могилой.

1-й голос

Пора...

2-й голос

Постой.

1-й голос

Пора, мой милый.

2-й голос

Нет, нет! постой,ждемся дня.

1-й голос

Уж поздно.

2-й голос

Как ты робко любишь.

Минуту!

1-й голос

Ты меня погубишь.

2-й голос

Минуту!

1-й голос

Если без меня

Проснется муж...

А л е к о

Проснулся я.

Куда вы? не спешите оба;

Вам хорошо и здесь, у гроба.

З е м ф и р а

Мой друг, беги, беги!

А л е к о

Постой!

Куда, красавец молодой?

Лежи!

(Вонзает в него нож.)

Земфира
Алеко!

Цыган
Умираю!

Земфира
Алеко! ты убьешь его!
Взгляни: ты весь обрызган кровью!
О, что ты сделал?

Алеко
Ничего.
Теперь дыши его любовью.

Земфира
Нет, полно, не боюсь тебя,
Твои угрозы презираю,
Твое убийство проклиная.

Алеко
Умри ж и ты!
(Поражает ее.)

Земфира
Умру любя.

Восток, денницей озаренный,
Сиял. Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный
Сидел на камне гробовом.
Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом;
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой;
Могилу в стороне копали,
Шли жены скорбной чередой
И в очи мертвых целовали.
Старик отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии печали;
Подняли трупы, понесли
И в лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрел
На всё. Когда же их закрыли
Последней горстью земной,
Он молча, медленно склонился,
И с камня на траву свалился.

Тогда старик, приближась, рек:
«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики, нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим,
Не нужно крови нам и стонов;
Но жить с убийцей не хотим.
Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;

Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел; — оставь же нас,
Прости! да будет мир с тобою».

Сказал — и шумною толпою
Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега,
И скоро всё в дали степной
Сокрылось. Лишь одна телега,
Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда перед зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подьёмлется с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несется,
Пронзенный гибельным свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненым крылом.
Настала ночь: в телеге темной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подъемной
До утра сном не опочил.

ЭПИЛОГ

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.
В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орел двуглавый
Еще шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.
Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны! . .
И под изданными шатрами
Живут мучительные сны,

И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

ГРАФ НУЛИН

1825

Пора, пора! рога трубят;
Псари в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.
Выходит барин на крыльцо,
Всё, подбочась, обозревает;
Его довольное лицо
Приятной важностью сияет.
Чекмень затянутый на нем,
Турецкий нож за кушаком,
За пазухой во фляжке ром,
И рог на бронзовой цепочке.
В ночном чепце, в одном платочке,
Глазами сонными жена
Сердито смотрит из окна
На сбор, на псарную тревогу.
Вот мужу подвели коня;
Он холку хватать и в стремя ногу,
Кричит жене: не жди меня!
И выезжает на дорогу.

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег,
Да вой волков. Но то-то счастье
Охотнику! Не зная нег,
В отъезде поле он гарцует,
Везде находит свой ночлег,
Бранится, мокнет и пирует
Опустошительный набег.

А что же делает супруга
Одна в отсутствии супруга?
Занятий мало ль есть у ней?
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обед и ужин,
В анбар и в погреб заглянуть.
Хозяйки глаз повсюду нужен:
Он вмиг заметит что-нибудь.

К несчастью, героиня наша
(Ах, я забыл ей имя дать!
Муж просто звал ее: Наташа,
Но мы — мы будем называть:
Наталья Павловна), к несчастью,
Наталья Павловна совсем
Своей хозяйственной частью
Не занималась; затем,
Что не в отеческом законе
Она воспитана была,
А в благородном пансионе
У эмигрантки Фальбала.

Она сидит перед окном;
Пред ней открыт четвертый том
Сентиментального романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двух семей.
Роман классический, старинный,
Отменно длинный, длинный, длинный,
Нравоучительный и чинный,
Без романтических затей.

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругом мальчишки хохотали;
Меж тем печально под окном
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;

Три утки полоскались в луже;
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор;
Погода становилась хуже:
Казалось, снег идти хотел. . .
Вдруг колокольчик зазвенел.

Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот, верно, знает сам,
Как сильно колокольчик дальный
Порой волнует сердце нам.
Не друг ли едет запоздалый,
Товарищ юности удалой? . .
Уж не она ли? . . Боже мой!
Вот ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо звук несется,
Слабей. . . и смолкнул за горой.

Наталья Павловна к балкону
Бежит, обрадована звону,
Глядит и видит: за рекой
У мельницы коляска скачет,
Вот на мосту — к нам точно. . . нет,
Поворотила влево. Вслед
Она глядит и чуть не плачет.

Но вдруг. . . о радость! косогор;
Коляска на бок. — «Филька, Васька!
Кто там? скорей! Вон там коляска:
Сейчас везти ее на двор
И барина просить обедать!
Да жив ли он? . . беги проведать!
Скорей, скорей!»

Слуга бежит.

Наталья Павловна спешит
Взбить пышный локон, шаль накинуть,
Задернуть завес, стул подвинуть,
И ждет. «Да скоро ль, мой творец!»
Вот едут, едут наконец.
Забрызганный в дороге дальней,
Опасно раненый, печальный
Кой-как тащится экипаж;

Вслед барин молодой хромает;
Слуга-француз не унывает
И говорит: allons, sougafe! *
Вот у крыльца; вот в сени входят.
Покамест барину теперь
Покой особенный отводят
И настезь отворяют дверь,
Пока Ricard шумит, хлопочет
И барин одеваться хочет,
Сказать ли вам, кто он таков?
Граф Нулин, из чужих краев,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков à joug, **
С ужасной книжкой Гизота,
С тетрадью злых карикатур,
С романом новым Вальтер-Скотта,
С bons-mots *** парижского двора,
С последней песней Беранжера,
С мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera. ****

Уж стол накрыт; давно пора;
Хозяйка ждет нетерпеливо;
Дверь открылась, входит граф;
Наталья Павловна, привстав,
Осведомляется учтиво,
Каков он? что нога его?
Граф отвечает: ничего.
Идут за стол; вот он садится,
К ней подвигает свой прибор
И начинает разговор:

---

* Ну, смелей! (Франц.) — *Ред.*

** Прозрачных (ажурных). (Франц.) — *Ред.*

*** Остротами. (Франц.) — *Ред.*

**** И так далее, и так далее. (Латинск.) — *Ред.*

Святую Русь бранит, дивится,
Как можно жить в ее снегах,
Жалеет о Париже страх.
«А что театр?» — «О! сиротеет,
C'est bien mauvais, ça fait pitié.*
Тальма совсем оглох, слабеет,
И мамзель Марс — увы! стареет. . .
Зато Потье, le grand Potier! **
Он славу прежнюю в народе
Доныне поддержал один». —
«Какой писатель нынче в моде?» —
«Всё d'Argincourt и Ламартин». —
«У нас им также подражают». —
«Нет? право? так у нас умы
Уж развиваться начинают.
Дай бог, чтоб просветились мы!» —
«Как тальи носят?» — «Очень низко,
Почти до. . . вот, по этих пор.
Позвольте видеть ваш убор;
Так. . . рюши, банты, здесь узор;
Всё это к моде очень близко». —
«Мы получаем Телеграф». —
«Ага! хотите ли послушать
Прелестный водевиль?» — И граф
Поет. «Да, граф, извольте ж кушать». —
«Я сыт». — «Итак. . .»

Из-за стола

Встают. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Граф, о Париже забывая,
Дивится, как она мила.
Проходит вечер неприметно;
Граф сам не свой. Хозяйки взор
То выражается приветно,
То вдруг потуплен безответно.
Глядишь — и полночь вдруг на двор.
Давно храпит слуга в передней,
Давно поет петух соседний,
В чугунову доску сторож бьет;
В гостинной свечки догорели.

* Очень плохо, просто жалость. (Франц.) — *Ред.*

** Великий Потье. (Франц.) — *Ред.*

Наталья Павловна встает:
«Пора, прощайте! ждут постели.
Приятный сон». . . С досадой встав,
Полувлюбленный нежный граф
Целует руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведет?
Проказница — прости ей, боже! —
Тихонько графу руку жмет.

Наталья Павловна раздета;
Стоит Параша перед ней.
Друзья мои! Параша эта
Наперсница ее затей:
Шьет, моет, вести переносит,
Изношенных капотов просит,
Порою с барином шалит,
Порой на барина кричит,
И лжет пред барыней отважно.
Теперь она толкует важно
О графе, о делах его,
Не пропускает ничего,
Бог весть, разведать как успела.
Но госпожа ей наконец
Сказала: «полно, надоела!»
Спросила кофту и чепец,
Легла и выдти вон велела.

Своим французом между тем
И граф раздет уже совсем.
Ложится он, сигару просит,
Monsieur Picard ему приносит
Графин, серебряный стакан,
Сигару, бронзовый светильник,
Щипцы с пружиною, будильник
И неразрезанный роман.

В постеле лежа, Вальтер-Скотта
Глазами пробегает он.
Но граф душевно развлечен:
Неугомонная забота
Его тревожит; мыслит он:
«Неужто вправду я влюблен?»

Что, если можно? .. вот забавно;
Однако ж это было б славно;
Я, кажется, хозяйке мил» —
И Нулин свечку погасил.

Несносный жар его объемлет,
Не спится графу. Бес не дремлет
И дразнит грешною мечтой
В нем чувства. Пылкий наш герой
Воображает очень живо
Хозяйки взор красноречивый,
Довольно круглый, полный стан,
Приятный голос, прямо женский,
Лица румянец деревенский —
Здоровье краше всех румян.
Он помнит кончик ножки нежной,
Он помнит, точно, точно так,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; он дурак,
Он должен бы остаться с нею,
Ловить минутную затею.
Но время не ушло: теперь
Отворена, конечно, дверь. . .
И тотчас, на плеча накинув
Свой пестрый шелковый халат
И стул в потемках опрокинув,
В надежде сладостных наград,
К Лукреции Тарквиний новый
Отправился на всё готовый.

Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой медленно идет,
Полузажмурясь подступает,
Свернется в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.

Влюбленный граф в потемках бродит,
Дорогу ощупью находит,
Желаньем пламенным томим,

Едва дыханье переводит,
Трепещет, если пол под ним
Вдруг заскрипит. Вот он подходит
К заветной двери и слегка
Жмет ручку медную замка;
Дверь тихо, тихо уступает;
Он смотрит: лампа чуть горит
И бледно спальню освещает;
Хозяйка мирно почивает,
Иль притворяется, что спит.

Он входит, медлит, отступает —
И вдруг упал к ее ногам.
Она... Теперь, с их позволения,
Прошу я петербургских дам
Представить ужас пробужденья
Натальи Павловны моей
И разрешить, что делать ей?

Она, открыв глаза большие,
Глядит на графа — наш герой
Ей сыплет чувства выписные
И дерзновенною рукой
Коснуться хочет одеяла,
Совсем смутив ее сначала...
Но тут опомнилась она,
И, гнева гордого полна,
А впрочем, может быть, и страха,
Она Тарквинию с размаха
Дает — пощечину, да, да!
Пощечину, да ведь какую!

Сгорел граф Нулин от стыда,
Обиду проглотив такую;
Не знаю, чем бы кончил он,
Досадой страшною пылая, —
Но шпич косматый, вдруг залая,
Прервал Параши крепкий сон.
Услышав граф ее походку
И проклиная свой ночлег
И своенравную красотку,
В постыдный обратился бег.

Как он, хозяйка и Параша
Проводят остальную ночь,
Воображайте, воля ваша!
Я не намерен вам помочь.

Восстав поутру молчаливо,
Граф одевается лениво,
Отделкой розовых ногтей,
Зевая, занялся небрежно,
И галстук вяжет неприлежно,
И мокрой щеткою своей
Не гладит стриженных кудрей.
О чем он думает, не знаю;
Но вот его позвали к чаю.
Что делать? Граф, преодолев
Неловкий стыд и тайный гнев,
Идет.

Проказница младая,
Насмешливый потупя взор
И губки алые кусая,
Заводит скромно разговор
О том, о сем. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
С улыбкой отвечает он.
Получаса не проходило,
Уж он и шутит очень мило
И чуть ли снова не влюблен.
Вдруг шум в передней. Входят. Кто же?
«Наташа, здравствуй». —

«Ах, мой боже. . .

Граф, вот мой муж. Душа моя,
Граф Нулин». —

«Рад сердечно я.

Какая скверная погода!
У кузницы я видел ваш
Совсем готовый экипаж.
Наташа! там у огорода
Мы затравили русака.
Эй! водки! Граф, прошу отведать:
Прислали нам издадека.
Вы с нами будете обедать!» —
«Не знаю, право, я спешу». —

«И, полно, граф, я вас прошу.
Жена и я, гостям мы рады.
Нет, граф, останьтесь!» —

Но с досады

И все надежды потеряв,
Упрямится печальный граф.
Уж подкрепив себя стаканом,
Пикар кряхтит за чемоданом.
Уже к коляске двое слуг
Несут привинчивать сундук.
К крыльцу подвезена коляска,
Пикар всё скоро уложил,
И граф уехал. . . Тем и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
Жена всё мужу рассказала
И подвиг графа моего
Всему соседству описала.
Но кто же более всего
С Натальей Павловной смеялся?
Не угадать вам. Почему ж?
Муж? — Как не так. Совсем не муж.
Он очень этим оскорблялся,
Он говорил, что граф дурак,
Молокосос; что если так,
То графа он визжать заставит,
Что псами он его затравит.
Смеялся Лидин, их сосед,
Помещик двадцати трех лет.

Теперь мы можем справедливо
Сказать, что в наши времена
Супругу верная жена,
Друзья мои, совсем не диво.

ПОЛТАВА

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

Byron

1828—1829

---

* Мощь и слава войны, изменчивые,
Как и люди, их суетные поклонники,
Перешли на сторону торжествующего царя.
Байрон. (Англ.) — Ред.

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Тебе — но голос музы темной
Коснется ль уха твоего?
Поймешь ли ты душою скромной
Стремленье сердца моего?
Иль посвящение поэта,
Как некогда его любовь,
Перед тобою без ответа
Пройдет, непризнанное вновь?*

*Узнай, по крайней мере, звуки,
Бывало, милые тебе —
И думай, что во дни разлуки,
В моей изменчивой судьбе,
Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.*

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Богат и славен Кочубей. ¹
Его луга необозримы;
Там табуны его коней
Пасутся вольны, нехранимы.
Кругом Полтавы хутора ²
Окружены его садами,
И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра
И на виду и под замками.
Но Кочубей богат и горд
Не долгогривыми конями,
Не золотом, данью крымских орд,
Не родовыми хуторами —
Прекрасной дочерью своей
Гордится старый Кочубей. ³

И то сказать: в Полтаве нет
Красавицы, Марии равной.
Она свежа, как вешний цвет,
Взледеянный в тени дубравной.
Как тополь киевских высот,
Она стройна. Ее движенья
То лебедя пустынных вод
Напоминают плавный ход,
То лани быстрые стремленья.
Как пена, грудь ее бела.
Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют.
Звездой блестят ее глаза;

Ее уста, как роза, рдеют.
Но не единая краса
(Мгновенный цвет!) молвою шумной
В младой Марии почтена:
Везде прославилась она
Девницей скромной и разумной.
Зато завидных женихов
Ей шлет Украина и Россия;
Но от венца, как от оков,
Бежит пугливая Мария.
Всем женихам отказ — и вот
За ней сам гетман сватов шлет. ⁴

Он стар. Он удручен годами,
Войной, заботами, трудами;
Но чувства в нем кипят, и вновь
Мазепа ведает любовь.

Мгновенно сердце молодое
Горит и гаснет. В нем любовь
Проходит и приходит вновь,
В нем чувство каждый день иное:
Не столь послушно, не слегка,
Не столь мгновенными страстями
Пылает сердце старика,
Окаменелое годами.
Упорно, медленно оно
В огне страстей раскалено;
Но поздний жар уж не остынет
И с жизнью лишь его покинет.

Не серна под утес уходит,
Орла послуша тяжкий лёт;
Одна в сенях невеста бродит,
Трепещет и решенья ждет.

И вся полна негодованьем
К ней мать идет и, с содроганьем
Схватив ей руку, говорит:
«Бесстыдный! старец нечестивый!
Возможно ль? .. Нет, пока мы живы,
Нет! он греха не совершит.

Он, должный быть отцом и другом
Невинной крестницы своей. . .
Безумец! на закате дней
Он вздумал быть ее супругом».
Мария вздрогнула. Лицо
Покрыла бледность гробовая,
И, охладев, как неживая
Упала дева на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
Закрыла очи — и ни слова
Не говорит. Отец и мать
Ей сердце ищут успокоить,
Боязнь и горестъ разогнать,
Тревогу смутных дум устроить. . .
Напрасно. Целые два дня,
То молча плача, то стенья,
Мария не пила, не ела,
Шатаясь, бледная как тень,
Не зная сна. На третий день
Ее светлица опустела.

Никто не знал, когда и как
Она сокрылась. Лишь рыбак
Той ночью слышал конский топот,
Казачью речь и женский шопот,
И утром след осьми подков
Был виден на росе лугов.

Не только первый пух ланит
Да русы кудри молодые,
Порой и старца строгий вид,
Рубцы чела, власы седые
В воображенье красоты
Влагают страстные мечты.

И вскоре слуха Кочубея
Коснулась роковая весть:
Она забыла стыд и честь,
Она в объятиях злодея!
Какой позор! Отец и мать
Молву не смеют понимать.

Тогда лишь истина явилась
С своей ужасной наготой.
Тогда лишь только объяснилась
Душа преступницы молодой.
Тогда лишь только стало явно,
Зачем бежала своенравно
Она семейственных оков,
Томила тайно, воздыхала
И на приветы женихов
Молчаньем гордым отвечала;
Зачем так тихо за столом
Она лишь гетману внимала,
Когда беседа ликовала
И чаша пенилась вином;
Зачем она всегда певала
Те песни, кои он слагал,⁵
Когда он беден был и мал,
Когда молва его не знала;
Зачем с неженскою душой
Она любила конный строй,
И бранный звон литавр и клики
Пред бунчуком и булавой
Малороссийского владыки...⁶

Богат и знатен Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омыть он может славу.
Он может возмутить Полтаву;
Внезапно среди его дворца .
Он может мщением отца
Постигнуть гордого злодея;
Он может верною рукой
Вонзить... но замысел иной
Волнует сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один

Урок нежданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву.
Он шел путем, где след оставил
В дни наши новый, сильный враг,
Когда падением ославил
Муж рока свой попятный шаг. ⁷

Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтоб гетман узы их расторг,
И Карла ждал нетерпеливо
Их легкомысленный восторг.
Вокруг Мазепы раздавался
Мятежный крик: пора, пора!
Но старый гетман оставался
Послушным подданным Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно ведал он Украину,
Молве, казалось, не внимал
И равнодушно пировал.

«Что ж гетман? — юноши твердили, —
Он изнемог; он слишком стар;
Труды и годы угасили
В нем прежний, деятельный жар.
Зачем дрожащею рукою
Еще он носит булаву?»

Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко,⁸
Иль Самойлович молодой,⁹
Иль наш Палей,¹⁰ иль Гордеенко¹¹
Владели силой войсковою,
Тогда б в снегах чужбины дальней
Не погибали казаки
И Малороссии печальной
Освобождались уж полки». ¹²

Так, своеволием пылая,
Роптала ксность удалая,
Опасных алча перемен,
Забыв отчизны давний плен,
Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времен.
Но старость ходит осторожно
И подозрительно глядит.
Чего нельзя и что возможно,
Еще не вдруг она решит.
Кто снидет в глубину морскую,
Покрытую недвижно льдом?
Кто испытующим умом
Проникнет бездну роковую
Души коварной? Думы в ней,
Плоды подавленных страстей,
Лежат погружены глубоко.
И замысел давнишних дней,
Быть может, зреет одиноко.
Как знать? Но чем Мазепа злей,
Чем сердце в нем хитрей и ложней,
Тем с виду он неосторожней
И в обхождении простей.
Как он умеет самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужие тайны разрешать!
С какой доверчивостью лживой,
Как добродушно на пирах
Со старцами, старик болтливый,

Жалеет он о прошлых днях,
Свободу славит с своевольным,
Поносит власти с недовольным,
С ожесточенным слезы льет,
С глупцом разумну речь ведет!
Не многим, может быть, известно
Что дух его неукротим,
Что рад и честно и бесчестно
Вредить он недругам своим;
Что ни единой он обиды,
С тех пор как жив, не забывал,
Что далеко преступны виды
Старик надменный простирает;
Что он не ведаёт святыни,
Что он не помнит благостыни,
Что он не любит ничего,
Что кровь готов он лить как воду,
Что презирает он свободу,
Что нет отчизны для него.

Издавна умысел ужасный
Взлелеял тайно злой старик
В душе своей. Но взор опасный,
Враждебный взор его проник.

«Нет, дерзкий хищник, нет, губитель! —
Скрежеща мыслит Кочубей, —
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей;
Ты не истлеешь средь пожара,
Ты не издохнешь от удара
Казачьей сабли. Нет, злодей,
В руках московских палачей,
В крови, при тщетных отрицаньях,
На дыбе, корчась в истязаньях,
Ты проклянешь и день и час,
Когда ты дочь крестил у нас,
И пир, на коем чести чашу
Тебе я полно наливал,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршун, заклевал!..»

Так! было время: с Кочубеем
Был друг Мазепа; в оны дни
Как солью, хлебом и елеем
Делились чувствами они.
Их кони по полям победы
Скакали рядом сквозь огни;
Нередко долгие беседы
Наедине вели они —
Пред Кочубеем гетман скрытный
Души мятежной, ненасытной
Отчасти бездну открывал
И о грядущих измененьях,
Переговорах, возмущеньях
В речах неясных намекал.
Так, было сердце Кочубея
В то время предано ему.
Но, в горькой злобе свирепея,
Теперь позыву одному
Оно послушно; он голубит
Едину мысль и день и ночь:
Иль сам погибнет, иль погубит —
Отмстит поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
Он крепко в сердце затаил.
В бессильной горести, ко гробу
Теперь он мысли устремил.
Он зла Мазепе не желает;
Всему виновна дочь одна.
Но он и дочери прощает:
Пусть богу даст ответ она,
Покрыв семью свою позором,
Забыв и небо и закон. . .

А между тем орлиным взором
В кругу домашнем ищет он
Себе товарищей отважных,
Неколебимых, непродажных.
Во всем открылся он жене: ¹³
Давно в глубокой тишине
Уже донос он грозный копит,

И, гнева женского полна,
Нетерпеливая жена
Супруга злобного торопит.
В тиши ночной, на ложе сна,
Как некий дух, ему она
О мщеньи шепчет, укоряет,
И слезы льет, и ободряет,
И клятвы требует — и ей
Клянется мрачный Кочубей.

Удар обдуман. С Кочубеем
Бесстрашный Искра¹⁴ заодно.
И оба мыслят: «Одолеем;
Врага паденье решено.
Но кто ж, усердьем пламенея,
Ревнуя к общему добру,
Донос на мощного злодея
Предубежденному Петру
К ногам положит, не робея?»

Между полтавских казаков,
Презренных девою несчастной,
Один с младенческих годов
Ее любил любовью страстной.
Вечерней, утренней порой,
На берегу реки родной,
В тени украинских черешен,
Бывало, он Марию ждал,
И ожиданием страдал,
И краткой встречей был утешен.
Он без надежд ее любил,
Не докучал он ей мольбою:
Отказа б он не пережил.
Когда наехали толпою
К ней женихи, из их рядов
Уныл и сир он удалился.
Когда же вдруг меж казаков
Позор Мариин огласился
И беспощадная молва
Ее со смехом поразила,
И тут Мария сохранила
Над ним привычные права.

Но если кто хотя случайно
Пред ним Мазепу называл,
То он бледнел, терзаясь тайно,
И взоры в землю опускал.

. . . . .

Кто при звездах и при луне
Так поздно едет на коне?
Чей это конь неутомимый
Бежит в степи необозримой?

Казак на север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.

Как стекло булат его блестит,
Мешок за пазухой звенит,
Не спотыкаясь конь ретивый
Бежит, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
Булат потеха молодца,
Ретивый конь потеха тоже —
Но шапка для него дороже.

За шапку он оставить рад
Коня, червонцы и булат,
Но выдаст шапку только с бою,
И то лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит,
Донос на гетмана злодея
Царю Петру от Кочубея.

Грозы не чуя между тем,
Не ужасаемый ничем,
Мазепа козни продолжает.
С ним полномощный езуит¹⁵
Мятеж народный учреждает
И шаткий трон ему сулит.

Во тьме ночной они как воры
Ведут свои переговоры,
Измену ценят меж собой,
Слагают цифр универсалов, ¹⁶
Торгуют царской головой,
Торгуют клятвами вассалов.
Какой-то нищий во дворец
Неведомо отколе ходит,
И Орлик, ¹⁷ гетманов делец,
Его приводит и выводит.
Повсюду тайно сеют яд
Его подосланные слуги:
Там на Дону казачьи круги
Они с Булавиным ¹⁸ мутят;
Там будят диких орд отвагу;
Там за порогами Днепра
Стращают буйную ватагу
Самодержавием Петра.
Мазепа всюду взор кидает
И письма шлет из края в край:
Угрозой хитрой подымает
Он на Москву Бахчисарай.
Король ему в Варшаве внемлет,
В стенах Очакова паша,
Во стане Карл и царь. Не дремлет
Его коварная душа;
Он, думой думу развивая,
Верней готовит свой удар;
В нем не слабеет воля злая,
Неутомим преступный жар.

Но как он вздрогнул, как воспрянул,
Когда пред ним незапно грянул
Упадший гром! когда ему,
Врагу России самому,
Вельможи русские послали ¹⁹
В Полтаве писанный донос
И, вместо праведных угроз,
Как жертве, ласки расточали;
И, озабоченный войной,
Гнушаясь мнимой клеветой,
Донос оставя без вниманья,

Сам царь Иуду утешал
И злобу шумом наказанья
Смирить надолго обещал!

Мазепа, в горести притворной,
К царю возносит глас покорный.
«И знает бог, и видит свет:
Он, бедный гетман, двадцать лет
Царю служил душою верной;
Его щедротою безмерной
Осыпан, дивно вознесен...
О, как слепа, безумна злоба!...
Ему ль теперь у двери гроба
Начать учение измен
И потемнять благую славу?
Не он ли помощь Станиславу²⁰
С негодованьем отказал,
Стыдясь, отверг венец Украины,
И договор и письма тайны
К царю, по долгу, отослал?
Не он ли наущеньям хана²¹
И цареградского салтана
Был глух? Усердием горя,
С врагами белого царя
Умом и саблей рад был спорить,
Трудов и жизни не жалел,
И ныне злобный недруг смел
Его седины опозорить!
И кто же? Искра, Кочубей!
Так долго был его друзьями!...»
И с кровожадными слезами,
В холодной дерзости своей,
Их казни требует злодей...²²

Чьей казни?.. старец непреклонный!
Чья дочь в объятиях его?
Но хладно сердца своего
Он заглушает ропот сонный.
Он говорит: «В неравный спор
Зачем вступает сей безумец?
Он сам, надменный вольнодумец,
Сам точит на себя топор.

Куда бежит, зажавши вежды?
На чем он основал надежды?
Или... но дочери любовь
Главы отцовской не искупит.
Любовник гетману уступит,
Не то моя прольется кровь».

Мария, бедная Мария,
Краса черкасских дочерей!
Не знаешь ты, какого змия
Ласкаешь на груди своей.
Какой же властью непонятной
К душе свирепой и развратной
Так сильно ты привлечена?
Кому ты в жертву отдана?
Его кудрявые седины,
Его глубокие морщины,
Его блестящий, впалый взор,
Его лукавый разговор
Тебе всего, всего дороже:
Ты мать забыть для них могла,
Соблазном посланное ложе
Ты отчей сени предпочла.
Своими чудными очами
Тебя старик заворожил,
Своими тихими речами
В тебе он совесть усыпил;
Ты на него с благоговеньем
Возводишь ослепленный взор,
Его лелеешь с умиленьем —
Тебе приятен твой позор,
Ты им, в безумном упоеньи,
Как целомудрием горда —
Ты прелесть нежную стыда
В своем утратила паденьи...

Что стыд Марии? что молва?
Что для нее мирские пени,
Когда склоняется в колени
К ней старца гордая глава,
Когда с ней гетман забывает
Судьбы своей и труд и шум,

Иль тайны смелых, грозных дум
Ей, деве робкой, открывает?
И дней невинных ей не жаль,
И душу ей одна печаль
Порой, как туча, затмевает:
Она унылых пред собой
Отца и мать воображает;
Она, сквозь слезы, видит их
В бездетной старости, одних,
И, мнится, пеням их внимает. . .
О, если б ведала она,
Что уж узнала вся Украина!
Но от нее сохранена
Еще убийственная тайна.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Мазепа мрачен. Ум его
Смущен жестокими мечтами.
Мария нежными очами
Глядит на старца своего.
Она, обняв его колени,
Слова любви ему твердит.
Напрасно: черных помышлений
Ее любовь не удалит.
Пред бедной девой с невниманьем
Он хладно потупляет взор,
И ей на ласковый укор
Одним ответствует молчаньем.
Удивлена, оскорблена,
Едва дыша, встает она
И говорит с негодованьем:

«Послушай, гетман: для тебя
Я позабыла всё на свете.
Навек однажды полюбя,
Одно имела я в предмете:
Твою любовь. Я для нее
Сгубила счастье мое,
Но ни о чем я не жалею. . .
Ты помнишь: в страшной тишине,
В ту ночь, как стала я твоею,
Меня любить ты клялся мне.
Зачем же ты меня не любишь?»

М а з е п а

Мой друг, несправедлива ты.
Оставь безумные мечты;
Ты подозреньем сердце губишь:
Нет, душу пылкую твою
Волнуют, ослепляют страсти.
Мария, верь: тебя люблю
Я больше славы, больше власти.

М а р и я

Неправда: ты со мной хитришь.
Давно ль мы были неразлучны?
Теперь ты ласк моих бежишь;
Теперь они тебе докучны;
Ты целый день в кругу старшин,
В пирах, разъездах — я забыта;
Ты долгой ночью иль один,
Иль с нищим, иль у езуита.
Любовь смиренная моя
Встречает хладную суровость.
Ты пил недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?

М а з е п а

И ты

Ревнива? Мне ль, в мои ли лета
Искать надменного привета
Самолюбивой красоты?
И стану ль я, старик суровый,
Как праздный юноша, вздыхать,
Влачить позорные оковы
И жен притворством искушать?

М а р и я

Нет, объяснись без отговорок
И просто, прямо отвечай.

М а з е п а

Покой души твоей мне дорог,
Мария; так и быть: узнай.

Давно замыслили мы дело;
Теперь оно кипит у нас.
Благое время нам пришло;
Борьбы великой близок час.
Без милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы,
Под самовластием Москвы.
Но независимой державой
Украине быть уже пора:
И знамя вольности кровавой
Я подымаю на Петра.
Готово всё: в переговорах
Со мною оба короля;
И скоро в смутах, в бранных спорах,
Быть может, трон воздвигну я.
Друзей надежных я имею:
Княгиня Дульская и с нею
Мой езуит, да нищий сей
К концу мой замысел приводят.
Через руки их ко мне доходят
Наказы, письма королей.
Вот важные тебе признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Рассеяны ль?

М а р и я

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоим сединам как пристанет
Корона царская!

М а з е п а

Постой.
Не всё свершилось. Буря грянет;
Кто может знать, что ждет меня?

М а р и я

Я близ тебя не знаю страха —
Ты так могущ! О, знаю я:
Трон ждет тебя.

М а з е п а

А если плаха?..

М а р и я

С тобой на плаху, если так.
Ах, пережить тебя могу ли?
Но нет: ты носишь власти знак.

М а з е п а

Меня ты любишь?

М а р и я

Я! люблю ли?

М а з е п а

Скажи: отец или супруг
Тебе дороже?

М а р и я

Милый друг,
К чему вопрос такой? тревожит
Меня напрасно он. Семейю
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей в позор; быть может,
(Какая страшная мечта!)
Моим отцом я проклята,
А за кого?

М а з е п а

Так я дороже
Тебе отца? Молчишь... .

М а р и я

О боже!

М а з е п а

Что ж? отвечай.

М а р и я

Реши ты сам.

М а з е п а

Послушай: если было б нам,
Ему иль мне, погибнуть надо,
А ты бы нам судьей была,
Кого б ты в жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

М а р и я

Ах, полно! сердце не смущай!
Ты искунитель.

М а з е п а

Отвечай!

М а р и я

Ты бледен; речь твоя сурова...
О, не сердись! Всем, всем готова
Тебе я жертвовать, поверь;
Но страшны мне слова такие.
Довольно.

М а з е п а

Помни же, Мария,
Что ты сказала мне теперь.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замо́к озаряет.
И тихо, тихо всё кругом;
Но в замо́ке шопот и смятенье.
В одной из башен, под окном,
В глубоком, тяжком размышленьи,
Окован, Кочубей сидит
И мрачно на небо глядит.

Заутра казнь. Но без боязни
Он мыслит об ужасной казни;
О жизни не жалеет он.
Что смерть ему? желанный сон.
Готов он лечь во гроб кровавый.
Дрема долит. Но, боже правый!
К ногам злодея, молча, пасть
Как бессловесное созданье,
Царем быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь — и с нею честь,
Друзей с собой на плаху весть,
Над гробом слышать их проклятья,
Ложась безвинным под топор,
Врага веселый встретить взор
И смерти кинуться в объятья,
Не завещая никому
Вражды к злодею своему! . .

И вспомнил он свою Полтаву,
Обычный круг семьи, друзей,
Минувших дней богатство, славу,
И песни дочери своей,
И старый дом, где он родился,
Где знал и труд и мирный сон,
И всё, чем в жизни наслаждался,
Что добровольно бросил он,
И для чего? —

Но ключ в заржавом
Замке гремит — и, пробужден,
Несчастный думает: вот он!
Вот на пути моем кровавом
Мой вождь под знаменем креста,
Грехов могущий разрешитель,
Духовной скорби врач, служитель
За нас распятого Христа,
Его святую кровь и тело
Принесший мне, да укреплюсь,
Да приступлю ко смерти смело
И жизни вечной приобщусь!

И с сокрушением сердечным
Готов несчастный Кочубей
Перед всеильным, бесконечным
Излить тоску мольбы своей.
Но не отшельника святого,
Он гостя узнает иного:
Свирепый Орлик перед ним.
И, отвращением томим,
Страдалец горько вопрошает:
«Ты здесь, жестокий человек?
Зачем последний мой ночлег
Еще Мазепа возмущает?»

Орлик

Допрос не кончен: отвечай.

Кочубей

Я отвечал уже: ступай,
Оставь меня.

Орлик

Еще признанья
Пан гетман требует.

Кочубей

Но в чем?
Давно сознался я во всем,
Что вы хотели. Показанья
Мои все ложны. Я лукав,
Я строю козни. Гетман прав.
Чего вам более?

Орлик

Мы знаем,
Что ты несчетно был богат;
Мы знаем: не единый клад
Тобой в Диканьке²³ укрываем.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имение сполна
В казну поступит войсковую —
Таков закон. Я указую
Тебе последний долг: открой,
Где клады, скрытые тобой?

Кочубей

Так, не ошиблись вы: три клада
В сей жизни были мне отрада.
И первый клад мой честь была,
Клад этот пытка отняла;
Другой был клад невозвратимый —
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь над ним дрожал:
Мазепа этот клад украл.
Но сохранил я клад последний,
Мой третий клад: святую месть.
Ее готовлюсь богу снести.

Орлик

Старик, оставь пустые бредни:
Сегодня покидая свет,
Питайся мыслию суровой.
Шутить не время. Дай ответ,
Когда не хочешь пытки новой:
Где спрятал деньги?

Кочубей

Злой холоп!
Окончишь ли допрос нелепый?
Повремени: дай лечь мне в гроб,
Тогда ступай себе с Мазепой
Мое наследие считать
Окровавленными перстами,
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады с домами.
С собой возьмите дочь мою;
Она сама вам всё расскажет,
Сама все клады вам укажет;
Но ради господина молю,
Теперь оставь меня в покое.

Орлик

Где спрятал деньги? укажи.
Не хочешь? — Деньги где? скажи;
Иль выйдет следствие плохое.
Подумай: место нам назначь.
Молчишь? — Ну, в пытку. Гей, палач! ²⁴

Палач вошел. . .

О, ночь мучений!

Но где же гетман? где злодей?
Куда бежал от угрызений
Змеиной совести своей?
В светлице девы усыпленной,
Еще незнанием блаженной,
Близ ложа крестницы младой
Сидит с поникшею главой
Мазепа тихий и угрюмый.
В его душе проходят думы,
Одна другой мрачней, мрачней.
«Умрет безумный Кочубей;
Спасти нельзя его. Чем ближе
Цель гетмана, тем тверже он
Быть должен властью облечен,
Тем перед ним склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нет:
Доносчик и его клевет
Умрут». Но, брося взор на ложе,
Мазепа думает: «О боже!
Что будет с ней, когда она
Услышит слово роковое?
Досель она еще в покое —
Но тайна быть сохранена
Не может долее. Секира,
Упав поутру, загремит
По всей Украине. Голос мира
Вокруг нее заговорит! . .
Ах, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тот стой один перед грозою,
Не призывай к себе жены.
В одну телегу впрячь невозможно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно:
Теперь плачу безумства дань. . .
Всё, что цены себе не знает,
Всё, всё, чем жизнь мила бывает,
Бедняжка принесла мне в дар,
Мне, старцу мрачному, — и что же?
Какой готовлю ей удар!»

И он глядит: на тихом ложе
Как сладок юности покой!
Как сон ее лелеет нежно!
Уста раскрылись; безмятежно
Дыханье груди молодой;
А завтра, завтра... содрогаясь
Мазепа отвращает взгляд,
Встает и, тихо пробираясь,
В уединенный сходит сад.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звезды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Но мрачны странные мечты
В душе Мазепы: звезды ночи,
Как обвинительные очи,
За ним насмешливо глядят.
И тополи, стеснившись в ряд,
Качая тихо головою,
Как судьи, шепчут меж собою.
И летней, теплой ночи тьма
Душна, как черная тюрьма.

Вдруг... слабый крик... невнятный стон
Как бы из замка слышит он.
То был ли сон воображенья,
Иль плач совы, иль зверя вой,
Иль пытки стон, иль звук иной —
Но только своего волненья
Преодолеть не мог старик
И на протяжный слабый крик
Другим отвечивал — тем криком,
Которым он в весельи диком
Поля сраженья оглашал,
Когда с Забелой, с Гамалеем,
И — с ним... и с этим Кочубеем
Он в бранном пламени скакал.

Зари багряной полоса
Объемлет ярко небеса.

Блеснули доли, холмы, нивы,
Вершины рощ и волны рек.
Раздался утра шум игривый,
И пробудился человек.

Еще Мария сладко дышит,
Дремой объятая, и слышит
Сквозь легкий сон, что кто-то к ней
Вошел и ног ее коснулся.
Она проснулась — но скорей
С улыбкой взор ее сомкнулся
От блеска утренних лучей.
Мария руки протянула
И с негой томною шепнула:
«Мазепа, ты? ..» Но голос ей
Иной отвечает... о боже!
Вздвигнув, она глядит... и что же?
Пред нею мать...

М а т ь

Молчи, молчи,
Не погуби нас: я в ночи
Сюда прокралась осторожно
С единой, слезною мольбой.
Сегодня казнь. Тебе одной
Свирепство их смягчить возможно.
Спаси отца.

Д о ч ь *(в ужасе)*

Какой отец?

Какая казнь?

М а т ь

Иль ты доныне
Не знаешь? .. нет! ты не в пустыне,
Ты во дворце; ты знать должна,
Как сила гетмана грозна,
Как он врагов своих карает,
Как государь ему внимает...
Но вижу: скорбную семью
Ты отвергаешь для Мазепы,
Тебя я сонну застаю,

Когда свершают суд свирепый,
Когда читают приговор,
Когда готов отцу топор...
Друг другу, вижу, мы чужие...
Опомнись: дочь моя! Мария,
Беги, пади к его ногам,
Спаси отца, будь ангел нам:
Твой взгляд злодеям руки свяжет,
Ты можешь их топор отвести.
Рвись, требуй — гетман не откажет:
Ты для него забыла честь,
Родных и бога.

Д о ч ь

Что со мною?

Отец... Мазепа... казнь — с мольбою.
Здесь, в этом замке мать моя, —
Нет, иль ума лишилась я,
Иль это грезы.

М а т ь

Бог с тобою,
Нет, нет — не грезы, не мечты.
Ужель еще не знаешь ты,
Что твой отец ожесточенный
Бесчестья дочери не снес
И, жаждой мести увлеченный,
Царю на гетмана донес...
Что в истязаниях кровавых
Сознался в умыслах лукавых,
В стыде безумной клеветы,
Что, жертва смелой правоты,
Врагу он выдан головою,
Что пред громадой войсковою,
Когда его не осенит
Десница вышняя господня,
Он должен быть казнен сегодня,
Что здесь покамест он сидит
В тюремной башне.

Д о ч ь

Боже, боже!..
Сегодня! — бедный мой отец!

И дева падает на ложе,
Как хладный падает мертвец.

Пестреют шапки. Копья блещут.
Бьют в бубны. Скачут сердюки.²⁵
В строях ровняются полки.
Толпы кипят. Сердца трепещут.
Дорога, как змеинный хвост,
Полна народу, шевелится.
Средь поля роковой намост.
На нем гуляет, веселится
Палач и алчно жертвы ждет:
То в руки белые берет,
Играючи, топор тяжелый,
То шутит с чернию веселой.
В гремучий говор всё слилось.
Крик женский, брань, и смех, и ропот.
Вдруг восклицанье раздалось
И смолкло всё. Лишь конский топот
Был слышен в грозной тишине.
Там, окруженный сердюками,
Вельможный гетман с старшинами
Скакал на вороном коне.
А там по киевской дороге
Телега ехала. В тревоге
Все взоры обратили к ней.
В ней, с миром, с небом примиренный,
Могущей верой укрепленный,
Сидел безвинный Кочубей,
С ним Искра тихий, равнодушный,
Как агнец, жребию послушный.
Телега стала. Раздалось
Моленье ликов громогласных.
С кадил куренье поднялось.
За упокой души несчастных
Безмолвно молится народ,
Страдальцы за врагов. И вот
Идут они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Как будто в гробе, тьмы людей
Молчат. Топор блеснул с размаху,
И отскочила голова.

Всё поле охнуло. Другая
Катится вслед за ней, мигая.
Зарделась кровию трава —
И, сердцем радуясь во злобе,
Палач за чуб поймал их обе
И напряженною рукой
Потряс их обе над толпой.

Свершилась казнь. Народ беспечный
Идет, рассыпавшись, домой
И про свои работы вечны
Уже толкует меж собой.
Пустеет поле понемногу.
Тогда чрез пеструю дорогу
Перебежали две жены.
Утомлены, запылены,
Они, казалось, к месту казни
Спешили полные боязни.
«Уж поздно», — кто-то им сказал
И в поле перстом указал.
Там роковой намест ломали,
Молился в черных ризах поп,
И на телегу подымали
Два казака дубовый гроб.

Один пред конною толпой
Мазепа, грозен, удалялся
От места казни. Он терзался
Какой-то страшной пустотой.
Никто к нему не приближался,
Не говорил он ничего;
Весь в пене мчался конь его.
Домой приехав, «что Мария?»
Спросил Мазепа. Слышит он
Ответы робкие, глухие. . .
Невольным страхом поражен,
Идет он к ней; в светлицу входит:
Светлица тихая пуста, —
Он в сад, и там смятенный бродит;
Но вокруг широкого пруда,
В кустах, вдоль сеней безмятежных
Всё пусто, нет нигде следов —

Ушла! — Зовет он слуг надежных,
Своих проворных сердюков.
Они бегут. Храпят их кони —
Раздался дикий клик погони.
Верхом — и скачут молодцы
Во весь опор во все концы.

Бегут мгновенья дорогие.
Не возвращается Мария.
Никто не ведал, не слышал,
Зачем и как она бежала. . .
Мазепа молча скрежетал.
Затихнув, челядь трепетала.
В груди кипучий яд нося,
В светлице гетман заперся.
Близ ложа там во мраке ночи
Сидел он, не смыкая очи,
Нездешней мукою томим.
Поутру, посланные слуги
Один явились за другим.
Чуть кони двигались. Подпруги,
Подковы, узды, чепраки,
Всё было пеною покрыто,
В крови, растеряно, избито —
Но ни один ему принести
Не мог о бедной деве весть.
И след ее существованья
Пропал как будто звук пустой,
И мать одна во мрак изгнанья
Умчала горе с нищетой.

ПЕСНЬ ТРЕТНЯ

Души глубокая печаль
Стремиться дерзновенно в даль
Вождю Украины не мешает.
Твердея в умысле своем,
Он с гордым шведским королем
Свои сношенья продолжает.
Меж тем, чтоб обмануть верней
Глаза враждебного сомненья,
Он, окружась толпой врачей,
На ложе мнимого мученья
Стоная молит исцеленья.
Плоды страстей, войны, трудов,
Болезни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его к одру. Уже готов
Он скоро бранный мир оставить;
Святой обряд он хочет править,
Он архипастыря зовет
К одру сомнительной кончины;
И на коварные седины
Елей таинственный течет.

Но время шло. Москва напрасно
К себе гостей ждала всечасно,
Средь старых, вражеских могил
Готова шведам тризну тайну.
Незапно Карл поворотил
И перенес войну в Украину.

И день настал. Встает с одра
Мазепа, сей страдалец хилый,
Сей труп живой, еще вчера
Стонавший слабо над могилой.
Теперь он мощный враг Петра.
Теперь он, бодрый, пред полками
Сверкает гордыми очами
И саблей машет — и к Десне
Проворно мчится на коне.
Согбенный тяжело жизнью старой,
Так оный хитрый кардинал,
Венчавшись римскою тиарой,
И прям, и здоров, и молод стал.

И весть на крыльях полетела.
Украина смутно зашумела.
«Он перешел, он изменил,
К ногам он Карлу положил
Бунчук покорный». Пламя пышет,
Встает кровавая заря
Войны народной.

Кто опишет
Негодование, гнев царя? ²⁶
Гремит анафема в соборах;
Мазепы лик терзает кат. ²⁷
На шумной раде, в вольных спорах
Другого гетмана творят.
С берегов пустынных Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспешно призваны Петром.
Он с ними слезы проливает.
Он их, лаская, осыпает
И новой честью и добром.
Мазепы враг, наездник пылкий,
Старик Палей из мрака ссылки
В Украину едет в царский стан.
Трепещет бунт осиротелый.
На плахе гибнет Чечель ²⁸ смелый
И запорожский атаман.
И ты, любовник бранной славы,
Для шлема кинувший венец,

Твой близок день, ты вал Полтавы
Вдали завидел наконец.

И царь туда ж помчал дружины.
Они как буря притекли —
И оба стана средь равнины
Друг друга хитро облегли:
Не раз избитый в схватке смелой,
Заране кровью опьянелый,
С бойцом желанным наконец
Так грозный сходится боец.
И злобясь видит Карл могучий
Уж не расстроенные тучи
Несчастных нарвских беглецов,
А нить полков блестящих, стройных,
Послушных, быстрых и спокойных,
И ряд незыблемый штыков.

Но он решил: завтра бой.
Глубокий сон во стане шведа.
Лишь под палаткою одной
Ведется шопотом беседа.

«Нет, вижу я, нет, Орлик мой,
Поторопились мы некстати:
Расчет и дерзкий и плохой,
И в нем не будет благодати.
Пропала, видно, цель моя.
Что делать? дал я промах важный:
Ошибся в этом Карле я.
Он мальчишка бойкий и отважный;
Два-три сраженья разыграть,
Конечно, может он с успехом,
К врагу на ужин прискакать,²⁹
Ответствовать на бомбу смехом;³⁰
Не хуже русского стрелка
Прокрасться в ночь ко вражью стану;
Свалить, как нынче, казака
И обменять на рану рану;³¹
Но не ему вести борьбу
С самодержавным великаном:

Как полк, вертеться он судьбу
Принудить хочет барабаном;
Он слеп, упрям, нетерпелив,
И легкомыслен, и кичлив,
Бог весть какому счастью верит;
Он силы новые врага
Успехом прошлым только мерит —
Сломить ему свои рога. ·
Стыжусь: воинственным бродягой
Увлекся я на старость лет;
Был ослеплен его отвагой
И беглым счастьем побед,
Как дева робкая».

О р л и к

Сраженья

Дождемся. Время не ушло
С Петром опять войти в сношенья:
Еще поправить можно зло.
Разбитый нами, нет сомненья,
Царь не отвергнет примиренья.

М а з е п а

Нет, поздно. Русскому царю
Со мной мириться невозможно.
Давно решилась непреложно
Моя судьба. Давно горю
Стесненной злобой. Под Азовом
Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал:
Полны вином кипели чаши,
Кипели с ними речи наши.
Я слово смелое сказал.
Смутились гости молодые. . .
Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые
Меня с угрозой ухватил.
Тогда, смирясь в бессильном гневе,
Отмстить себе я клятву дал;
Носил ее — как мать во чреве
Младенца носит. Срок настал.

Так, обо мне воспоминанье
Хранить он будет до конца.
Петру я послан в наказанье;
Я терн в листьях его венца:
Он дал бы грады родовые
И жизни лучшие часы,
Чтоб снова, как во дни былые,
Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для нас надежды:
Кому бежать, решит заря.

Умолк и закрывает вежды
Изменник русского царя.

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ее стремления крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рев.
И се, — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*:
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,

В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волнение.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье. . .
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живую отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся сплеча,
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Среди тревоги и волнения
На битву взором вдохновенья
Вожди спокойные глядят,
Движенья ратные следят,
Предвидят гибель и победу
И в тишине ведут беседу.
Но близ московского царя
Кто воин сей под сединами?
Двумя поддержан казаками,
Сердечной ревностью горя,
Он оком опытным героя
Взирает на волнение боя.

Уж на коня не вскочит он,
Одрых в изгнаныи сиротея,
И казаки на клич Палея
Не налетят со всех сторон!
Но что ж его сверкнули очи,
И гневом, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль он, сквозь бранный дым, увидел
Врага Мазепу, и в сей миг
Свои лета возненавидел
Обезоруженный старик?

Мазепа, в думу погруженный,
Взирал на битву, окруженный
Толпой мятежных казаков,
Родных, старшин и сердюков.
Вдруг выстрел. Старец обратился.
У Войнаровского в руках
Мушкетный ствол еще дымился.
Сраженный в нескольких шагах,
Младой казак в крови валялся,
А конь, весь в пене и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь в огненной дали.
Казак на гетмана стремился
Сквозь битву с саблею в руках,
С безумной яростью в очах.
Старик, подъехав, обратился
К нему с вопросом. Но казак
Уж умирал. Потухший зрак
Еще грозил врагу России;
Был мрачен помертвелый лик,
И имя нежное Марии
Чуть лепетал еще язык.

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит: ³²
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,

И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд и ясен
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.

Но где же первый, званый гость?
Где первый, грозный наш учитель,
Чью долговременную злость
Смирил полтавский победитель?
И где ж Мазепа? где злодей?
Куда бежал Иуда в страхе?
Зачем король не меж гостей?
Зачем изменник не на плахе? ³³

Верхом, в глуши степей нагих,
Король и гетман мчатся оба.
Бегут. Судьба связала их.
Опасность близкая и злоба
Даруют силу королю.
Он рану тяжкую свою
Забыл. Поникнув головою,
Он скачет, русскими гоним,
И слуги верные толпою
Чуть могут следовать за ним.

Обозревая зорким взглядом
Степей широкий полукруг,
С ним старый гетман скачет рядом.
Пред ними хутор... Что же вдруг
Мазепа будто испугался?
Что мимо хутора помчался
Он стороной во весь опор?
Иль этот запустелый двор,
И дом, и сад уединенный,

И в поле отпертая дверь
Какой-нибудь рассказ забвенный
Ему напомнили теперь?
Святой невинности губитель!
Узнал ли ты сию обитель,
Сей дом, веселый прежде дом,
Где ты, вином разгоряченный,
Семьей счастливой окруженный,
Шутил бывало за столом?
Узнал ли ты приют укромный,
Где мирный ангел обитал,
И сад, откуда ночью темной
Ты вывел в степь. . . Узнал, узнал!

Ночные тени степь объемлют.
На бреге синего Днепра
Между скалами чутко дремлют
Враги России и Петра.
Щадят мечты покой героя,
Урон Полтавы он забыл.
Но сон Мазепы смутен был.
В нем мрачный дух не знал покоя.
И вдруг в безмолвии ночном
Его зовут. Он пробудился.
Глядит: над ним, грозя перстом,
Тихонько кто-то наклонился.
Он вздрогнул как под топором. . .
Пред ним с развитыми власами,
Сверкая впалыми глазами,
Вся в рубище, худа, бледна,
Стоит, луной освещена. . .
«Иль это сон? . . Мария. . . ты ли?»

М а р и я

Ах, тише, тише, друг! . . Сейчас
Отец и мать глаза закрыли. . .
Постой. . . услышать могут нас.

М а з е п а

Мария, бедная Мария!
Опомнись! Боже! . . Что с тобой?

М а р и я

Послушай: хитрости какие!
Что за рассказ у них смешной?
Она за тайну мне сказала,
Что умер бедный мой отец,
И мне тихонько показала
Седую голову — творец!
Куда бежать нам от злоречья?
Подумай: эта голова
Была совсем не человечья,
А волчья — видишь: какова!
Чем обмануть меня хотела!
Не стыдно ль ей меня пугать?
И для чего? чтоб я не смела
С тобой сегодня убежать!
Возможно ль?

С горестью глубокой
Любовник ей внимал жестокий.
Но, вихрю мыслей предана,
«Однако ж, — говорит она, —
Я помню поле. . . праздник шумный. . .
И чернь. . . и мертвые тела. . .
На праздник мать меня вела. . .
Но где ж ты был? . . С тобою розно
Зачем в ночи скитаюсь я?
Пойдем домой. Скорей. . . уж поздно.
Ах, вижу, голова моя
Полна волнения пустого:
Я принимала за другого
Тебя, старик. Оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен.
Ты безобразен. Он прекрасен:
В его глазах блестит любовь,
В его речах такая нега!
Его усы белее снега,
А на твоих засохла кровь».

И с диким смехом завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побежала
И скрылась в темноте ночной.

Редела тень. Восток алел.
Огонь казачий пламенел.
Пшеницу казаки варили;
Драбанты у брегу Днепра
Коней расседланных поили.
Проснулся Карл. «Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Рассветает».
Но гетман уж не спит давно.
Тоска, тоска его снедает;
В груди дыханье стеснено.
И молча он коня седлает,
И скачет с беглым королем,
И страшно взор его сверкает,
С родным прощаясь рубежом.

Прошло сто лет — и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколение миновалось —
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В ее воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе.
В стране, где мельниц ряд крылатый
Оградой мирной обступил
Бендер пустынные раскаты,
Где бродят буйволы рогаты
Вокруг воинственных могил, —
Останки разоренной сени,
Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени
Гласят о шведском короле.
С них отражал герой безумный,
Один в толпе домашних слуг,
Турецкой рати приступ шумный,
И бросил шпагу под бунчук;
И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забыт Мазепа с давних пор;

Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой доныне,
Грозя, гремит о нем собор.
Но сохранилась могила,
Где двух страдальцев прах почил:
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила.³⁴
Цветет в Диканьке древний ряд
Дубов, друзьями насажденных;
Они о праотцах казненных
Доныне внукам говорят.
Но дочь преступница... преданья
Об ней молчат. Ее страданья,
Ее судьба, ее конец
Непроницаемую тьмою
От нас закрыты. Лишь порою
Слепой украинский певец,
Когда в селе перед народом
Он песни гетмана бренчит,
О грешной деве мимоходом
Казачкам юным говорит.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Василий Леонтьевич Кочубей*, генеральный судия, один из предков нынешних графов.

² *Хутор* — загородный дом.

³ У Кочубея было несколько дочерей; одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной.

⁴ Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но ему отказали.

⁵ Предание приписывает Мазепе несколько песен, донныне сохранившихся в памяти народной. Кочубей в своем доносе также упоминает о патриотической думе, будто бы сочиненной Мазепою. Она замечательна не в одном историческом отношении.

⁶ *Бунчук* и *булава* — знаки гетманского достоинства.

⁷ Смotr. «Мазепу» Байрона.

⁸ *Дорошенко*, один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества.

⁹ *Григорий Самойлович*, сын гетмана, сосланного в Сибирь в начале царствования Петра I.

¹⁰ *Симеон Палей*, Хвастовский полковник, славный наездник. За своевольные набеги сослан был в Енисейск по жалобам Мазепы. Когда сей последний оказался изменником, то и Палей, как закоренелый враг его, был возвращен из ссылки и находился в Полтавском сражении.

¹¹ *Костя Гордеенко*, кошевой атаман запорожских казаков. Впоследствии передался Карлу XII. Взят в плен и казнен в 1708 г.

¹² 20 000 казаков было послано в Лифляндию.

¹³ Мазепа в одном письме упрекает Кочубея в том, что им управляет жена его, *гордая и высокоумная*.

¹⁴ *Искра*, Полтавский полковник, товарищ Кочубея, разделивший с ним его умысел и участь.

¹⁵ *Езуит Заленский*, княгиня Дульская и какой-то болгарский архиепископ, изгнанный из своего отечества, были главными агентами Мазепиной измены. Последний в виде нищего ходил из Польши в Украину и обратно.

¹⁶ Так назывались манифесты гетманов.

¹⁷ *Филипп Орлик*, генеральный писарь, наперсник Мазепы, после смерти (в 1710) сего последнего получил от Карла XII пустой титул Малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года.

¹⁸ *Булавин*, донской казак, бунтовавший около того времени.

¹⁹ *Тайный секретарь Шафиров* и *гр. Головкин*, друзья и покровители Мазепы; на них, по справедливости, должен лежать ужас суда и казни доносителей.

²⁰ В 1705 году. Смолр. примечания к Истории Малороссии, Бантыша-Каменского.

²¹ Во время неудачного похода в Крым Казы-Гирей предлагал ему соединиться с ним и вместе напасть на русское войско.

²² В своих письмах он жаловался, что доносителей пытали слишком легко, и неотступно требовал их казни, сравнивая себя с Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа Головкина с пророком Даниилом.

²³ Деревня Кочубея.

²⁴ Уже осужденный на смерть, Кочубей был пытан в войске гетмана. По ответам несчастного видно, что его допрашивали о сокровищах, им утаенных.

²⁵ Войско, состоявшее на собственном иждивении гетманов.

²⁶ Сильные меры, принятые Петром с обыкновенной его быстротой и энергией, удержали Украину в повиновении.

«1708 ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки по обычаю своему вольными голосами выбрали в гетманы полковника стародубского Ивана Скоропадского.

8-го числа приехали в Глухов киевский, черниговский и переяславский архиепископы.

А 9-го дня предали клятве Мазепу оные архиереи публично; того же дня и персону (куклу) оногo изменника Мазепы вынесли и, сняв кавалерию (которая на ту персону была надета с бантом), оную персону бросили в палачевские руки, которую палач, взяв и прицепя за веревку, тащил по улице и по площади даже до виселицы, и потом повесили.

В Глухове же 10-го дня казнили Чечеля и прочих изменников. . . »
(Журнал Петра Великого).

²⁷ Малороссийское слово. По-русски — палач.

²⁸ Чечель отчаянно защищал Батурин против войск князя Меншикова.

²⁹ В Дрезден к королю Августу. См.: Voltaire. Histoire de Charles XII. *

³⁰ — Ах, ваше величество! бомба! . . . — «Что есть общего между бомбою и письмом, которое тебе диктую? пиши». Это случилось гораздо после.

³¹ Ночью Карл, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, сидевших у огня. Он поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из собственных рук. Казаки дали по нем три выстрела и жестоко ранили его в ногу.

³² Благодаря прекрасным распоряжениям и действиям князя Меншикова, участь главного сражения была решена заранее. Дело

* Вольтер. История Карла XII. (Франц.) — *Ред.*

не продолжалось и двух часов. *Ибо* (сказано в Журнале Петра Великого) *непобедимые господа шведы скоро хребет свой показали, и от наших войск вся неприятельская армия весьма опрокинута.* Петр впоследствии времени многое прощал Данилычу за услуги, оказанные в сей день генералом князем Меншиковым.

³³ L'Empereur Moscovite, pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чем и радоваться), recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles? . . . . .

. . . . . Alors prenant un verre de vin: A la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. — Vous, Messieurs les généraux suédois, reprit le Czar. — Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres*.

³⁴ Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы родственникам и похоронены в Киевской лавре; над их гробом высечена следующая надпись:

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положены суши,
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіеть о насъ ти вѣщати,
И за правду и вѣрность къ Монарсѣ нашу
Страданія и смерти испыймо чашу,
Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
Посѣченны заставше топоромъ во главы;
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычнѣ
Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животь вѣчныи.

Року 1708, мѣсяца іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войсковаго, за Бѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василий Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Искра, полковникъ полтавский. Привезены же тѣла ихъ іюля 17 въ Киевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семъ мѣстѣ погребены».

---

* Московский император, проникнутый радостью, которую он не давал себе труда скрывать. . . принимал на поле битвы пленников, которых ему приводили толпой, то и дело спрашивая: «А где же мой брат Карл?» . . . . .
. . . Тогда, взяв стакан вина, он сказал: «За здоровье моих учителей в военном искусстве!» Реншильд спросил его, кого он почтил таким славным титулом. «Вас, господа шведские генералы», — ответил царь. «В таком случае ваше величество очень неблагодарны, — ответил граф, — вы так дурно обошлись со своими учителями». (Франц.) — *Ред.*

* ТАЗИТ

1829—1830

Не для бесед и ликований,
Не для кровавых совещаний,
Не для расспросов кунака,
Не для разбойничьей потехи
Так рано съехались адехи
На двор Гасуба старика.
В нежданой встрече сын Гасуба
Рукой завистника убит
Вблизи развалин Татартуба.
В родимой сакле он лежит.
Обряд творится погребальный.
Звучит уныло песнь муллы.
В арбу впряженные волю
Стоят пред саклею печальной.
Двор полон тесною толпой.
Подъемят гости скорбный вой
И с плачем бьют нагрудны брони,
И, внемля шум небоевой,
Мянутся спутанные кони.
Все ждут. Из сакли наконец
Выходит между жен отец.
Два узденя за ним выносят
На бурке хладный труп. Толпу
По сторонам раздаться просят.
Слагают тело на арбу
И с ним кладут снаряж воинский:
Неразряженую пищаль,
Колчан и лук, кинжал грузинский
И шашки крестовую сталь,
Чтобы крепка была могила,
Где храбрый ляжет почивать,

Чтоб мог на зов он Азраила
Исправным воином восстать.

В дорогу шествие готово,
И тронулась арба. За ней
Адехи следуют сурово,
Смирняя молча пыл коней. . .
Уж потухал закат огнистый,
Златя нагорные скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихие волны.
В долине той враждою жадной
Сражен наездник молодой,
Там ныне тень могилы хладной
Воспримет труп его немой. . .

Уж труп землю взят. Могила
Завалена. Толпа вокруг
Мольбы последние творила.
Из-за горы явились вдруг
Старик седой и отрок стройный.
Дают дорогу пришлецу —
И скорбному старик отцу
Так молвил, важный и спокойный:
«Прошло тому тринадцать лет,
Как ты, в аул чужой пришел,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Гасуб, покорен будь судьбе.
Другого я привел тебе.
Вот он. Ты голову преклонишь
К его могучему плечу.
Твою потерю им заменишь —
Труды мои ты сам оценишь,
Хвалиться ими не хочу».

Умолкнул. Смотрит торопливо
Гасуб на отрока. Тазит,
Главу потупя молчаливо,
Ему недвижим предстоит.

И в горе им Гасуб любуясь,
Влеченью сердца повинуюсь,
Объемлет ласково его.
Потом наставника ласкает,
Благодарит и приглашает
Под кровлю дома своего.
Три дня, три ночи с кунаками
Его он хочет угощать
И после честно провожать
С благословеньем и дарами.
Ему ж, отец печальный мнит,
Обязан благом я бесценным:
Слугой и другом неизменным,
Могучим мстителем обид.

Проходят дни. Печаль заснула
В душе Гасуба. Но Тазит
Всё дикость прежнюю хранит.
Среди родимого аула
Он как чужой; он целый день
В горах один; молчит и бродит.
Так в сакле кормленный олень
Всё в лес глядит; всё в глушь уходит.
Он любит — по крутым скалам
Скользить, ползти тропой кремнистой,
Внимая буре голосистой
И в бездне воющим волнам.
Он иногда до поздней ночи
Сидит, печален, над горой,
Недвижно в даль уставя очи,
Опершись на руку главой.
Какие мысли в нем проходят?
Чего желает он тогда?
Из мира дольного куда
Младые сны его уведят? . .
Как знать? Незрима глубь сердец.
В мечтаньях отрок своеволен,
Как ветер в небе. . .

Но отец
Уже Тазитом недоволен.
«Где ж, — мыслит он, — в нем плод наук,

Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый ум и сила рук?
В нем только лень и непокорство.
Иль сына взор мой не проник,
Иль обманул меня старик».

Тазит из табуна выводит
Коня, любимца своего.
Два дни в ауле нет его,
На третий он домой приходит.

О т е ц

Где был ты, сын?

С ы н

В ущельи скал,
Где прорван каменный берег
И путь открыт на Дариал.

О т е ц

Что делал там?

С ы н

Я слушал Терек.

О т е ц

А не видал ли ты грузин
Иль русских?

С ы н

Видел я, с товаром
Тифлисский ехал армянин.

О т е ц

Он был со стражей?

С ы н

Нет, один.

О т е ц

Зачем нечаянным ударом
Не вздумал ты сразить его
И не прыгнул к нему с утеса?

Потупил очи сын черкеса,
Не отвечая ничего.

Тазит опять коня седлает,
Два дня, две ночи пропадает,
Потом является домой.

О т е ц

Где был?

С ы н

За белою горой.

О т е ц

Кого ты встретил?

С ы н

На кургане
От нас бежавшего раба.

О т е ц

О милосердая судьба!
Где ж он? Ужели на аркане
Ты беглеца не притащил?

Тазит опять главу склонил.
Гасуб нахмурился в молчанье,
Но скрыл свое негодование.
«Нет, — мыслит он, — не заменит
Он никогда другого брата.
Не научился мой Тазит,
Как шашкой добывают злата.
Ни стад моих, ни табунов
Не наделят его разъезды.
Он только знает без трудов
Внимать волнам, глядеть на звезды,
А не в набегах отбивать
Коней с нагайскими быками
И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе нагружать».

Тазит опять коня седлает.
Два дня, две ночи пропадает.
На третий, бледен, как мертвец,
Приходит он домой. Отец,
Его увидя, вопрошает:
«Где был ты?»

Сын

Около станиц
Кубани, близ лесных границ
. . . . .

Отец

Кого ты видел?

Сын

Супостата.

Отец

Кого? кого?

Сын

Убийцу брата.

Отец

Убийцу сына моего! . .
Приди! . . где голова его?
Тазит! . . Мне череп этот нужен.
Дай нагляжусь!

Сын

Убийца был

Один, изранен, безоружен. . .

Отец

Ты долга крови не забыл! . .
Врага ты навзничь опрокинул,
Не правда ли? ты шашку вынул,
Ты в горло сталь ему воткнул,
И трижды тихо повернул,
Упился ты его стонаньем,
Его змеиным издыханьем. . .
Где ж голова? . . подай. . . нет сил. . .

Но сын молчит, потупя очи.
И стал Гасуб чернее ночи
И сыну грозно возопил:

«Поди ты прочь — ты мне не сын,
Ты не чеченец — ты старуха,
Ты трус, ты раб, ты армянин!
Будь проклят мной! поди — чтоб слуха
Никто о робком не имел,
Чтоб вечно ждал ты грозной встречи,
Чтоб мертвый брат тебе на плечи
Окровавленной кошкой сел
И к бездне гнал тебя нещадно,
Чтоб ты, как раненый олень,
Бежал, тоскуя безотрадно,
Чтоб дети русских деревень
Тебя веревкою поймали
И как волчонка затерзали,
Чтоб ты. . . Беги. . . беги скорей,
Не оскверняй моих очей!»
Сказал и наземь лег — и очи
Закрыл. И так лежал до ночи.
Когда же приподнялся он,
Уже на синий небосклон
Луна, блистая, восходила
И скал вершины серебрила.
Тазита трижды он позвал.
Никто ему не отвечал. . .

Ущелий горных поселенцы
В долине шумно собрались —
Привычны игры начались.
Верхами юные чеченцы
В пыли несясь во весь опор,
Стрелую шапку пробивают,
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.
То скользкой тешатся борьбой,
То пляской быстрой. Жены, девы
Меж тем поют — и гул лесной
Далече вторит их напевы.

Но между юношей один
Забав наездничьих не делит,
Верхом не мчится вдоль стремнин,
Из лука звонкого не целит.
И между девами одна
Молчит уныла и бледна.
Они в толпе четою странной
Стоят, не видя ничего.
И горе им: он сын изгнанный,
Она любовница его. . .

О, было время! . . с ней украдкой
Видался юноша в горах.
Он пил огонь отравы сладкой
В ее смятеньи, в речи краткой,
В ее потупленных очах,
Когда с домашнего порогу
Она смотрела на дорогу,
С подружкой резвой говоря,
И вдруг садилась и бледнела
И, отвечая, не глядела
И разгоралась, как заря,
Или у вод когда стояла,
Текущих с каменных вершин,
И долго кованный кувшин
Волною звонкой наполняла.
И он, не властный превозмочь
Волнений сердца, раз приходит
К ее отцу, его отводит
И говорит: «Твоя мне дочь
Давно мила. По ней тоскую,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою.
Я беден, но могуч и молод.
Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный,
Твоим сынам кунак надежный,
А ей — приверженный супруг».

ДОМИК В КОЛОМНЕ

1880

I

Четырехстопный ямб мне надоел:
Им пишет всякий. Мальчикам в забаву
Пора б его оставить. Я хотел
Давным-давно приняться за октаву.
А в самом деле: я бы совладел
С тройным созвучием. Пущусь на славу!
Ведь рифмы запросто со мной живут;
Две придут сами, третью приведут.

II

А чтоб им путь открыть широкий, вольный,
Глаголы тотчас им я разрешу. . .
Вы знаете, что рифмой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Так писывал Шихматов богомольный;
По большей части так и я пишу.
К чему? скажите; уж и так мы голы.
Отныне в рифмы буду брать глаголы.

III

Не стану их надменно браковать,
Как рекрутов, добившихся увечья,

Иль как коней, за их плохую стать, —
А подбирать союзы да наречья;
Из мелкой сволочи вербую рать.
Мне рифмы нужны; все готов сбережь я,
Хоть весь словарь; что слог, то и солдат —
Все годны в строй: у нас ведь не парад.

IV

Ну, женские и мужеские слоги!
Благословясь, попробуем: слушай!
Ровняйтесь, вытягивайте ноги
И по три в ряд в октаву заезжай!
Не бойтесь, мы не будем слишком строги;
Держись вольней и только не плошай,
А там уже привыкнем, слава богу,
И выедем на ровную дорогу.

V

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!
Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем,
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон.

VI

Немного отдохнем на этой точке.
Что? перестать или *пустить на пе?* ..
Признаться вам, я в пятистопной строчке
Люблю цезуру на второй стопе.
Иначе стих то в яме, то на кочке,
И хоть лежу теперь на канаве,
Всё кажется мне, будто в тряском беге
По мерзлой пашне мчусь я на телеге.

VI

Что за беда? не всё ж гулять пешком
По невскому граниту, иль на бале
Лощить паркет, или скакать верхом
В степи киргизской. Поплетусь-ка дале,
Со станции на станцию шажком,
Как говорят о том оригинале,
Который, не кормя, на рысаке
Приехал из Москвы к Неве-реке.

VII

Скажу, рысак! Парнасский иноходец
Его не обогнал бы. Но Пегас
Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец
Иссох. Порос крапивою Парнас;
В отставке Феб живет, а хороводец
Старушек муз уж не прельщает нас.
И табор свой с классических вершинок
Перенесли мы на толкучий рынок.

IX

Усядся, муза; ручки в рукава,
Под лавку ножки! не вертись, резвушка!
Теперь начнем. — Жила-была вдова,
Тому лет восемь, бедная старушка,
С одною дочерью. У Покрова
Стояла их смиренная лачужка
За самой будкой. Вижу как теперь
Светелку, три окна, крыльцо и дверь.

X

Дни три тому туда ходил я вместе
С одним знакомым перед вечерком.
Лачужки этой нет уж там. На месте
Ее построен трехэтажный дом.
Я вспомнил о старушке, о невесте,
Бывало, тут сидевших под окном,

О той поре, когда я был моложе,
Я думал: живы ли они? — И что же?

XI

Мне стало грустно: на высокий дом
Глядел я косо. Если в эту пору
Пожар его бы охватил кругом,
То моему б озлобленному взору
Приятно было пламя. Станным сном
Бывает сердце полно; много вздору
Приходит нам на ум, когда бредем
Одни или с товарищем вдвоем.

XII

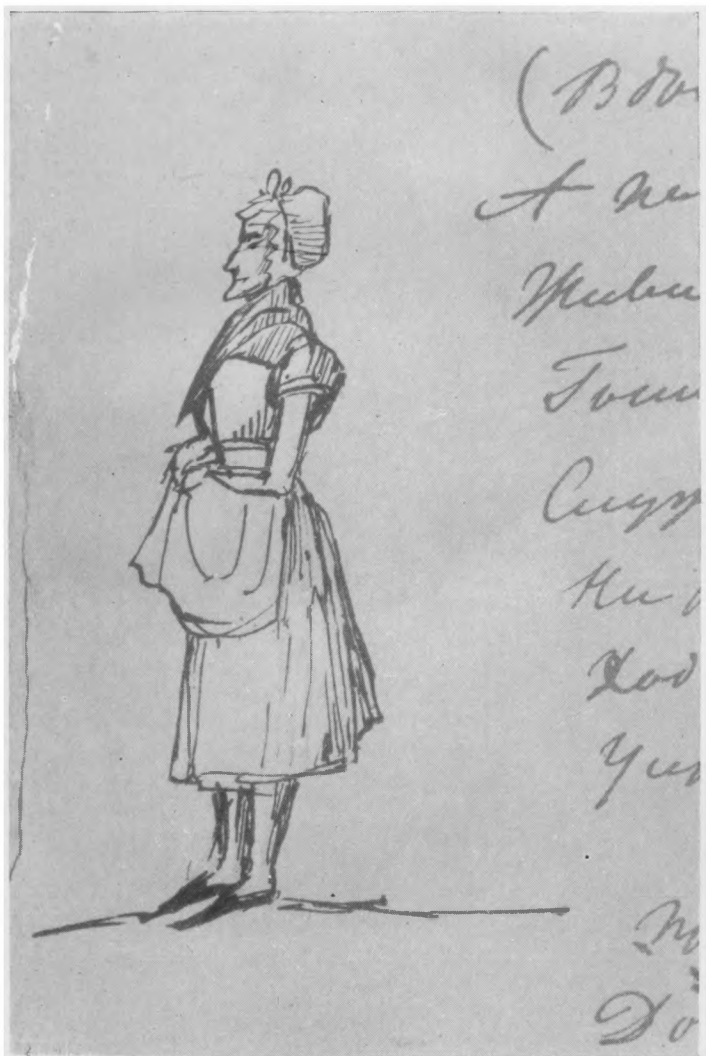
Тогда блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змию;
Но кто болтлив, того молва прославит
Вмиг извергом. . . Я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость:
Оставим это, — сделайте мне милость!

XIII

Старушка (я стократ видал точь-в-точь
В картинах Рёмбрандта такие лица)
Носила чепчик и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная девица:
Глаза и брови — темные как ночь,
Сама бела, нежна, как голубица;
В ней вкус был образованный. Она
Читала сочиненья Эмина,

XIV

Играть умела также на гитаре
И пела: *Стонет сизый голубок,*

И *Выду ль я*, и то, что уж постаре,
Всё, что у печки в зимний вечерок,
Иль скучной осенью при самоваре,
Или весною, обходя лесок,
Поет уныло русская девица,
Как музы наши грустная певица.

ХV

Фигурно иль буквально: всей семьей,
От ямщика до первого поэта,
Мы все поем уныло. Грустный вой
Песнь русская. Известная примета!
Начав за здравие, за упокой
Сведем как раз. Печалию согрета
Гармония и наших муз и дев.
Но нравится их жалобный напев.

ХVI

Параша (так звалась красотка наша)
Умела мыть и гладить, шить и плестъ;
Всем домом правила одна Параша,
Поручено ей было счеты вестъ,
При ней варилась гречневая каша
(Сей важный труд ей помогала несть
Стряпуха Фекла, добрая старуха,
Давно лишенная чутья и слуха).

ХVII

Старушка мать, бывало, под окном
Сидела; днем она чулок вязала,
А вечером за маленьким столом
Раскладывала карты и гадала.
Дочь между тем весь обегала дом,
То у окна, то на дворе мелькала,
И кто бы ни проехал иль ни шел,
Всех успевала видеть (зоркий пол!).

ХVIII

Зимою ставни закрывались рано,
Но летом до ночи растворено
Всё было в доме. Бледная Диана
Глядела долго девушке в окно.
(Без этого ни одного романа
Не обойдется; так заведено!)
Бывало, мать давным-давно храпела,
А дочка — на луну еще смотрела

ХIX

И слушала мяуканье котов
По чердакам, свиданий знак нескромный,
Да стражи дальный крик, да бой часов —
И только. Ночь над мирною Коломной
Тиха отменно. Редко из домов
Мелькнут две тени. Сердце девы томной
Ей слышать было можно, как оно
В упругое толкалось полотно.

ХХ

По воскресеньям, летом и зимою,
Вдова ходила с нею к Покрову
И становилась перед толпою
У крылоса налево. Я живу
Теперь не там, но верною мечтою
Люблю летать, заснувши наяву,
В Коломну, к Покрову — и в воскресенье
Там слушать русское богослуженье.

ХХI

Туда, я помню, ездила всегда
Графиня. . . (звали как, не помню, право)
Она была богата, молода;
Входила в церковь с шумом, величаво;
Молилась гордо (где была горда!).
Бывало, грешен! всё гляжу направо,

Всё на нее. Параша перед ней
Казалась, бедная, еще бедней.

XXII

Порой графиня на нее небрежно
Бросала важный взор свой. Но она
Молилась богу тихо и прилежно
И не казалась им развлечена.
Смиренье в ней изображалось нежно;
Графиня же была погружена
В самой себе, в волшебстве моды новой,
В своей красе надменной и суровой.

XXIII

Она казалась хладный идеал
Тщеславия. Его б вы в ней узнали;
Но сквозь надменность эту я читал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб. . . В них-то я вникал,
Невольный взор они-то привлекали. . .
Но это знать графиня не могла
И, верно, в список жертв меня внесла.

XXIV

Она страдала, хоть была прекрасна.
И молода, хоть жизнь ее текла
В роскошной неге; хоть была подвластна
Фортуна ей; хоть мода ей несла
Свой фимиам, — она была несчастна.
Блаженнее стократ ее была,
Читатель, новая знакомка ваша,
Простая, добрая моя Параша.

XXV

Коса змией на гребне роговом,
Из-за ушей змиею кудри русы,

Косыночка крест-накрест иль узлом,
На тонкой шее восковые бусы —
Наряд простой: но пред ее окном
Всё ж ездили гвардейцы черноусы,
И девушка прельщать умела их
Без помощи нарядов дорогих.

XXVI

Меж ими кто ее был сердцу ближе,
Или равно для всех она была
Душою холодна? увидим ниже.
Покамест мирно жизнь она вела,
Не думая о балах, о Париже,
Ни о дворе (хоть при дворе жила
Ее сестра двоюродная, Вера
Ивановна, супруга гоф-фурьера).

XXVII

Но горе вдруг их посетило дом:
Стряпуха, возвратясь из бани жаркой,
Слегла. Напрасно чаем и вином,
И уксусом, и мятною припаркой
Ее лечили. В ночь пред рождеством
Она скончалась. С бедною кухаркой
Они простились. В тот же день пришли
За ней и гроб на Охту отвезли.

XXVIII

Об ней жалели в доме, всех же боле
Кот Васька. После вдовушка моя
Подумала, что два, три дня — не доле —
Жить можно без кухарки; что нельзя
Предать свою трапезу божьей воле.
Старушка кличет дочь: «Параша!» — «Я!» —
«Где взять кухарку? сведай у соседки,
Не знает ли. Дешевые так редки». —

XXIX

«Узнаю, маменька». И вышла вон,
Закутавшись. (Зима стояла грозно,
И снег скрипел, и синий небосклон,
Безоблачен, в звездах, сиял морозно.)
Вдова ждала Парашу долго; сон
Ее клонил тихонько; было поздно,
Когда Параша тихо к ней вошла,
Сказав: «Вот я кухарку привела».

XXX

За нею следом, робко выступая,
Короткой юбочкой принарядясь,
Высокая, собою недурная,
Шла девушка и, низко поклонясь,
Прижалась в угол, фартук разбирая.
«А что возьмешь?» — спросила, обратясь,
Старуха. — «Всё, что будет вам угодно», —
Сказала та смиренно и свободно.

XXXI

Вдове понравился ее ответ.
«А как зовут?» — «А Маврой». — «Ну, Мавруша;
Живи у нас; ты молода, мой свет;
Гоняй мужчин. Покойница Феклуша
Служила мне в кухарках десять лет,
Ни разу долга чести не наруша.
Ходи за мной, за дочерью моей,
Усердна будь; присчитывать не смей».

XXXII

Проходит день, другой. В кухарке толку
Довольно мало: то переварит,
То пережарит, то с посудой полку
Уронит; вечно всё пересолит.
Шить сядет — не умеет взять иголку;

Ее бранят — она себе молчит;
Везде, во всем уж как-нибудь подгадит.
Параша бьется, а никак не сладит.

XXXIII

Поутру, в воскресенье, мать и дочь
Пошли к обедне. Дома лишь осталась
Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
Болели зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь, —
Пирожное испечь она собиралась.
Ее оставили; но в церкви вдруг
На старую вдову нашел испуг.

XXXIV

Она подумала: «В Маврушке ловкой
Зачем к пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядит плутовкой!
Не вздумала ль она нас обокрасть
Да улизнуть? Вот будем мы с обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»
Так думая, старушка обмирала
И наконец, не вытерпев, сказала:

XXXV

«Стой тут, Параша. Я схожу домой,
Мне что-то страшно». Дочь не разумела,
Чего ей страшно. С паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетела;
В ней сердце билось, как перед бедой.
Пришла в лачужку, в кухню посмотрела, —
Мавруши нет. Вдова к себе в покой
Вошла — и что ж? о боже! страх какой!

XXXVI

Пред зеркальцем Параши, чинно сидя,
Кухарка брилась. Что с моей вдовой?

«Ах, ах!» и шлепнулась. Ее увидя,
Та, второпях, с намыленной щекой
Через старуху (вдовью честь обидя)
Прыгнула в сени, прямо на крыльцо,
Да ну бежать, закрыв себе лицо.

XXXVII

Обедня кончилась; пришла Параша.
«Что, маменька?» — «Ах, Пашенька моя!
Маврушка. . .» — «Что, что с ней?» — «Кухарка
наша. . .»

Опомниться досель не в силах я. . .
За зеркальцем. . . вся в мыле. . .» — «Воля ваша,
Мне, право, ничего понять нельзя;
Да где ж Мавруша?» — «Ах, она разбойник!
Она здесь брилась! . . точно мой покойник!»

XXXVIII

Параша покраснелась или нет,
Сказать вам не умею; но Маврушки
С тех пор как не было, — простыл и след;
Ушла, не взяв в уплату ни полушки
И не успев наделать важных бед.
У красной девушки и у старушки
Кто заступил Маврушу? признаюсь,
Не ведаю и кончить тороплюсь.

XXXIX

«Как, разве всё тут? шутите!» — «Ей-богу». —
«Так вот куда октавы нас вели!
К чему ж такую подняли тревогу,
Скликали рать и с похвальбою шли?
Завидную ж вы избрали дорогу!
Ужель иных предметов не нашли?
Да нет ли хоть у вас нравоученья?» —
«Нет. . . или есть: минуточку терпенья. . .»

XL

Вот вам мораль: по мненью моему,
Кухарку даром нанимать опасно;
Кто ж родился мужчиною, тому
Рядиться в юбку странно и напрасно:
Когда-нибудь придется же ему
Брить бороду себе, что несогласно
С природой дамской... Больше ничего
Не выжмешь из рассказа моего».

*ЕЗЕРСКИЙ

1882

I

Над омраченным Петроградом
Осенний ветер тучи гнал,
Дышало небо влажным хладом,
Нева шумела. Бился вал
О пристань набережной стройной,
Как челобитчик беспокойный
Об дверь судейской. Дождь в окно
Стучал печально. Уж темно
Всё становилось. В это время
Иван Езерский, мой сосед,
Вошел в свой тесный кабинет. . .
Однако ж род его, и племя,
И чин, и службу, и года
Вам знать не худо, господа.

II

Начнем ab ovo: * мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей дух воинственный и зверский
Был древле ужасом морей.
Одульф, его начальник рода,
Вельми бе грозен воевода,
Гласит Софийский хронограф.

---

* С самого начала. (Латинск.) — Ред.

При Ольге сын его Варлаф
Приял крещение в Цареграде
С рукою греческой княжны;
От них два сына рождены:
Якуб и Дорофей. В засаде
Убит Якуб; а Дорофей
Родил двенадцать сыновей.

Ш

Ондрей, по прозвищу Езерский,
Родил Ивана да Илью,
И в лавре схимился Печерской.
Отсель фамилию свою
Ведут Езерские. При Калке
Один из них был схвачен в свалке,
А там раздавлен, как комар,
Задами тяжкими татар;
Зато со славой, хоть с уроном,
Другой Езерский, Елизар,
Упился кровию татар
Между Непрядвою и Доном,
Ударя с тыла в кучу их
С дружиной суздальцев своих.

IV

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамол и смуты в дни кровавы,
Блестят Езерских имена.
Они и в войске и в совете,
На воеводстве и в ответе¹
Служили князям и царям.
Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской:
За спор то с тем он, то с другим
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,

---

¹ В посольстве.

Но снова шел под страшный гнев,
И умер, Сицких *пересев*.¹

V

Когда ж от Думы величавой
Приял Романов свой венец,
Когда под мирною державой
Русь отдохнула наконец,
А наши вороги смирились,
Тогда Езерские явились
В великой силе при дворе.
При императоре Петре. . .
Но извините: статья может,
Читатель, я вам досадил:
Наш век вас, верно, просветил,
Вас спесь дворянская не гложет,
И нужды нет вам никакой
До вашей книги родовой. . .

VI

Кто б ни был ваш родоначальник,
Мстислав Удалый, иль Ермак,
Или Митюшка целовальник,
Вам всё равно — конечно, так,
Вы презираете отцами,
Их древней славою, правами
Великодушно и умно,
Вы отреклись от них давно,
Прямого просвещенья ради,
Гордясь, как общей пользы друг,
Ценою собственных заслуг,
Звездой двоюродного дяди,
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал.

---

¹ Пересесть кого, старинное выражение, значит занять место выше.

VI

Я сам — хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят —
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ.
Но каюсь: новый Ходаковский,¹
Люблю от бабушки московской
Я слушать толки о родне,
Об отдаленной старине.
Могучих предков правнук бедный,
Люблю встречать их имена
В двух-трех строках Карамзина.
От этой слабости безвредной,
Как ни старался — видит бог, —
Отвыкнуть я никак не мог.

VII

Мне жаль, что сих родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух.
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит шут Фиглярин,
Что русский ветреный боярин
Теряет грамоты царей
Как старый сбор календарей,
Что исторические звуки
Нам стали чужды, что спроста
Из бар мы лезем в tiers-état,*
Что нищи будут наши внуки,
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

IX

Мне жаль, что мы, руке наемной
Дозволя грабить свой доход,

---

¹ Известный любитель древностей, умерший несколько лет тому назад.

* Третье сословие. (Франц.) — *Ред.*

С трудом ярем заботы темной
Влачим в столице круглый год,
Что не живем семьею дружной
В довольстве, в тишине досужной,
Старая близ могил родных
В своих поместьях родовых,
Где в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава;
Что геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осел.
Дух века вот куда зашел!

Х

Вот почему, архивы роя,
Я разобрал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ
И здесь потомству заповедал.
Езерский, сам же, твердо ведал,
Что дед его, великий муж,
Имел пятнадцать тысяч душ.
Из них отцу его досталась
Осьмая часть — и та сполна
Была сперва заложена,
Потом в ломбарде продавалась...
А сам он жалованьем жил
И регистратором служил.

XI

Допросом музу беспокоя,
С усмешкой скажет критик мой:
«Куда завидного героя
Избрали вы! Кто ваш герой?» —
А что? Коллежский регистратор.
Какой вы строгий литератор!
Его пою — зачем же нет?
Он мой приятель и сосед.

Державин двух своих соседев
И смерть Мещерского воспел;
Певец Фелицы быть умел
Певцом их свадеб, их обедов
И похорон, сменивших пир,
Хоть этим не смущался мир.

ХII

Заметят мне, что есть же разность
Между Державиным и мной,
Что красота и безобразность
Разделены чертой одной,
Что князь Мещерский был сенатор,
А не коллежский регистратор,
Что лучше, ежели поэт
Возьмет возвышенный предмет,
Что нет, к тому же, перевода
Прямым героям; что они
Совсем не чудо в наши дни;
Иль я не этого прихода?
Иль разве меж моих друзей
Двух, трех великих нет людей?

ХIII

Зачем крутится ветер в овраге,
Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге
Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен
Орел летит, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его.
Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты, поэт,
И для тебя условий нет.

XIV

Исполнен мыслями златыми,
Не понимаемый никем,
Перед распутьями земными
Проходишь ты, уныл и нем.
С толпой не делишь ты ни гнева,
Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупец кричит: *куда? куда?*
Дорога здесь. Но ты не слышишь,
Идешь куда тебя влекут
Мечтанья тайные; твой труд
Тебе награда; им ты дышишь,
А плод его бросаешь ты
Толпе, рабыне суеты.

XV

Скажите: *экой вздор*, иль *bravo*
Иль не скажите ничего —
Я в том стою — имел я право
Избрать соседа моего
В герои повести смиренной,
Хоть человек он не военный,
Не второклассный Дон Жуан,
Не демон — даже не цыган,
А просто гражданин столичный,
Каких встречаем всюду тьму,
Ни по лицу, ни по уму
От нашей братьи не отличный,
Довольно смиренный и простой,
А впрочем, малый деловой.

АНДЖЕЛО

1833

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В одном из городов Италии счастливой
Когда-то властвовал предобрый старый Дук,
Народа своего отец чадолюбивый,
Друг мира, истины, художеств и наук.
Но власть верховная не терпит слабых рук,
А доброте своей он слишком предавался.
Народ любил его и вовсе не боялся.
В суде его дремал карающий закон,
Как дряхлый зверь, уже к ловитве неспособный.
Дук это чувствовал в душе своей незлобной
И часто сетовал. Сам ясно видел он,
Что хуже дедушек с дня на день были внуки,
Что грудь кормилицы ребенок уж кусал,
Что правосудие сидело сложа руки
И по носу его ленивый не щелкал.

II

Нередко добрый Дук, раскаяньем смущенный,
Хотел восстановить порядок упущенный;
Но как? Зло явное, терпимое давно,
Молчанием суда уже дозволено,
И вдруг его казнить совсем несправедливо
И странно было бы — тому же особливо,
Кто первый сам его потворством ободрял.
Что делать? долго Дук терпел и размышлял;

Размыслив наконец, решился он на время
Предать иным рукам верховной власти бремя,
Чтоб новый властелин расправой новой мог
Порядок вдруг завести и был бы крут и строг.

III

Был некто Анджело, муж опытный, не новый
В искусстве властвовать, обычаем суровый,
Бледнеющий в трудах, ученьи и посте,
За нравы строгие прославленный везде,
Стеснивший весь себя оградой законной,
С нахмуренным лицом и с волей непреклонной;
Его-то старый Дук наместником нарек,
И в ужас ополчил и милостью облек,
Неограниченны права ему вручая.
А сам, докучного вниманья избегая,
С народом не простясь, incognito, один
Пустился странствовать как древний паладин.

IV

Лишь только Анджело вступил во управление,
И всё тотчас другим порядком потекло,
Пружины ржавые опять пришли в движение,
Законы поднялись, хватая в когти зло,
На полных площадях, безмолвных от боязни,
По пятницам пошли разыгрываться казни,
И ухо стал себе почесывать народ
И говорить: «Эхе! да этот уж не тот».

V

Между законами забытыми в ту пору
Жестокий был один: закон сей изрекал
Прелюбодею смерть. Такого приговору
В том городе никто не помнил, не слышал.
Угрюмый Анджело в громаде уложенья
Отрыл его — и в страх повесам городским
Опять его на свет пустил для исполненья,

Сурово говоря помощникам своим:
«Пора нам зло пугнуть. В балованном народе
Преобразились привычки уж в права
И шмыгают кругом закона на свободе,
Как мыши около зевающего льва.
Закон не должен быть пужало из тряпицы,
На коем наконец уже садятся птицы».

VI

Так Анджело на всех навел неволью дрожь,
Роптали вообще, смеялась молодежь
И в шутках строгого вельможи не щадила,
Меж тем как ветрено над бездною скользила,
И первый под топор беспечной головой
Попался Клавдио, патриций молодой;
В надежде всю беду со временем исправить
И не любовницу, супругу в свет представить,
Джюльету нежную успел он обольстить
И к тайнствам любви безбрачной преклонить.
Но их последствия к несчастью явны стали;
Младых любовников свидетели застали,
Ославили в суде взаимный их позор,
И юноше прочли законный приговор.

VII

Несчастный, выслушав жестокое решение,
С поникшей головой обратно шел в тюрьму,
Неволью каждому внушая сожаленье
И горько сетуя. Навстречу вдруг ему
Попался Луцио, гуляка беззаботный,
Повеса, вздорный враль, но малый добротный.
«Друг, — молвил Клавдио, — молю! не откажи:
Сходи ты в монастырь к сестре моей. Скажи,
Что должен я на смерть идти; чтоб поспешила
Она спасти меня, друзей бы упростила,
Иль даже бы пошла к наместнику сама.
В ней много, Луцио, искусства и ума,
Бог дал ее речам уверчивость и сладость,

К тому ж и без речей рыдающая младость
Мягчит сердца людей». — «Изволь! поговорю», —
Гуляка отвечал, и сам к монастырю
Тотчас отправился.

VIII

Младая Изабела

В то время с важною монахиней сидела.
Постричься через день она должна была
И разговор о том со старицей вела.
Вдруг Луцио звонит и входит. У решетки
Его приветствует, перебирая четки,
Полузатворница: «Кого угодно вам?» —
«Девица (и судя по розовым щекам,
Уверен я, что вы девица в самом деле),
Нельзя ли доложить прекрасной Изабеле,
Что к ней меня прислал ее несчастный брат?» —
«Несчастный? .. почему? что с ним? скажите смело:
Я Клавдио сестра». — «Нет, право? очень рад.
Он кланяется вам сердечно. Вот в чем дело:
Ваш брат в тюрьме». — «За что?» — «За то,
за что бы я

Благодарил его, красавица моя,
И не было б ему иного наказанья».
(Тут он в подробные пустился описанья,
Немного жесткие своею наготой
Для девственных ушей отшельницы молодой,
Но со вниманием всё выслушала дева
Без приторных причуд стыдливости и гнева.
Она чиста была душою как эфир.
Ее смутить не мог неведомый ей мир
Своею суетой и праздными речами.)
«Теперь, — примолвил он, — осталось лишь мольбами
Вам тронуть Анджело, и вот о чем просил
Вас братец». — «Боже мой, — девица отвечала, —
Когда б от слов моих я пользы ожидала! ..
Но сомневаюсь; во мне не станет сил. . .» —
«Сомненья нам враги, — тот с жаром возразил, —
Нас неудачею предатели страшат
И благо верное достать не допускают.
Ступайте к Анджело, и знайте от меня,

Что если девица, колена преклоня,
Перед мужчиною и просит и рыдает,
Как бог он всё дает, чего ни пожелает».

IX

Девица, отпросясь у матери честной,
С усердным Луцио к вельможе поспешила
И, на колена став, смиренною мольбой
За брата своего наместника молила.
«Девица, — отвечал суровый человек, —
Спасти его нельзя; твой брат свой отжил век;
Он должен умереть». Заплакав, Изабела
Склонилась перед ним и прочь идти хотела,
Но добрый Луцио девицу удержал.
«Не отступайтесь так, — он тихо ей сказал, —
Просите вновь его; бросайтесь на колени,
Хватайтесь за плащ, рыдайте; слезы, пени,
Все средства женского искусства вы должны
Теперь употребить. Вы слишком холодны,
Как будто речь идет меж вами про иголку.
Конечно, если так, не будет верно толку.
Не отставайте же! еще!»

X

Она опять
Усердную мольбой стыдливо умолять
Жестокосердного блюстителя закона.
«Поверь мне, — говорит, — ни царская корона,
Ни меч наместника, ни бархат судии,
Ни полководца жезл — все почести сии —
Земных властителей ничто не украшает,
Как милосердие. Оно их возвышает.
Когда б во власть твою мой брат был облечен,
А ты был Клавдио, ты мог бы пасть как он,
Но брат бы не был строг как ты».

XI

Ее укором
Смущен был Анджело. Сверкая мрачным взором,
«Оставь меня, прошу», — сказал он тихо ей.

Но дева скромная и жарче и смелей
Была час от часу. «Подумай, — говорила, —
Подумай: если тот, чья праведная сила
Прощает и целит, судил бы грешных нас
Без милосердия, скажи: что было б с нами?
Подумай — и любви услышишь в сердце глас,
И милость нежная твоими дхнет устами,
И новый человек ты будешь».

ХИ

Он в ответ:

«Поди; твои мольбы пустая слов утрата.
Не я, закон казнит. Спасти нельзя мне брата,
И завтра он умрет».

И з а б е л а

Как завтра! что? нет, нет.

Он не готов еще, казнить его не можно. . .
Ужели господу пошлем неосторожно
Мы жертву наскоро. Мы даже и цыплят
Не бьем до времени. Так скоро не казнят.
Спаси, спаси его: подумай в самом деле,
Ты знаешь, государь, несчастный осужден
За преступление, которое доселе
Прощалось каждому; постраждет первый он.

А н д ж е л о

Закон не умирал, но был лишь в усыпленье,
Теперь проснулся он.

И з а б е л а

Будь милостив!

А н д ж е л о

Нельзя.

Потворствовать греху есть то же преступленье,
Карая одного, спасаю многих я.

И з а б е л а

Ты ль первый изречешь сей приговор ужасный?
И первой жертвою мой будет брат несчастный.

Нет, нет! будь милостив. Ужель душа твоя
Совсем безвинная? спросись у ней: ужели
И мысли грешные в ней отроду не тлели?

ХШ

Неволью он вздрогнул, поникнул головой
И прочь идти хотел. Она: «Постой, постой!
Послушай, воротись. Великими дарами
Я задарю тебя. . . прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты делиться с небесами:
Я одарю тебя молитвами души
Пред утренней зарей, в полунощной тиши,
Молитвами любви, смирения и мира,
Молитвами святых, угодных небу дев,
В уединении умерших уж для мира,
Живых для господ».

Смущен и присмирив,
Он ей свидание на завтра назначает
И в отдаленные покои поспешает.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

День целый Андже́ло безмолвный и угрюмый
Сидел, уединясь, объят одною думой,
Одним желанием; всю ночь не тронул сон
Усталых вежд его. «Что ж это? — мыслит он, —
Ужель ее люблю, когда хочу так сильно
Услышать вновь ее и взор мой усладить
Девичьей прелестью? По ней грустит умильно
Душа. . . или когда святого уловить
Захочет бес, тогда приманкою святою
И манит он на крюк? Нескромной красотою
Я не был отроду к соблазнам увлечен,
И чистой девою теперь я побежден.
Влюбленный человек доселе мне казался
Смешным, и я его безумству удивлялся.
А ныне! . . .»

II

Размышлять, молиться хочет он,
Но мыслит, молится рассеянно. Словами
Он небу говорит, а волей и мечтами
Стремится к ней одной. В унынье погружен,
Устами праздными жевал он имя бога.
А в сердце грех кипел. Душевная тревога
Его осилила. Правленье для него,
Как дельная, давно затверженная книга,
Несносным сделалось. Скучал он; как от ига,
Отречься был готов от сана своего;

А важность мудрую, которой столь гордился,
Которой весь народ бессмысленно дивился,
Ценил он ни во что и сравнивал с пером,
Носимым в воздухе летучим ветерком...

Поутру к Андже́ло явилась Изабела
И странный разговор с наместником имела.

III

А н д ж е л о

Что скажешь?

И з а б е л а

Волю я твою пришла узнать.

А н д ж е л о

Ах, если бы ее могла ты угадать!..
Твой брат не должен жить... а мог бы.

И з а б е л а

Простить нельзя его?

Почему же

А н д ж е л о

Простить? что в мире хуже
Столь гнусного греха? убийство легче.

И з а б е л а

Так судят в небесах, но на земле когда?

Да,

А н д ж е л о

Ты думаешь? так вот тебе предположенье:
Что, если б отдали тебе на разрешенье
Оставить брата влечь ко плахе на убой,
Иль искупить его, пожертвовав собой
И плоть предав греху?

И з а б е л а

Скорее, чем душою,
Я плотью жертвовать готова.

А н д ж е л о

Я с тобою

Теперь не о душе толкую... дело в том:
Брат осужден на казнь; его спасти грехом
Не милосердие ль?

И з а б е л а

Пред богом я готова

Душою отвечать: греха в том никакого,
Поверь, и нет. Спаси ты брата моего!
Тут милость, а не грех.

А н д ж е л о

Спасешь ли ты его,

Коль милость на весах равно с грехом потянет?

-И з а б е л а

О пусть моим грехом спасенье брата станет!
(Коль только это грех.) О том готова я
Молиться день и ночь.

А н д ж е л о

Нет, выслушай меня,

Или ты слов моих совсем не понимаешь,
Или понять меня нарочно избегаешь,
Я проще изъяснюсь: твой брат приговорен.

И з а б е л а

Так.

А н д ж е л о

Смерть изрек ему решительно закон.

И з а б е л а

Так точно.

А н д ж е л о

Средство есть одно к его спасенью.

(Всё это клонится к тому предположению.
И только есть вопрос и больше ничего.)
Положим: тот, кто б мог один спасти его
(Наперсник судии иль сам по сану властный
Законы толковать, смягчить их смысл ужасный),

К тебе желаньем был преступным воспален
И требовал, чтоб ты казнь брата искупила
Своим падением; не то — решит закон.
Что скажешь? как бы ты в уме своем решила?

И з а б е л а

Для брата, для себя решила бы скорей,
Поверь, как яхонты носить рубцы бичей
И лечь в кровавый гроб спокойно как на ложе,
Чем осквернить себя.

А н д ж е л о

Твой брат умрет.

И з а б е л а

Так что же?

Он лучший путь себе, конечно, изберет.
Бесчестием сестры души он не спасет.
Брат лучше раз умри, чем гибнуть мне навечно.

А н д ж е л о

За что ж казалось тебе бесчеловечно
Решение суда? Ты обвиняла нас
В жестокосердии. Давно ль еще? Сейчас
Ты праведный закон тираном называла,
А братний грех едва ль не шуткой почитала.

И з а б е л а

Прости, прости меня. Невольно я душой
Тогда лукавила. Увы! себе самой
Противуречила я, милое спасая
И ненавистное притворно извиняя.
Мы слабы.

А н д ж е л о

Я твоим признаньем ободрен,
Так, женщина слаба, я в этом убежден
И говорю тебе: будь женщина, не боле, —
Иль будешь ничего. Так покорися воле
Судьбы своей.

И з а б е л а

Тебя я не могу понять.

А н д ж е л о

Поймешь: люблю тебя.

И з а б е л а

Увы! что мне сказать?

Джюльету брат любил, и он умрет, несчастный.

А н д ж е л о

Люби меня, и жив он будет.

И з а б е л а

Знаю: властный

Испытывать других, ты хочешь...

А н д ж е л о

Нет, клянусь,

От слова моего теперь не отопрусь;

Клянуся честью.

И з а б е л а

О, много, много чести!

И дело честное!.. Обманщик! Демон лести!

Сейчас мне Клавдио свободу подпиши,

Или поступок твой и черноту души

Я всюду разглашу — и полно лицемерить

Тебе перед людьми.

А н д ж е л о

И кто же станет верить?

По строгости моей известен свету я;

Молва всеобщая, мой сан, вся жизнь моя

И самый приговор над братней головою

Представят твой донос безумной клеветой.

Теперь я волю дал стремлению страстей.

Подумай и смирись пред волею моей;

Брось эти глупости: и слезы, и моления,

И краску робкую. От смерти, от мученья

Тем брата не спасешь. Покорностью одной

Искупишь ты его от плахи роковой.

До завтра от тебя я стану ждать ответа.

И знай, что твоего я не боюсь извета.

Что хочешь говори, не пошатнуся я.

Всю истину твою низвергнет ложь моя.

IV

Сказал и вышел вон, невинную девицу
 Оставя в ужасе. Поднявши к небесам
 Молящий, ясный взор и чистую десницу,
 От мерзостных палат спешит она в темницу.
 Дверь отворилась ей; и брат ее глазам
 Представился.

V

В цепях, в унынии глубоком,
 О светских радостях стараясь не жалеть,
 Еще надеясь жить, готовясь умереть,
 Безмолвен он сидел, и с ним в плаще широком
 Под черным куколем с распятием в руках
 Согбенный старостью беседовал монах.
 Старик доказывал страдальцу молодому,
 Что смерть и бытие равны одна другому,
 Что здесь и там одна бессмертная душа
 И что подлунный мир не стоит ни гроша.
 С ним бедный Клавдио печально соглашался,
 А в сердце милою Джульетой занимался.
 Отшельница вошла: «Мир вам!» — очнулся он
 И смотрит на сестру, мгновенно оживлен.
 «Отец мой, — говорит монаху Изабела, —
 Я с братом говорить одна бы здесь хотела».
 Монах оставил их.

VI

К л а в д и о
 Что ж, милая сестра,
 Что скажешь?

И з а б е л а
 Милый брат, пришла тебе пора.

К л а в д и о
 Так нет спасенья?

И з а б е л а
 Нет, иль разве поплатиться
 Душой за голову?

К л а в д и о

Так средство есть одно?

И з а б е л а

Так, есть. Ты мог бы жить. Судья готов смягчиться.
В нем милосердие бесовское: оно
Тебе дарует жизнь за узы муки вечной.

К л а в д и о

Что? вечная тюрьма?

И з а б е л а

Тюрьма — хоть без оград,
Без цепи.

К л а в д и о

Изъяснись, что ж это?

И з а б е л а

Друг сердечный,
Брат милый! . . Я боюсь. . . Послушай, милый брат,
Семь, восемь лишних лет ужель тебе дороже
Всегдашней чести? Брат, боишься ль умереть?
Что чувство смерти? миг. И много ли терпеть?
Раздавленный червяк при смерти терпит то же,
Что терпит великан.

К л а в д и о

Сестра! или я трус?

Или идти на смерть во мне не станет силы?
Поверь, без трепета от мира отрешусь,
Коль должен умереть; и встречу ночь могилы
Как деву милую.

И з а б е л а

Вот брат мой! узнаю;
Из гроба слышу я отцовский голос. Точно:
Ты должен умереть; умри же беспорочно.
Послушай, ничего тебе не утаю:
Тот грозный судия, святоша тот жестокий,
Чьи взоры строгие во всех родят боязнь,
Чья избранная речь шлет отроков на казнь,
Сам демон; сердце в нем черно как ад глубокий .
И полно мерзостью.

К л а в д и о
Наместник?

И з а б е л а

Ад облек
Его в свою броню. Лукавый человек! . .
Знай: если б я его бесстыдное желанье
Решилась утолить, тогда бы мог ты жить.

К л а в д и о

О нет, не надобно.

И з а б е л а

На гнусное свиданье,
Сказал он, нынче в ночь должна я поспешить,
Иль завтра ты умрешь.

К л а в д и о

Нейди, сестра.

И з а б е л а

Брат милый!
Бог видит: ежели одной моей могилой
Могла бы я тебя от казни искупить,
Не стала б более иголки дорожить
Я жизнью моей.

К л а в д и о

Благодарю, друг милый!

И з а б е л а

Так завтра, Клавдио, ты к смерти будь готов.

К л а в д и о

Да, так. . . и страсти в нем кипят с такою силой!
Иль в этом нет греха; иль из семи грехов
Грех это меньший?

И з а б е л а

Как?

К л а в д и о

Такого прегрешенья
Там, верно, не казнят. Для одного мгновенья
Ужель себя сгубить решился б он навек?
Нет, я не думаю. Он умный человек.
Ах, Изабела!

И з а б е л а

Что? что скажешь?

К л а в д и о

Смерть ужасна!

И з а б е л а

И стыд ужасен.

К л а в д и о

Так — однако ж. . . умереть,
Идти неведомо куда, во гробе тлеть
В холодной тесноте. . . Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тут: войти в немую мглу,
Стремглав низвергнуться в кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль с ветром быстротечным
Носиться в пустоте, пространством бесконечным. . .
И всё, что грезится отчаянной мечте. . .
Нет, нет: земная жизнь в болезни, в нищете,
В печалях, в старости, в неволе. . . будет раем
В сравненьи с тем, чего за гробом ожидаем.

И з а б е л а

О боже!

К л а в д и о

Друг ты мой! Сестра! позволь мне жить.
Уж если будет грех спасти от смерти брата,
Природа извинит.

И з а б е л а

Что смеешь говорить?

Трус! тварь бездушная! от сестрина разврата
Себе ты жизни ждешь! . . Кровосмеситель! нет,
Я думать не могу, нельзя, чтоб жизнь и свет
Моим отцом тебе даны. Прости мне, боже!

Нет, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
Спасти тебя могла лишь волею моею,
То всё-таки б теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитв за смерть твою имею,
За жизнь — уж ни одной.

К л а в д и о

Сестра, стой, стой!

Сестра, прости меня!

VII

И узник молодой

Удерживал ее за платье. Изабела
От гнева своего насилу охладела,
И брата бедного простила, и опять,
Лаская, начала страдальца утешать.

ЧАСТЬ ТРЕТЯ

I

Монах стоял меж тем за дверью отпертою
И слышал разговор меж братом и сестрою.
Пора мне вам сказать, что старый сей монах
Не что иное был, как Дук переодетый.
Пока народ считал его в чужих краях
И сравнивал, шутя, с бродящею кометою,
Скрывался он в толпе, всё видел, наблюдал
И соглядатаем незримым посещал
Палаты, площади, монастыри, больницы,
Развратные дома, театры и темницы.
Воображение живое Дук имел;
Романы он любил и, может быть, хотел
Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
Младой отшельницы подслушав весь рассказ,
В растроганном уме решил он тот же час
Не только наказать жестокость и обиду,
Но сладить кое-что. . . Он тихо в дверь вошел,
Девицу отозвал и в уголок отвел.
«Я слышал всё, — сказал, — ты похвалы достойна,
Свой долг исполнила ты свято; но теперь
Предайся ж ты моим советам. Будь покойна,
Всё к лучшему придет; послушна будь и верь».
Тут он ей объяснил свое предположенье
И дал прощальное свое благословенье.

II

Друзья! поверите ль, чтоб мрачное чело,
Угрюмой, злой души печальное зеркало,
Желанья женские навеки привязало
И нежной красоте понравиться могло?
Не чудно ли? Но так. Сей Анджело надменный,
Сей злобный человек, сей грешник — был любим
Душою нежною, печальной и смиренной,
Душой, отверженной мучителем своим.
Он был давно женат. Летунья легкокрыла,
Младой его жены молва не пощадила,
Без доказательства насмешливо коря;
И он ее прогнал, надменно говоря:
«Пускай себе молвы неправо обвиненье,
Нет нужды. Не должно коснуться подозренье
К супруге кесаря». С тех пор она жила
Одна в предместьи, печально изнывая.
Об ней-то вспомнил Дук, и дева молодая
По наставлению монаха к ней пошла.

III

Марьяна под окном за пряжею сидела
И тихо плакала. Как ангел, Изабела
Пред ней нечаянно явилась у дверей.
Отшельница была давно знакома с ней
И часто утешать несчастную ходила.
Монаха мысль она ей тотчас объяснила.
Марьяна, только лишь настанет ночи мгла,
К палатам Анджело идти должна была,
В саду с ним встретиться под каменной оградой
И, наградив его условленной наградой,
Чуть внятным шопотом, прощаяся, шепнуть
Лишь только то: «теперь о брате не забудь».
Марьяна бедная сквозь слезы улыбалась,
Готовилась дрожа — и дева с ней рассталась.

IV

Всю ночь в темнице Дук последствий ожидал
И, сидя с Клавдио, страдальца утешал.

Пред светом снова к ним явилась Изабела.
Всё шло как надобно: сейчас у ней сидела
Марьяна бледная, с успехом возвратясь
И мужа обманув. Денница занялась —
Вдруг запечатанный приказ приносит вестник
Начальнику тюрьмы. Читают: что ж? Наместник
Немедля узника приказывал казнить
И голову его в палаты предъявить.

V

Замыслив новую затею, Дук представил
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать
И казнь остановил, и к Анджело отправил
Другую голову, велев обрить и снять
Ее с широких плеч разбойника морского,
Горячкой в ту же ночь умершего в тюрьме,
А сам отправился, дабы вельможу злого,
Столь гнусные дела творящего во тьме,
Пред светом обличить.

VI

Едва молва невнятно
О казни Клавдио успела пробежать,
Пришла другая весть. Узнали, что обратно
Ко граду едет Дук. Народ его встречать
Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
Грызомый совестью, предчувствием стесненный,
Туда же поспешил. Улыбкой добрый Дук
Приветствует народ, теснящийся вокруг,
И дружно к Анджело протягивает руку.
И вдруг раздался крик — и прямо в ноги Дуку
Девуца падает. «Помилуй, государь!
Ты щит невинности, ты милости алтарь,
Помилуй! . . .» — Анджело бледнеет и трепещет
И взоры дикие на Изабелу мечет. . .
Но победил себя. Оправиться успев,

«Она помешана, — сказал он, — видев брата,
Приговоренного на смерть. Сия утрата
В ней разум потрясла...»

Но, обнаружив гнев
И долго скрытое в душе негодование,
«Всё знаю, — молвил Дук; — всё знаю! наконец
Злодейство на земле получит воздаянье.
Девица, Анджело! за мною, во дворец!»

VII

У трона во дворце стояла Мариана
И бедный Клавдио. Злодей, увидя их,
Затрепетал, челом поникнул и утих;
Всё объяснилось, и правда из тумана
Возникла; Дук тогда: «Что, Анджело, скажи,
Чего достоин ты?» Без слез и без боязни
С угрюмой твердостью тот отвечает: «Казни.
И об одном молю: скорее прикажи
Вести меня на смерть».

«Иди, — сказал властитель, —
Да гибнет судия — торгаш и обольститель».
Но бедная жена, к ногам его упав,
«Помилуй, — молвила, — ты, мужа мне отдав,
Не отымай опять; не смейся надо мною». —
«Не я, но Анджело смеялся над тобою, —
Ей Дук отвечает, — но о твоей судьбе
Сам буду я пещись. Останутся тебе
Его сокровища, и будешь ты награда
Супругу лучшему». — «Мне лучшего не надо.
Помилуй, государь! не будь неумолим,
Твоя рука меня соединила с ним!
Ужели для того так долго я вдовела?
Он человечеству свою принес лишь дань.
Сестра! спаси меня! друг милый, Изабела!
Проси ты за него, хоть на колени стань,
Хоть руки подыми ты молча!»

Изабела
Душой о грешнике, как ангел, пожалела
И, пред властителем колена преклоня,

«Помилуй, государь, — сказала. — За меня
Не осуждай его. Он (сколько мне известно,
И как я думаю) жил праведно и честно,
Покамест на меня очей не устремил.
Прости же ты его!»

И Дук его простил.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Петербургская повесть

1838

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с «Известием», составленным *В. Н. Берхом*.

ВСТУПЛЕНИЕ

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу.
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,¹
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,

Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.²
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз,
И блеск, и шум, и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.

Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царский дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет
И, чуя вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия,
Да умирится же с тобой
И побежденная стихия;
Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Была ужасная пора,
Об ней свежо воспоминанье. . .
Об ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Над омраченным Петроградом
Дышал ноябрь осенним хладом.
Плеская шумною волной
В края своей ограды стройной,
Нева металась, как больной
В своей постеле беспокойной.
Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно,
И ветер дул, печально воя.
В то время из гостей домой
Пришел Евгений молодой. . .
Мы будем нашего героя
Звать этим именем. Оно
Звучит приятно; с ним давно
Мое перо к тому же дружно.
Прозванья нам его не нужно.
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Нащ герой
Живет в Коломне; где-то служит,
Дичится знатных и не тужит
Ни о почившей родне,
Ни о забытой старине.

Итак, домой пришел, Евгений
Стряхнул шинель, разделся, лег.

Но долго он заснуть не мог
В волненьи разных размышлений.
О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь;
Что мог бы бог ему прибавить
Ума и денег. Что ведь есть
Такие праздные счастливы,
Ума недалёкого ленивы,
Которым жизнь куда легка!
Что служит он всего два года;
Он также думал, что погода
Не унималась; что река
Всё прибывала; что едва ли
С Невы мостов уже не сняли
И что с Парашей будет он
Дни на два, на три разлучен.
Евгений тут вздохнул сердечно
И размечтался как поэт:

«Жениться? мне? зачем же нет?
Оно и тяжело, конечно;
Но что ж, я молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов;
Уж кое-как себе устрою
Приют смиренный и простой
И в нем Парашу успокою.
Пройдет, быть может, год-другой —
Местечко получу, Параше
Препоручу семейство наше
И воспитание ребят. . .
И станем жить, и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба
И внуки нас похоронят. . .»

Так он мечтал. И грустно было
Ему в ту ночь, и он желал,
Чтоб ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито. . .

Сонны очи

Он наконец закрыл. И вот
Редееет мгла ненастной ночи
И бледный день уж настает. . . ³
Ужасный день!

Нева всю ночь
Рвалась к морю против бури,
Не одолев их буйной дури. . .
И спорить стало ей невмочь. . .
Поутру над ее берегами
Теснился кучами народ,
Любуясь брызгами, горами
И пеной разъяренных вод.
Но силой ветров от залива
Перегражденная Нева
Обратно шла, гневна, бурлива,
И затопляла острова,
Погода пуще свирепела,
Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. Пред нею
Всё побежало; всё вокруг
Вдруг опустело — воды вдруг
Втекли в подземные подвалы,
К решеткам хлынули каналы,
И всплыл Петрополь как тритон,
По пояс в воду погружен.

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. Челны
С разбега стекла бьют кормой.
Лотки под мокрой пеленой,
Обломки хижин, бревна, кровли,
Товар запасливой торговли,
Пожитки бледной нищеты,
Грозой снесенные мосты,
Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!

Народ

Зрит божий гнев и казни ждет.
Увы! всё гибнет: кров и пища!
Где будет взять?

В тот грозный год
Покойный царь еще Россией
Со славой правил. На балкон,
Печален, смутен, вышел он
И молвил: «С божией стихией
Царям не совладеть». Он сел
И в думе скорбными очами
На злое бедствие глядел.
Стояли стогны озерами,
И в них широкими реками
Вливались улицы. Дворец
Казался островом печальным.
Царь молвил — из конца в конец,
По ближним улицам и дальным
В опасный путь средь бурных вод
Его пустились генералы⁴
Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Тогда на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С поднятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижимый, страшно бледный
Евгений. Он страшился, бедный,
Не за себя. Он не слышал,
Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь ему в лицо хлестал,
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
Его отчаянные взоры
На край один наведены
Недвижно были. Словно горы

Из возмущенной глубины
Вставали волны там и злились,
Там буря выла, там носились
Обломки. . . Боже, боже! там —
Увы! близехонько к волнам,
Почти у самого залива —
Забор некрашенный, да ива
И ветхий домик: там оне,
Вдова и дочь, его Параша,
Его мечта. . . Или во сне
Он это видит? иль вся наша
И жизнь ничто, как сон пустой,
Насмешка неба над землей?

И он, как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован,
Сойти не может! Вкруг него
Вода и больше ничего!
И обращен к нему спиною
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Но вот, насытаясь разрушением
И наглым буйством утомясь,
Нева обратно повлеклась,
Своим любясь возмущеньем
И покидая с небреженьем
Свою добычу. Так злодей,
С свирепой шайкою своей
В село ворвавшись, ломит, режет,
Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой! . .
И, грабежом отягощенны,
Боясь погони, утомленны,
Спешат разбойники домой,
Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
Открылась, и Евгений мой
Спешит, душою замирая,
В надежде, страхе и тоске
К едва смирившейся реке.
Но, торжеством победы полны,
Еще кипели злобно волны,
Как бы под ними тлел огонь,
Еще их пена покрывала,
И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь.
Евгений смотрит: видит лодку;
Он к ней бежит как на находку;
Он перевозчика зовет —
И перевозчик беззаботный
Его за гривенник охотно
Чрез волны страшные везет.

И долго с бурными волнами
Боролся опытный гребец,
И скрыться вглубь меж их рядами
Всечасно с дерзкими пловцами
Готов был челн — и наконец
Достиг он берега.

Несчастный
Знакомой улицей бежит
В места знакомые. Глядит,
Узнать не может. Вид ужасный!
Всё перед ним завалено;
Что сброшено, что снесено;
Скривились домики, другие
Совсем обрушились, иные
Волнами сдвинуты; кругом,
Как будто в поле боевом,
Тела валяются. Евгений
Стремглав, не помня ничего,
Изнемогая от мучений,
Бежит туда, где ждет его
Судьба с неведомым известьем,
Как с запечатанным письмом.
И вот бежит уж он предместьем,
И вот залив, и близок дом. . .
Что ж это? . .

Он остановился.
Пошел назад и воротился.
Глядит. . . идет. . . еще глядит.
Вот место, где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь ворота —
Снесло их, видно. Где же дом?
И, полон сумрачной заботы,
Всё ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, ударя в лоб рукою,
Захохотал.

Ночная мгла
На город трепетный сошла;
Но долго жители не спали

И меж собою толковали
О дне минувшем.

Утра луч

Из-за усталых, бледных туч
Блеснул над тихою столицей
И не нашел уже следов
Беды вчерашней; багряницей
Уже прикрыто было зло.
В порядок прежний всё вошло.
Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ. Чиновный люд,
Покинув свой ночной приют,
На службу шел. Торгаш отважный,
Не унывая, открывал
Невой ограбленный подвал,
Сбираясь свой убыток важный
На ближнем выместить. С дворов
Свозили лодки.

Граф Хвостов,

Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений...

Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял. Мятежный шум
Невы и ветров раздавался
В его ушах. Ужасных дум
Безмолвно полон, он скитался.
Его терзал какой-то сон.
Прошла неделя, месяц — он
К себе домой не возвращался.
Его пустынный уголок
Отдал внаймы, как вышел срок,
Хозяин бедному поэту.
Евгений за своим добром
Не приходил. Он скоро свету
Стал чужд. Весь день бродил пешком,

А спал на пристани; питался
В окошко поданным куском.
Одежда ветхая на нем
Рвалась и тлела. Злые дети
Бросали камни вслед ему.
Нередко кучерские плети
Его стегали, потому
Что он не разбирает дороги
Уж никогда; казалось — он
Не примечал. Он оглушен
Был шумом внутренней тревоги.
И так он свой несчастный век
Влачил, ни зверь ни человек,
Ни то ни сё, ни житель света,
Ни призрак мертвый. . .

Раз он спал

У невской пристани. Дни лета
Клонились к осени. Дышал
Ненастный ветер. Мрачный вал
Плескал на пристань, ропща пени
И бясь об гладкие ступени,
Как челобитчик у дверей
Ему не внемлющих судей.
Бедняк проснулся. Мрачно было:
Дождь капал, ветер выл уныло,
И с ним вдали во тьме ночной
Перекликался часовой. . .
Вскочил Евгений; вспомнил живо
Он прошлый ужас; торопливо
Он встал; пошел бродить, и вдруг
Остановился — и вокруг
Тихонько стал водить очами
С боязнью дикой на лице.
Он очутился под столбами
Большого дома. На крыльце
С поднятой лапой, как живые,
Стояли львы сторожевые,
И прямо в темной вышине
Над огражденною скалою
Кумир с простертою рукою
Сидел на бронзовом коне.

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался. . .
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы? ⁵

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира.
Стеснилась грудь его. Чело
К решетке холодной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав. —
Ужо тебе! . . .» И вдруг стремглав
Бежать пустился. Показалось
Ему, что грозного царя,
Мгновенно гневом возгоря,
Лицо тихонько обращалось. . .
И он по площади пустой
Бежит и слышит за собой —

Как будто грома грохотанье —
Тяжело-звонкое скаканье
По потрясенной мостовой,
И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь, безумец бедный
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

И с той поры, когда случилось
Идти той площадью ему,
В его лице изображалось
Смятенье. К сердцу своему
Он прижимал поспешно руку,
Как бы его смиряя муку,
Картуз изношенный сымал,
Смущенных глаз не подымал
И шел сторонкой.

Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров. Не взросло
Там ни былинки. Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий. Над водою
Остался он как черный куст.
Его прошедшею весною
Свезли на барке. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Альгаротти где-то сказал: «Pétersbourg est la fenêtre par laquelle la Russie regarde en Europe»*.

² Смотри стихи кн. Вяземского к графине З***.

³ Мицкевич прекрасными стихами описал день, предшествовавший петербургскому наводнению, в одном из лучших своих стихотворений — Oleszkiewicz. Жаль только, что описание его не точно. Снегу не было — Нева не была покрыта льдом. Наше описание вернее, хотя в нем и нет ярких красок польского поэта.

⁴ Граф Милорадович и генерал-адъютант Бенкендорф.

⁵ Смотри описание памятника в Мицкевиче. Оно заимствовано из Рубана — как замечает сам Мицкевич.

---

* Петербург — окно, через которое Россия смотрит в Европу. (Франц.) — *Ред.*

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

Роман в стихах

Petri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière. *

---

* Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием в своих как добрых, так и дурных поступках, — следствие чувства превосходства, быть может мнимого. *Из частного письма. (Франц.) — Ред.*

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И жить торопится и чувствовать спешит.

К. Вяземский

I

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя?»

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:

Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня. ¹

III

Служив отлично-благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.
Судьба Евгения хранила:
Сперва *Madame* за ним ходила,
Потом *Monsieur* ее сменил.
Ребенок был резов, но мил.
Monsieur l'Abbe, француз убогий,
Чтоб не измучилось дитя,
Учил его всему шутя,
Не докучал моралью строгой,
Слегка за шалости бранил,
И в Летний сад гулять водил.

IV

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надежд и грусти нежной,
Monsieur прогнали со двора.
Вот мой Онегин на свободе;
Острижен по последней моде;
Как *dandy* ² лондонский одет —
И наконец увидел свет.
Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

V

Мы все учились понемногу
 Чему-нибудь и как-нибудь;
 Так воспитаньем, слава богу,
 У нас немудрено блеснуть.
 Онегин был по мнению многих
 (Судей решительных и строгих)
 Ученый малый, но педант.
 Имел он счастливый талант
 Без принужденья в разговоре
 Коснуться до всего слегка,
 С ученым видом знатока
 Хранить молчанье в важном споре,
 И возбуждать улыбку дам
 Огнем нежданных эпиграмм.

VI

Латынь из моды вышла ныне:
 Так, если правду вам сказать,
 Он знал довольно по-латыни,
 Чтоб эпиграфы разбирать,
 Потолковать об Ювенале,
 В конце письма поставить *vale*, *
 Да помнил, хоть не без греха,
 Из Энеиды два стиха.
 Он рыться не имел охоты
 В хронологической пыли
 Бытописания земли:
 Но дней минувших анекдоты
 От Ромула до наших дней
 Хранил он в памяти своей.

VII

Высокой страсти не имея
 Для звуков жизни не щадить,
 Не мог он ямба от хорея,
 Как мы ни бились, отличить.

---

* Будь здоров. (Латинск.) — Ред.

Бранил Гомера, Феокрита;
Зато читал Адама Смита,
И был глубокий эконом,
То есть умел судить о том,
Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда *простой продукт* имеет.
Отец понять его не мог
И земли отдавал в залог.

VIII

Всего, что знал еще Евгений,
Пересказать мне недосуг;
Но в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, —
Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон,
За что страдальцем кончил он
Свой век блестящий и мятежный
В Молдавии, в глуши степей,
Вдали Италии своей.

IX

. . . . .
. . . . .
. . . . .

X

Как рано мог он лицемерить,
Таить надежду, ревновать,
Разуверять, заставить верить,
Казаться мрачным, изнывать,
Являться гордым и послушным,
Внимательным иль равнодушным!

Как томно был он молчалив,
Как пламенно красноречив,
В сердечных письмах как небрежен!
Одним дыша, одно любя,
Как он умел забыть себя!
Как взор его был быстр и нежен,
Стыдлив и дерзок, а порой
Блистал послушною слезой!

XI

Как он умел казаться новым,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаяньем готовым,
Приятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинных лет предубежденья
Умом и страстью побеждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звук,
Преследовать любовь, и вдруг
Добиться тайного свиданья...
И после ей наедине
Давать уроки в тишине!

XII

Как рано мог уж он тревожить
Сердца кокеток записных!
Когда ж хотелось уничтожить
Ему соперников своих,
Как он язвительно злословил!
Какие сети им готовил!
Но вы, блаженные мужья,
С ним оставались вы друзья:
Его ласкал супруг лукавый,
Фобласа давний ученик,
И недоверчивый старик,
И рогоносец величавый,
Всегда довольный сам собой,
Своим обедом и женой.

ХІІІ. ХІV

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

ХV

Бывало, он еще в постеле:
К нему записочки несут.
Что? Приглашенья? В самом деле,
Три дома на вечер зовут:
Там будет бал, там детский праздник.
Куда ж поскачет мой проказник?
С кого начнет он? Всё равно:
Везде поспеть немудрено.
Покамест в утреннем уборе,
Надев широкий *боливар*,³
Онегин едет на бульвар
И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брежет
Не прозвонит ему обед.

ХVІ

Уж тёмно: в санки он садится.
«Пади, пади!» — раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К *Talon*⁴ помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток,
Пред ним *roast-beef** окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

---

* Ростбиф. (Англ.) — *Ред.*

XVII

Еще бокалов жажда просит
Залить горячий жир котлет,
Но звон брегета им доносит,
Что новый начался балет.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательных актрис,
Почетный гражданин кулис,
Онегин полетел к театру,
Где каждый, вольностью дыша,
Готов охлопать *entrechat*, *
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать (для того,
Чтоб только слышали его).

XVIII

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С молодой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

XIX

Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Всё те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?

---

* Антрашá (балетный прыжок). (Франц.) — *Ред.*

Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?
Иль взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене скучной,
И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом вспоминать?

XX

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, всё кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет,
И быстрой ножкой ножку бьет.

XXI

Всё хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам;
Все ярусы окинул взором,
Всё видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеяньи взглянул,
Отворотился — и зевнул,
И молвил: «Всех пора на смену;

Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел». ⁵

XXII

Еще амуры, черти, змеи
На сцене скачут и шумят;
Еще усталые лакеи
На шубах у подъезда спят;
Еще не перестали топтать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Везде блистают фонари;
Еще, прозябнув, бьются кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера, вокруг огней,
Бранят господ и бьют в ладони, —
А уж Онегин вышел вон;
Домой одеться едет он.

XXIII

Изобразжу ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Всё, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Всё, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, —
Всё украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

XXIV

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,

И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые,
И щетки тридцати родов
И для ногтей и для зубов.
Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим
Смел чистить ногти перед ним,
Красноречивым сумасбродом.⁶
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем неправ.

XXV

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.
Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил,
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

XXVI

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать мое же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет,*
Всех этих слов на русском нет;

А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический Словарь.

XXVII

У нас теперь не то в предмете:
Мы лучше поспешим на бал,
Куда стремглав в ямской карете
Уж мой Онегин поскакал.
Перед померкшими домами
Вдоль сонной улицы рядами
Двойные фонари карет
Веселый изливают свет
И радуги на снег наводят;
Усеян площадками кругом,
Блестит великолепный дом;
По цельным окнам тени ходят,
Мелькают профили голов
И дам и модных чудаков.

XXVIII

Вот наш герой подъехал к сениям;
Швейцара мимо он стрелой
Взлетел по мраморным ступеням,
Расправил волоса рукой,
Вошел. Полна народу зала;
Музыка уж греметь устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругом и шум и теснота;
Бренчат кавалергарда шпоры;
Летают ножки милых дам;
По их пленительным следам
Летают пламенные взоры,
И ревом скрипок заглушен
Ревнивый шепот модных жен.

XXIX

Во дни веселий и желаний
Я был от балов без ума:
Верней нет места для признаний
И для вручения письма.
О вы, почтенные супруги!
Вам предложу свои услуги;
Прошу мою заметить речь:
Я вас хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, поостроже
За дочерьми смотрите вслед:
Держите прямо свой лорнет!
Не то. . . не то, избави боже!
Я это потому пишу,
Что уж давно я не грешу.

XXX

Увы, на разные забавы
Я много жизни погубил!
Но если б не страдали нравы,
Я балы б до сих пор любил.
Люблю я бешеную младость,
И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманый наряд;
Люблю их ножки; только вряд
Найдете вы в России целой
Три пары стройных женских ног.
Ах! долго я забыть не мог
Две ножки. . . Грустный, охладелый,
Я всё их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.

XXXI

Когда ж и где, в какой пустыне,
Безумец, их забудешь ты?
Ах, ножки, ножки! где вы ныне?
Где мнете вешние цветы?
Взлелеяны в восточной неге,

На северном, печальном снеге
Вы не оставили следов:
Любили мягких вы ковров
Роскошное прикосновенье.
Давно ль для вас я забывал
И жажду славы и похвал,
И край отцов, и заточенье?
Исчезло счастье юных лет,
Как на лугах ваш легкий след.

XXXII

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестней чем-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой.
Люблю ее, мой друг Эльвина,
Под длинной скатертью столов,
Весной на мураве лугов,
Зимой на чугуне камина,
На зёркальном паркете зал,
У моря на граните скал.

XXXIII

Я помню море пред грозой:
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередой
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами
Коснуться милых ног устами!
Нет, никогда среди пылких дней
Кипящей младости моей
Я не желал с таким мученьем
Лобзать уста младых Армид,
Иль розы пламенных ланит,
Иль перси, полные томленьем;

Нет, никогда порыв страстей
Так не терзал души моей!

XXXIV

Мне памятно другое время:
В заветных иногда мечтах
Держу я счастливое стремя. . .
И ножку чувствую в руках;
Опять кипит воображенье,
Опять ее прикосновенье
Зажгло в увядшем сердце кровь,
Опять тоска, опять любовь! . .
Но полно прославлять надменных
Болтливой лирою своей;
Они не стоят ни страстей,
Ни песен, ими вдохновенных:
Слова и взор волшебниц сих
Обманчивы. . . как ножки их.

XXXV

Что ж мой Онегин? Полусонный
В постелю с бала едет он:
А Петербург неугомонный
Уж барабаном пробужден.
Встает купец, идет разносчик,
На биржу тянется извозчик,
С кувшином охтенка спешит,
Под ней снег утренний хрустит.
Проснулся утра шум приятный,
Открыты ставни; трубный дым
Столбом восходит голубым,
И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой *васисдас*.

XXXVI

Но, шумом бала утомленный
И утро в полночь обратя,

Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.
Но был ли счастлив мой Евгений,
Свободный, в цвете лучших лет,
Среди блистательных побед,
Среди вседневных наслаждений?
Вотще ли был он среди пиров
Неосторожен и здоров?

XXXVII

Нет: рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели,
Затем, что не всегда же мог
Beef-steaks * и страсбургский пирог
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острые слова,
Когда болела голова;
И хоть он был повеса пылкий,
Но разлюбил он наконец
И брань, и саблю, и свинец.

XXXVIII

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому *сплину*,
Короче: русская *хандра*
Им овладела понемногу;

---

* Бифштекс. (Англ.) — *Ред.*

Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел;
Но к жизни вовсе охладел.
Как *Child-Harold*, угрюмый, томный
В гостиных появлялся он;
Ни сплетни света, ни бостон,
Ни милый взгляд, ни вздох нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замечал он ничего.

XXXIX. XL. XLI

. . . . .
. . . . .
. . . . .

XLII

Причудницы большого света!
Всех прежде вас оставил он;
И правда то, что в наши лета
Довольно скучен высший тон;
Хоть, может быть, иная дама
Толкует Сея и Бентама,
Но вообще их разговор
Несносный, хоть невинный вздор;
К тому ж они так непорочны,
Так величавы, так умны,
Так благочестия полны,
Так осмотрительны, так точны,
Так неприступны для мужчин,
Что вид их уж рождает *сплин*.⁷

XLIII

И вы, красотки молодые,
Которых позднею порою
Уносят дрожки удалые
По петербургской мостовой,
И вас покинул мой Евгений.
Отступник бурных наслаждений,

Онегин дома заперся,
Зевая, за перо взялся,
Хотел писать — но труд упорный
Ему был тошен; ничего
Не вышло из пера его,
И не попал он в цех задорный
Людей, о коих не сужу,
Затем, что к ним принадлежу.

XLIV

И снова, преданный безделью,
Томясь душевной пустотой,
Уселся он — с похвальной целью
Себе присвоить ум чужой;
Отрядом книг оставил полку,
Читал, читал, а всё без толку:
Там скука, там обман иль бред;
В том совести, в том смысла нет;
На всех различные вериги;
И устарела старина,
И старым бредит новизна.
Как женщин, он оставил книги,
И полку, с пыльной их семьей,
Задержнул траурной тафтой.

XLV

Условий света свергнув бремя,
Как он, отстав от суеты,
С ним подружился я в то время.
Мне нравились его черты,
Мечтам невольная преданность,
Неподражательная странность
И резкий, охлажденный ум.
Я был озлоблен, он угрюм;
Страстей игру мы знали оба;
Томила жизнь обоих нас;
В обоих сердца жар угас;
Обоих ожидала злоба
Слепой Фортуны и людей
На самом утре наших дней.

1. Лопанд — 2. голландский Шифт
и реверсивный по спирали
4. Шифт нафта, Митро набуток

XLVI

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призра́к невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет.
Всё это часто придает
Большую прелесть разговору.
Сперва Онегина язык
Меня смущал; но я привык
К его язвительному спору,
И к шутке, с желчью пополам,
И злости мрачных эпиграмм.

XLVII

Как часто летнею порою,
Когда прозрачно и светло
Ночное небо над Невою ⁸
И вод веселое стекло
Не отражает лик Дианы,
Вспомня прежних лет романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, беспечны вновь,
Дыханьем ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Как в лес зеленый из тюрьмы
Перенесен колодник сонный,
Так уносились мы мечтой
К началу жизни молодой.

XLVIII

С душою, полной сожалений,
И опершися на гранит,
Стоял задумчиво Евгений,
Как описал себя пиит. ⁹
Всё было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые;

Да дрозжек отдаленный стук
С Мильонной раздавался вдруг;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей реке:
И нас пленяли вдалеке
Рожок и песня удалая. . .
Но слаще, средь ночных забав,
Напев Торкватовых октав!

XLIX

Адриатические волны,
О Брента! нет, увижу вас,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;
По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.
Ночей Италии златой
Я негой наслажусь на воле
С венецианкою молодой,
То говорливой, то немой,
Плывя в таинственной гондоле;
С ней обретут уста мои
Язык Петрарки и любви.

L

Придет ли час моей свободы?
Пора, пора! — взываю к ней;
Брожу над морем, ¹⁰ жду погоды,
Маню ветрила кораблей.
Под ризой бурь, с волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда ж начну я вольный бег?
Пора покинуть скучный берег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей, ¹¹
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил.

LI

Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.
Отец его тогда скончался.
Перед Онегиным собрался
Заимодавцев жадный полк.
У каждого свой ум и толк:
Евгений, тяжбы ненавидя,
Довольный жребием своим,
Наследство предоставил им,
Большой потери в том не видя,
Иль предузнав издавека
Кончину дяди старика.

LII

Вдруг получил он в самом деле
От управителя доклад,
Что дядя при смерти в постеле
И с ним проститься был бы рад.
Прочтя печальное посланье,
Евгений тотчас на свиданье
Стремглав по почте поскакал
И уж заранее зевал,
Приготовляясь, денег ради,
На вздохи, скуку и обман
(И тем я начал мой роман);
Но, прилетев в деревню дяди,
Его нашел уж на столе,
Как дань готовую земле.

LIII

Нашел он полон двор услуги;
К покойнику со всех сторон
Съезжались недруги и други,
Охотники до похорон.
Покойника похоронили.
Попы и гости ели, пили,

И после важно разошлись,
Как будто делом занялись.
Вот наш Онегин сельский житель,
Заводов, вод, лесов, земель
Хозяин полный, а досель
Порядка враг и расточитель,
И очень рад, что прежний путь
Переменил на что-нибудь.

LIV

Два дня ему казались новы
Уединенные поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихого ручья;
На третий роща, холм и поле
Его не занимали боле;
Потом уж наводили сон;
Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же,
Хоть нет ни улиц, ни дворцов,
Ни карт, ни балов, ни стихов.
Хандра ждала его на страже,
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.

LV

Я был рожден для жизни мирной,
Для деревенской тишины:
В глуши звучнее голос лирный,
Живее творческие сны.
Досугам посвятяться невинным,
Брожу над озером пустынным,
И *far niente** мой закон.
Я каждым утром пробужден
Для сладкой неги и свободы:

---

* Безделье, праздность. (Итал.) — *Ред.*

Читаю мало, долго сплю,
Летучей славы не ловлю.
Не так ли я в былые годы
Провел в бездействии, в тени
Мои счастливейшие дни?

LVI

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,
Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

LVII

Замечу кстати: все поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мне снились, и душа моя
Их образ тайный сохранила;
Их после муза оживила:
Так я, беспечен, воспевал
И деву гор, мой идеал,
И пленниц берегов Салгира.
Теперь от вас, мои друзья,
Вопрос нередко слышу я:
«О ком твоя вздыхает лира?
Кому, в толпе ревнивых дев,
Ты посвятил ее напев?»

LVIII

Чей взор, волнуя вдохновенье,
Умильной лаской наградил
Твое задумчивое пенье?
Кого твой стих боготворил?»
И, други, никого, ей-богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя вослед,
А муки сердца успокоил,
Поймал и славу между тем;
Но я, любя, был глуп и нем.

LIX

Прошла любовь, явилась муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза
Волшебных звуков, чувств и дум;
Пишу, и сердце не тоскует,
Перо, забывшись, не рисует,
Близ неоконченных стихов,
Ни женских ножек, ни голов;
Погасший пепел уж не вспыхнет,
Я всё грущу; но слез уж нет,
И скоро, скоро бури след
В душе моей совсем утихнет:
Тогда-то я начну писать
Поэму песен в двадцать пять.

LX

Я думал уж о форме плана,
И как героя назову;
Покамест моего романа
Я кончил первую главу;
Пересмотрел всё это строго;

Противоречий очень много,
Но их исправить не хочу;
Цензуре долг свой заплачу,
И журналистам на съеденье
Плоды трудов моих отдам;
Иди же к невским берегам,
Новорожденное творенье,
И заслужи мне славы дань:
Кривые толки, шум и брань!

ГЛАВА ВТОРАЯ

О rus! . .

Hor. *

О Русь!

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые.
Мелькали сёла; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых дриад.

II

Почтенный замок был построен,
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.

---

* О деревня! *Горацій*. (Латинск.) — *Ред.*

Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.
Всё это ныне обветшало,
Не знаю, право, почему;
Да, впрочем, другу моему
В том нужды было очень мало,
Затем, что он равно зевал
Средь модных и старинных зал.

III

Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Всё было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил;
В одном нашел тетрадь расхода,
В другом наливки целый строй,
Кувшины с яблочной водой,
И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

IV

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.
В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.
Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед;
Другой лукаво улыбнулся,

И в голос все решили так,
Что он опаснейший чужак.

V

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышит их домашни дроги, —
Поступком оскорбясь таким,
Все дружбу прекратили с ним.
«Сосед наш неуч; сумасбродит;
Он фармацевт; он пьет одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Всё да, да нет; не скажет да-с
Иль нет-с». Таков был общий глас.

VI

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал,
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал.
По имени Владимир Ленский,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

VII

От хладного разврата света
Еще увянуть не успев,

Его душа была согрета
Приветом друга, лаской дев;
Он сердцем милый был невежда,
Его лелеяла надежда,
И мира новый блеск и шум
Еще пленяли юный ум.
Он забавлял мечтою сладкой
Сомненья сердца своего;
Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал.

VIII

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами,
Когда-нибудь, нас озарит
И мир блаженством одарит.

IX

Негодование, сожаленье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье
В нем рано волновали кровь.
Он с лирой странствовал на свете;
Под небом Шиллера и Гете
Их поэтическим огнем
Душа воспламенилась в нем;

И муз возвышенных искусства,
Счастливец, он не постыдил:
Он в песнях гордо сохранил
Всегда возвышенные чувства,
Порывы девственной мечты
И прелесть важной простоты.

Х

Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна
В пустынях неба безмятежных;
Богиня тайн и вздохов нежных;
Он пел разлуку и печаль,
И *ничто*, и *туманну даль*,
И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы;
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в осьмнадцать лет.

ХІ

В пустыне, где один Евгений
Мог оценить его дары,
Господ соседственных селений
Ему не нравились пиры;
Бежал он их беседы шумной,
Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнем,
Ни острою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен.

ХII

Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенский;
Все дочек прочили своих
За *полурусского соседа*;
Взойдет ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай,
Ей шепчут: «Дуня, примечай!»
Потом приносят и гитару:
И запищит она (бог мой!):
Приди в чертог ко мне златой! . . .¹²

ХIII

Но Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свести.
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом,
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От *делать нечего* друзья.

ХIV

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы

Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно.
Сноснее многих был Евгений;
Хоть он людей, конечно, знал,
И вообще их презирал, —
Но (правил нет без исключений)
Иных он очень отличал,
И вчуже чувство уважал.

ХV

Он слушал Ленского с улыбкой.
Поэта пылкий разговор,
И ум, еще в сужденьях зыбкой,
И вечно вдохновенный взор —
Онегину всё было ново;
Он охлаждающее слово
В устах старался удержать
И думал: глупо мне мешать
Его минутному блаженству;
И без меня пора придет;
Пускай покамест он живет
Да верит мира совершенству;
Простим горячке юных лет
И юный жар и юный бред.

ХVI

Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою череду,
Всё подвергалось их суду.
Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм,
И снисходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал.

XVII

Но чаще занимали страсти
Умы пустынных моих.
Ушед от их мятежной власти,
Онегин говорил об них
С невольным вздохом сожаленья.
Блажен, кто ведал их волненья
И наконец от них отстал;
Блаженней тот, кто их не знал,
Кто охлаждал любовь — разлукой,
Вражду — злословием; порой
Зевал с друзьями и с женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дедов верный капитал
Коварной двойке не вверял.

XVIII

Когда прибегнем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя
И нам становятся смешны
Их своевольство, их порывы
И запоздалые отзывы, —
Смиранные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей,
Забытый в хижине своей.

XIX

Зато и пламенная младость
Не может ничего скрывать.
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
В любви считаюсь инвалидом,
Онегин слушал с важным видом,

Как, сердца исповедь любя,
Поэт высказывал себя;
Свою доверчивую совесть
Он простодушно обнажал.
Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,
Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас.

XX

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль.
Ни охлаждающая даль,
Ни долгие лета разлуки,
Ни музам данные часы,
Ни чужеземные красы,
Ни шум веселий, ни науки
Души не изменили в нем,
Согретой девственным огнем.

XXI

Чуть отрок, Ольгою плененный,
Сердечных мук еще не знав,
Он был свидетель умиленный
Ее младенческих забав;
В тени хранительной дубравы
Он разделял ее забавы,
И детям прочили венцы
Друзья-соседы, их отцы.
В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела как ландыш потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII

Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль об ней одушевила
Его цевницы первый стон.
Простите, игры золотые!
Он рощи полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звезды, и луну,
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слезы, тайных мук отраду...
Но нынче видим только в ней
Замену тусклых фонарей.

XXIII

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцелуй любви мила,
Глаза как небо голубые;
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкий стан,
Всё в Ольге... но любой роман
Возьмите и найдете, верно,
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV

Ее сестра звалась Татьяна...¹³
Впервые именем таким
Страницы нежные романа
Мы своевольно освятим.
И что ж? оно приятно, звучно;
Но с ним, я знаю, неразлучно

Воспоминанье старины
Иль девицей! Мы все должны
Признаться: вкусу очень мало
У нас и в наших именах
(Не говорим уж о стихах);
Нам просвещение не пристало,
И нам досталось от него
Жеманство, — больше ничего.

XXV

Итак, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свежестью ее румяной
Не привлекла б она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей;
Дитя сама, в толпе детей
Играть и прыгать не хотела,
И часто целый день одна
Сидела молча у окна.

XXVI

Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей.
Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склонясь на пальцы,
Узором шелковым она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приготавливается шутя
К приличию, закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

XXVII

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела.
И были детские проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою в темноте ночей
Пленяли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех
И шум их ветреных утех.

XXVIII

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена
Вставала при свечах она.

XXIX

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый:

Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой,
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума.

XXX

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона
Она Ловласу предпочла;¹⁴
Но в старину княжна Алина,
Ее московская кузина,
Твердила часто ей об них.
В то время был еще жених
Ее супруг, но по неволе;
Она вздыхала по другом,
Который сердцем и умом
Ей нравился гораздо боле:
Сей Грандисон был славный фронт,
Игрок и гвардии сержант.

XXXI

Как он, она была одета
Всегда по моде и к лицу;
Но, не спросясь ее совета,
Девуцу повезли к венцу.
И чтоб ее рассеять горе,
Разумный муж уехал вскоре
В свою деревню, где она,
Бог знает кем окружена,
Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла и довольна стала.
Привычка свыше нам дана:
Замена счастию она.¹⁵

XXXII

Привычка усладила горе,
Не отразимое ничем;
Открытие большое вскоре
Ее утешило совсем:
Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом
Самодержавно управлять,
И всё тогда пошло на стать.
Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по субботам,
Служанок била осердясь —
Всё это мужа не спросясь.

XXXIII

Бывало, писывала кровью
Она в альбомы нежных дев,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила нараспев,
Корсет носила очень узкий,
И русский *H* как *N* французский
Произносить умела в нос;
Но скоро всё перевелось:
Корсет, альбом, княжну Алину,
Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконец
На вате шлафор и чепец.

XXXIV

Но муж любил ее сердечно,
В ее затеи не входил,
Во всем ей веровал беспечно,
А сам в халате ел и пил;
Покойно жизнь его катилась;
Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,

Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмеяться кой о чем.
Проходит время; между тем
Прикажут Ольге чай готовить,
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.

XXXV

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильнѹ на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.

XXXVI

И так они старели оба.
И отворились наконец
Перед супругом двери гроба,
И новый он приял венец.
Он умер в час перед обедом,
Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердечней, чем иной.
Он был простой и добрый барин,
И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
*Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.*

XXXVII

Своим пенатам возвращенный,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный,
И вздох он пеплу посвятил;
И долго сердцу грустно было.
*«Poor Jorick!»*¹⁶ — молвил он уныло. —
Он на руках меня держал.
Как часто в детстве я играл
Его очаковской медалью!
Он Ольгу прочил за меня,
Он говорил: дождусь ли дня? . . .»
И, полный искренней печалью,
Владимир тут же начертал
Ему надгробный мадригал.

XXXVIII

И там же надписью печальной
Отца и матери, в слезах,
Почтил он прах патриархальный. . .
Увы! на жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут. . .
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!

XXXIX

Покамест упивайтесь ею,
Сей легкой жизнью, друзья!
Ее ничтожность разумею,
И мало к ней привязан я;
Для призраков закрыл я вежды;

Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.

XI

И чье-нибудь он сердце тронет,
И, сохраненная судьбой,
Быть может, в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной;
Быть может (лестная надежда!),
Укажет будущий невежда
На мой прославленный портрет
И молвит: то-то был поэт!
Прими ж мои благодаренья,
Поклонник мирных аонид,
О ты, чья память сохранит
Мои летучие творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплет лавры старика!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Elle était fille, elle était amoureux.

Malfillâtre *

I

«Куда? Уж эти мне поэты!» —
«Прощай, Онегин, мне пора». —
«Я не держу тебя; но где ты
Свои проводишь вечера?» —
«У Лариных». — «Вот это чудно.
Помилуй! и тебе не трудно
Там каждый вечер убивать?» —
«Нимало». — «Не могу понять.
Отселе вижу, что такое:
Во-первых (слушай, прав ли я?),
Простая, русская семья,
К гостям усердие большое,
Варенье, вечный разговор
Про дождь, про лен, про скотный двор...» —

II

«Я тут еще беды не вижу». —
«Да скука, вот беда, мой друг». —
«Я модный свет ваш ненавижу;
Милее мне домашний круг,
Где я могу...» — «Опять эклога!

---

* Она была девушка, она была влюблена. *Мальфилатр*.
(Франц.) — *Ред.*

Да полно, милый, ради бога.
Ну что ж? ты едешь: очень жаль.
Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль
Увидеть мне Филлиду эту,
Предмет и мыслей, и пера,
И слез, и рифм et cetera *? ..
Представь меня». — «Ты шутишь». —
«Нет». —
«Я рад». — «Когда же?» — «Хоть сейчас.
Они с охотой примут нас.

III

Поедем». —
Поскакали други,
Явились; им расточены
Порой тяжелые услуги
Гостеприимной старины.
Обряд известный угощенья:
Несут на блюдечках варенья,
На столик ставят вощаной
Кувшин с брусничною водой

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

IV

Они дорогой самой краткой
Домой летят во весь опор.¹⁷
Теперь послушаем украдкой
Героев наших разговор:
«Ну что ж, Онегин? ты зеваешь». —
«Привычка, Ленский». — «Но скучаешь
Ты как-то больше». — «Нет, равно.
Однако в поле уж темно;

---

* И так далее. (Латинск.) — *Ред.*

Скорей! пошел, пошел, Андрюшка!
Какие глупые места!
А кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мне не наделала б вреда.

V

Скажи: которая Татьяна?» —
«Да та, которая грустна
И молчалива как Светлана,
Вошла и села у окна». —
«Неужто ты влюблен в меньшую?» —
«А что?» — «Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт.
В чертах у Ольги жизни нет.
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне».
Владимир сухо отвечал
И после во весь путь молчал.

VI

Меж тем Онегина явленье
У Лариных произвело
На всех большое впечатленье
И всех соседей развлекло.
Пошла догадка за догадкой.
Все стали толковать украдкой,
Шутить, судить не без греха,
Татьяне прочить жениха;
Иные даже утверждали,
Что свадьба слажена совсем,
Но остановлена затем,
Что модных колец не достали.
О свадьбе Ленского давно
У них уж было решено.

VII

Татьяна слушала с досадой
Такие сплетни; но тайком
С неизъяснимою отрадой
Невольню думала о том;
И в сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.
Так в землю падшее зерно
Весны огнем оживлено.
Давно ее воображенье,
Сгорая негой и тоской,
Алкало пищи роковой;
Давно сердечное томленье
Теснило ей младую грудь;
Душа ждала. . . кого-нибудь,

VIII

И дождалась. . . Открылись очи;
Она сказала: это он!
Увы! теперь и дни и ночи,
И жаркий одинокий сон,
Всё полно им; всё деве милой
Без умолку волшебной силой
Твердит о нем. Докучны ей
И звуки ласковых речей
И взор заботливой прислуги.
В уныние погружена,
Гостей не слушает она
И проклиняет их досуги,
Их неожиданный приезд
И продолжительный присест.

IX

Теперь с каким она вниманьем
Читает сладостный роман,
С каким живым очарованьем
Пьет обольстительный обман!
Счастливой силою мечтанья
Одушевленные созданья,

Любовник Юлии Вольмар,
Малек-Адель и де Линар,
И Вертер, мученик мятежный,
И бесподобный Грандисон,¹⁸
Который нам наводит сон, —
Все для мечтательницы нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились.

Х

Воображаясь героиней
Своих возлюбленных творцов,
Кларисой, Юлией, Дельфиной,
Татьяна в тишине лесов
Одна с опасной книгой бродит,
Она в ней ищет и находит
Свой тайный жар, свои мечты,
Плоды сердечной полноты,
Вздыхает и, себе присвоя
Чужой восторг, чужую грусть,
В забвеньи шепчет наизусть
Письмо для милого героя. . .
Но наш герой, кто б ни был он,
Уж верно был не Грандисон.

ХІ

Свой слог на важный лад настрая,
Бывало, пламенный творец
Являл нам своего героя
Как совершенства образец.
Он одарял предмет любимый,
Всегда неправедно гонимый,
Душой чувствительной, умом
И привлекательным лицом.
Питая жар чистейшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готов был жертвовать собой,
И при конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок.

ХII

А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен и в романе,
И там уж торжествует он.
Британской музы небылицы
Тревожат сон отроковицы,
И стал теперь ее кумир
Или задумчивый Вампир,
Или Мельмот, бродяга мрачный,
Иль вечный жид, или Корсар,
Или таинственный Сбогар.¹⁹
Лорд Байрон прихотью удачной
Облек в унылый романтизм
И безнадежный эгоизм.

ХIII

Друзья мои, что ж толку в этом?
Быть может, волею небес,
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, Фебовы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы;
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.
Не муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины.

ХIV

Перескажу простые речи
Отца иль дяди-старика,
Детей условленные встречи
У старых лип, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья,

Поссорю вновь, и наконец
Я поведу их под венец. . .
Я вспомню речи неги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которые в минувши дни
У ног любовницы прекрасной
Мне приходили на язык,
От коих я теперь отвык.

XV

Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слезы лью;
Ты в руки модного тирана
Уж отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты в ослепительной надежде
Блаженство темное зовешь,
Ты негу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный яд желаний,
Тебя преследуют мечты:
Везде воображаешь ты
Приюты счастливых свиданий;
Везде, везде перед тобой
Твой искуситель роковой.

XVI

Тоска любви Татьяну гонит,
И в сад идет она грустить,
И вдруг недвижны очи клонит,
И лень ей далее ступить.
Приподнялася грудь, ланиты
Мгновенным пламенем покрыты,
Дыханье замерло в устах,
И в слухе шум, и блеск в очах. . .
Настанет ночь; луна обходит
Дозором дальный свод небес,
И соловей во мгле древес
Напевы звучные заводит.
Татьяна в темноте не спит
И тихо с няней говорит:

ХVII

«Не спится, няня: здесь так душно!
Открой окно да сядь ко мне». —
«Что, Таня, что с тобой?» — «Мне скучно,
Поговорим о старине». —
«О чем же, Таня? Я, бывало,
Хранила в памяти немало
Старинных былей, небылиц
Про злых духов и про девиц;
А нынче всё мне тёмно, Таня:
Что знала, то забыла. Да,
Пришла худая череда!
Зашибло. . .» — «Расскажи мне, няня,
Про ваши старые года:
Была ты влюблена тогда?»

ХVIII

«И, полно, Таня! в эти лета
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со света
Меня покойница свекровь». —
«Да как же ты венчалась, няня?» —
«Так, видно, бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.
Недели две ходила сваха
К моей родне, и наконец
Благословил меня отец.
Я горько плакала со страха,
Мне с плачем косу расплели,
Да с пеньем в церковь повели.

ХIX

И вот ввели в семью чужую. . .
Да ты не слушаешь меня. . .» —
«Ах, няня, няня, я тоскую,
Мне тошно, милая моя:
Я плакать, я рыдать готова! . . .» —
«Дитя мое, ты нездорова;

Господь помилуй и спаси!
Чего ты хочешь, попроси. . .
Дай окроплю святой водою,
Ты вся горишь. . .» — «Я не больна:
Я. . . знаешь, няня. . . влюблена».
«Дитя мое, господь с тобою!»
И няня девушку с мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX

«Я влюблена», — шептала снова
Старушке с горестью она.
«Сердечный друг, ты нездорова». —
«Оставь меня: я влюблена».
И между тем луна сияла
И томным светом озаряла
Татьяны бледные красы,
И распущенные влася,
И капли слез, и на скамейке
Пред героиней молодой,
С платком на голове седой,
Старушку в длинной телогрейке;
И всё дремало в тишине
При вдохновительной луне.

XXI

И сердцем далеко носилась
Татьяна, смотря на луну. . .
Вдруг мысль в уме ее родилась. . .
«Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мне перо, бумагу,
Да стол подвинь; я скоро лягу;
Прости». И вот она одна.
Всё тихо. Светит ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишет,
И всё Евгений на уме,
И в необдуманном письме
Любовь невинной девы дышит.
Письмо готово, сложено. . .
Татьяна! для кого ж оно?

XXII

Я знал красавиц недоступных,
Холодных, чистых как зима,
Неумолимых, неподкупных,
Непостижимых для ума;
Дивился я их спеси модной,
Их добродетели природной,
И, признаюсь, от них бежал,
И, мнится, с ужасом читал
Над их бровями надпись ада:
*Оставь надежду навсегда.*²⁰
Внушать любовь для них беда,
Пугать людей для них отрада.
Быть может, на берегах Невы
Подобных дам видали вы.

XXIII

Среди поклонников послушных
Других причудниц я видал,
Самолюбиво равнодушных
Для вздохов страстных и похвал.
И что ж нашел я с изумленьем?
Они, суровым поведением
Пугая робкую любовь,
Ее привлечь умели вновь,
По крайней мере, сожаленьем,
По крайней мере, звук речей
Казался иногда нежней,
И с легковерным ослепленьем
Опять любовник молодой
Бежал за милой суетой.

XXIV

За что ж виновнее Татьяна?
За то ль, что в милой простоте
Она не ведает обмана
И верит избранной мечте?
За то ль, что любит без искусства,
Послушная влеченью чувства,

Что так доверчива она,
Что от небес одарена
Воображением мятежным,
Умом и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцем пламенным и нежным?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслия страстей?

XXV

Кокетка судит хладнокровно,
Татьяна любит не шутя
И предается безусловно
Любви, как милое дитя.
Не говорит она: отложим —
Любви мы цену тем умножим,
Вернее в сети заведем;
Сперва тщеславие кольнем
Надеждой, там недоуменьем
Измучим сердце, а потом
Ревнивым оживим огнем;
А то, скучая наслажденьем,
Невольник хитрый из оков
Всечасно вырваться готов.

XXVI

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевесть.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

XXVII

Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С «Благонамеренным»²¹ в руках!
Я шлюсь на вас, мои поэты;
Не правда ль: милые предметы,
Которым, за свои грехи,
Писали втайне вы стихи,
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?

XXVIII

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шали
Иль с академиком в чепце!
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколенье,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас;
Стихи введут в употребленье;
Но я... какое дело мне?
Я верен буду старине.

XXIX

Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
Попрежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей;
Раскаяться во мне нет силы,
Мне галлицизмы будут милы,

Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.
Но полно. Мне пора заняться
Письмом красавицы моей;
Я слово дал, и что ж? ей-ей
Теперь готов уж отказаться.
Я знаю: нежного Парни
Перо не в моде в наши дни.

XXX

Певец Пиров и грусти томной,²²
Когда б еще ты был со мной,
Я стал бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:
Чтоб на волшебные напевы
Переложил ты страстной девы
Иноплеменные слова.
Где ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном...
Но посреди печальных скал,
Отвыкнув сердцем от похвал,
Один, под финским небосклоном,
Он бродит, и душа его
Не слышит горя моего.

XXXI

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор
И увлекательный и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц:

Письмо
Татьяны к Онегину

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.
Но, говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне всё вам скучно,
А мы... ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...

Ты в сновиденьях мне являлся,
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель:
Мои сомненья разреши.
Быть может, это всё пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи,
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

XXXII

Татьяна то вздохнет, то охнет;
Письмо дрожит в ее руке;
Облатка розовая сохнет
На воспаленном языке.
К плечу головушкой склонилась.
Сорочка легкая спустилась
С ее прелестного плеча...
Но вот уж лунного луча
Сиянье гаснет. Там долина
Сквозь пар яснее. Там поток
Засеребрился; там рожок
Пастуший будит селянина.
Вот утро: встали все давно,
Моей Татьяне всё равно.

XXXIII

Она зари не замечает,
Сидит с поникшею главой
И на письмо не напирает
Своей печати вырезной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Уж ей Филиппьевна седая
Приносит на подносе чай.
«Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О пташка ранняя моя!
Вечор уж как боялась я!
Да, слава богу, ты здорова!
Тоски ночной и следу нет,
Лицо твое как маков цвет».

XXXIV

«Ах! няня, сделай одолженье». —
«Изволь, родная, прикажи». —
«Не думай... право... подозренье...
Но видишь... ах! не откажи». —
«Мой друг, вот бог тебе порука». —

«Итак, пошли тихонько внука
С запиской этой к О... к тому...
К соседу... да велеть ему,
Чтоб он не говорил ни слова,
Чтоб он не называл меня...» —
«Кому же, милая моя?
Я нынче стала бестолкова.
Кругом соседей много есть;
Куда мне их и перечесть». —

XXXV

«Как недогадлива ты, няня!» —
«Сердечный друг, уж я стара,
Стара; тупеет разум, Таня;
А то, бывало, я востра,
Бывало, слово барской воли...» —
«Ах, няня, няня! до того ли?
Что нужды мне в твоём уме?
Ты видишь, дело о письме
К Онегину». — «Ну, дело, дело.
Не гневайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я...
Да что ж ты снова побледнела?» —
«Так, няня, право ничего.
Пошли же внука своего».

XXXVI

Но день протек, и нет ответа.
Другой настал: всё нет как нет.
Бледна как тень, с утра одета,
Татьяна ждет: когда ж ответ?
Приехал Ольгин обожатель.
«Скажите: где же ваш приятель? —
Ему вопрос хозяйки был; —
Он что-то нас совсем забыл».
Татьяна, вспыхнув, задрожала.
«Сегодня быть он обещал, —
Старушке Ленский отвечал, —
Да, видно, почта задержала».

Татьяна потупила взор,
Как будто слыша злой укор.

XXXVII

Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стекла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель *О да Е*.

XXXVIII

И между тем душа в ней ныла,
И слез был полон томный взор.
Вдруг топот!.. кровь ее застыла.
Вот ближе! скачут... и на двор
Евгений! «Ах!» — и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад.
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью,
И задыхаясь на скамью

XXXIX

Упала...
«Здесь он! здесь Евгений!
О боже! что подумал он!»

В ней сердце, полное мучений,
Хранит надежды темный сон;
Она дрожит и жаром пышет,
И ждет: нейдет ли? Но не слышит.
В саду служанки, на грядах,
Сбирали ягоды в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели
И пеньем были заняты:
Затея сельской остроты!)

Песня девушек

Девицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, девицы,
Разгуляйтесь, милые!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца
К хороводу нашему.
Как заманим молодца,
Как завидим издали,
Разбежимтесь, милые,
Закидаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.

XL

Они поют, и, с небреженьем
Внимая звонкий голос их,
Ждала Татьяна с нетерпеньем,
Чтоб трепет сердца в ней затих,
Чтобы прошло ланит пыланье.
Но в персях то же трепетанье,

И не проходит жар ланит,
Но ярче, ярче лишь горит. . .
Так бедный мотылек и блещет
И бьется радужным крылом,
Пленный школьным шалуном;
Так зайчик в озиме трепещет,
Увидя вдруг издалика
В кусты припадного стрелка.

ХИ

Но наконец она вздохнула
И встала со скамьи своей:
Пошла, но только повернула
В аллею, прямо перед ней,
Блестя глазами, Евгений
Стоит подобно грозной тени,
И как огнем обожжена
Остановилась она.
Но следствия нежданой встречи
Сегодня, милые друзья,
Пересказать не в силах я;
Мне должно после долгой речи
И погулять и отдохнуть:
Докончу после как-нибудь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

La morale est dans la nature des choses.

Necker *

I. II. III. IV. V. VI

VII

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков
И величавых париков.

VIII

Кому не скучно лицемерить,
Различно повторять одно,
Стараться важно в том уверить,
В чем все уверены давно,

---

* Нравственность в природе вещей. *Неккер*. (Франц.) — *Ред.*

Всё те же слышать возраженья,
Уничтожать предрассужденья,
Которых не было и нет
У девочки в тринадцать лет!
Кого не утомят угрозы,
Моления, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры теток, матерей
И дружба тяжкая мужей!

IX

Так точно думал мой Евгений.
Он в первой юности своей
Был жертвой бурных заблуждений
И необузданных страстей.
Привычкой жизни избалован,
Одним на время очарован,
Разочарованный другим,
Желаньем медленно томим,
Томим и ветреным успехом,
Внимая в шуме и в тиши
Роптанье вечное души,
Зевоту подавляя смехом:
Вот как убил он восемь лет,
Утратя жизни лучший цвет.

X

В красавиц он уж не влюблялся,
А волочился как-нибудь;
Откажут — мигом утешался;
Изменят — рад был отдохнуть.
Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья,
Чуть помня их любовь и злость.
Так точно равнодушный гость
На *вист* вечерний приезжает,
Садится; кончилась игра:
Он уезжает со двора,

Спокойно дома засыпает
И сам не знает поутру,
Куда поедет ввечеру.

XI

Но, получив посланье Тани,
Онегин живо тронут был:
Язык девических мечтаний
В нем думы роем возмутил;
И вспомнил он Татьяны милой
И бледный цвет и вид унылый;
И в сладостный, безгрешный сон
Душою погрузился он.
Быть может, чувствий пыл старинный
Им на минуту овладел;
Но обмануть он не хотел
Доверчивость души невинной.
Теперь мы в сад перелетим,
Где встретилась Татьяна с ним.

XII

Минуты две они молчали,
Но к ней Онегин подошел
И молвил: «Вы ко мне писали,
Не отпирайтесь. Я прочел
Души доверчивой признанья,
Любви невинной излиянья:
Мне ваша искренность мила;
Она в волненье привела
Давно умолкнувшие чувства;
Но вас хвалить я не хочу;
Я за нее вам оплачу
Признаньем также без искусства;
Примите исповедь мою:
Себя на суд вам отдаю.

XIII

Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;

Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый, —
То верно б кроме вас одной
Невесты не искал иной.
Скажу без блессток мадригальных:
Нашед мой прежний идеал,
Я верно б вас одну избрал
В подруги дней моих печальных,
Всего прекрасного в залог,
И был бы счастлив... сколько мог!

XIV

Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе недостоин я.
Поверьте (совесть в том порукой),
Супружество нам будет мукой.
Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронут сердца моего,
А будут лишь бесить его.
Судите ж вы, какие розы
Нам заготовит Гименей
И, может быть, на много дней.

XV

Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу однако ж проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив!

Таков я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда с такою простотой,
С таким умом ко мне писали?
Ужели жребий вам такой
Назначен строгою судьбой?

XVI

Мечтам и годам нет возврата;
Не обновлю души моей...
Я вас люблю любовью брата
И, может быть, еще нежней.
Послушайте ж меня без гнева:
Сменит не раз младая дева
Мечтами легкие мечты;
Так деревцо свои листы
Меняет с каждою весною.
Так, видно, небом суждено.
Полюбите вы снова: но...
Учитесь властвовать собою;
Не всякий вас, как я, поймет;
К беде неопытность ведет».

XVII

Так проповедовал Евгений.
Сквозь слез не видя ничего,
Едва дыша, без возражений,
Татьяна слушала его.
Он подал руку ей. Печально
(Как говорится, *машинально*)
Татьяна молча оперлась,
Головкой томною склонясь;
Пошли домой вкруг огорода;
Явились вместе, и никто
Не вздумал им пенять на то:
Имеет сельская свобода
Свои счастливые права,
Как и надменная Москва.

ХVIII

Вы согласитесь, мой читатель,
Что очень мило поступил
С печальной Таней наш приятель;
Не в первый раз он тут явил
Души прямое благородство,
Хотя людей недобротство
В нем не щадило ничего:
Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.
Врагов имеет в мире всяк,
Но от друзей спаси нас, боже!
Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я.

ХIХ

А что? Да так. Я усыпляю
Пустые, черные мечты;
Я только в *скобках* замечаю,
Что нет презренной клеветы,
На чердаке вралем рожденной
И светской чернью ободренной,
Что нет нелепицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы ваш друг с улыбкой,
В кругу порядочных людей,
Без всякой злобы и затей,
Не повторил сто крат ошибкой;
А впрочем, он за вас горой:
Он вас так любит. . . как родной!

ХХ

Гм! гм! Читатель благородный,
Здорова ль ваша вся родня?
Позвольте: может быть, угодно
Теперь узнать вам от меня,
Что значит именно *родные*.
Родные люди вот какие:

Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О рождестве их навещать
Или по почте поздравлять,
Чтоб остальное время года
Не думали о нас они. . .
Итак, дай бог им долги дни!

XXI

Зато любовь красавиц нежных
Надежней дружбы и родства:
Над нею и средь бурь мятежных
Вы сохраняете права.
Конечно, так. Но вихорь моды,
Но своенравие природы,
Но мненья светского поток. . .
А милый пол, как пух, легок.
К тому ж и мнения супруга
Для добродетельной жены
Всегда почтенны быть должны;
Так ваша верная подруга
Бывает вмиг увлечена:
Любовью шутит сатана.

XXII

Кого ж любить? Кому же верить?
Кто не изменит нам один?
Кто все дела, все речи мерит
Услужливо на наш аршин?
Кто клеветы про нас не сеет?
Кто нас заботливо лелеет?
Кому порок наш не беда?
Кто не наскучит никогда?
Призрака суетный искатель,
Трудов напрасно не губя,
Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель!
Предмет достойный: ничего
Любезней верно нет его.

XXIII

Что было следствием свиданья?
Увы, нетрудно угадать!
Любви безумные страданья
Не перестали волновать
Младой души, печали жадной;
Нет, пуще страстью безотрадной
Татьяна бедная горит;
Ее постели сон бежит;
Здоровье, жизни цвет и сладость,
Улыбка, девственный покой,
Пропало всё, что звук пустой,
И меркнет милой Тани младость:
Так одеваает бури тень
Едва рождающийся день.

XXIV

Увы, Татьяна увядает;
Бледнеет, гаснет и молчит!
Ничто ее не занимает,
Ее души не шевелит.
Качая важно головою,
Соседи шепчут меж собою:
Пора, пора бы замуж ей! . .
Но полно. Надо мне скорей
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.
Невольню, милые мои,
Меня стесняет сожаленье;
Простите мне: я так люблю
Татьяну милую мою!

XXV

Час от часу плененный боле
Красами Ольги молодой,
Владимир сладостной неволе
Предался полною душой.
Он вечно с ней. В ее покое
Они сидят в потемках двое;

Они в саду, рука с рукой,
Гуляют утренней порой;
И что ж? Любовью упоенный,
В смятеньи нежного стыда,
Он только смеет иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитым локоном играть
Иль край одежды целовать.

XXVI

Он иногда читает Оле
Нравоучительный роман,
В котором автор знает боле
Природу, чем Шатобриан,
А между тем две, три страницы
(Пустые бредни, небылицы,
Опасные для сердца дев)
Он пропускает покраснев.
Уединясь от всех далеко,
Они над шахматной доской,
На стол облокотясь, порой
Сидят, задумавшись глубоко,
И Ленский пешкою ладью
Берет в рассеяньи свою.

XXVII

Поедет ли домой, и дома
Он занят Ольгою своею.
Летучие листки альбома
Прилежно украшает ей:
То в них рисует сельски виды,
Надгробный камень, храм Киприды,
Или на лире голубка
Пером и красками слегка;
То на листках воспоминанья
Пониже подписи других
Он оставляет нежный стих,
Безмолвный памятник мечтанья,
Мгновенной думы долгий след,
Всё тот же после многих лет.

XXVIII

Конечно, вы не раз видали
Уездной барышни альбом,
Что все подружки измарали
С конца, с начала и кругом.
Сюда, на зло правописанью,
Стихи без меры, по преданью
В знак дружбы верной внесены,
Уменьшены, продолжены.
На первом листике встречаешь
Qu'écirez-vous sur ces tablettes;
И подпись: *t. á. v. Annete;**
А на последнем прочитаешь:
*«Кто любит более тебя,
Пусть пишет далее меня».*

XXIX

Тут непременно вы найдете
Два сердца, факел и цветки;
Тут верно клятвы вы прочтете
В любви до гробовой доски;
Какой-нибудь *пиит* армейский
Тут подмахнул стишок злодейский.
В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я,
Уверен будучи душою,
Что всякий мой усердный вздор
Заслужит благосклонный взор,
И что потом с улыбкой злою
Не станут важно разбирать,
Остро иль нет я мог соврать.

XXX

Но вы, разрозненные томы
Из библиотеки чертей,

---

* Что вы напишете на этих листках?
Вся ваша Аннета. (Франц.) — *Ред.*

Великолепные альбомы,
Мученье модных рифмачей,
Вы, украшенные проворно
Толстого кистью чудотворной
Иль Баратынского пером,
Пускай сожжет вас божий гром!
Когда блистательная дама
Мне свой in-quarto подает,
И дрожь и злость меня берет,
И шевелится эпиграмма
Во глубине моей души,
А мадригалы им пиши!

XXXI

Не мадригалы Ленский пишет
В альбоме Ольги молодой;
Его перо любовью дышит,
Не хладно блещет остротой;
Что ни заметит, ни услышит
Об Ольге, он про то и пишет:
И полны истины живой
Текут элегии рекой.
Так ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего,
Поешь бог ведает кого,
И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе.

XXXII

Но тише! Слышишь? Критик строгий
Повелевает сбросить нам
Элегии венок убогий
И нашей братье рифмачам
Кричит: «Да перестаньте плакать,
И всё одно и то же квакать,
Жалеть о *прежнем*, о *былом*:
Довольно, пойте о другом!»—

«Ты прав, и верно нам укажешь .
Трубу, личину и кинжал,
И мыслей мертвый капитал
Отвсюду воскресить прикажешь:
Не так ли, друг?» — Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII

Как их писали в мощны годы,
Как было встарь заведено. . .» —
«Одни торжественные оды!
И, полно, друг; не всё ль равно?
Припомни, что сказал сатирик!
«Чужого толка» хитрый лирик
Ужели для тебя сносней
Унылых наших рифмачей?» —
«Но всё в элегии ничтожно;
Пустая цель ее жалка;
Меж тем цель оды высока
И благородна. . .» Тут бы можно
Поспорить нам, но я молчу;
Два века ссорить не хочу.

XXXIV

Поклонник славы и свободы,
В волненьи бурных дум своих,
Владимир и писал бы оды,
Да Ольга не читала их.
Случалось ли поэтам слезным
Читать в глаза своим любезным
Свои творенья? Говорят,
Что в мире выше нет наград.
И впрям, блажен любовник скромный,
Читающий мечты свои
Предмету песен и любви,
Красавице приятно-томной!
Блажен. . . хоть, может быть, она
Совсем иным развлечена.

XXXV

Но я плоды моих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне,
Подруге юности моей,
Да после скучного обеда
Ко мне забредшего соседа,
Поймав неожиданно за полу,
Душу трагедией в углу,
Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных стрóf,
Они слетают с берегов.

XXXVI. XXXVII

А что ж Онегин? Кстати, братья!
Терпенья вашего прошу:
Его вседневные занятия
Я вам подробно опишу.
Онегин жил анахоретом;
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке;
Певцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонт переплывал,
Потом свой кофе выпивал,
Плохой журнал перебирая,
И одевался. . .

XXXVIII. XXXIX

Прогулки, чтение, сон глубокий,
Лесная тень, журчанье струй,
Порой белянки черноокой
Младой и свежий поцелуй,
Узде послушный конь ретивый,
Обед довольно прихотливый,

Бутылка светлого вина,
Уединенье, тишина:
Вот жизнь Онегина святая;
И нечувствительно он ей
Предался, красных летних дней
В беспечной неге не считая,
Забыв и город, и друзей,
И скуку праздничных затей.

XI

Но наше северное лето,
Карикатура южных зим,
Мелькнет и нет: известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

XII

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несется в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок;
В избушке распевая, дева ²³
Прядет, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.

XLII

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей. . .
(Читатель ждет уж рифмы *розы*;
На, вот возьми ее скорей!)
Опрятней модного паркета
Блится речка, льдом одета.
Мальчишек радостный народ²⁴
Коньками звучно режет лед;
На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает; веселый
Мелькает, вьется первый снег,
Звездами падая на брег.

XLIII

В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой.
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лед,
Того и жди, что упадет.
Сиди под кровлею пустынной,
Читай: вот Прадт, вот W. Scott.
Не хочешь? — проверяй расход,
Сердись иль пей, и вечер длинный
Кой-как пройдет, а завтра то ж,
И славно зиму проведешь.

XLIV

Прямым Онегин Чильд Гарольдом
Вдался в задумчивую лень:
Со сна садится в ванну со льдом,
И после, дома целый день,
Один, в расчеты погруженный,
Тупым кием вооруженный,

Он на бильярде в два шара
Играет с самого утра.
Настанет вечер деревенский:
Бильярд оставлен, кий забыт,
Перед камином стол накрыт,
Евгений ждет: вот едет Ленский
На тройке чалых лошадей;
Давай обедать поскорей!

XLV

Вдовы Кликко или Моэта
Благословенное вино
В бутылке мерзлой для поэта
На стол тотчас принесено.
Оно сверкает Ипокреной;²⁵
Оно своей игрой и пеной
(Подобием того-сего)
Меня пленяло: за него
Последний бедный лепт, бывало,
Давал я. Помните ль, друзья?
Его волшебная струя
Рожила глупостей немало,
А сколько шуток и стихов,
И споров, и веселых снов!

XLVI

Но изменяет пеной шумной
Оно желудку моему,
И я *Бордо* благоразумный
Уж нынче предпочел ему.
К *Аи* я больше неспособен;
Аи любовнице подобен
Блестящей, ветреной, живой,
И своенравной, и пустой. . .
Но ты, *Бордо*, подобен другу,
Который, в горе и в беде,
Товарищ навсегда, везде,
Готов нам оказать услугу
Иль тихий разделить досуг.
Да здоровствует *Бордо*, наш друг!

XLVII

Огонь потух; едва золою
Подернут уголь золотой;
Едва заметною струею
Виется пар, и теплотой
Камин чуть дышит. Дым из трубок
В трубу уходит. Светлый кубок
Еще шипит среди стола.
Вечерняя находит мгла. . . .
(Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки,
А почему, не вижу я.)
Теперь беседуют друзья:

XLVIII

«Ну, что соседки? Что Татьяна?
Что Ольга резвая твоя?» —
«Налей еще мне полстакана. . .
Довольно, милый. . . Вся семья
Здорова; кланяться велели.
Ах, милый, как похорошели
У Ольги плечи, что за грудь!
Что за душа! . . Когда-нибудь
Заедем к ним; ты их обяжешь;
А то, мой друг, суди ты сам:
Два раза заглянул, а там
Уж к ним и носу не покажешь.
Да вот. . . какой же я болван!
Ты к ним на той неделе зван». —

XLIX

«Я?» — «Да, Татьяны именины
В субботу. Оленька и мать
Велели звать, и нет причины
Тебе на зов не приезжать». —
«Но куча будет там народу
И всякого такого сброду. . .» —

«И, никого, уверен я!
Кто будет там? своя семья.
Поедем, сделай одолжение!
Ну, что ж?» — «Согласен». — «Как ты мил!»
При сих словах он осушил
Стакан, соседке приношенье,
Потом разговорился вновь
Про Ольгу: такова любовь!

Л

Он весел был. Чрез две недели
Назначен был счастливый срок.
И тайна брачные постели
И сладостный любви венок
Его восторгов ожидали.
Гимена хлопоты, печали,
Зевоты хладная череда
Ему не снились никогда.
Меж тем как мы, враги Гимена,
В домашней жизни зрим один
Ряд утомительных картин,
Роман во вкусе Лафонтена...²⁶
Мой бедный Ленский, сердцем он
Для оной жизни был рожден.

Л

Он был любим... по крайней мере
Так думал он, и был счастлив.
Стократ блажен, кто предан вере,
Кто, хладный ум угомонив,
Покоится в сердечной неге,
Как пьяный путник на ночлеге,
Или, нежней, как мотылек,
В весенний впившийся цветок;
Но жалок тот, кто всё предвидит,
Чья не кружится голова,
Кто все движенья, все слова
В их переводе ненавидит,
Чье сердце опыт остудил
И забываться запретил!

ГЛАВА ПЯТАЯ

О, не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана!

Жуковский

I

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Всё ярко, всё бело кругом.

II

Зима!.. Крестьянин торжествуя
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысю как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;

Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки *жучку* посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно. . .

III

Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекут
Всё это низкая природа;
Изящного не много тут.
Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег; ²⁷
Он вас пленит, я в том уверен,
Рисуя в пламенных стихах
Прогулки тайные в санях;
Но я бороться не намерен
Ни с ним покамест, ни с тобой,
Певец Финляндки молодой! ²⁸

IV

Татьяна (русская душою,
Сама не зная, почему)
С ее холодною красою
Любила русскую зиму,
На солнце иней в день морозный,
И сани, и зарею поздной
Сиянье розовых снегов,
И мглу крещенских вечеров.
По старине торжествовали
В их доме эти вечера:
Служанки со всего двора
Про барышень своих гадали
И им сулили каждый год
Мужьев военных и поход.

V

Татьяна верила преданьям
 Простонародной старины,
 И снам, и карточным гаданьям,
 И предсказаниям луны.
 Ее тревожили приметы;
 Таинственно ей все предметы
 Провозглашали что-нибудь,
 Предчувствия теснили грудь.
 Жеманный кот, на печке сидя,
 Мурлыча, лапкой рыльце мыл:
 То несомненный знак ей был,
 Что едут гости. Вдруг увидя
 Младой двурогий лик луны
 На небе с левой стороны,

VI

Она дрожала и бледнела.
 Когда ж падучая звезда
 По небу темному летела
 И рассыпалася, — тогда
 В смятеньи Таня торопилась,
 Пока звезда еще катилась,
 Желанье сердца ей шепнуть.
 Когда случилось где-нибудь
 Ей встретить черного монаха,
 Иль быстрый заяц меж полей
 Перебегал дорогу ей,
 Не зная, что начать со страха,
 Предчувствий горестных полна,
 Ждала несчастья уж она.

VII

Что ж? Тайну прелесть находила
 И в самом ужасе она:
 Так нас природа сотворила,
 К противуречию склонна.
 Настали святки. То-то радость!
 Гадает ветреная младость,

Которой ничего не жаль,
Перед которой жизни даль
Лежит светла, необозрима;
Гадает старость сквозь очки
У гробовой своей доски,
Всё потеряв невозвратно;
И всё равно: надежда им
Лжет детским лепетом своим.

VIII

Татьяна любопытным взором
На воск потопленный глядит:
Он чудно вылитым узором
Ей что-то чудное гласит;
Из блюда, полного водою,
Выходят кольца чередою;
И вынулось колечко ей
Под песенку старинных дней:
*«Там мужички-то всё богаты,
Гребут лопатой серебро;
Кому поем, тому добро
И слава!»* Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей кошурка сердцу дев. ²⁹

IX

Морозна ночь; всё небо ясно;
Светил небесных дивный хор
Течет так тихо, так согласно...
Татьяна на широкий двор
В открытом платье выходит,
На месяц зеркало наводит;
Но в темном зеркале одна
Дрожит печальная луна...
Чу... снег хрустит... прохожий; дева
К нему на цыпочках летит,
И голосок ее звучит
Нежней свирельного напева:
Как ваше имя? ³⁰ Смотрит он
И отвечает: Агафон.

Х

Татьяна, по совету няни
Сбираясь ночью ворожить,
Тихонько приказала в бане
На два прибора стол накрыть;
Но стало страшно вдруг Татьяне...
И я — при мысли о Светлане
Мне стало страшно — так и быть...
С Татьяной нам не ворожить.
Татьяна поясок шелковый
Сняла, разделась и в постель
Легла. Над нею вьется Лель,
А под подушкою пуховой
Девичье зеркало лежит.
Утихло всё. Татьяна спит.

ХІ

И снится чудный сон Татьяне.
Ей снится, будто бы она
Идет по снеговой поляне,
Печальной мглой окружена;
В сугробах снежных перед нею
Шумит, клубит волной своею
Кипучий, темный и седой
Поток, не скованный зимой;
Две жердочки склеены льдиной,
Дрожащий, гибельный мосток,
Положены через поток;
И пред шумящею пучиной,
Недоумения полна,
Остановилась она.

ХІІ

Как на досадную разлуку,
Татьяна ропщет на ручей;
Не видит никого, кто руку
С той стороны подал бы ей;
Но вдруг сугроб зашевелился,
И кто ж из-под него явился?

Большой, взъерошенный медведь;
Татьяна *ах!* а он реветь,
И лапу с острыми когтями
Ей протянул; она скрепясь
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливymi шагами
Перебралась через ручей;
Пошла — и что ж? медведь за ней!

XIII

Она, взглянуть назад не смея,
Поспешный ускоряет шаг;
Но от косматого лакея
Не может убежать никак;
Кряхтя, валит медведь несносный;
Пред ними лес; недвижны сосны
В своей нахмуренной красе;
Отягчены их ветви все
Клоками снега; сквозь вершины
Осин, берез и лип нагих
Сияет луч светил ночных;
Дороги нет; кусты, стремнины
Метелью все занесены,
Глубоко в снег погружены.

XIV

Татьяна в лес; медведь за нею;
Снег рыхлый по колено ей;
То длинный сук ее за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златые серьги вырвет силой;
То в хрупком снеге с ножки милой
Увязнет мокрый башмачок;
То выронит она платок;
Поднять ей некогда; боится,
Медведя слышит за собой,
И даже трепетной рукой
Одежды край поднять стыдится;
Она бежит, он всё вослед,
И сил уже бежать ей нет.

ХV

Упала в снег; медведь проворно
Ее хватает и несет;
Она бесчувственно-покорна,
Не шевельнется, не дохнет;
Он мчит ее лесной дорогой;
Вдруг меж дерев шалаш убогий;
Кругом всё глушь; отсюда он
Пустынным снегом занесен,
И ярко светится окошко,
И в шалаше и крик и шум;
Медведь промолвил: «Здесь мой кум:
Погрейся у него немножко!»
И в сени прямо он идет
И на порог ее кладет.

ХVI

Опомнилась, глядит Татьяна:
Медведя нет; она в сенях;
За дверью крик и звон стакана,
Как на больших похоронах;
Не видя тут ни капли толку,
Глядит она тихонько в щелку,
И что же видит? .. за столом
Сидят чудовища кругом:
Один в рогах с собачьей мордой,
Другой с петушьей головой,
Здесь ведьма с козьей бородой,
Тут остов чопорный и гордый,
Там карла с хвостиком, а вот
Полужуравль и полукот.

ХVII

Еще страшней, еще чуднее:
Вот рак верхом на пауке,
Вот череп на гусиной шее
Вертится в красном колпаке,
Вот мельница вприсядку пляшет
И крыльями трещит и машет;

Лай, хохот, пенье, свист и хлоп,
Людская молвь и конский топ! ³¹
Но что подумала Татьяна,
Когда узнала меж гостей
Того, кто мил и страшен ей,
Героя нашего романа!
Онегин за столом сидит
И в дверь украдкой глядит.

ХVIII

Он знак подаст — и все хлопочут;
Он пьет — все пьют и все кричат;
Он засмеется — все хохочут;
Нахмурит брови — все молчат;
Так, он хозяин, это ясно:
И Тане уж не так ужасно,
И любопытная теперь
Немного растворила дверь. . .
Вдруг ветер дунул, загашая
Огонь светильников ночных;
Смутилась шайка домовых;
Онегин, взорами сверкая,
Из-за стола гремя встает;
Все встали: он к дверям идет.

ХIХ

И страшно ей: и торопливо
Татьяна силится бежать:
Нельзя никак; нетерпеливо
Метаясь, хочет закричать:
Не может; дверь толкнул Евгений,
И взорам адских привидений
Явилась дева; ярый смех
Раздался дико; очи всех,
Копыта, хоботы кривые,
Хвосты хохлатые, клыки,
Усы, кровавы языки,
Рога и пальцы костяные,
Всё указывает на нее,
И все кричат: мое! мое!

XX

Мое! сказал Евгений грозно,
И шайка вся сокрылась вдруг;
Осталась во тьме морозной
Младая дева с ним сам-друг;
Онегин тихо увлекает³²
Татьяну в угол и слагает
Ее на шаткую скамью
И клонит голову свою
К ней на плечо; вдруг Ольга входит,
За нею Ленский; свет блеснул;
Онегин руку замахнул
И дико он очами бродит,
И незванных гостей бранит;
Татьяна чуть жива лежит.

XXI

Спор громче, громче; вдруг Евгений
Хватает длинный нож, и вмиг
Повержен Ленский; страшно тени
Сгустились; нестерпимый крик
Раздался... хижина шатнулась...
И Таня в ужасе проснулась...
Глядит, уж в комнате светло;
В окне сквозь мерзлое стекло
Зари багряный луч играет;
Дверь отворилась. Ольга к ней,
Авроры северной алей
И легче ласточки, влетает;
«Ну, — говорит, — скажи ж ты мне,
Кого ты видела во сне?»

XXII

Но та, сестры не замечая,
В постеле с книгою лежит,
За листом лист перебирая,
И ничего не говорит.
Хоть не являла книга эта
Ни сладких вымыслов поэта,

Ни мудрых истин, ни картин,
Но ни Виргилий, ни Расин,
Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека,
Ни даже Дамских Мод Журнал
Так никого не занимал:
То был, друзья, Мартын Задека,³³
Глава халдейских мудрецов,
Гадатель, толкователь снов.

XXIII

Сие глубокое творенье
Завез кочующий купец
Однажды к ним в уединенье,
И для Татьяны наконец
Его с разрозненной «Мальвиной»
Он уступил за три с полтиной,
В придачу взяв еще за них
Собранье басен площадных,
Грамматику, две Петриады,
Да Мармонтеля третий том.
Мартын Задека стал потом
Любимец Тани... Он отрады
Во всех печалях ей дарит
И безотлучно с нею спит.

XXIV

Ее тревожит сновиденье.
Не зная, как его понять,
Мечтанья страшного значенье.
Татьяна хочет отыскать.
Татьяна в оглавлении кратком
Находит азбучным порядком
Слова: бор, буря, ведьма, ель,
Еж, мрак, мосток, медведь, метель
И прочая. Ее сомнений
Мартын Задека не решит;
Но сон зловещий ей сулит
Печальных много приключений.
Дней несколько она потом
Всё беспокоилась о том.

XXV

Но вот багряною рукою ³⁴
Заря от утренних долин
Выводит с солнцем за собою
Веселый праздник именин.
С утра дом Лариных гостями
Весь полон; целыми семьями
Соседи съехались в возках,
В кибитках, в бричках и в санях.
В передней толкотня, тревога;
В гостиной встреча новых лиц,
Лай мосек, чмоканье девиц,
Шум, хохот, давка у порога,
Поклоны, шарканье гостей,
Кормилиц крик и плач детей.

XXVI

С своей супругою дородной
Приехал толстый Пустяков;
Гвоздин, хозяин превосходный,
Владелец нищих мужиков;
Скотинины, чета седая,
С детьми всех возрастов, считая
От тридцати до двух годов;
Уездный франтик Петушков,
Мой брат двоюродный, Буянов
В пуху, в картузе с козырьком ³⁵
(Как вам, конечно, он знаком),
И отставной советник Флянов,
Тяжелый сплетник, старый плут,
Обжора, взяточник и шут.

XXVII

С семьей Панфила Харликова
Приехал и мосье Трике,
Остряк, недавно из Тамбова,
В очках и в рыжем парике.
Как истинный француз, в кармане
Трике привез куплет Татьяне

На голос, знаемый детьми:
Réveillez vous, belle endormie. *
Меж ветхих песен альманаха
Был напечатан сей куплет;
Трике, догадливый поэт,
Его на свет явил из праха,
И смело вместо belle Nina **
Поставил belle Tatiana. ***

XXVIII

И вот из ближнего посада
Созревших барышень кумир,
Уездных матушек отрада,
Приехал ротный командир;
Вошел. . . Ах, новость, да какая!
Музыка будет полковая!
Полковник сам ее послал.
Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают заране; ³⁶
Но кушать подали. Четою
Идут за стол рука с рукой.
Теснятся барышни к Татьяне;
Мужчины против; и, крестясь,
Толпа жужжит, за стол садясь.

XXIX

На миг умолкли разговоры;
Уста жуют. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы,
Да рюмок раздается звон.
Но вскоре гости понемногу
Подъемлют общую тревогу.
Никто не слушает, кричат,
Смеются, спорят и пищат.

---

* Проснитесь, спящая красотка. — *Ред.*

** Прекрасная Нина. — *Ред.*

*** Прекрасная Татьяна. (Франц.) — *Ред.*

Вдруг двери настежь. Ленский входит
И с ним Онегин. «Ах, творец! —
Кричит хозяйка, — наконец!»
Теснятся гости, всяк отводит
Приборы, стулья поскорей;
Зовут, сажают двух друзей.

XXX

Сажает прямо против Тани,
И, утренней луны бледней
И трепетней гонимой лани,
Она темнеющих очей
Не подымает: пышет бурно
В ней страстный жар; ей душно, дурно;
Она приветствий двух друзей
Не слышит; слезы из очей
Хотят уж капать; уж готова
Бедняжка в обморок упасть;
Но воля и рассудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишком
И усидела за столом.

XXXI

Трагинервических явлений,
Девичьих обмороков, слез
Давно терпеть не мог Евгений:
Довольно их он перенес.
Чудак, попав на пир огромный,
Уж был сердит. Но, девы томной
Заметя трепетный порыв,
С досады взоры опустив,
Надулся он и негодуя
Поклялся Ленского взбесить
И уж порядком отомстить.
Теперь, заране торжествуя,
Он стал чертить в душе своей
Карикатуры всех гостей.

XXXII

Конечно, не один Евгений
Смятенье Тани видеть мог;
Но целью взоров и суждений
В то время жирный был пирог
(К несчастью, пересоленый);
Да вот в бутылке засмоленной,
Между жарким и блан-манже,
Цимлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал!

XXXIII

Освободясь от пробки влажной,
Бутылка хлопнула; вино
Шипит; и вот с осанкой важной,
Куплетом мучимый давно,
Трике встает; пред ним собранье
Хранит глубокое молчанье.
Татьяна чуть жива; Трике,
К ней обратясь с листком в руке,
Запел, фальшивя. Плески, клики
Его приветствуют. Она
Певцу присесть принуждена;
Поэт же скромный, хоть великий,
Ее здоровье первый пьет
И ей куплет передает.

XXXIV

Пошли приветы, поздравленья;
Татьяна всех благодарит.
Когда же дело до Евгенья
Дошло, то девы томный вид,
Ее смущение, усталость
В его душе родили жалость;

Он молча поклонился ей;
Но как-то взор его очей
Был чудно нежен. Оттого ли,
Что он и вправду тронут был,
Иль он, кокетствуя, шалил,
Невольно ль иль из доброй воли,
Но взор сей нежность изъявил:
Он сердце Тани оживил.

XXXV

Гремят отодвинутые стулья;
Толпа в гостиную валит;
Так пчел из лакомого улья
На ниву шумный рой летит.
Довольный праздничным обедом,
Сосед сопит перед соседом;
Подсели дамы к камельку;
Девицы шепчут в уголку;
Столы зеленые раскрыты:
Зовут задорных игроков
Бостон и ломбер стариков,
И вист доныне знаменитый,
Однообразная семья,
Все жадной скуки сыновья.

XXXVI

Уж восемь роберов сыграли
Герои виста; восемь раз
Они места переменили;
И чай несут. Люблю я час
Определять обедом, чаем
И ужином. Мы время знаем
В деревне без больших сует:
Желудок — верный наш брегет;
И кстати я замечу в скобках,
Что речь веду в моих строфах
Я столь же часто о пирах,
О разных кушаньях и пробках,
Как ты, божественный Омир,
Ты, тридцати веков кумир!

XXVII. XXXVIII. XXXIX

Но чай несут; девицы чинно
Едва за блюдечки взялись,
Вдруг из-за двери в зале длинной
Фагот и флейта раздались.
Обрадован музыки громом,
Оставя чашку чаю с ромом,
Парис окружных городков,
Подходит к Ольге Петушков,
К Татьяне Ленский; Харликову,
Невесту переспелых лет,
Берет тамбовский мой поэт,
Умчал Буянов Пустякову,
И в залу высыпали все.
И бал блестит во всей красе.

XI

В начале моего романа
(Смотрите первую тетрадь)
Хотелось вроде мне Альбана
Бал петербургский описать;
Но, развлечен пустым мечтаньем,
Я занялся воспоминаньем
О ножках мне знакомых дам.
По вашим узеньким следам,
О ножки, полно заблуждаться!
С изменой юности моей
Пора мне сделаться умней,
В делах и в слоге поправляться,
И эту пятую тетрадь
От отступлений очищать.

XII

Однообразный и безумный,
Как вихорь жизни молодой,
Кружится вальса вихорь шумный;
Чета мелькает за четой.
К минуте мщенья приближаясь,
Онегин, втайне усмехаясь,

Подходит к Ольге. Быстро с ней
Вертится около гостей,
Потом на стул ее сажает,
Заводит речь о том, о сем;
Спустя минуты две потом
Вновь с нею вальс он продолжает;
Все в изумленьи. Ленский сам
Не верит собственным глазам.

XLII

Мазурка раздалась. Бывало,
Когда гремел мазурки гром,
В огромной зале всё дрожало,
Паркет трещал под каблуком,
Тряслися, дребезжали рамы;
Теперь не то: и мы, как дамы,
Скользим по лаковым доскам.
Но в городах, по деревням
Еще мазурка сохранила
Первоначальные красы:
Припрыжки, каблуки, усы
Всё те же: их не изменила
Лихая мода, наш тиран,
Недуг новейших россиян.

XLIII. XLIV

Буянов, братец мой задорный,
К герою нашему подвел
Татьяну с Ольгою; проворно
Онегин с Ольгою пошел;
Ведет ее, скользя небрежно,
И наклонясь ей шепчет нежно
Какой-то пошлый мадригал,
И руку жмет — и запыхнул
В ее лице самолюбивом
Румянец ярче. Ленский мой
Всё видел: вспыхнул, сам не свой;
В негодовании ревнивом
Поэт конца мазурки ждет
И в котильон ее зовет.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
Да Ольга слово уж дала
Онегину. О боже, боже!
Что слышит он? Она могла...
Возможно ль? Чуть лишь из пеленок,
Кокетка, ветреный ребенок!
Уж хитрость ведает она,
Уж изменять научена!
Не в силах Ленский снести удара;
Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули — больше ничего —
Вдруг разрешат судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

La, sotto i giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui 'l morir non dole.

Petr.*

I

Заметив, что Владимир скрылся,
Онегин, скукой вновь гоним,
Близ Ольги в думу погрузился,
Довольный мщением своим.
За ним и Оленька зевала,
Глазами Ленского искала,
И бесконечный котильон
Ее томил как тяжкий сон.
Но кончен он. Идут за ужин.
Постели стелют; для гостей
Ночлег отводят от сеней
До самой девичьи. Всем нужен
Покойный сон. Онегин мой
Один уехал спать домой.

II

Всё успокоилось: в гостиной
Храпит тяжелый Пустяков
С своей тяжелой половиной.

---

* Там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому умирать не больно. *Петрарка*. (Итал.) — *Ред.*

Гвоздин, Буянов, Петушков
И Флянов, не совсем здоровый,
На стульях улеглись в столовой,
А на полу мосье Трике,
В фуфайке, в старом колпаке.
Девицы в комнатах Татьяны
И Ольги все объаты сном.
Одна, печально под окном
Озарена лучом Дианы,
Татьяна бедная не спит
И в поле темное глядит.

III

Его неожиданным появлением,
Мгновенной нежностью очей
И странным с Ольгой поведением
До глубины души своей
Она проникнута; не может
Никак понять его; тревожит
Ее ревнивая тоска,
Как будто холодная рука
Ей сердце жмет, как будто бездна
Под ней чернеет и шумит. . .
«Погибну, — Таня говорит, —
Но гибель от него любезна.
Я не ропщу: зачем роптать?
Не может он мне счастья дать».

IV

Вперед, вперед, моя история!
Лицо нас новое зовет.
В пяти верстах от Красногорья,
Деревни Ленского, живет
И здравствует еще донныне
В философической пустыне
Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный,
Теперь же добрый и простой
Отец семейства холостой,

Надежный друг, помещик мирный
И даже честный человек:
Так исправляется наш век!

V

Бывало, льстивый голос света
В нем злую храбрость выхвалял:
Он, правда, в туз из пистолета
В пяти саженьях попадал,
И то сказать, что и в сраженьи
Раз в настоящем упоеньи
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваясь
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!
Новейший Регул, чести бог,
Готовый вновь предаться узам,
Чтоб каждым утром у Веры³⁷
В долг осушать бутылки три.

VI .

Бывало, он трунил забавно,
Умел морочить дурака
И умного дурачить славно,
Иль явно, иль исподтишка,
Хоть и ему иные штуки
Не проходили без науки,
Хоть иногда и сам впросак
Он попадался, как простак.
Умел он весело поспорить,
Остро и тупо отвечать,
Порой расчетливо смолчать,
Порой расчетливо повздорить,
Друзей поссорить молодых
И на барьер поставить их,

VII

Иль помириться их заставить,
Дабы позавтракать втроем,

И после тайно обесславить
Веселой шуткою, враньем.
Sed alia temproga! * Удалость
(Как сон любви, другая шалость)
Проходит с юностью живой.
Как я сказал, Зарецкий мой,
Под сень черемух и акаций
От бурь укрывшись наконец,
Живет, как истинный мудрец,
Капусту садит, как Гораций,
Разводит уток и гусей
И учит азбуке детей.

VIII

Он был неглуп; и мой Евгений,
Не уважая сердца в нем,
Любил и дух его суждений,
И здравый толк о том, о сем.
Он с удовольствием, бывало,
Видался с ним, и так нимало
Поутру не был удивлен,
Когда его увидел он.
Тот после первого привета,
Прервав начатый разговор,
Онегину, осклабя взор,
Вручил записку от поэта.
К окну Онегин подошел
И про себя ее прочел.

IX

То был приятный, благородный,
Короткий вызов, иль *картель*:
Учтиво, с ясностью холодной
Звал друга Ленский на дуэль.
Онегин с первого движенья,
К послу такого порученья
Оборотясь, без лишних слов

---

* Но времена иные. (Латинск.) — *Ред.*

Сказал, что он *всегда готов*.
Зарецкий встал без объяснений;
Остаться доле не хотел,
Имея дома много дел,
И тотчас вышел; но Евгений
Наедине с своей душой
Был недоволен сам собой.

Х

И поделом: в разборе строгом,
На тайный суд себя призвав,
Он обвинял себя во многом:
Во-первых, он уж был неправ,
Что над любовью робкой, нежной
Так подшутил вечер небрежно.
А во-вторых: пускай поэт
Дурачится; в осьмнадцать лет
Оно простительно. Евгений,
Всем сердцем юношу любя,
Был должен оказать себя
Не мячиком предрассуждений,
Не пылким мальчиком, бойцом,
Но мужем с честью и с умом.

ХІ

Он мог бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, как зверь;
Он должен был обезоружить
Младое сердце. «Но теперь
Уж поздно; время улетело...
К тому ж, — он мыслит, — в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шопот, хохотня глупцов...»
И вот общественное мненье!³⁸
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир!

ХII

Кипя враждой нетерпеливой,
Ответа дома ждет поэт;
И вот сосед велеречивый
Привез торжественно ответ.
Теперь ревнивцу то-то праздник!
Он всё боялся, чтоб проказник
Не отшутился как-нибудь,
Уловку выдумав и грудь
Отворотив от пистолета.
Теперь сомненья решены:
Они на мельницу должны
Приехать завтра до рассвета,
Взвести друг на друга курок
И метить в ляжку иль в висок.

ХIII

Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы смотрел,
Махнул рукою напоследок —
И очутился у соседок.
Он думал Оленьку смутить,
Своим приездом поразить;
Не тут-то было: как и прежде,
Навстречу бедного певца
Прыгнула Оленька с крыльца,
Подобна ветреной надежде,
Резва, беспечна, весела,
Ну точно та же, как была.

ХIV

«Зачем вечер так рано скрылись?»
Был первый Оленькин вопрос.
Все чувства в Ленском помутились,
И молча он повесил нос.
Исчезла ревность и досада
Пред этой ясностью взгляда,

Пред этой нежной простотой,
Пред этой резвою душой! . .
Он смотрит в сладком умиленье;
Он видит: он еще любим;
Уж он, раскаяньем томим,
Готов просить у ней прощенье,
Трепещет, не находит слов,
Он счастлив, он почти здоров. . .

ХV. ХVI. ХVII

И вновь задумчивый, унылый
Пред милой Ольгою своей,
Владимир не имеет силы
Вчерашний день напомнить ей;
Он мыслит: «Буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал,
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек,
Чтобы двухутренный цветок
Увял еще полураскрытый».
Всё это значило, друзья:
С приятелем стреляюсь я.

ХVIII

Когда б он знал, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы ведала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленский и Евгений
Заспорят о могильной сени;
Ах, может быть, ее любовь
Друзей соединила б вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывал.
Онегин обо всем молчал;
Татьяна изнывала тайно;
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

ХІХ

Весь вечер Ленский был рассеян,
То молчалив, то весел вновь;
Но тот, кто музою взлелеян,
Всегда таков: нахмуря бровь,
Садился он за клавикорды
И брал на них одни аккорды,
То, к Ольге взоры устремив,
Шептал: не правда ль? я счастлив.
Но поздно; время ехать. Сжалось
В нем сердце, полное тоской;
Прощаясь с девою молодой,
Оно как будто разрывалось.
Она глядит ему в лицо.
«Что с вами?» — «Так». — И на крыльцо.

XX

Домой приехав, пистолеты
Он осмотрел, потом вложил
Опять их в ящик, и раздетый,
При свечке, Шиллера открыл;
Но мысль одна его объемлет;
В нем сердце грустное не дремлет:
С неизъяснимою красой
Он видит Ольгу пред собой.
Владимир книгу закрывает,
Берет перо; его стихи,
Полны любовной чепухи,
Звучат и льются. Их читает
Он вслух, в лирическом жару,
Как Дельвиг пьяный на пиру.

XXI

Стихи на случай сохранились;
Я их имею; вот они:
«Куда, куда вы удалились,
Весны моей златые дни?
Что день грядущий мне готовит?
Его мой взор напрасно ловит,
В глубокой мгле таится он.

Нет нужды; прав судьбы закон.
Паду ли я, стрелой пронзенный,
Иль мимо пролетит она,
Всё благо: бдения и сна
Приходит час определенный;
Благословен и день забот,
Благословен и тьмы приход!

XXII

Блеснет завтра луч денницы
И заиграет яркий день;
А я, быть может, я гробницы
Сойду в таинственную сень,
И память юного поэта
Поглотит медленная Лета,
Забудет мир меня; но ты
Придешь ли, дева красоты,
Слезу пролить над ранней урной
И думать: он меня любил,
Он мне единой посвятил
Рассвет печальный жизни бурной! . .
Сердечный друг, желанный друг,
Приди, приди: я твой супруг! . .»

XXIII

Так он писал *темно* и *вяло*
(Что романтизмом мы зовем,
Хоть романтизма тут ни мало
Не вижу я; да что нам в том?)
И наконец перед зарею,
Склонясь усталой головою,
На модном слове *идеал*
Тихонько Ленский задремал;
Но только сонным обаяньем
Он позабылся, уж сосед
В безмолвный входит кабинет
И будит Ленского воззваньем:
«Пора вставать: седьмой уж час.
Онегин, верно, ждет уж нас».

XXIV

Но ошибался он: Евгений
Спал в это время мертвым сном.
Уже редуют ночи тени
И встречен Вesper петухом;
Онегин спит себе глубоко.
Уж солнце катится высоко,
И перелетная метель
Блестит и вьется; но постель
Еще Евгений не покинул,
Еще над ним летает сон.
Вот наконец проснулся он
И полы завеса раздвинул;
Глядит — и видит, что пора
Давно уж ехать со двора.

XXV

Он поскорей звонит. Вбегает
К нему слуга француз Гильо,
Халат и туфли предлагает
И подает ему белье.
Спешит Онегин одеваться,
Слуге велит приготовляться
С ним вместе ехать и с собой
Взять также ящик боевой.
Готовы санки беговые.
Он сел, на мельницу летит.
Примчались. Он слуге велит
*Лепажу*³⁹ стволы роковые
Нести за ним, а лошадям
Отъехать в поле к двум дубкам.

XXVI

Опершись на плотину, Ленский
Давно нетерпеливо ждал;
Меж тем, механик деревенский,
Зарецкий жорнов осуждал.
Идет Онегин с извиненьем.
«Но где же, — молвил с изумленьем
Зарецкий, — где ваш секундант?»

В дуэлях классик и педант,
Любил методу он из чувства,
И человека растянуть
Он позволял — не как-нибудь,
Но в строгих правилах искусства,
По всем преданьям старины
(Что похвалить мы в нем должны).

XXVII

«Мой секундант? — сказал Евгений, —
Вот он: мой друг, monsieur Guillot.
Я не предвижу возражений
На представление мое:
Хоть человек он неизвестный,
Но уж, конечно, малый честный».
Зарецкий губу закусил.
Онегин Ленского спросил:
«Что ж, начинать?» — «Начнем, пожалуй», —
Сказал Владимир. И пошли
За мельницу. Пока вдали
Зарецкий наш и *честный малый*
Вступили в важный договор,
Враги стоят, потупя взор.

XXVIII

Враги! Давно ли друг от друга
Их жажда крови отвела?
Давно ль они часы досуга,
Трапезу, мысли и дела
Делили дружно? Ныне злобно,
Врагам наследственным подобно,
Как в страшном, непонятном сне,
Они друг другу в тишине
Готовят гибель хладнокровно...
Не засмеяться ль им, пока
Не обагрилась их рука,
Не разойтись ль любовно?..
Но дико светская вражда
Боится ложного стыда.

XXIX

Вот пистолеты уж блеснули.
Гремит о шомпол молоток.
В граненый ствол уходят пули
И щелкнул в первый раз курок.
Вот порох струйкой сероватой
На полку сыплется. Зубчатый,
Надежно ввинченный кремень
Взведен еще. За ближний пень
Становится Гильо смущенный.
Плащи бросают два врага.
Зарецкий тридцать два шага
Отмерил с точностью отменной,
Друзей развел по крайний след;
И каждый взял свой пистолет.

XXX

«Теперь сходитесь».

Хладнокровно,
Еще не целя, два врага
Походкой твердой, тихо, ровно
Четыре перешли шага,
Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений,
Не преставая наступать,
Стал первый тихо подымать.
Вот пять шагов еще ступили,
И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить — но как раз
Онегин выстрелил. . . Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет молча пистолет,

XXXI

На грудь кладет тихонько руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не муку.
Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая.

Мгновенным холодом облит,
Онегин к юноше спешит,
Глядит, зовет его... напрасно:
Его уж нет. Младой певец
Нашел безвременный конец!
Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре,
Потух огонь на алтаре!..

XXXII

Недвижим он лежал, и странен
Был томный мир его чела.
Под грудь он был навывлет ранен;
Дымясь из раны кровь текла.
Тому назад одно мгновенье
В сем сердце билось вдохновенье,
Вражда, надежда и любовь,
Играла жизнь, кипела кровь;
Теперь, как в доме опустелом,
Всё в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрыты ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет.
А где, бог весть. Пропал и след.

XXXIII

Приятно дерзкой эпиграммой
Взбесить оплошного врага;
Приятно зреть, как он, упрямо
Склонив бодливые рога,
Невольно в зеркало глядится
И узнавать себя стыдится;
Приятней, если он, друзья,
Завоет сдуру: это я!
Еще приятнее в молчаньи
Ему готовить честный гроб
И тихо целить в бледный лоб
На благородном расстояньи;
Но отослать его к отцам
Едва ль приятно будет вам.

XXXIV

Что ж, если вашим пистолетом
Сражен приятель молодой,
Нескромным взглядом, иль ответом,
Или безделицей иной
Вас оскорбивший за бутылкой,
Иль даже сам в досаде пылкой
Вас гордо вызвавший на бой,
Скажите: вашу душу
Какое чувство овладеет,
Когда недвижим, на земле
Пред вами с смертью на челе,
Он постепенно костенеет,
Когда он глух и молчалив
На ваш отчаянный призыв?

XXXV

В тоске сердечных угрызений,
Рукою стиснув пистолет,
Глядит на Ленского Евгений.
«Ну, что ж? убит», решил сосед.
Убит! . . Сим страшным восклицаньем
Сражен, Онегин с содроганьем
Отходит и людей зовет.
Зарецкий бережно кладет
На сани труп оледенелый;
Домой везет он страшный клад.
Почуя мертвого, храпят
И бьются кони, пеной белой
Стальные мочат удила,
И полетели как стрела.

XXXVI

Друзья мои, вам жаль поэта:
Во цвете радостных надежд,
Их не свершив еще для света,
Чуть из младенческих одежд,
Увял! Где жаркое волненье,
Где благородное стремленье

И чувств и мыслей молодых,
Высоких, нежных, удалых?
Где бурные любви желанья,
И жажда знаний и труда,
И страх порока и стыда,
И вы, заветные мечтанья,
Вы, призрак жизни неземной,
Вы, сны поэзии святой!

XXXVII

Быть может, он для блага мира,
Иль хоть для славы был рожден;
Его умолкнувшая лира
Гремучий, непрерывный звон
В веках поднять могла. Поэта,
Быть может, на ступенях света
Ждала высокая ступень.
Его страдальческая тень,
Быть может, унесла с собою
Святую тайну, и для нас
Погиб животворящий глас,
И за могильною чертою
К ней не домчится гимн времен,
Благословение племен.

XXXVIII. XXXIX

А может быть и то: поэта
Обыкновенный ждал удел.
Прошли бы юношества лета:
В нем пыл души бы охладел.
Во многом он бы изменился,
Расстался б с музами, женился,
В деревне счастлив и рогат
Носил бы стеганный халат;
Узнал бы жизнь на самом деле,
Подагру б в сорок лет имел,
Пил, ел, скучал, толстел, хирел,
И наконец в своей постеле
Скончался б посреди детей,
Плаксивых баб и врачей.

XL

Но что бы ни было, читатель,
Увы, любовник молодой,
Поэт, задумчивый мечтатель,
Убит приятельской рукой!
Есть место: влево от селенья,
Где жил питомец вдохновенья,
Две сосны корнями срослись;
Под ними струйки извились
Ручья соседственной долины.
Там пахарь любит отдыхать,
И жницы в волны погружать
Приходят звонкие кувшины;
Там у ручья в тени густой
Поставлен памятник простой.

XLI

Под ним (как начинает капать
Весенний дождь на злак полей)
Пастух, плетя свой пестрый лапоть,
Поет про волжских рыбаей;
И горожанка молодая,
В деревне лето провождая,
Когда стремглав верхом она
Несется по полям одна,
Коня пред ним останавливает,
Ременный повод натянув,
И, флер от шляпы отвернув,
Глазами беглыми читает
Простую надпись — и слеза
Туманит нежные глаза.

XLII

И шагом едет в чистом поле,
В мечтанья погрузясь, она;
Душа в ней долго поневоле
Судьбою Ленского полна;
И мыслит: «Что-то с Ольгой стало?
В ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слез прошла пора?»

И где теперь ее сестра?
И где ж беглец людей и света,
Красавиц модных модный враг,
Где этот пасмурный чудак,
Убийца юного поэта?»
Со временем отчет я вам
Подробно обо всем отдам,

XLIII

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь к нему, конечно,
Но мне теперь не до него.
Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я — со вздохом признаюсь —
За ней ленивей волочусь.
Перу старинной нет охоты
Марать летучие листы;
Другие, хладные мечты,
Другие, строгие заботы
И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души.

XLIV

Познал я глас иных желаний,
Познал я новую печаль;
Для первых нет мне упований,
А старой мне печали жаль.
Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма, *младость*?
Ужель и вправду наконец
Увял, увял ее венец?
Ужель и впрям и в самом деле
Без элегических затей
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?

XLV

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья,
За шум, за бури, за пиры,
За все, за все твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревог и в тишине,
Я наслаждался... и вполне;
Довольно! С ясною душою
Пускаюсь ныне в новый путь
От жизни прошлой отдохнуть.

XLVI

Дай оглянись. Простите ж, сени,
Где дни мои текли в глуши,
Исполненны страстей и лени
И снов задумчивой души.
А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И наконец окаменеть
В мертвящем упоеньи света,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья! ⁴⁰

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?

Дмитриев

Как не любить родной Москвы?

Баратынский

Гоненье на Москву! что значит
видеть свет!

Где ж лучше?

Где нас нет.

Грибоедов

I

Гонимы вешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

II

Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжелым умилением
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажденье,
И всё, что радует, живит,
Всё, что ликует и блестит,
Наводит скуку и томленье
На душу мертвую давно
И всё ей кажется темно?

III

Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату,
Внимая новый шум лесов;
Или с природой оживленной
Сближаем думою смущенной
Мы увяданье наших лет,
Которым возрожденья нет?
Быть может, в мысли нам приходит
Средь поэтического сна
Иная, старая весна
И в трепет сердце нам приводит
Мечтой о дальней стороне,
О чудной ночи, о луне...

IV

Вот время: добрые ленивцы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливы,
Вы, школы Левшина ⁴¹ птенцы,
Вы, деревенские Приамы,
И вы, чувствительные дамы,

Весна в деревню вас зовет,
Пора тепла, цветов, работ,
Пора гуляний вдохновенных
И соблазнительных ночей.
В поля, друзья! скорей, скорей,
В каретах, тяжко нагруженных,
На долгих иль на почтовых
Тянитесь из застав градских.

V

И вы, читатель благосклонный,
В своей коляске выписной
Оставьте град неугомонный,
Где веселились вы зимой;
С моею музой своенравной
Пойдемте слушать шум дубравный
Над безыменную рекой
В деревне, где Евгений мой,
Отшельник праздный и унылый,
Еще недавно жил зимой
В соседстве Тани молодой,
Моей мечтательницы милой;
Но где его теперь уж нет. . .
Где грустный он оставил след.

VI

Меж гор, лежащих полукругом,
Пойдем туда, где ручеек
Виясь бежит зеленым лугом
К реке сквозь липовый лесок.
Там соловей, весны любовник,
Всю ночь поет; цветет шиповник,
И слышен говор ключевой, —
Там виден камень гробовой
В тени двух сосен устарелых.
Пришельцу надпись говорит:
«Владимир Ленский здесь лежит,
Погибший рано смертью смелых,
В такой-то год, таких-то лет.
Покойся, юноша-поэт!»

VII

На ветви сосны преклоненной,
Бывало, ранний ветерок
Над этой урною смиренной
Качал таинственный венок.
Бывало, в поздние досуги
Сюда ходили две подруги,
И на могиле при луне,
Обнявшись, плакали оне.
Но ныне... памятник унылый
Забыт. К нему привычный след
Заглох. Венка на ветви нет;
Один под ним, седой и хилый,
Пастух попрежнему поет
И обувь бедную плетет.

VIII. IX. X

Мой бедный Ленский! изнывая,
Не долго плакала она.
Увы! невеста молодая
Своей печали неверна.
Другой увлек ее вниманье,
Другой успел ее страданье
Любовной лестью усыпить,
Улан умел ее пленить,
Улан любим ее душою...
И вот уж с ним пред алтарем
Она стыдливо под венцом
Стоит с поникшей головою,
С огнем в потупленных очах,
С улыбкой легкой на устах.

XI

Мой бедный Ленский! за могилой
В пределах вечности глухой
Смутился ли, певец унылый,
Измены вестью роковой,
Или над Летой усыпленный
Поэт, бесчувствием блаженный,

Уж не смущается ничем,
И мир ему закрыт и нем? . .
Так! равнодушное забвеньё
За гробом ожидает нас.
Врагов, друзей, любовниц глас
Вдруг молкнет. Про одно именьё
Наследников сердитый хор
Заводит непристойный спор.

ХII

И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных умолк.
Улан, своей невольник доли,
Был должен ехать с нею в полк.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, с дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной бледностью покрылось
Ее печальное лицо.
Когда все вышли на крыльцо,
И всё, прощаясь, суетилось
Вокруг кареты молодых,
Татьяна проводила их.

ХIII

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядела им вослед. . .
И вот одна, одна Татьяна!
Увы! подруга стольких лет,
Ее голубка молодая,
Ее наперсница родная,
Судьбою вдаль занесена,
С ней навсегда разлучена.
Как тень она без цели бродит,
То смотрит в опустелый сад. . .
Нигде, ни в чем ей нет отрад,
И облегченья не находит
Она подавленным слезам,
И сердце рвется пополам.

XIV

И в одиночестве жестоком
Сильнее страсть ее горит,
И об Онегине далеко
Ей сердце громче говорит.
Она его не будет видеть;
Она должна в нем ненавидеть
Убийцу брата своего;
Поэт погиб. . . но уж его
Никто не помнит, уж другому
Его невеста отдалась.
Поэта память пронеслась
Как дым по небу голубому,
О нем два сердца, может быть,
Еще грустят. . . На что грустить? . .

XV

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбачий. В поле чистом,
Луны при свете серебристом,
В свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдруг перед собою
С холма господский видит дом,
Селенье, рощу под холмом
И сад над светлою рекою.
Она глядит — и сердце в ней
Забилось чаще и сильней.

XVI

Ее сомнения смущают:
«Пойду ль вперед, пойду ль назад? . .
Его здесь нет. Меня не знают. . .
Взгляну на дом, на этот сад».
И вот с холма Татьяна сходит,
Едва дыша; кругом обводит
Недоуменья полный взор. . .

И входит на пустынный двор.
К ней, лая, кинулись собаки.
На крик испуганный ея
Ребят дворовая семья
Сбежалась шумно. Не без драки
Мальчишки разогнали псов,
Взяв барышню под свой покров.

XVII

«Увидеть барский дом нельзя ли?» —
Спросила Таня. Поскорей
К Анисье дети побежали
У ней ключи взять от сеней;
Анисья тотчас к ней явилась,
И дверь пред ними отворилась,
И Таня входит в дом пустой,
Где жил недавно наш герой.
Она глядит: забытый в зале
Кий на бильярде отдыхал,
На смятом канапе лежал
Манежный хлыстик. Таня дале;
Старушка ей: «А вот камин;
Здесь барин сиживал один.

XVIII

Здесь с ним обедывал зимою
Покойный Ленский, наш сосед.
Сюда пожалуйте, за мною.
Вот это барский кабинет;
Здесь почивал он, кофей кушал,
Приказчика доклады слушал
И книжку поутру читал. . .
И старый барин здесь живал;
Со мной, бывало, в воскресенье,
Здесь под окном, надев очки,
Играть изволил в дурачки.
Дай бог душе его спасенье,
А косточкам его покой
В могиле, в мать-земле сырой!»

ХІХ

Татьяна взором умиленным
Вокруг себя на всё глядит,
И всё ей кажется бесценным,
Всё душу томную живит
Полумучительной отрадой:
И стол с померкшею лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

ХХ

Татьяна долго в келье модной
Как очарована стоит.
Но поздно. Ветер встал холодный.
Темно в долине. Роща спит
Над отуманенной рекою;
Луна сокрылась за горою,
И пилигримке молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрыв свое волнение,
Не без того, чтоб не вздохнуть,
Пускается в обратный путь.
Но прежде просит позволенья
Пустынный замок навещать,
Чтоб книжки здесь одной читать.

ХХІ

Татьяна с ключницей простилась
За воротами. Через день
Уж утром рано вновь явилась
Она в оставленную сень,
И в молчаливом кабинете,
Забыв на время всё на свете,

Осталась наконец одна,
И долго плакала она.
Потом за книги принялася.
Сперва ей было не до них,
Но показался выбор их
Ей странен. Чтенью предалася
Татьяна жадною душой;
И ей открылся мир иной.

XXII

Хотя мы знаем, что Евгений
Издавна чтение разлюбил,
Однако ж несколько творений
Он из опалы исключил:
Певца Гяура и Жуана
Да с ним еще два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

XXIII

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живеи.
Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражен,
В чем молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

XXIV

И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон? . .
Уж не пародия ли он?

XXV

Ужель загадку разрешила?
Ужели *слово* найдено?
Часы бегут; она забыла,
Что дома ждут ее давно,
Где собралися два соседа
И где об ней идет беседа.
«Как быть? Татьяна не дитя, —
Старушка молвила кряхтя. —
Ведь Оленька ее моложе.
Пристроить девушку, ей-ей,
Пора; а что мне делать с ней?
Всем наотрез одно и то же:
Нейду. И всё грустит она,
Да бродит по лесам одна».

XXVI

«Не влюблена ль она?» — «В кого же?
Буянов сватался: отказ.
Ивану Петушкову — тоже.
Гусар Пыхтин гостил у нас;
Уж как он Танею прельщался,
Как мелким бесом рассыпался!

Я думала: пойдет авось;
Куда! и снова дело врозь». —
«Что ж, матушка? за чем же стало?
В Москву, на ярманку невест!
Там, слышно, много праздных мест».
«Ох, мой отец! доходу мало». —
«Довольно для одной зимы,
Не то уж дам хоть я взаймы».

XXVII

Старушка очень полюбила
Совет разумный и благой;
Сочлась — и тут же положила
В Москву отправиться зимой.
И Таня слышит новость эту.
На суд взыскательному свету
Представить ясные черты
Провинциальной простоты,
И запоздалые наряды,
И запоздалый склад речей;
Московских франтов и цирцей
Привлечь насмешливые взгляды! . .
О страх! нет, лучше и верней
В глуши лесов остаться ей.

XXVIII

Вставая с первыми лучами,
Теперь она в поля спешит
И, умиленными очами
Их озирая, говорит:
«Простите, мирные долины,
И вы, знакомых гор вершины,
И вы, знакомые леса;
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа;
Меняю милый, тихий свет
На шум блистательных сует. . .
Прости ж и ты, моя свобода!
Куда, зачем стремлюся я?
Что мне сулит судьба моя?»

XXIX

Ее прогулки длятся доле.
Теперь то холмик, то ручей
Останавлиют поневоле
Татьяну прелестью своей.
Она, как с давними друзьями,
С своими рощами, лугами
Еще беседовать спешит.
Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,
Как жертва пышно убрана. . .
Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница зима.

XXX

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сровняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдет она зиму встречать,
Морозной пылью подышать
И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьяне страшен зимний путь.

XXXI

Отъезда день давно просрочен,
Проходит и последний срок.
Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,

Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et setega,
Ну, много всякого добра.
И вот в избе между слугами
Поднялся шум, прощальный плач:
Ведут на двор осмнадцать кляч,

XXXII

В возок боярский их впрягают,
Готовят завтрак повара,
Горой кибитки нагружают,
Бранятся бабы, кучера.
На кляче тощей и косматой
Сидит фореитор бородатый.
Сбежалась челядь у ворот
Прощаться с барами. И вот
Уселись, и возок почтенный,
Скользя, ползет за ворота.
«Простите, мирные места!
Прости, приют уединенный!
Увижу ль вас? ..» И слез ручей
У Тани льется из очей.

XXXIII

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги верно
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир.

XXXIV

Теперь у нас дороги плохи, ⁴²
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит,
Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским лечат молотком
Изделье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV

Зато зимы порой холодной
Езда приятна и легка.
Как стих без мысли в песне модной
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, теща праздный взор,
В глазах мелькают как забор. ⁴³
К несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих,
И наша дева насладились
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне.

XXXVI

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы,
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,

Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

XXXVII

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

XXXVIII

Прощай, свидетель падшей славы,
Петровский замок. Ну! не стой,
Пошел! Уже столпы заставы
Белеют; вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

XXXIX. XL

В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тетке,
Четвертый год больной в чахотке,
Они приехали теперь.
Им настезь отворяет дверь,
В очках, в изорванном кафтане,
С чулком в руке, седой калмык.
Встречает их в гостиной крик
Княжны, простертой на диване.
Старушки с плачем обнялись,
И восклицанья полились.

XLI

«Княжна, mon ange!» — «Pachette!» * —
«Алина!» —
«Кто б мог подумать? Как давно!
Надолго ль? Милая! Кузина!
Садись — как это мудрено!
Ей-богу, сцена из романа. . .» —
«А это дочь моя, Татьяна». —
«Ах, Таня! подойди ко мне —
Как будто брежу я во сне. . .
Кузина, помнишь Грандисона?» —
«Как, Грандисон? . . а, Грандисон!
Да, помню, помню. Где же он?» —
«В Москве, живет у Симеона;
Меня в сочельник навестил:
Недавно сына он женил.

XLII

А тот. . . но после всё расскажем.
Не правда ль? Всей ее родне
Мы Таню завтра же покажем.
Жаль, разъезжать нет мочи мне;
Едва, едва таскаю ноги.

---

* Мой ангел! — Пашенька! (Франц.) — *Ред.*

Но вы замучены с дороги;
Пойдемте вместе отдохнуть...
Ох, силы нет... устала грудь...
Мне тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Уж никуда не годна я...
Под старость жизнь такая гадость...»
И тут, совсем утомлена,
В слезах раскашлялась она.

XLIII

Больной и ласки и веселье
Татьяну трогают; но ей
Нехорошо на новоселье,
Привыкшей к горнице своей.
Под занавескою шелковой
Не спится ей в постеле новой,
И ранний звон колоколов,
Предтеча утренних трудов,
Ее с постели подымает.
Садится Таня у окна.
Редеет сумрак; но она
Своих полей не различает:
Пред нею незнакомый двор,
Конюшня, кухня и забор.

XLIV

И вот: по родственным обедам
Развозят Таню каждый день
Представить бабушкам и дедам
Ее рассеянную лень.
Родне, прибывшей издалеча,
Повсюду ласковая встреча,
И восклицанья, и хлеб-соль.
«Как Таня выросла! Давно ль
Я, кажется, тебя крестила?
А я так на руки брала!
А я так за уши драла!
А я так пряником кормила!»

И хором бабушки твердят:
«Как наши годы-то летят!»

XLV

Но в них не видно перемены;
Всё в них на старый образец:
У тетушки княжны Елены
Всё тот же тюлевый чепец;
Всё белится Лукерья Львовна,
Всё то же лжет Любовь Петровна,
Иван Петрович так же глуп,
Семен Петрович так же скуп,
У Пелагеи Николавны
Всё тот же друг мосьё Финмуш,
И тот же шпиц, и тот же муж;
А он, всё клуба член исправный,
Всё так же смирен, так же глух,
И так же ест и пьет за двух.

XLVI

Их дочери Таню обнимают.
Младые грации Москвы
Сначала молча озирают
Татьяну с ног до головы;
Ее находят что-то странной,
Провинциальной и жеманной,
И что-то бледной и худой,
А впрочем очень недурной;
Потом, покорствуя природе,
Дружатся с ней, к себе ведут,
Целуют, нежно руки жмут,
Взбивают кудри ей по моде,
И поверяют нараспев
Сердечны тайны, тайны дев,

XLVII

Чужие и свои победы,
Надежды, шалости, мечты.

Текут невинные беседы
С прикрасой легкой клеветы.
Потом, в отплату лепетанья,
Ее сердечного признанья
Умильно требуют оне.
Но Таня, точно как во сне,
Их речи слышит без участия,
Не понимает ничего,
И тайну сердца своего,
Заветный клад и слез и счастья,
Хранит безмолвно между тем
И им не делится ни с кем.

XLVIII

Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор;
Всё в них так бледно, равнодушно;
Они клеветают даже скучно;
В бесплодной сухости речей,
Распросов, сплетен и вестей
Не вспыхнет мысли в целы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобум;
Не улыбнется томный ум,
Не дрогнет сердце, хоть для шутки.
И даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой.

XLIX

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят.
Один, какой-то шут печальный,
Ее находит идеальной
И, прислонившись у дверей,
Элегию готовит ей.

У скучной тетки Таню встрета,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел.
И, близ него ее заметя,
Об ней, поправя свой парик,
Осведомляется старик.

Л

Но там, где Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Где машет мантией мишурной
Она пред хладною толпой,
Где Талия тихонько дремлет
И плескам дружеским не внемлет,
Где Терпсихоре лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также в прежни леты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дам ревнивые лорнеты,
Ни трубки модных знатоков
Из лож и кресельных рядов.

Л

Ее привозят и в Собрание.
Там теснота, волнение, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар,
Красавиц легкие уборы,
Людьми пестреющие хоры,
Невест обширный полукруг,
Всё чувства поражает вдруг.
Здесь кажут франты записные
Свое нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет.
Сюда гусары отпускные
Спешат явиться, прогреметь,
Блеснуть, пленить и улететь.

LI

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.
Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Как величавая луна
Средь жен и дев блестит одна.
С какую гордостью небесной
Земли касается она!
Как негой грудь ее полна!
Как томен взор ее чудесный! . .
Но полно, полно; перестань:
Ты заплатил безумству дань.

LII

Шум, хохот, беготня, поклоны,
Галоп, мазурка, вальс. . . Меж тем,
Между двух теток, у колонны,
Не замечаема никем,
Татьяна смотрит и не видит,
Волнение света ненавидит;
Ей душно здесь. . . она мечтой
Стремится к жизни полевой
В деревню, к бедным поселянам,
В уединенный уголок,
Где льется светлый ручеек,
К своим цветам, к своим романам
И в сумрак липовых аллей,
Туда, где *он* являлся ей.

LIV

Так мысль ее далече бродит:
Забыв и свет и шумный бал,
А глаз меж тем с нее не сводит
Какой-то важный генерал.
Друг другу тетушки мигнули,

И локтем Таню враз толкнули,
И каждая шепнула ей:
«Взгляни налево поскорей». —
«Налево? где? что там такое?» —
«Ну, что бы ни было, гляди. . .
В той кучке, видишь? впереди,
Там, где еще в мундирах двое. . .
Вот отошел. . . вот боком стал. . .» —
«Кто? толстый этот генерал?»

LV

Но здесь с победою поздравим
Татьяну милую мою,
И в сторону свой путь направим,
Чтоб не забыть, о ком пою. . .
Да кстати, здесь о том два слова:
Пою приятеля младого
И множество его причуд.
Благослови мой долгий труд,
О ты, эпическая муза!
И, верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкрив.
Довольно. С плеч долой обуза!
Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

Byron *

I

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II

И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

---

* Прощай, и если навсегда, то навсегда прощай. *Байрон*.
(Англ.) — *Ред.*

III

И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол,
С толпою чувства разделяя,
Я музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров;
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

IV

Но я отстал от их союза
И вдаль бежал. . . Она за мной.
Как часто ласковая муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!
Как часто по скалам Кавказа
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне!
Как часто по брегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,

Немолчный шопот nereиды,
Глубокий, вечный хор валов,
Хвалебный гимн отцу миров.

V

И, позабыв столицы дальней
И блеск и шумные пиры,
В глуши Молдавии печальной
Она смиренные шатры
Племен бродящих посещала,
И между ими одичала,
И позабыла речь богов
Для скудных, странных языков,
Для песен степи ей любезной. . .
Вдруг изменилось всё кругом:
И вот она в саду моем
Явилась барышней уездной,
С печальной думою в очах,
С французской книжкой в руках.

VI

И ныне музу я впервые
На светский раут ⁴⁴ привожу;
На прелести ее степные
С ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тесный ряд аристократов,
Военных франтов, дипломатов
И гордых дам она скользит;
Вот села тихо и глядит,
Любуясь шумной теснотою,
Мельканьем платьев и речей,
Явленьем медленным гостей
Перед хозяйкой молодою
И темной рамою мужчин
Вкруг дам как около картин.

VII

Ей нравится порядок стройный
Олигархических бесед,

И холод гордости спокойной,
И эта смесь чинов и лет.
Но это кто в толпе избранной
Стоит безмолвный и туманный?
Для всех он кажется чужим.
Мелькают лица перед ним
Как ряд докучных привидений.
Что, сплин иль страждущая спесь
В его лице? Зачем он здесь?
Кто он таков? Ужель Евгений?
Ужели он? . . Так, точно он.
— Давно ли к нам он занесен?

VIII

Всё тот же ль он иль усмирился?
Иль корчит так же чудака?
Скажите, чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной,
Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, как целый свет?
По крайней мере, мой совет:
Отстать от моды обветшалою.
Довольно он морочил свет. . .
— Знаком он вам? — И да и нет.

IX

— Зачем же так неблагосклонно
Вы отзываетесь о нем?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочем, судим обо всем,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит,

Что слишком часто разговоры
Принять мы рады за дела,
Что глупость ветрена и зла,
Что важным людям важны вздоры
И что посредственность одна
Нам по плечу и не странна?

Х

Блажен, кто смолоду был молод,
Блажен, кто во-время созрел,
Кто постепенно жизни холод
С летами вытерпеть умел,
Кто странным снам не предавался,
Кто черни светской не чуждался,
Кто в двадцать лет был фронт иль хват,
А в тридцать выгодно женат;
Кто в пятьдесят освободился
От частных и других долгов,
Кто славы, денег и чинов
Спокойно в очередь добился,
О ком твердили целый век:
N. N. прекрасный человек.

ХІ

Но грустно думать, что напрасно
Была нам молодость дана,
Что изменяли ей всечасно,
Что обманула нас она;
Что наши лучшие желанья,
Что наши свежие мечтанья
Истлели быстрой чередой,
Как листья осенью гнилой.
Несносно видеть пред собою
Одних обедов длинный ряд,
Глядеть на жизнь как на обряд,
И вслед за чинною толпою
Идти, не разделяя с ней
Ни общих мнений, ни страстей.

XII

Предметом став суждений шумных,
Несносно (согласитесь в том)
Между людей благоразумных
Прослыть притворным чудаком,
Или печальным сумасбродом,
Иль сатаническим уродом,
Иль даже демоном моим.
Онегин (вновь займусь им),
Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

XIII

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).
Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день,
И начал странствия без цели,
Доступный чувству одному;
И путешествия ему,
Как всё на свете, надоели;
Он возвратился и попал,
Как Чацкий, с корабля на бал.

XIV

Но вот толпа заколебалась,
По зале шопот пробежал. . .
К хозяйке дама приближалась,
За нею важный генерал.
Она была нетороплива,

Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей. . .
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалась верный снимок
Di comte il faut. . . * (Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.)

XV

К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взор ее очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале, и всех выше
И нос и плечи подымал
Вошедший с нею генерал.
Никто б не мог ее прекрасной
Назвать; но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar* ** (Не могу. . .

XVI

Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново,
И вряд ли быть ему в чести.
Оно б годилось в эпиграмме. . .)
Но обращаюсь к нашей даме.
Беспечной прелестью мила,

---

* Того, как должно. (Франц.) — *Ред.*

** Вульгарным. (Англ.) — *Ред.*

Она сидела у стола
С блестящей Ниной Воронскою,
Сей Клеопатрою Невы:
И верно б согласились вы,
Что Нина мраморной красою
Затмить соседку не могла,
Хоть ослепительна была.

XVII

«Ужели, — думает Евгений, —
Ужель она? Но точно... Нет...
Как! из глуши степных селений...»
И неотвязчивый лорнет
Он обращает поминутно
На ту, чей вид напомнил смутно
Ему забытые черты.
«Скажи мне, князь, не знаешь ты,
Кто там в малиновом берете
С послем испанским говорит?»
Князь на Онегина глядит.
«Ага! давно ж ты не был в свете.
Постой, тебя представлю я». —
«Да кто ж она?» — «Жена моя». —

XVIII

«Так ты женат! не знал я ране!
Давно ли?» — «Около двух лет». —
«На ком?» — «На Лариной». — «Татьяне!» —
«Ты ей знаком?» — «Я им сосед». —
«О, так пойдем же». Князь подходит
К своей жене и ей подводит
Родню и друга своего.
Княгиня смотрит на него...
И что ей душу ни смутило,
Как сильно ни была она
Удивлена, поражена,
Но ей ничто не изменило:
В ней сохранился тот же тон,
Был так же тих ее поклон.

ХІХ

Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась,
Иль стала вдруг бледна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губ она.
Хоть он глядел нельзя прилежней,
Но и следов Татьяны прежней
Не мог Онегин обрести.
С ней речь хотел он завести
И — и не мог. Она спросила,
Давно ль он здесь, откуда он
И не из их ли уж сторон?
Потом к супругу обратила
Усталый взгляд; скользнула вон...
И недвижим остался он.

ХХ

Ужель та самая Татьяна,
Которой он наедине,
В начале нашего романа,
В глухой, далекой стороне,
В благом пылу нравоченья,
Читал когда-то наставленья;
Та, от которой он хранит
Письмо, где сердце говорит,
Где всё наруже, всё на воле,
Та девочка... иль это сон?..
Та девочка, которой он
Пренебрегал в смиренной доле,
Ужели с ним сейчас была
Так равнодушна, так смела?

ХХІ

Он оставляет раут тесный,
Домой задумчив едет он;
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревожен поздний сон.
Проснулся он; ему приносят
Письмо: князь N покорно просит
Его на вечер. «Боже! к ней!..

О буду, буду!» и скорей
Марает он ответ учтивый.
Что с ним? в каком он странном сне!
Что шевельнулось в глубине
Души холодной и ленивой?
Досада? суетность? иль вновь
Забота юности — любовь?

XXII

Онегин вновь часы считает,
Вновь не дожидется дня конца.
Но десять бьет; он выезжает,
Он полетел, он у крыльца,
Он с трепетом к княгине входит;
Татьяну он одну находит,
И вместе несколько минут
Они сидят. Слова нейдут
Из уст Онегина. Угрюмый,
Неловкий, он едва-едва
Ей отвечает. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотрит он: она
Сидит покойна и вольна.

XXIII

Приходит муж. Он прерывает
Сей неприятный tête-à-tête;
С Онегиным он вспоминает
Проказы, шутки прежних лет.
Они смеются. Входят гости.
Вот крупной солью светской злости
Стал оживляться разговор;
Перед хозяйкой легкий вздор
Сверкал без глупого жеманства,
И прерывал его меж тем
Разумный толк без пошлых тем,
Без вечных истин, без педантства,
И не пугал ничьих ушей
Свободной живостью своей.

XXIV

Тут был, однако, цвет столицы,
И знать, и моды образцы,
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы;
Тут были дамы пожилые
В чепцах и в розах, с виду злые;
Тут было несколько девиц,
Не улыбающихся лиц;
Тут был посланник, говоривший
О государственных делах;
Тут был в душистых сединах
Старик, по-старому шутивший:
Отменно тонко и умно,
Что нынче несколько смешно.

XXV

Тут был на эпиграммы падкий,
На всё сердитый господин:
На чай хозяйский слишком сладкий,
На плоскость дам, на тон мужчин,
На толки про роман туманный,
На вензель, двум сестрицам данный,
На ложь журналов, на войну,
На снег и на свою жену.

.....
.....
.....
.....
.....
.....

XXVI

Тут был Проласов, заслуживший
Известность низостью души,
Во всех альбомах притупивший,
St.-Priest, твои карандаши;
В дверях другой диктатор бальный
Стоял картинкою журнальной,

Румян как вербный херувим,
Затянут, нем и недвижим,
И путешественник залетный,
Перекрахмаленный нахал,
В гостях улыбку возбуждал
Своей осанкою заботной,
И молча обмененный взор
Ему был общий приговор.

XXVII

Но мой Онегин вечер целый
Татьяной занят был одной,
Не этой девочкой несмелой,
Влюбленной, бедной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О люди! все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вам дано, то не влечет;
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу;
Запретный плод вам подавай,
А без того вам рай не рай.

XXVIII

Как изменилася Татьяна!
Как твердо в роль свою вошла!
Как утеснительного сана
Приемы скоро приняла!
Кто б смел искать девчонки нежной
В сей величавой, в сей небрежной
Законодательнице зал?
И он ей сердце волновал!
Об нем она во мраке ночи,
Пока Морфей не прилетит,
Бывало, девственно грустит,
К луне подъемлет томны очи,
Мечтая с ним когда-нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX

Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям:
В дожде страстей они свежают,
И обновляются, и зреют —
И жизнь могущая дает
И пышный цвет и сладкий плод.
Но в возраст поздний и бесплодный,
На повороте наших лет,
Печален страсти мертвой след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг.

XXX

Сомненья нет: увы! Евгений
В Татьяну как дитя влюблен;
В тоске любовных помышлений
И день и ночь проводит он.
Ума не внемля строгим пеням,
К ее крыльцу, стеклянным сеням
Он подъезжает каждый день;
За ней он гонится как тень;
Он счастлив, если ей накинет
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ее руки, или раздвинет
Пред нею пестрый полк ливрей,
Или платок подымет ей.

XXXI

Она его не замечает,
Как он ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимает,
В гостях с ним молвит слова три,
Порой одним поклоном встретит,
Порою вовсе не заметит;

Кокетства в ней ни капли нет —
Его не терпит высший свет.
Бледнеть Онегин начинает:
Ей иль не видно, иль не жаль;
Онегин сохнет, и едва ль
Уж не чахоткою страдает.
Все шлют Онегина к врачам,
Те хором шлют его к *водам*.

XXXII

А он не едет; он заране
Писать ко прадедам готов
О скорой встрече; а Татьяне
И дела нет (их пол таков);
А он упрям, отстать не хочет,
Еще надеется, хлопочет;
Смелей здорового, больной,
Княгине слабою рукой
Он пишет страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Он в письмах видел не вотще;
Но, знать, сердечное страданье
Уже пришло ему невмочь.
Вот вам письмо его точь-в-точь.

П и с ь м о

О не г и н а к Т а т ь я н е

Предвижу всё: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!

Случайно вас когда-то встреть,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;

Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
Еще одно нас разлучило. . .
Несчастной жертвой Ленский пал. . .
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не связан,
Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой всё ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть. . . вот блаженство!

И я лишен того: для вас
Ташусь повсюду наудачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я. . .

Боюсь, в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной —
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,

Всё, всё, что выразить бы мог,
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас веселым взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Всё решено: я в вашей воле,
И предаюсь моей судьбе.

XXXIII

Ответа нет. Он вновь посланье.
Второму, третьему письму
Ответа нет. В одно собранье
Он едет; лишь вошел... ему
Она навстречу. Как сурова!
Его не видят, с ним ни слова;
У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!
Как удержать негодованье
Уста упрямые хотят!
Вперил Онегин зоркий взгляд:
Где, где смятенье, состраданье?
Где пятна слез?.. Их нет, их нет!
На сем лице лишь гнева след... .

XXXIV

Да, может быть, боязни тайной,
Чтоб муж иль свет не угадал
Проказы, слабости случайной... .
Всего, что мой Онегин знал... .
Надежды нет! Он уезжает,
Свое безумство проклиная —
И, в нем глубоко погружен,
От света вновь отрекся он.
И в молчаливом кабинете
Ему припомнилась пора,

Когда жестокая хандра
За ним гналася в шумном свете,
Поймала, за́ ворот взяла
И в темный угол заперла.

XXXV

Стал вновь читать он без разбора.
Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Биша, Тиссо,
Прочел скептического Беля,
Прочел творенья Фонтенеля,
Прочел из наших кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы
Себе встречал я иногда:
E sempre bene, * господа.

XXXVI

И что ж? Глаза его читали,
Но мысли были далеко;
Мечты, желания, печали
Теснились в душу глубоко.
Он меж печатными строками
Читал духовными глазами
Другие строки. В них-то он
Был совершенно углублен.
То были тайные преданья
Сердечной, темной старины,
Ни с чем не связанные сны,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздор живой,
Иль письма девы молодой.

---

* И превосходно. (Итал.) — *Ред.*

XXXVII

И постепенно в усыпленье
И чувств и дум впадает он,
А перед ним воображенье
Свой пестрый мечет фараон.
То видит он: на талом снеге,
Как будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.
То видит он врагов забвенных,
Клеветников, и трусов злых,
И рой изменниц молодых,
И круг товарищей презренных,
То сельский дом — и у окна
Сидит *она*. . . и всё она! . .

XXXVIII

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил,
Или не сделался поэтом.
Признаться: то-то б одолжил!
А точно: силой магнетизма
Стихов российских механизма
Едва в то время не постиг
Мой бестолковый ученик.
Как походил он на поэта,
Когда в углу сидел один,
И перед ним пылал камин,
И он мурлыкал: *Benedetta* *
Иль *Idol mio* ** и ронял
В огонь то туфлю, то журнал.

XXXIX

Дни мчались; в воздухе нагретом
Уж разрешалася зима;
И он не сделался поэтом,
Не умер, не сошел с ума.

---

* Благословенна. (Итал.) — *Ред.*

** Мой кумир. (Итал.) — *Ред.*

Весна живит его: впервые
Свои покои запертые,
Где зимовал он как сурок,
Двойные окна, камелек
Он ясным утром оставляет,
Несется вдоль Невы в санях.
На синих, иссеченных льдах
Играет солнце; грязно тает
На улицах разрытый снег.
Куда по нем свой быстрый бег

XL

Стремит Онегин? Вы заране
Уж угадали; точно так:
Примчался к ней, к своей Татьяне
Мой неисправленный чудак.
Идет, на мертвеца похожий.
Нет ни одной души в прихожей.
Он в залу; дальше: никого.
Дверь отворил он. Что ж его
С такою силой поражает?
Княгиня перед ним, одна,
Сидит, не убрана, бледна,
Письмо какое-то читает
И тихо слезы льет рекой,
Опершись на руку щекой.

XLI

О, кто б немых ее страданий
В сей быстрый миг не прочитал!
Кто прежней Тани, бедной Тани
Теперь в княгине б не узнал!
В тоске безумных сожалений
К ее ногам упал Евгений;
Она вздрогнула и молчит,
И на Онегина глядит
Без удивления, без гнева...
Его больной, угасший взор,
Молящий вид, немой укор,

Ей внятно всё. Простая дева,
С мечтами, сердцем прежних дней
Теперь опять воскресла в ней.

XLII

Она его не подымает
И, не сводя с него очей,
От жадных уст не отымает
Бесчувственной руки своей. . .
О чем теперь ее мечтанье?
Проходит долгое молчанье,
И тихо наконец она:
«Довольно; встаньте. Я должна
Вам объясниться откровенно.
Онегин, помните ль тот час,
Когда в саду, в аллее нас
Судьба свела, и так смиренно
Урок ваш выслушала я?
Сегодня очередь моя.

XLIII

Онегин, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была,
И я любила вас; и что же?
Что в сердце вашем я нашла?
Какой ответ? одну суровость.
Не правда ль? Вам была не новость
Смиренной девочки любовь?
И нынче — боже! — стынет кровь,
Как только вспомню взгляд холодный
И эту проповедь. . . Но вас
Я не виню: в тот страшный час
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной.
Я благодарна всей душой. . .

XLIV

Тогда — не правда ли? — в пустыне,
Вдали от суетной молвы,

Я вам не нравилась. . . Что ж ныне
Меня преследуете вы?
Зачем у вас я на примете?
Не потому ль, что в высшем свете
Теперь являться я должна,
Что я богата и знатна,
Что муж в сраженьях изувечен,
Что нас за то ласкает двор?
Не потому ль, что мой позор
Теперь бы всеми был замечен
И мог бы в обществе принести
Вам соблазнительную честь?

XLV

Я плачу. . . если вашей Тани
Вы не забыли до сих пор,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгий разговор,
Когда б в моей лишь было власти,
Я предпочла б обидной страсти
И этим письмам и слезам.
К моим младенческим мечтам
Тогда имели вы хоть жалость,
Хоть уважение к летам. . .
А нынче! — что к моим ногам
Вас привело? какая малость!
Как с вашим сердцем и умом
Быть чувства мелкого рабом?

XLVI

А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,

За те места, где в первый раз,
Онегин, видела я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей. . .

XLVII

А счастье было так возможно,
Так близко! . . Но судьба моя
Уж решена. Неосторожно,
Быть может, поступила я:
Меня с слезами заклиний
Молила мать; для бедной Тани
Все были жребии равны. . .
Я вышла замуж. Вы должны,
Я вас прошу, меня оставить;
Я знаю: в вашем сердце есть
И гордость и прямая честь.
Я вас люблю (к чему лукавить?),
Но я другому отдана;
Я буду век ему верна».

XLVIII

Она ушла. Стоит Евгений,
Как будто громом поражен.
В какую бурю ощущений
Теперь он сердцем погружен!
Но шпор незапный звон раздался,
И муж Татьянин показался,
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим,
Надолго. . . навсегда. За ним
Довольно мы путем одним
Бродили по свету. Поздравим
Друг друга с берегом. Ура!
Давно б (не правда ли?) пора!

XLIX

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здесь ни искал в строфах небрежных,
Воспоминаний ли мятежных,
Отдохновенья ль от трудов,
Живых картин, иль острых слов,
Иль грамматических ошибок,
Дай бог, чтоб в этой книжке ты
Для развлечения, для мечты,
Для сердца, для журнальных сшибок
Хотя крупицу мог найти.
За сим расстанемся, прости!

L

Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный идеал,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый труд Я с вами знал
Всё, что завидно для поэта:
Забвенья жизни в бурях света,
Беседу сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

LI

Но те, которым в дружной встрече
Я строфы первые читал. . .
Иных уж нет, а те далече,
Как Сади некогда сказал.

Без них Онегин дорисован.
А та, с которой образован
Татьяны милый идеал. . .
О, много, много рок отъял!
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.

К о н е ц

ПРИМЕЧАНИЯ К ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ

¹ Писано в Бессарабии.

² Dandy, фронт.

³ Шляпа à la Bolivar.

⁴ Известный ресторатор.

⁵ Черта охлажденного чувства, достойная Чальд-Гарольда. Балеты г. Дидло исполнены живости воображения и прелести необыкновенной. Один из наших романтических писателей находил в них гораздо более поэзии, нежели во всей французской литературе.

⁶ Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé des tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instants à remplir de blanc les creux de sa peau.

(Confessions de J. J. Roussau)

Грим опередил свой век: ныне во всей просвещенной Европе чистят ногти особенной щеточкой.

⁷ Вся сия ироническая строфа не что иное, как тонкая похвала прекрасным нашим соотечественницам. Так Буало, под видом укоризны, хвалит Лудовика XIV. Наши дамы соединяют просвещение с

---

* Все знали, что он употребляет белила; и я, совершенно этому не веривший, начал догадываться о том не только по улучшению цвета его лица или потому, что находил баночки из-под белил на его туалете, но потому, что, зайдя однажды утром к нему в комнату, я застал его за чисткой ногтей при помощи специальной щеточки, это занятие он гордо продолжал в моем присутствии. Я решил, что человек, который каждое утро проводит два часа за чисткой ногтей, может потратить несколько минут, чтобы замазать белилами недостатки кожи. («Исповедь» Ж. Ж. Руссо). (Франц.) — *Ред.*

любезностью и строгую чистоту нравов с этою восточною прелестию, столь пленившею г-жу Сталь. (См. Dix ans d'exil).*

⁸ Читатели помнят прелестное описание петербургской ночи в идиллии Гнедича:

Вот ночь, но не меркнут златистые полосы облак.
Без звезд и без месяца вся озаряется дальность.
На взморье далеком серебристые видны ветрила
Чуть видных судов, как по синему небу плывущих.
Сияньем бессумрачным небо ночное сияет,
И пурпур заката сливается с золотом востока:
Как будто денница за вечером следом выводит
Румяное утро. — Была то година золотая,
Как летние дни похищают владычество ночи;
Как взор иноземца на северном небе пленяет
Слиянье волшебное тени и сладкого света,
Каким никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестям северной девы,
Которой глаза голубые и алые щеки
Едва отеняются русыми локонов волнами.
Тогда над Невой и над пышным Петрополем видят
Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени;
Тогда Филомела полночные песни лишь кончит
И песни заводит, приветствуя день восходящий.
Но поздно; повеяла свежесть на невские тундры;
Роса опустилась . . . . .
Вот полночь: шумевшая вечером тысячью весел,
Нева не колыхнет; разъехались гости градские;
Ни гласа на бреге, ни зыби на влаге, всё тихо;
Лишь изредка гул от мостов пробежит над водою;
Лишь крик протяженный из дальней промчится деревни,
Где в ночь окликается ратная стража со стражей.
Всё спит . . . . .

⁹ Въявь богиню благосклонну
Зрит восторженный пиит,
Что проводит ночь бессонну,
Опершися на гранит.

(Муравьев. Богине Невы)

¹⁰ Писано в Одессе.

¹¹ См. первое издание Евгения Онегина.

¹² Из первой части Днепровской русалки.

¹³ Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например: Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами.

¹⁴ Грандисон и Ловлас, герои двух славных романов.

¹⁵ Si j'avais la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude (Шатобриан). **

* «Десять лет изгнания». (Франц.) — *Ред.*

** Если бы я имел безрассудство верить еще в счастье, я бы искал его в привычке. (Франц.) — *Ред.*

¹⁶ «Бедный Иорик!» — восклицание Гамлета над черепом шута. (См. Шекспира и Стерна.)

¹⁷ В прежнем издании, вместо *домой летят*, было ошибкою напечатано *зимой летят* (что не имело никакого смысла). Критики, того не разобрав, находили анахронизм в следующих строфах. Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю.

¹⁸ Юлия Вольмар — Новая Элоиза. Малек-Адель — герой посредственного романа M-me Cottin. Густав де Линар — герой прелестной повести баронессы Крюднер.

¹⁹ Вампир — повесть, неправильно приписанная лорду Байрону. Мельмот — гениальное произведение Матюрина. Jean Sbogag — известный роман Карла Нодье.

²⁰ *Lasciate ogni speranza voi ch'entrate.* * Скромный автор наш перевел только первую половину славного стиха.

²¹ Журнал, некогда издаваемый покойным А. Измайловым довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся перед публикою тем, что он на праздниках *гулял*.

²² Е. А. Баратынский.

²³ В журналах удивлялись, как можно было назвать *девою* простую крестьянку, между тем как благородные барышни, немного ниже, названы *девочками!*

²⁴ «Это значит, — замечает один из наших критиков, — что мальчишки катаются на коньках». Справедливо.

²⁵ В лета красные мои
Поэтический аи
Нравился мне пеной шумной,
Сим подобием любви
Или юности безумной, и проч.

(Послание к Л. П.)

²⁶ Август Лафонтен, автор множества семейственных романов.

²⁷ Смотри «Первый снег», стихотворение князя Вяземского.

²⁸ См. описания финляндской зимы в «Эде» Баратынского.

²⁹ Зовет кот кошку
В печурку спать.

Предвещание свадьбы; первая песня предрекает смерть.

³⁰ Таким образом узнают имя будущего жениха.

³¹ В журналах осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *топ* как неудачное нововведение. Слова сии коренные русские. «Вышел Бова из шатра прохладиться и услышал в чистом поле людскую молвь и конский топ» (Сказка о Бове Королевиче). *Хлоп* употребляется в просторечии вместо *хлопанье*, как *шип* вместо *шипения*:

Он шип пустил по-змеиному.
*Древние русские
стихотворения*)

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка.

---

* Оставьте всякую надежду, вы, сюда входящие. (Итал.) — Ред.

³² Один из наших критиков, кажется, находит в этих стихах непонятную для нас неблагопристойность.

³³ Гадательные книги издаются у нас под фирмою Мартына Задеки, почтенного человека, не писавшего никогда гадательных книг, как замечает Б. М. Федоров.

³⁴ Пародия известных стихов Ломоносова:

Заря багряною рукою
От утренних спокойных вод
Выводит с солнцем за собою, — и проч.

35

Буянов, мой сосед,

Пришел ко мне вчера с небритыми усами,
Растрепанный, в пуху, в картузе с козырьком...

(Опасный сосед)

³⁶ Наши критики, верные почитатели прекрасного пола, сильно осуждали неприличие сего стиха.

³⁷ Парижский ресторатор.

³⁸ Стих Грибоедова.

³⁹ Славный ружейный мастер.

⁴⁰ В первом издании шестая глава оканчивалась следующим образом:

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
В мой угол чаще прилетай,
Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь
И наконец окаменеть
В мертвящем упоеньи света,
Среди бездушных гордецов,
Среди блистательных глупцов,

XLVII

Среди лукавых, малодушных,
Шальных, балованных детей,
Злодеев и смешных и скучных,
Тупых, привязчивых судей,
Среди кокеток богомольных,
Среди холопьев добровольных,
Среди вседневных, модных сцен,
Учтивых, ласковых измен,
Среди холодных приговоров
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Расчетов, дум и разговоров,
В сем омуте, где с вами я
Купаюсь, милые друзья.

⁴¹ Левшин — автор многих сочинений по части хозяйственной.

⁴² Дороги наши — сад для глаз:
Деревья, с дерном вал, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль, проезда нет подчас.
С деревьев, на часах стоящих,
Проезжим мало барыша;
Дорога, скажешь, хороша —
И вспомнишь стих: *для проходящих!*
Свободна русская езда
В двух только случаях: когда
Наш *Мак-Адам* или *Мак-Ева*
Зима свершит, треща от гнева,
Опустошительный набег,
Путь окует чугуном льдыстым,
И запорошит ранний снег
Следы ее песком пушистым.
Или когда поля проймет
Такая знойная засуха,
Что через лужу может вброд
Пройти, глаза зажмура, муха.

(«Станция». Князь Вяземский)

⁴³ Сравнение, заимствованное у К**, столь известного игривости воображения. К... рассказывал, что, будучи однажды послан курьером от князя Потемкина к императрице, он ехал так скоро, что шпага его, высунувшись концом из тележки, стучала по верстам, как по частоколу.

⁴⁴ Rout — вечернее собрание без танцев, собственно значит толпа.

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА

Последняя глава Евгения Онегина издана была особо, с следующим предисловием:

«Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам (впрочем, весьма справедливым и остроумным). Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России. От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цыфром; но во избежание соблазна решился он лучше выставить, вместо девятого нумера, осьмой над последней главою Евгения Онегина, и пожертвовать одною из окончательных строф:

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал —
Хвала вам, девяти камням, и проч.»

П. А. Катенин (коему прекрасный поэтический талант не мешает быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение, может быть и выгодное для читателей, вредит однако ж плану целого сочинения; ибо чрез то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъясненным. — Замечание, обличающее опытного художника. Автор сам чувствовал справедливость оною, но решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не

для публики. Некоторые отрывки были напечатаны; мы здесь их помещаем, присовокупив к ним еще несколько строф.

Е. Онегин из Москвы едет в Нижний Новгород:

. . . . . перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вина европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей,
Помещик — спелых дочерей,
А дочки — прошлогодни моды.
Всяк суетится, лжет за двух
И всюду меркантильный дух.

Тоска! . .

Онегин едет в Астрахань, и оттуда на Кавказ.

Он видит: Терек своенравный
Крутые роет берега;
Пред ним парит орел державный,
Стоит олень, склонив рога;
Верблюд лежит в тени утеса,
В лугах несется конь черкеса,
И вокруг кочующих шатров
Пасутся овцы калмыков,
Вдали — кавказские громады:
К ним путь открыт. Пробылась брань
За их естественную грань,
Через их опасные преграды;
Брега Арагвы и Куры
Узрели русские шатры.

Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный
И зеленеющий Машук,

Машук, податель струй целебных;
Вокруг ручьев его волшебных
Больных теснится бледный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто Почечуя, кто Киприды;
Страдалец мыслит жизни нить
В волнах чудесных укрепить,
Кокетка — злых годов обиды
На дне оставить, а старик
Помолодеть — хотя на миг.

Питая горьки размышленья,
Среди печальной их семьи,
Онегин взором сожаленья
Глядит на дымные струи
И мыслит, грустью отуманен:
Зачем я пулей в грудь не ранен?
Зачем не хилый я старик,
Как этот бедный откупщик?
Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?
Зачем не чувствую в плече
Хоть ревматизма? — Ах, создатель!
Я молод, жизнь во мне крепка;
Чего мне ждать? тоска, тоска!..

Онегин посещает потом Тавриду:

Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат,
Там пел Мицкевич вдохновенный
И посреди прибрежных скал
Свою Литву воспоминал.

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном

Сияли груди ваших гор,
Долин, деревьев, сёл узор
Разостлан был передо мною.
А там, меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне — теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груди скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...
Другие дни, другие сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых;
Теперь мила мне балалайка
Да пьяный топот трепака
Перед порогом кабака.
Мой идеал теперь — хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да щей горшок, да сам большой.

Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...
ТЬфу! прозаические бредни,
Фламандской школы пестрый сор!
Таков ли был я, расцветая?
Скажи, фонтан Бахчисарая!
Такие ль мысли мне на ум
Навел твой бесконечный шум,
Когда безмолвно пред тобою
Зарему я воображал
Средь пышных, опустелых зал...
Спустя три года, вслед за мною,
Скитаясь в той же стороне,
Онегин вспомнил обо мне.

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъемлет паруса;
Там всё Европой дышит, веет,
Всё блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

Одессу звучными стихами
Наш друг Туманский описал,
Но он пристрастными глазами
В то время на нее взирал.
Приехав он прямым поэтом,
Пошел бродить с своим лорнетом
Один над морем — и потом
Очаровательным пером
Сады одесские прославил.
Всё хорошо, но дело в том,

Что степь нагая там кругом;
Кой-где недавний труд заставил
Младые ветви в знойный день
Давать насильственную тень.

А где, бишь, мой рассказ несвязный?
В Одессе *пыльной*, я сказал.
Я б мог сказать: в Одессе *грязной* —
И тут бы, право, не солгал.
В году недель пять-шесть Одесса,
По воле бурного Зевеса,
Потоплена, запружена,
В густой грязи погружена.
Все дома на аршин загрязнут;
Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает вброд;
Кареты, люди тонут, вязнут,
И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет хилого коня.

Но уж дробит каменья молот,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город,
Как будто кованной броней.
Однако в сей Одессе влажной
Еще есть недостаток важный;
Чего б вы думали? — воды.
Потребны тяжкие труды. . .
Что ж? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Без пошлины привезено.
Но солнце южное, но море. . .
Чего ж вам более, друзья?
Благословенные края!

Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.
Потом за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,

Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino; чашек звон
Там раздается; на балкон
Маркёр выходит полусонный
С метлой в руках, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

Глядишь — и площадь запестрела.
Всё оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела,
Однако больше по делам:
Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? и где пожары?
И нет ли голода, войны,
Или подобной новизны?

Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызнутых лимоном.
Шум, споры — легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном;¹
Часы летят, а грозный счет
Меж тем невидимо растет.

---

¹ Известный ресторатор в Одессе.

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей.
Не внемля критике суровой,
Он вечно тот же, вечно новый,
Он звуки льет — оңи кипят,
Они текут, они горят
Как поцелуи молодые,
Все в неге, в пламени любви,
Как зашипевшего аи
Струя и брызги золотые. . .
Но, господа, позволено ль
С вином равнять do-ge-mi-sol?

А только ль там очарований?
А разыскательный лорнет?
А закулисные свиданья?
А prima donna? а балет?
А ложа, где, красой блистая,
Негоциантка молодая,
Самолюбива и томна,
Толпой рабов окружена?
Она и внемлет и не внемлет
И каватине, и мольбам,
И шутке с лестью пополам. . .
А муж — в углу за нею дремлет,
Впросонках фора закричит,
Зевнет — и снова захрапит.

Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд,
Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его невольню затвердив,
А мы ревом речитатив.
Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла

Немая ночь. Луна взошла.
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Всё молчит;
Лишь море Черное шумит...

Итак, я жил тогда в Одессе...

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

I

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

.....

II

Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.

.....

III

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский бог?

.....

IV

Но бог помог — стал ропот ниже,
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь главой царей.

.....

V

И чем жирнее, тем тяжеле,
О русский глупый наш народ,
Скажи, зачем ты в самом деле
. . . . .

VI

Авось, о Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил
. . . . .
Моря достались Албиону
. . . . .

VII

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь,
Авось по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь
. . . . .
Авось дороги нам исправят
■ . . ■ ■ ■ ■ . . . ■ .

VIII

Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, папою венчаный,
Исчезнувший как тень зари,
. . . . .
Измучен казнию покоя
. . . . .

IX

Тряслися грозно Пиренеи,
Волкан Неаполя пылал,

Безрукий князь друзьям Морей
Из Кишинева уж мигал.

Кинжал Л . . . . . тень Б *

X

Я всех уйму с моим народом, —
Наш царь в конгрессе говорил,

А про тебя и в ус не дует,
Ты Александровский холоп **

XI

Потешный полк Петра Титана,
Дружина старых усачей,
Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей.

XII

Россия присмирела снова,
И пуще царь пошел кутить,
Но искра пламени иного
Уже издавна, может быть,

XIII

У них свои бывали сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки

* Невозможно установить, представляют ли собою «Л» или «Б» буквы или условные значки. — *Ред.*

** В этой строфе очевидная ошибка зашифровки. — *Ред.*

XIV

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.
. . . . .

XV

Друг Марса, Вакха и Венеры,
Тут Лунин дерзко предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал
И, плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

XVI

Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель — для тиранов
И рать . . . . набирал
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
И полон дерзости и сил,
Минуты вспышки торопил.

XVII

Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Всё это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов,
Казалось . . . . .
Но постепенно . . . . .
Узлы к узлам . . . . .
И скоро . . . сетью тайной
Россия . . . . .
Наш царь дремал . . . . .

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ ПОЭМ

* ПОЭМА О ГЕТЕРИСТАХ

П л а н

Два арнаута хотят убить Александра Ипсиланти. Иордаки убивает их — поутру Иордаки объявляет арнаутам его бегство. — Он принимает начальство и идет в горы — преследуемый турками — *Секу*.

Н а б р о с о к н а ч а л а п о э м ы

Поля и горы ночь объемлет

В лесу в толпе своих . . . . .

Под темной сению небес

. . . . . Ипсиланти дремлет

АКТЕОН

П л а н ы

Морфей влюблен в Диану. — Его двор — он усыпляет Эндимиона — Диана назначает ему свидание и находит его спящим — . . . . . Актеон это узнает от Феоны, ищет Диану, не спит — наконец видит Диану в источнике.

Актеон, un fat, après avoir séduit Théone naïade, lui demande l'histoire scandaleuse de Diane. Théone médit Morphée etc. etc. Актеон voit Diane, en devient amoureux, la trouve au bain, meurt dans la grotte de Théone. *

* Актеон, фат, соблазнив наяду Феону, спрашивает ее о любовных приключениях Дианы. Феона наговаривает на Морфея и т. д. Актеон видит Диану, влюбляется в нее, застаёт ее во время купанья, умирает в пещере Феоны. (Франц.) — *Ред.*

Набросок начала поэмы

В лесах Гаргафии счастливой
За ланью быстрой и пугливой
Стремился долго Актеон.
Уже на тихий небосклон
Восходит бледная Диана,
И в сумраке пускает он
Последнюю стрелу колчана.

* БОВА

П л а н ы

I

Зензевей осажден Маркобруном. Бова слышит и едет, ночью дерется с воинами, с Лукапером и возвращается; раненый приезжает, рассказывает свою историю: смерть Гвидона, темницу, любовницу, побег, взятие его разбойниками; продан Зензевею. На другую ночь она его сажает на коня, он разбивает войско. Зензевей по наущению посылает его к Маркобруну.

Он обокраден волшебником, освобождает Булата-молдца, приезжает к Маркобруну. Мельчигрея влюбляется в него, предлагает руку, Бова в темнице находит меч, к нему посылают палача, он его убивает и выходит вон, за ним погоня, он с Полканом разбивает ее. Булат рассказывает ему сказки. Маркобрун в отсутствие осаждает город и берет в плен Дружневну.

Бова на море разбойничает, находит пилигрима, который отдает ему коня и три *зелия*. Приезжает в царство Зензевея, оно разорено. Едет к себе, убивает.

II

Бова на престоле отца своего.

III

Осада, ночь на башне, бой; жених убит, невеста влюбляется, Бова проводит ночь у нее, открывает свою историю. Царь узнает и высылает вон Бову. Бова едет вон из

государства, освобождает разбойника; три службы, старец-пилигрим обкрадывает его спящего. На границах бывшего женихова удела воины его находят, приводят царю. Бова в темнице, царица его обольщает, он ее презирает (она чародейка, старец — дух, ею подосланный). Бова осужден на смерть; *первая служба*. Он видит корабль и едет к себе. — Буря, — корабль разрушен. — *Вторая служба*: — приезжает, убивает Дадона. Едет к *невесте*, находит пилигрима, берет у него три зелья. *По сказке*.

IV

Бова спасен Чернавкою (как в сказке).

Дадон, услыша о его славе, посылает убить его своих витязей.

Описание двора Дадона и его витязей.

Милитриса.

Бова со всеми ими сражается.

Перечень действующих лиц

Бова
Сувор
Милитриса
Дадон
Гвидон
Мельчигрея
Дружневна

Наброски начала поэмы

I

Кого союзником и другом
Себе ты выбрал Зензевей,
Кто будет счастливым супругом
Царевны, дочери твоей?
Она мила как ландыш мая,
Резва как лань Кавказских гор.

II

Зачем раздался гром войны
Во славном царстве Зензевей?
Поля и села зажжены. . .

III

Народ кипит, гремят народны клики
Пред теремом грузинского владыки.
Съезжаются могучие цари,
Царевичи, князья, богатыри.
Царь Зензевей их ласково встречает,
Готовит пир — и ровно сорок дней
Своих гостей он пышно угощает.

* МСТИСЛАВ

П л а н ы

I

План. Владимир, разделив на уделы Россию, остается в Киеве; молодые богатыри со скуки разъезжаются; с ними Илья Муромец и Добрыня. Печенеги нападают на Киев. Владимир посылает гонцов к сыновьям, дети его собираются, кроме *Мстислава*. Илья едет за ним. Мстислав, при нем молодые богатыри, идут на *косогов*.

Мстислав в горах. Оставленные богатыри разъезжаются. Илья едет далее, встречает своего сына, сражается с ним, находит его (*Мстислава*) и везет к отцу. Царевна за ними едет, она пристаёт к печенегам. Сражение *De grands combats et des combats еncor.* * а) На Киев нападают соединенные народы и б) Боги языческие, изгнанные крещением, их одушевляют.

II

Илья хочет представить сына Владимиру; вместе едут.

Царевна *косогов* влюбляется в *Мстислава*. Ее мать волшебница: старается заманить *Мстислава*, *Мстислав* упорствует ее прелестям, она в сражении его увлекает — под видом *косога*, убившего его друга; превращается вновь. *Мстислав* на острове наслаждений. Гонец приез-

---

* Большие сражения и снова сражения. (Франц.) — *Ред.*

жает к его дружине, не застает его. Владимир в отчаянии.

Царевна жалуется своей матери; та обещает соединить ее с Мстиславом.

Илья в молодости обрюхатил царевну татарскую; она вышла замуж, объявила сыну, сын едет отыскивать отца.

III

Илья находит пустытника, который пророчествует ему участь России.

Мстислав увлечен чародейством в горы Кавказские.

На Россию нападают с разных сторон все враги ее.

Мстислав по вечерам видит *ладью* и деву.

* РУССКАЯ ДЕВУШКА И ЧЕРКЕС

П л а н

Станица. — Терек. — За водой. — Невеста, — черкес на том берегу, — она назначает ему свидание, — он хочет увезти ее. — Тревога, — бабы берут черкеса в плен, — отсылают в крепость, — обмен, — побег девушки с черкесом.

Отрывок текста

Полюби меня, девица,
Что же скажет вся станица?
Я с другим обручена.

Твой жених теперь далече. . .

**ИЗ ДРУГИХ
РЕДАКЦИЙ**

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ ПОЭМЫ (1828)

Автору было двадцать лет отроду, когда кончил он Руслана и Людмилу. Он начал свою поэму, будучи еще воспитанником Царско-сельского лицея, и продолжал ее среди самой рассеянной жизни. Этим до некоторой степени можно извинить ее недостатки.

При ее появлении в 1820 году тогдашние журналы наполнились критиками более или менее снисходительными.¹ Самая пространная писана г. В. и помещена в Сыне Отечества. Вслед за нею появились вопросы неизвестного. Приведем из них некоторые.

«Начнем с первой песни. *Commençons par le commencement*: *

Зачем финн дожидался Руслана?

Зачем он рассказывает Руслану свою историю, и как может Руслан в таком несчастном положении *с жадностью внимать рассказы* (или, по-русски, *рассказам*) старца?

Зачем Руслан *присвистывает*, отправляясь в путь; показывает ли это огорченного человека? Зачем Фарлаф с своею трусостью поехал искать Людмилы? Иные скажут: затем, чтобы упасть в грязный ров: *et puis on en rit et cela fait toujours plaisir*. **

Справедливо ли сравнение, стр. 43, которое вы так хвалите? *** случалось ли вам это видеть?

¹ Одна из них подала повод к эпиграмме, приписываемой К***:

Напрасно говорят, что критика легка;
Я критику читал Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

* Начнем с начала. (Франц.) — *Ред.*

** И затем над этим смеются, а это всегда доставляет удовольствие. (Франц.) — *Ред.*

*** См. стр. 94—95 настоящего издания.

Зачем маленький карло с большою бородою (что, между прочим, совсем не забавно) приходил к Людмиле? Как Людмиле пришла в голову странная мысль схватить с колдуна шапку (впрочем, в испуге чего не наделаешь?) и как колдун позволил ей это сделать?

Каким образом Руслан бросил Рогдая как ребенка в воду, когда

Они схватились на конях;

Их члены злобой сведены;

Объяты, молча, костенеют, и проч.?

Не знаю, как Орловский нарисовал бы это.

Зачем Руслан говорит, увидевши поле битвы (которое совершенный *hors d'œuvre*), * зачем говорит он:

О поле, поле! кто тебя

Усеял мертвыми костями?

.....

.....

Зачем же, поле, смолкло ты

И поросло *травой забвенья*?..

Времен *от вечной темноты*,

Быть может, нет и мне спасенья! и проч.?

Так ли говорили русские богатыри? И похож ли Руслан, говорящий *о траве забвенья и вечной темноте времен*, на Руслана, который чрез минуту после восклицает *с важностью сердитой*:

Молчи, пустая голова!

.....

Хоть лоб широк, да мозгу мало!

Я еду, еду, не свищу,

А как наеду, не спущу!

..... Знай наших! и проч.?

Зачем Черномор, доставши чудесный меч, положил его на поле, под голову брата; не лучше ли бы было взять его домой?

Зачем будить двенадцать спящих дев и поселять их в какую-то степь, куда, не знаю как, заехал Ратмир? Долго ли он пробыл там? Куда поехал? Зачем сделался рыбаком? Кто такая его новая подруга? Вероятно ли, что Руслан, победив Черномора и пришед в

---

* Посторонний предмет. (Франц.) — *Ред.*

отчаяние, не находя Людмилы, махал до тех пор мечом, что сшиб шапку с лежащей на земле супруги?

Зачем карло не вылез из котомки убитого Руслана? Что предвещает сон Руслана? Зачем это множество точек после стихов:

. . . . .
Шатры белеют на холмах?

Зачем, разбирая Руслана и Людмилу, говорить об Илиаде и Энеиде? Что есть общего между ими? Как писать (и, кажется, серьезно), что речи Владимира, Руслана, финна и проч. нейдут в сравнение с Гомеровыми? Вот вещи, которых я не понимаю и которых многие другие также не понимают. Если вы нам объясните их, то мы скажем: *cujusvis hominis est errare: nullius, nisi insipientis, in errore perseverare* (*Philippic., XII, 2*).*

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais. **

Конечно, многие обвинения сего допроса основательны, особенно последний. Некто взял на себя труд отвечать на оные. Его антикритика остроумна и забавна.

Впрочем, нашлись рецензенты совсем иного разбора. Например, в Вестнике Европы, № 11, 1820, мы находим следующую благонамеренную статью.

«Теперь прошу обратить ваше внимание на новый ужасный предмет, который, как у Камозэнса Мыс бурь, выходит из недр морских и показывается посреди океана российской словесности. Пожалуйста напечатайте мое письмо: быть может, люди, которые грозят нашему терпению новым бедствием, опомнятся, рассмеются — и оставят намерение сделаться изобретателями нового рода русских сочинений.

Дело вот в чем: вам известно, что мы от предков получили небольшое бедное наследство литературы, т. е. *сказки и песни народные*. Что об них сказать? Если мы бережем старинные монеты, даже самые безобразные, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности наших предков? Без всякого сомнения! Мы любим воспоминать всё, относящееся к нашему младенчеству, к тому счастливому времени детства, когда какая-нибудь песня или сказка служила

---

* Каждому человеку свойственно ошибаться: только глупцу упорствовать в ошибке (*XII Филиппика Цицерона*). (Латинск.) — *Ред.*

** Твоим «почему», сказал бог, никогда не будет конца. (Франц.) — *Ред.*

нам невинною забавой и составляла всё богатство познаний. Видите сами, что я не прочь от собирания и изыскания русских сказок и песен; но когда узнал я, что наши словесники приняли старинные песни совсем с другой стороны, громко закричали о величии, плавности, силе, красотах; богатстве наших старинных песен, начали переводить их на немецкий язык, и, наконец, так влюбились в *сказки и песни*, что в стихотворениях XIX века заблестали *Ерусланы и Бовы* на новый манер, — то я вам слуга покорный!

Чего доброго ждать от повторения более жалких, нежели смешных лепетаний?.. Чего ждать, когда наши поэты начинают пародировать *Киришу Данилова*?

Возможно ли просвещенному или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражание *Еруслану Лазаревичу*? Извольте же заглянуть в 15 и 16 № *Сына Отечества*. Там неизвестный принт на образчик выставляет нам отрывок из поэмы своей *Людмила и Руслан* (не Еруслан ли?). Не знаю, что будет содержать целая поэма; но образчик хоть кого выведет из терпения. Принт оживляет *мужичка сам с ногой, а борода с локоть*, придает ему еще *бесконечные усы* (С. От., стр. 121), показывает нам ведьму, шапочку-невидимку и проч. Но вот, что всего драгоценнее: Руслан наезжает в поле на побитую рать, видит богатырскую голову, под которою лежит меч-кладенец; *голова* с ним разглагольствует, сражается... Живо помню, как всё это, бывало, я слушал от няньки моей; теперь на старости сподобился вновь то же самое услышать от поэтов нынешнего времени!.. Для большей точности, или чтобы лучше выразить всю прелесть *старинного* нашего песнословия, поэт и в выражениях уподобился Ерусланову рассказчику, например:

. . . Шутите вы со мною —
Всех *удавлю* вас бородою!..

Каково?..

...Объехал голову кругом
И стал *пред носом* молчаливо.
Щекотит ноздри копием...
.

Картина, достойная Кириши Данилова! Далее: чихнула голова, за нею и эхо *чихает*... Вот что говорит рыцарь:

Я еду, еду не свищу,
А как наеду, не спущу...
.

Потом витязь ударяет голову *в щеку* тяжелой *рукавицей*. . . Но увольте меня от подробного описания, и позвольте спросить: если бы в Московское благородное собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бороδοю, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: *здорово, ребята!* Неужели бы стали таким проказником любоваться? Бога ради, позвольте мне, старику, сказать публике, посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а нимало не смешна и не забавна. Dixi. *

Долг искренности требует также упомянуть и о мнении одного из *увенчаных, первоклассных отечественных писателей*, который, прочитав Руслана и Людмилу, сказал: я тут не вижу ни мыслей, ни чувства; вижу только чувственность. Другой (а может быть и тот же) увенчанный, первоклассный отечественный писатель приветствовал сей первый опыт молодого поэта следующим стихом:

Мать дочери велит на эту сказку плюнуть
12 февраля, 1828.

В первом издании поэмы (1820) имеются следующие стихи, впоследствии изъятые или переработанные для второго издания (1828):

Стр. 85. После стиха «Герой, я не люблю тебя!»

Руслан, не знаешь ты мученья
Любви, отверженной навек.
Увы! ты не сносил презренья.
И что же, странный человек!
И ты ж тоскою сердце губишь,
Счастливец! ты любим, как любишь.

Стр. 86. После стиха «Был рок, упорный мой гонитель» вместо дальнейших пяти стихов:

В надежде сладостных наград,
В восторге пылкою желанья,
Творю поспешно заклинанья,
Зову духов — и виноват! —
Безумный, дерзостный грабитель,
Достойный Черномора брат,
Я стал Наины похититель.
Лишь загадал, во тьме лесной
Стрела промчалась громовая,

и т. д.

---

* Я кончил. (Латинск.) — *Ред.*

Стр. 90. После стиха «Сердиться глупо и грешно»:

Ужели бог нам дал одно
В подлунном мире наслажденье?
Вам остаются в утешенье
Война и музы и вино.

Стр. 95. Вместо стиха «Людмила, где твоя светлица?» и следующего:

Людмила! где твоя светлица?
Где ложе радости молодой?
Одна, с ужасной тишиной
Лежит несчастная девица

Стр. 96. После стиха «Когда не видим друга в нем»:

Вы знаете, что наша дева
Была одета в эту ночь,
По обстоятельствам, точь-в-точь
Как наша прабабушка Ева.
Наряд невинный и простой!
Наряд Амура и природы!
Как жаль, что вышел он из моды!
Пред изумленной княжной
Три девы, красоты чудесной,
В одежде легкой и прелестной
Явились, молча подошли
И поклонились до земли.

Стр. 98. После стиха «Повсюду роз живые ветки»:

Цветут и дышат по тропам,
Усеянным песком алмазным;
Игривым и разнообразным
Волшебством дивный сад блестит.

Стр. 99. После стиха «И дале продолжала путь»:

О люди, странные созданья!
Меж тем как тяжкие страданья
Тревожат, убивают вас,
Обеда лишь наступит час —
И вмиг вам жалобно доносит
Пустой желудок о себе,
И им заняться тайно просит.
Что скажем о такой судьбе?

Стр. 115. После стиха «Женитьбы наши безопасны»:

Мужьям, девицам молодым
Их замыслы не так ужасны.

Неправ фернейский злой крикун!
Всё к лучшему: теперь колдун
Иль магнетизмом лечит бедных
И девушек худых и бледных,
Пророчит, издаёт журнал —
Дела, достойные похвал!
Но есть волшебники другие,

И т. д.

Стр. 116. Вместо стиха «Но правду возведу ли я?»:

Дерзну ли истину вещать?
Дерзну ли ясно описать
Не монастырь уединенный,
Не робких инокинь собор,
Но... трепещу! в душе смущенный,
Дивлюсь — и потупляю взор.

Стр. 123. Вместо стиха «О страшный вид: волшебник хилый» и следующие:

О страшный вид! Волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой
Младые прелести Людмилы;
К ее пленительным устам
Прильнув увядшими устами,
Он, вопреки своим годам,
Уж мыслит хладными трудами
Сорвать сей нежный, тайный цвет,
Хранимый Лелем для другого;
Уже... но бремя поздних лет
Тягчит бесстыдника седого —
Стоная, дряхлый чародей,
В бессильной дерзости своей
Пред сонной девой упадает;
В нем сердце ноет, плачет он,
Но вдруг раздался рога звон,
И кто-то карлу вызывает.

И т. д.

Стр. 131. После стиха «Укор невнятный лепетала»:

В руках Руслана чародей
Томился в муках ожиданья;
И князь не мог отвесть очей
От непонятого созданья...

Но головы в тот самый час
Кончалось долгое страданье

и т. д.

В черновой рукописи имеются стихи, исключенные из печатной редакции:

Стр. 107. После стиха «Времен от вечной темноты»:

Ужели нет и мне спасенья!
И в беспробудной тишине
Моих побед погибнут звуки,
И в мирны дни не будут мне
Завидовать младые внуки!
Что нужды, свет души моей:
Вспомнив взор твоих очей,
Пускай умру, молвой забвенный,
Твоей любовью блаженный.

Стр. 124. (Начало пятой песни, первоначально четвертой):

Как я люблю мою княжну,
Мою прекрасную Людмилу,
В печалях сердца тишину,
Невинной страсти огонь и силу,
Затеи, ветренность, покой,
Улыбку сквозь немые слезы...
И с этим юности златой
Все нежны прелести, все розы!
Бог весть, увижу ль наконец
Моей Людмилы образец!
К ней вечно сердцем улетаю,
И с нетерпеньем ожидаю
Судьбою данной мне княжны
(Подруги милой, не жены,
Жены я вовсе не желаю).
Но вы, Людмилы наших дней,
Поверьте совести моей,
Душой открытой вам желаю
Такого точно жениха,
Какого здесь изображаю
По воле легкого стиха.

Стр. 142. После стиха «Беда: восстали печенег!»:

Злосчастный град! Увы! Рыдай,
Твой светлый опустеет край,
Ты станешь бранная пустыня.

Где грозный пламенный Рогдай!
И где Руслан, и где Добрыня!
Кто князя-Солнце оживит!

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ ПОЭМЫ

Сия повесть, снисходительно принятая публикою, обязана своим успехом верному, хотя слегка означенному, изображению Кавказа и горских нравов. Автор также соглашается с общим голосом критиков, справедливо осудивших характер пленника, некоторые отдельные черты и проч.

Первоначальная редакция начала поэмы:

КАВКАЗ

Поэма

1820

Gib meine Jugend mir zurück

Goethe. Faust *

C'est donc fini, comme une histoire
Qu'une grand'mère en ses vieux ans
Vient de chercher dans sa mémoire
Pour la conter à ses enfants. **

I

Один, в глуши Кавказских гор,
Покрытый буркой боевою,
Черкес над шумною рекою
В кустах таился. Жадный взор
Он устремлял на путь далекий,
Булатной шашкою сверкал,
И грозно в тишине глубокой

---

* Верни мне мою молодость. *Гете. Фауст.* (Немецк.) — *Ред.*

** И всё это прошло, словно история,
Которую бабушка в своей старости
Только что отыскала в своих воспоминаниях,
Чтобы ее рассказать детям. (Франц.) — *Ред.*

Своей добычи ожидал.
Товарищ верный, терпеливый,
Питомец горных табунов,
Стоял недвижно конь ретивый
В тени деревьев, у берегов.

II

Прохлада веет над водами,
Оделся тенью небосклон...
И вдруг пустыни мертвый сон
Прервался... пыль взвилась клубами,
Гремят колеса! Конь кипит —
Черкес верхом, черкес летит...

III

Зачем, о юноша несчастный,
Зачем на гибель ты спешишь?
Порывом смелости напрасной
Своей главы не защитишь!
Его настигнул враг летучий.
Несчастный пал на чуждый брег.
И слабого питомца нег
К горам повлек аркан могучий.
Помчался конь меж диких гор
На крыльях огненной отваги...
Всё путь ему: болота, бор,
Кусты, утесы и овраги...
Кровавый след за ним бежит
И гул пустынный раздаётся.
Седой поток пред ним шумит,
Он в глубь кипящую несётся...

IV

На темной синеве небес
Луна вечерняя блеснула.
Вот хаты ближнего аула
Во тьме белеют меж деревьев.
С полей под желтыми скалами
Влекутся с праздными сохами
Четы медлительных волов,

И глухо вторится горами
Веселый топот табунов.
В косматых бурках, с чубуками
Черкесы дружными толпами
В дыму сидели вокруг огней.

*В черновой рукописи имеются стихи, отброшенные при переработке:
Стр. 156. После стиха «Его закованные ноги»:*

Пред ним затмилась природа.
Прости, надежда и свобода,
Он раб. . . Усталою главой
К земле чужой припал он снова,
Как будто в ней от скорби злой
Искал приюта гробового.
Не льются слезы из очей,
В устах сомкнутых нет роптанья,
В душе, рожденной для страстей,
Стеснил он гордое страданье.
Теряясь, — видит он одно:
Погиб! мне рабство суждено.

Родился он среди снегов,
Но в нем пылал сокрытый пламень,
В минуты счастья — друг пиров,
Во дни гоненья — холодный камень.

Стр. 164. После стиха «Он время то воспоминал»:

Когда, друзьями окруженный,
До утра сладко утомленный
Он пенил праздничный бокал,
Когда роскошных дев веселья
Младыми розами венчал
И жар безумства и похмелья
Минутной страсти посвящал.

Стр. 166. После стиха «И упоительным мечтам!»:

Но поздно, поздно! . . неба ярость
Меня преследует, разит,
Души безвременная старость
Во цвете лет меня мертвит.
Вот скорбный след любви напрасной,
Душевной бури след ужасный.

Во цвете невозвратных дней
Минутной бурною порою
Утраченной весны моей,
Пленный жизнью младою,
Не зная света, ни людей,
Я верил счастью: в упоеньи
Летели дни мои толпой
И сердце, полное мечтой,
Дремало в милом заблужденьи.
Я наслаждался; блеск и шум
Пленяли мой беспечный ум,
Веселье чувство увлекало,
Но сердце втайне тосковало
И, чуждое младых пиров,
К иному счастью призывало.
Услышал я неверный зов,
Я полюбил — и сны молодые
Слетели с изумленных вежд,
С тех пор исчезли дни златые,
С тех пор не ведаю надежд...
О, милый друг, когда б ты знала,
Когда бы видела черты
Неотразимой красоты,
Когда б ты их воображала, —
Но нет... словам не передать
Красу души ее небесной.
О, если б мог я рассказать
Ее моления звук чудесный!
Ты плачешь?.. Но зачем об ней
Тревожу я воспоминанья?
Увы, тоска без упования
Осталась от любви моей.

Стр. 169. Вместо стихов от «Светила ночи затмевались» до «Вотще свободы жаждет он»:

Светила ночи затмевались,
Яснили кровли и забор;
В дали прозрачной означались
Громады светлоснежных гор.
Рождался день... Они расстались.
Заря на знойный небосклон
За днями новы дни возводит,
За ночью ночь вослед приходит.

Любовницы не видит он,
Окованный, в горах он бродит,
Забыли очи легкий сон.
Задумчивый, воссев у берега,
Напрасно жаждет он побега,
Он скован, цепь его тяжка,
Быстра глубокая река.

Стр. 170. Черкесская песня (последняя, отброшенная строфа):

4

Пастух с волынкой полевой
На влажный берег стадо гонит,
Его палит полдневный зной,
И тихий сон невольно клонит.
Он спит, а с верною стрелой
Чеченец ходит над рекой.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ

ЧЕРНОВЫЕ НАВРОСКИ К СОХРАНИВШЕМУСЯ ПЛАНУ ПОЭМЫ

I

Молдавская песня

Нас было два брата — мы вместе росли
И жалкую младость в нужде провели...
Но алчная страсть овладела душой,
И вместе мы вышли на первый разбой.

Курган серебрился при ясной луне,
Купец обробелый скакал на коне,
Его мы настигли . . . . .
И первую кровью умыли кинжал.

Мы... к убийству привыкли потом.
И стали селеньям ужасны кругом.

II

На Волге, в темноте ночной
Ветрило бледное белеет,
Бразда сверкает за кормой,
Попутный ветер тихо веет,

Недвижны весла, руль заснул,
Плывут ребята удалые —
И стоя . . . . . Есаул
. . . . . песню . . . . .

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СТИХИ ОТРЫВКА, НЕ ВВЕДЕННЫЕ
В ПЕЧАТНЫЙ ТЕКСТ

Умолк и буйной головою
Разбойник в горести поник,
И слез горючею рекою
Свирепый оросился лик.
Смеясь, товарищи сказали:
«Ты плачешь! полно, брось печали,
Зачем о мертвых вспоминать?
Мы живы: станем пировать,
Ну, потчевай сосед соседа!»
И кружка вновь пошла кругом;
На миг утихшая беседа
Вновь оживляется вином;
У всякого своя есть повесть,
Всяк хвалит меткий свой кистень.
Шум, крик. В их сердце дремлет совесть:
Она проснется в черный день.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

ВСТУПЛЕНИЕ К ПОЭМЕ
Н. Н. Р.

Исполню я твое желанье,
Начну обещанный рассказ.
Давно, когда мне в первый раз
Поведали сие преданье,
Мне стало грустно, пылкий ум
Был омрачен невольной думой,
Но скоро пылких оргий шум
Развеселил мой сон угрюмый.
О возраст ранний и живой,
Как быстро легкой чередой
Тогда сменялись впечатленья:
Восторги — тихою тоской,
Печаль — порывом упоенья!

В черновой рукописи имеются стихи, пропущенные в окончательном тексте:

Стр. 229. После стиха «Средь опустелого гарема»:

Иль только сладостный предмет
Любви таинственной, унылой —
Тогда... но полно! вас уж нет,
Мечты невозвратимых лет.
Во глубине души остылой
Не тлеет ваш безумный след.

Стр. 229. После стиха «Свое безумство разглашать»:

Ты возмужал средь испытаний,
Забыл проступки ранних лет,
Постыдных слез, воспоминаний
И безотрадных ожиданий
Забудь мучительный предмет.

ЦЫГАНЫ

Стр. 245. Отрывок, не вошедший в окончательную редакцию после стиха «В шатре и тихо и темно»:

Бледна, слаба Земфира дремлет —
Алеко с радостью в очах
Младенца держит на руках
И крику жизни жадно внемлет:
«Прими привет сердечный мой,
Дитя любви, дитя природы,
И с даром жизни дорогой
Неоцененный дар свободы!..
Останься посреди степей;
Безмолвны здесь предрассужденья,
И нет их раннего гоненья.
Над дикой люлькою твоей;
Расти на воле без уроков;
Не знай стеснительных палат
И не меняй простых пороков
На образованный разврат;
Под сенью мирного забвенья
Пускай цыгана бедный внук
Лишен и неги просвещенья
И пышной суеты наук —
Зато беспечен, здрав и волен,

Тщеславных угрызений чужд,
Не зная вечно-новых нужд,
Он будет жизнью доволен.
Нет, не преклонит он колен
Пред идолом какой-то чести,
Не будет вымышлять измен,
Трепеща тайно жаждой мести, —
Не испытает он порой,
Сколь . . . . . жестоки пени,
Сколь черств и горек хлеб чужой,
Сколь тяжко медленной ногой
Всходить на чуждые ступени;
От общества, быть может, я
Отъемлю ныне гражданина, —
Что нужды, — я спасаю сына,
И я б желал, чтоб мать моя
Меня родила в чаще леса
Или под юртой остяка,
В глухой расселине утеса.
О, сколько б едких угрызений,
Тяжелых снов, разуверений
Тогда б я в жизни не узнал, —
О, сколько . . . . .

Стихи, находящиеся в рукописи и отброшенные Пушкиным при обработке:

Стр. 238. После стиха «И сон меня невольно клонит»:

Моей любовью насладись,
В молчаньи ночи безмятежной,
Приди, я таю, друг мой нежный,
Не изменись, не изменись.

Стр. 242. После стиха «Ни вешним запахом лугов»:

Ночлеги покупают златом;
Балуя прихоть суеты,
Торгуют вольностью, развратом
И кровью бледной нищеты.

Стр. 250. После стиха «Не плачь: тоска тебя погубит»:

Или милее край родной?
Весна блистает ли там доле?
Там слаще ль воздух полевой,
И девы краше ли собой?

Стр. 259. После стиха «Я имя нежное твердил»:
Почто ж, безумец, между вами
В пустынях не остался я,
Почто за прежними мечтами
Меня влекла судьба моя!

ГРАФ НУЛИН

В первоначальной редакции, носившей название «Новый Тарквиний», имеются стихи, устраненные из окончательного текста:

Стр. 264. После стиха «У эмигрантки Фальбала»:

(Той, что мадамою была
При маленьком Наполеоне).

Стр. 264. После стиха «Отменно длинный, длинный, длинный»:

Отрада девушки невинной,
Покойной тетушки моей.

Стр. 266. После стиха «И настезь отворяют дверь»:

Уж ободрясь вина стаканом,
Кряхтит Пикар над чемоданом,
Уж из передней двое слуг
Несут отвинченный сундук,
Пока весь дом кругом хлопочет,
и т. д.

Стр. 268. Вместо стиха «Изношенных капотов просит» и трех следующих:

Соседок завсегда бранит,
Порой за слуг опальных просит,
Но чаще на весь дом ворчит,
При нужде с барином кричит
И лжет за барыню отважно.

Стр. 269. После стиха «Не спится графу. Бес не дремлет»:

Вертится Нулин — грешный жар
Его сильней, сильней объемлет,
Он весь кипит как самовар,
Пока не отвернула крана
Хозяйка нежною рукой,
Иль как отверстие волкана,
Или как море пред грозой,
Или... сравнений под рукой

У нас довольно, — но сравнений
Бойтся мой смиренный гений:
Живей без них рассказ простой.
В потемках пылкий наш герой
Теперь воображает живо
Хозяйки взор красноречивый

и т. д.

Стр. 269. После стиха «Отправился на всё готовый»:

Граф *местной памяти* орган
Имел по Галевой примете,
Он в темноте, как и при свете,
Нашел бы дверь, окно, диван.
Он чуть дыханье переводит,
Желаньем пламенным томим
(Или боязнью). Пол под ним
Скрыпит. Украдкой он подходит
К безмолвной спальне. «Здесь она!
Ждет, нетерпением полна,
Ее склонить не будет трудно!..»
Глядит, однако ж это чудно:
Дверь заперта! Герой слегка
Жмет ручку медную замка

и т. д.

Стр. 271. После стиха «Не гладит стриженных кудрей»:

К хозяйке как ему явиться,
Не покраснев? Что скажет ей?
Не лучше ль, мыслит, в путь пуститься?
Да не готово колесо.
Какая мука это всё!
За чьи грехи я погибаю?
Но вот его позвали к чаю

и т. д.

ПОЛТАВА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ „ПОЛТАВЫ“

Полтавская битва есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого. Она избавила его от опаснейшего врага; утвердила русское владычество на юге;

обеспечила новые заведения на севере, и доказала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем.

Ошибка шведского короля вошла в поговорку. Его упрекают в неосторожности, находят его поход в Украину безрассудным. На критиков не угодишь, особенно после неудачи. Карл однако ж сим походом избегнул славной ошибки Наполеона: он не пошел на Москву. И мог ли он ожидать, что Малороссия, всегда беспокойная, не будет увлечена примером своего гетмана и не возмутится противу недавнего владычества Петра, что Левенгаупт три дня сряду будет разбит, что наконец 25 тысяч шведов, предводительствуемых своим королем, побегут перед нарвскими беглецами? Сам Петр долго колебался, избегая главного сражения, *яко зело опасного дела*. В сем походе Карл XII менее, нежели когда-нибудь, вверялся своему счастью; оно уступило гению Петра.

Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, законченным в коварствах и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения: память его, преданная церкви анафеме, не может избежать и проклятия человечества.

Некто в романической повести изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим пред вооруженной женщиною, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме, и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица.

1 января 1829.

ОТРЫВКИ, ИСКЛЮЧЕННЫЕ ИЗ ПЕЧАТНОГО ТЕКСТА

Стр. 284. После стиха «Над ним привычные права»:

Убитый ею, к ней одной
Стремил он страстные желанья,
И горький ропот и мечтанья
Души кипящей и больной...
Еще хоть раз ее увидеть
Безумной жаждой он горел;
Ни презирать, ни ненавидеть
Ее не мог и не хотел.
Но ежели средь мутной думы

Мазепу он воображал,
То все черты его угрюмы
Смех ярый зверски искажал.

Стр. 315. После стиха «Но, вихрю мыслей предана»:

«Ей-богу, — говорит она, —
Старуха лжет; седой проказник
Там в башне спрятался. Пойдем,
Не будем горевать о нем.
Пойдем, какой сегодня праздник!
Народ бежит, народ поет, —
Пойду за ними; я на воле.
Меня никто не стережет...
Алтарь готов; в веселом поле
Не кровь... о, нет! вино течет.
Сегодня праздник. Разрешили.
Жених — не крестный мой отец;
Отец и мать меня простили:
Идет невеста под венец...»

Но вдруг, потупя взор безумный,
Виденья страшного полна, —
«Однако ж, — говорит она, —
и т. д.

Кроме того, в черновой рукописи имеются следующие стихи, опущенные в печати:

Стр. 277. После стиха «Мазепа ведает любовь»:

Другие тайные заботы
Гнездились, быть может, в нем
И сердце средь его дремоты
Точили медленным огнем

Стр. 278. К стиху «И вскоре слуха Кочубея» и следующим:

Еще поспорим мы с Мазепой,
Старик лукавый и свирепый
Тебя забудет — и другой
Жених найдется молодой...

Стр. 279. После стиха «Ей дан учитель: не один»:

Урок тяжелый и кровавый
Ей задал шведский паладин,
Гроза младенческой державы,
Сих неудач из рода в род
Воспоминанье прозвучало —

Одной из оных бы достало,
Чтоб сокрушить другой народ.

Стр. 285. Стихи «Кто при звездах и при луне» и следующие были первоначально написаны другим размером:

При звездах и при луне
Мчится витязь на коне
Во степи необозримой.
Конь бежит неутомимо —
Он на север * правит путь
И не хочет отдохнуть
Ни в деревне, ни в дубраве,
Ни при быстрой переправе.
Сабля верная блестит,
Кошелек его звенит;
По степи необозримой
Конь бежит неутомимо.
Сабля верный друг ему,
Конь ему всего дороже
. . . . .

Стр. 286. После стиха «Его приводит и выводит»:

Средь Енаральной старшины
Ясней он москаля поносит
И жалуясь у неба просит
Возврата вольной старины.

Стр. 311. После стиха «Взирает на волнение боя»:

И, мнится, пылкою душой
Вспоминает дни былые,
Свои потехи удалые,
Потехи жизни молодой.

* ТАЗИТ

В черновой рукописи имеются следующие строки, относящиеся к продолжению поэмы:

Но с неприязненною думой
Ему внимал старик угрюмый,
Главою белой покачал,

* В рукописи описка: «на запад». — *Ред.*

Махнул рукой и отвечал:
«Тому, кто в бой вступить не смеет,
Кто слаб и телом и умом,
Кто мстить за брата не умеет,
Кто робок даже пред рабом,
Кто изгнан и проклят отцом...

Какой безумец, сам ты знаешь,
Отдаст любимое дитя!
Ты мой рассудок искушаешь
Иль празднословия, иль шутя.
Ступай, оставь меня в покое». —
Глубоко в сердце молодое
Тяжелый врезался укор,
Тазит сокрылся — с этих пор
Ни с кем не вел он разговора
И никогда на деву гор
Не возводил несчастный взора.

Первоначально Пушкин задумал свою поэму в другом размере. От этого замысла сохранились наброски начальных стихов:

Не для тайного совета,
Не для битвы до рассвета,
Не для встречи кунака,
Не для свадебной потехи
Ночью съехались адехи
К сакле . . . . старика.
Хищник смелый, сын Гасуба,
Вся надежда старика,
Близ развалин Татартуба
Пал от пули казака.

ДОМИК В КОЛОМНЕ

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ НАБРОСОК ВСТУПЛЕНИЯ

Пока меня без милости бранят
За цель моих стихов — иль за бесцелье
И важные особы мне твердят,
Что ремесло поэта — не безделье,
Что славы прочной я добьюся вряд,

Что хмель хорош, но какво похмелье?
И что пора б уж было мне давно
Исправиться, хоть это мудрено.

Пока сердито требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россиян
И написал скорее мадригалы
На бой или на бегство персиян,
А русские Камиллы, Аннибалы
Вперед идут . . . . .

ПРОПУЩЕННЫЕ СТРОФЫ

В ранней редакции за третьей строфой следовало:

IV

У нас война. Красавцы молодые!
Вы, хрипуны (но хрип ваш приумолк),
Сломали ль вы походы боевые?
Видали ль в Персии Ширванский полк?
Уж люди! мелочь, старички кривые,
А в деле всяк из них что в стаде волк.
Все с ревом так и лезут в бой кровавый.
Ширванский полк могу сравнить с октавой.

V

Поэты Юга, вымыслов отцы,
Каких чудес с октавой не творили!
Но мы ленивцы, робкие певцы,
На мелочах мы рифмы заморили.
Могучие нам чужды образцы,
Мы новых стран себе не покорили,
И наших дней изнеженный поэт
Чуть смыслит свой уравнивать куплет.

VI

Ну, женские и мужские слоги! *
. . . . .

---

* Как строфа IV основного текста. — *Ред.*

VII

Октавы трудны (взяв уловку лисью,
Сказать я мог, что кисел виноград).
Мне, видно, с ними над парнасской высью
Век не бывать. — Не лучше ли назад
Скорей вести свою дружину рысью? —
Уж рифмами кой-как они бренчат —
Кой-как уж до конца октаву эту
Я дотянул. Стыд русскому поэту!

VIII

Но возвратиться всё ж я не хочу
К четырёхстопным ямба, мере низкой.
С гекзаметром... о, с ним я не шучу:
Он мне невмочь. А стих александрийский?..
Уж не его ль себе я залучу?
Извивистый, проворный, длинный, склизкий
И с жалом даже — точная змия;
Мне кажется, что с ним управлюсь я.

IX

Он вынянчен был мамкою не душой
(За ним смотрел степенный Буало),
Шагал он чинно, стянут был цезурой,
Но пудреной пиитике на зло
Растреплен он свободно цензурой —
Учение не впрок ему пошло:
Нико с товарищи, друзья природы,
Его гулять пустили без цезуры.

X

От школы прежней он уж далеко,
Он предался совсем другим уставам.
Как резвая покойница Жоко,
Александрийский стих по всем составам
Развинчен, гнется, прыгает легко,

Ломается, на диво костоправам — *
Они ворчат: уймется ль негодай,
Какой повеса! экий разгильдяй! . .

XI

О, что б сказал поэт законодатель,
Гроза несчастных, мелких рифмачей
И ты, Расин, бессмертный подражатель,
Певец влюбленных женщин и царей,
И ты, Вольтер, философ и ругатель,
И ты, Делиль, парнасский муравей,
Что б вы сказали, сей соблазн увидя, --
Наш век обидел вас, ваш стих обидя.

XII

У нас его недавно стали гнать
(Кто первый? — можете у Телеграфа
Спросить и хорошенько всё узнать).
Он годен, говорят, для эпитафия
Да можно им, порою, украшать
Гробницы или мрамор кенотафа,
До наших мод, благодаря судьбе,
Мне дела нет: беру его себе.

Сии октавы служили вступлением к шуточной поэме, уже уничтоженной.

Зачеркнув строфы VII—XII, Пушкин продолжал:

VII

Как весело стихи свои вести
. . . . .

* Первоначально строфа начиналась иначе:

Как Мазурье (покойница Жоко)
Александровский стих по всем составам
Развинчен, вывихнут. И высоко
Он прыгает по крашеным дубравам —
Ломается проворно и легко
На диво всем парнасским костоправам —

Ред.

VIII

Немного отдохнем на этой точке
.....

IX

Что за беда? не всё ж гулять пешком *
.....

X**

Скажу, рысак! Парнасский иноходец
.....

И табор свой писателей ватага
Перенесла с горы на дно оврага,

XI

И там копышутся себе в грязи
Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
Кто с жабой, кто с лягушками в связи,
Кто раком пятится, кто вьется змейкой...
Но, муза, им и в шутку не грози —
Не то тебя покроем телогрейкой
Оборванной и вместо похвалы
Поставим в угол Северной пчелы.

XII

Иль наглою, безнравственной, мишурной
Тебя в Москве журналы прозовут,
Или Газетою Литературной
Ты будешь призвана на барский суд.
Ведь нынче время споров, брани бурной,
Друг на друга словесники идут,
Друг друга жмут, друг друга режут, губят
И хором про свои победы трубят...

XIII

Читатель, можешь там глядеть на всех,
Но издали, и смейся то над теми,
То над другими. Верх земных утех

---

* Строфы VII—IX как строфы V—VII основного текста. — *Ред.*

** Строфа X как строфа VIII основного текста, кроме двух последних стихов. — *Ред.*

Из-за угла смеяться надо всеми.
Но сам в толпу не суйся... или смех
Плохой уж выдет: шутками одними
Тебя как шапками и враг и друг,
Соединясь, все закидают вдруг.

XIV

Тогда давай бог ноги... Потому-то
Здесь имя подписать я не хочу.
Порой я стих повертываю круто,
Всё ж, видно, не впервой я им верчу,
А как давно? того и не скажу-то.
На критиков я еду, не свищу,
Как древний богатырь — а как наеду...
Что ж? поклонюсь и приглашу к обеду.

XV

Покамест можете принять меня
За старого, обстрелянного волка
Или за молодого воробья,
За новичка, в котором мало толка.
У вас в шкапу, быть может, мне, друзья,
Отведена особенная полка,
А может быть, впервой хочу послать
Свою тетрадку в мокрую печать.

XVI

Когда б никто меня под легкой маской
(По крайней мере долго) не узнал!
Когда бы за меня своей указкой
Другого строго критик пощелкал,
Уж то-то б неожиданной развязкой
Я все журналы после взволновал!
Но полно, будет ли такой мне праздник?
Нас мало. Не укроется проказник.

XVII

А вероятно, не заметят нас,
Меня, с октавами моими купно.
Однако ж нам пора. Ведь я рассказ

Готовил — а шучу довольно крупно
И ждать напрасно заставляю вас.
Язык мой враг мой: всё ему доступно,
Он обо всем болтать себе привык!..
Фригийский раб, на рынке взяв язык,

ХVIII

Сварил его... (у господина Копа
Коптят его.) Езоп его потом
Принес на стол... Опять! зачем Езопа
Я вплел с его вареным языком
В мои стихи? Что вся прочла Европа,
Нет нужды вновь беседовать о том.
Насилу-то, рифмач я безрассудный,
Отделался от сей октавы трудной.

* ЕЗЕРСКИЙ

Стр. 347. Строфа I (первая редакция):

Над Петербургом омраченным
Осенний ветер тучи гнал;
Нева в теченьи возмущенном
Шумя неслась. Упрямый вал,
Как бы проситель беспокойный,
Плескал в гранит ограды стройной
Ее широких берегов.
Среди бегущих облаков
Вечерних звезд не видно было —
Огонь светился в фонарях,
По улицам взвивался прах
И буйный вихорь выл уныло,
Клубя капоты дев ночных
И заглушая часовых.

Строфа II

Первый вариант

В своем роскошном кабинете
В то время Рулин молодой
Сидел один при бледном свете
Одной лампы; ветра вой,

Волнение города глухое,
Да бой дождя в окно двойное,
Всё мысли усыпляло в нем.
Согретый дремлющим огнем,
Он у чугунного камина
Дремал — . . . . .
Видений сонных перед ним
Менялась тусклая картина.
. . . . .

Второй вариант

Порой сей поздней и печальной
В том доме, где стоял и я,
Неся огарок свечки сальной,
В конурку пятого жилья
Вошел один чиновник бедный,
Задумчивый, худой и бледный.
Вздохнув, свой осмотрел чулан,
Постелю, пыльный чемодан,
И стол, бумагами покрытый,
И шкаф со всем его добром;
Нашел в порядке всё; потом,
Дымком своей сигарки сытый,
Разделся сам и лег в постель
Под заслуженную шинель.

Третий вариант

Вбежав по ступеням отлогим
Гранитной лестницы своей,
В то время Волин с видом строгим
Звонил у запертых дверей
И трес замком нетерпеливо.
Дверь отворилась, он бранчиво
Андрею выговор прочел
И в кабинет ворча пошел.
Андрей понес ему две свечи.
Цербер по долгу своему
Залаял, прибежал к нему
И положил ему на плечи
Свои две лапы — и потом
Улегся тихо под столом.

V

Во время смуты безначальной,
Когда то лях, то гордый швед
Одoleвал наш край печальный,
И гибла Русь от разных бед,
Когда в Москве сидели вору,
А с крулем вел переговоры
Предатель умный Салтыков,
И средь озлобленных врагов
Посольство русское гладало,
И за Москву стоял один
Нижегородский мещанин, —
В те дни Езерские немало
Сменили мнений и друзей
Для пользы общей (и своей).

VI

Когда средь Думы величавой
Приял Романов свой венец
И под отеческой державой
Русь отдохнула наконец,
А наши вороги смирились,
Тогда Езерские явились
Опять в чинах и при дворе.
При императоре Петре
Один из них был четвертован
За связь с царевичем, другой,
Его племянник молодой,
Прощен и милостью окован,
Он на голландке был женат
И умер знатен и богат.

VII

Царя не стало; государство
Шаталось, будто под грозой,
И усмиренное боярство
Его железною рукой
Мятежной предалось надежде:
«Пусть будет вновь, что было прежде,

Долой кафтан кургузый. Нет!
Примером нам да будет швед».
Не тут-то было. Тень Петрова
Стояла грозно средь бояр.
Бессилен немощный удар,
Что было, не восстало снова;
Россию двинули вперед
Ветрила те ж, средь тех же вод.

VIII

И тут Езерские возились
В связи то с этим, то с другим,
На счастье Меншикова злились,
Шептали с хитрым Трубецким,
И Бирон, деспот непреклонный,
Смирал их род неугомонный,
И Долгорукие князья
Бывали втайне им друзья.
Матвей Арсеньевич Езерский,
Случайный, знатный человек,
Был очень славен в прошлый век
Своим умом и злобой зверской.
Имел он сына одного,
(Отца героя моего).

Стр. 353. После строфы XV:

Во фраке очень устарелом
Он молча сидя у бюро
До трех часов в раздумьи зрелом
Чинил и пробовал перо.
Вам должно знать, что мой чиновник
Был сочинитель и любовник;
Свои статьи печатал он
В «Соревнователе». Влюблен
Он был в Мещанской по соседству
В одну лифляндочку. Она
С своею матерью одна
Жила в домишке, по наследству
Доставшемся недавно ей
От дяди Франца. Дядя сей...

Но от мещанской родословной
Я вас избавлю — и займусь
Моею повестью любовной,
Покамест вновь не занесусь.

В черновиках поэмы имеется несколько фрагментов, относящихся к разным строфам:

К строфам VIII—IX

Мне жаль, что дома наши новы,
Что выставляют стены их
Не льва с мечом, не щит гербовый,
А ряд лишь вывесок цветных,
Что наши бабушки и деды
Для назидательной беседы
С жезлами, с розами, в звездах,
В роброндах, в латах, париках
У нас не блещут в старых рамах
В простенках светлых галерей;
Мне жаль, что шайка торгашей
Лягает в плоских эпиграммах
Святую нашу старину

. . . . .

Другая редакция конца строфы:

Что мы в свободе беспечальной
Не знаем жизни феодальной
В своих владеньях родовых
Среди подручников своих,
Мне жаль, что мы, руке наемной
Вверяя чистый свой доход,
С трудом в столице круглый год
Влачим ярмо неволи темной
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

Недоработанная строфа:

К тому же это подражанье
Поэту Байрону: наш лорд
(Как говорит о нем преданье)
Не только был отменно горд
Высоким даром песнопенья,
Но и . . . . . рожденья.
. . . . . Ламартин
(Я слышал) также дворянин,

Юго — не знаю . . . . .

. . . . .

В России же мы все дворяне,
Все, кроме двух иль трех, зато
Мы их не ставим ни во что.

Начало неоконченной строфы к строфе XV:

Он одевался нерадиво,
На нем сидело всё не так,
Всегда бывал застегнут криво
Его зеленый узкий фрак.
Но надо знать, что мой чиновник
Был сочинитель и любовник
Не только малый деловой...

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

ОТДЕЛЬНЫЕ МЕСТА РУКОПИСИ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ПОЭМЫ

Стр. 386. После стиха «Которым жизнь куда легка»:

Что вряд еще через два года
Он чин получит; что река
Всё прибывала, что погода
Не унималась, что едва ль
Мостов не сымут, что, конечно,
Параше будет очень жаль...
Тут он разнежился сердечно
И размечтался как поэт:
«А почему ж? зачем же нет?
Я небогат, в том нет сомненья,
И у Параша нет имения,
Ну что ж? какое дело нам,
Ужели только богачам
Жениться можно? Я устрою
Себе смиренный уголок,
Кровать, два стула; шей горшок
Да сам большой; чего мне боле?
Не будем прихотей мы знать,
По воскресеньям летом в поле
С Парашей буду я гулять;
Местечко выпрошу; Параше

Препоручу хозяйство наше
И воспитание ребят...
И станем жить — и так до гроба
Рука с рукой дойдем мы оба,
И внуки нас похоронят...»
Так он мечтал. Но грустно было...

Стр. 388. После стиха «И дома тонущий народ»:

Со сна идет к окну сенатор
И видит — в лодке по Морской
Плывет военный губернатор.
Сенатор обмер: «Боже мой!
Сюда, Ванюша! стань немножко,
Гляди: что видишь ты в окошко?» —
«Я вижу-с: в лодке генерал
Плывет в ворота, мимо будки». —
«Ей-богу?» — «Точно-с». — «Кроме шутки?» —
«Да так-с». — Сенатор отдохнул
И просит чаю: «Слава богу!
Ну! Граф наделал мне тревогу,
Я думал: я с ума свихнул».

Кроме того, в черновой рукописи находятся следующие стихи, не вошедшие в окончательную редакцию:

Стр. 385. К характеристике Евгения:

Он был чиновник небогатый,
Безродный, круглый сирота,
Собою бледный, рябоватый,
Без роду, племени, связей,
Без денег, то есть без друзей,
А впрочем, гражданин столичный,
Каких встречаете вы тьму,
От вас нимало не отличный
Ни по лицу, ни по уму.
Как все, он вел себя нестрого,
Как вы, о деньгах думал много,
Как вы, сгрустнув, курил табак,
Как вы, носил мундирный фрак.

Стр. 388. После стиха «Печален, смутен, вышел он»:

И молвил: «С божией стихией
Царям не сладить». Он глядел
На злое бедствие. Такого
Уже не помнил град Петра

От лета семьдесят седьмого.
Судьбы заметная пора:
Тогда еще Екатерина
Была жива, и Павлу сына
В тот год всевышний даровал...
И гимн младенцу в этот день
Бряцал Державин...

Стр. 389. Конец первой части со стиха «И он как будто околдован» первоначально читался:

И он как будто околдован,
Как будто к мрамору прикован
Недвижно, к месту одному...
И нет возможности ему
Перелететь! Гроза пирует,
Мостов уж нет — исчез народ,
Нева на площади бунтует.
Несчастный молча негодует...
И прямо перед ним, из вод
Возникнул медною главою
Кумир на бронзовом коне,
Неве безумной в тишине
Грозя недвижную рукою...

После приведенного эпизода с сенатором в черновой рукописи намечен еще эпизод с часовым.

Часовой
Стоял у сада! Караула
Снять не успели. Тсй порой
Верхи деревьев буря гнула,
И рыло корни их волной.

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первая глава была издана в 1825 году с предисловием:

Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено.

Несколько песен, или глав Евгения Онегина уже готовы. Писанные под влиянием благоприятных обстоятельств, они носят на себе отпечаток веселости, ознаменовавшей первые произведения автора Руслана и Людмилы.

Первая глава представляет нечто целое. Она в себе заключает описание светской жизни петербургского молодого человека в конце 1819 года и напоминает Беппо, шуточное произведение мрачного Байрона.

Дальновидные критики заметят, конечно, недостаток плана. Всякий волен судить о плане целого романа, прочитав первую главу оного. Станут осуждать и антипоэтический характер главного лица, сбивающегося на Кавказского Пленника, также некоторые строфы, писанные в утомительном роде новейших элегий, в коих *чувство уныния поглотило все прочие*. Но да будет нам позволено обратить внимание читателей на достоинства, редкие в сатирическом писателе: отсутствие оскорбительной личности и наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов.

В рукописи вместо последней фразы предисловия:

Звание издателя не позволяет нам ни хвалить, ни осуждать сего нового произведения. Мнения наши могут показаться пристрастными. Но да будет нам позволено обратить внимание почтеннейшей публики и г.г. журналистов на достоинство, еще новое в сатирическом писателе: наблюдение строгой благопристойности в шуточном описании нравов. Ювенал, Петрон, Вольтер и Байрон — далеко не редко не сохранили должного уважения к читателям и к прекрасному полу. Говорят, что наши дамы начинают читать по-русски. Смело предлагаем им произведение, где найдут они под легким покрывалом сатирической веселости наблюдения верные и занимательные.

Другое достоинство, почти столь же важное, приносящее не малую честь сердечному незлобию нашего автора, есть совершенное отсутствие оскорбительной личности. Ибо не должно сие приписать единственно отеческой бдительности нашей цензуры, блюстительницы нравов, государственного спокойствия, сколь и заботливо охраняющей граждан от нападения *простодушной клеветы* на смешливого легкомыслия.

Строфа VIII. В первом издании к этой строфе имелось примечание:

Мнение, будто бы Овидий был сослан в нынешний Акерман, ни на чем не основано. В своих элегиях *Ex Ponto* он ясно назначает местом своего пребывания город *Томы* при самом устье Дуная. Столь же несправедливо и мнение Вольтера, полагающего причиной его изгнания тайную благосклонность Юлии, дочери Августа. Овидию было тогда около пятидесяти лет, а развратная Юлия, десять лет тому прежде, была сама изгнана ревнивым своим роди-

телем. Прочие догадки ученых не что иное, как догадки. Поэт сдержал свое слово, и тайна его с ним умерла:

Alterius facti culpa silenda mihi. *

Примеч. соч.

Строфа IX — в белой рукописи:

Нас пыл сердечный рано мучит.
Очаровательный обман,
Любви нас не природа учит,
А Сталь или Шатобриан.
Мы алчем жизнь узнать заране,
Мы узнаем ее в романе,
Мы всё узнали, между тем
Не насладились мы ничем.
Природы глас предупреждая,
Мы только счастью вредим,
И поздно, поздно вслед за ним
Летит горячность молодая.
Онегин это испытал,
Зато как женщин он узнал.

Строфа XXIV. После этой строфы следовало:

По всей Европе в наше время
Между воспитанных людей
Не почитается за бремя
Отделка нежная ногтей.
И ныне — воин и придворный,
Поэт и либерал задорный
И сладкогласный дипломат
Готовы . . . . .

Строфа XXVI. К этой строфе в первом издании было примечание:

Нельзя не пожалеть, что наши писатели слишком редко справляются со словарем Российской Академии. Он останется вечным памятником попечительной воли Екатерины и просвещенного труда наследников Ломоносова, строгих и верных опекунов языка отечественного. Вот что говорит Карамзин в своей речи:

«Академия Российская ознаменовала самое начало бытия своего творением, важнейшим для языка, необходимым для авторов, необходимым для всякого, кто желает предлагать мысли с ясно-

---

* О другой вине мне следует молчать. (Латинск.) — *Ред.*

стию, кто желает понимать себя и других. Полный словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев: наша, без сомнения счастливая, судьба, во всех отношениях, есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно *классического* (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академий Флорентинской и Парижской. Екатерина Великая. . . кто из нас и в самый цветущий век Александра I может произносить имя ее без глубокого чувства любви и благодарности? . . . Екатерина, любя славу России, как собственную, и славу побед, и мирную славу разума, приняла сей счастливый плод трудов Академии с тем лестным благоволением, коим она умела награждать всё достохвальное, и которое осталось для вас, милостивые государи, незабвенным, драгоценнейшим воспоминанием».

Примеч. соч.

Строфа. Л. В первом издании к этой строфе имелось следующее примечание:

Автор, со стороны матери, происхождения африканского. Его прадед Абрам Петрович Аннибал на 8 году своего возраста был похищен с берегов Африки и привезен в Константинополь. Российский посланник, выручив его, послал в подарок Петру Великому, который крестил его в Вильне. Вслед за ним брат его приезжал сперва в Константинополь, а потом и в Петербург, предлагая за него выкуп; но Петр I не согласился возвратить своего крестника. До глубокой старости Аннибал помнил еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьев, из коих он был меньшой; помнил, как их водили к отцу, с руками, связанными за спину, между тем как он один был свободен и плавал под фонтанами отеческого дома; помнил также любимую сестру свою *Лагань*, пловшую издали за кораблем, на котором он удалялся.

18-ти лет от роду Аннибал послан был царем во Францию, где и начал свою службу в армии регента; он возвратился в Россию с разрубленной головой и с чином французского лейтенанта. С тех пор находился он неотлучно при особе императора. В царствование Анны, Аннибал, личный враг Бирона, послан был в Сибирь под благовидным предлогом. Наскуча безлюдством и жестокостию климата, он самовольно возвратился в Петербург и явился к своему другу Миниху. Миних изумился и советовал ему скрыться немедленно.

Аннибал удалился в свои поместья, где и жил во всё время царствования Анны, считаясь в службе и в Сибири. Елисавета, вступив на престол, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибал умер уже в царствование Екатерины, уволенный от важных занятий службы, с чином генерал-аншефа на 92 году от рождения.

Сын его генерал-лейтенант И. А. Аннибал принадлежит бесспорно к числу отличнейших людей екатерининского века (ум. в 1800 году).

В России, где память замечательных людей скоро исчезает, по причине недостатка исторических записок, странная жизнь Аннибала известна только по семейственным преданиям. Мы со временем надеемся издать полную его биографию.

Примеч. соч

ГЛАВА ВТОРАЯ

Строфа IX. За ней в белой рукописи:

X

Не пел порочной он забавы,
Не пел презрительных Цирцей,
Он оскорблять гнушался нравы
Избранной лирою своей;
Поклонник истинного счастья,
Не славил сетей сладострастья,
Постыдной негою дыша,
Как тот, чья жадная душа,
Добыча вредных заблуждений,
Добыча жалкая страстей,
Преследует в тоске своей
Картины прежних наслаждений
И свету в песнях роковых
Безумно обнажает их.

XI

Певцы слепого наслажденья,
Напрасно дней своих блажных
Передаете впечатленья
Вы нам в элегиях живых;
Напрасно девушка украдкой,
Внимая звукам лиры сладкой,
К вам устремляет нежный взор,
Начать не смея разговор.

Напрасно ветренная младость
За полной чашею, в венках,
Вспоминает на пирах
Стихов изнеженную сладость
Иль на ухо стыдливых дев
Их шепчет, робость одолев;

ХИ

Несчастные, решите сами,
Какое ваше ремесло;
Пустыми звуками, словами
Вы сеете разврата зло.
Перед судилищем Паллады
Вам нет венца, вам нет награды,
Но вам дороже, знаю сам,
Слеза с улыбкой пополам.
Вы рождены для славы женской,
Для вас ничтожен суд молвы —
И жаль мне вас... и милы вы;
Не вам чета был гордый Ленский:
Его стихи, конечно, мать
Велела б дочери читать.

В черновике последняя строфа сопровождалась примечанием:

La mère en prescira la lecture à sa fille

Piron *

Стих сей вошел в пословицу. Заметим, что Пирон (кроме своей «Метромании») хорош только в таких стихах, о которых невозможно намекнуть, не оскорбляя благопристойности.

К приведенным строфам примыкает еще одна, сохранившаяся только в черновике:

Но добрый юноша, готовый
Высокий подвиг совершить,
Не будет в гордости суровой
Стихи нечистые твердить;
Но праведник изнеможенный,
К цепям неправдой присужденный,
В своей . . . . . в тюрьме
С лампадой, дремлющей во тьме,

---

¹ Мать предпишет своей дочери читать это. *Пирон*. (Франц.) — *Ред.*

Не склонит в тишине пустынной
На свиток ваш очей своих
И на стене ваш вольный стих
Не начертит рукой безвинной,
Немой и горестный привет
Для узника грядущих лет.

Строфа XIV. В беловой рукописи строфа имела следующее окончание:

Собою жертвовать смешно;
Иметь восторженные чувства
Простительно в шестнадцать лет;
Кто полон ими, тот поэт
Иль хочет выказать искусство
Пред легковерною толпой.
Что ж мы такое?.. боже мой!..

За этим следовало:

Сноснее, впрочем, был Евгений:
Людей он просто не любил
И управлять кормилом мнений
Нужды большой не находил,
Не посвящал друзей в шпионы,
Хоть думал, что добро, законы,
Любовь к отечеству, права —
Одни условные слова.
Он понимал необходимость,
И миг покоя своего
Не отдал бы ни для кого,
Но уважал в других решимость,
Гонимой славы красоту,
Талант и сердца правоту.

После строфы XVI было:

От важных исходя предметов,
Порой касался разговор
И русских иногда поэтов.
Со вздохом и потупя взор
Владимир слушал, как Евгений
Венчаных наших сочинений,
Достойных . . . . похвал,
Немилосердно поражал.

Строфа XVII. Вместо стихов 4—14 в белой рукописи:

Онегин говорил об них
Как о знакомцах изменивших,
Давно могилы сном почивших
И коих нет уж и следа.
Но вырывались иногда
Из уст его такие звуки,
Такой глубокий чудный стон,
Что Ленскому казался он
Приметой незатихшей муки.
И точно: страсти были тут.
Скрывать их был напрасный труд.

За этими стихами в этой же рукописи еще три строфы:

Какие чувства не кипели
В его измученной груди?
Давно ль, надолго ль присмирели?
Проснутся — только погоди.
Блажен, кто ведал их волненье,
Порывы, сладость, упоенье,
И наконец от них отстал;
Блаженней тот, кто их не знал,
Кто охладил любовь разлукой,
Вражду злословием. Порой
Зевал с друзьями и с женой,
Ревнивой не тревожась мукой.
Что до меня — то мне на часть
Досталась пламенная страсть,

Страсть к банку! ни дары свободы,
Ни Феб, ни слава, ни пиры
Не отвлекли б в минувши годы
Меня от карточной игры;
Задумчивый, всю ночь до света
Бывал готов я в прежни лета
Допрашивать судьбы завет:
Налево ляжет ли валет?
Уж раздавался звон обеден,
Среди разорванных колод
Дремал усталый банкомет.
А я, нахмурен, бодр и бледен,

Надежды полн, закрыв глаза,
Пускал на третьего туза.

И я теперь, отшельник скромный,
Скупой не веруя мечте,
Уж не поставлю карты темной,
Замея грозное *руте*;
Мелок оставил я в покое,
Атáнде, слово роковое,
Мне не приходит на язык —
От рифмы также я отвык.
Что будешь делать? Между нами —
Всем этим утомился я.
На днях попробую, друзья,
Заняться белыми стихами,
Хоть всё имеет *quinze et le va* *
Большие на меня права.

Строфа ХХI. Первоначально строфа кончалась следующими стихами:

Так в Ольге милую подругу
Владимир видеть привыкал;
Он рано без нее скучал
И часто по густому лугу,
Без милой Ольги, меж цветов
Искал одних ее следов.

После строфы ХХIII в рукописи еще две:

Кто ж та была, которой очи
Он без искусства привлекал,
Которой он и дни и ночи
И думы сердца посвящал?
Меньшая дочь соседей бедных.
Вдали забав столицы вредных,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей она
Цвела как ландыш потаенный,
Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой,
Цветок, быть может обреченный,

---

* Карточный термин «кензельва», буквально: «пятнадцать раз и ставка» (т. е. ставка в шестнадцать раз больше первоначальной). — *Ред.*

Не осушив еще росы,
Размаху гибельной косы.

Ни дура англинской породы,
Ни своенравная мамзель,
В России по уставу моды,
Необходимые досель,
Не стали портить Ольги милой.
Фадеевна рукою хилой
Ее качала колыбель,
Она же ей стлала постель,
Она ж за Ольгою ходила,
Бову рассказывала ей,
Чесала шелк ее кудрей,
Читать — *помилуй мя* — учила,
Поутру наливала чай
И баловала невзначай.

Строфа X L. После нее в рукописи еще одна, заключительная строфа:

Но, может быть, и это даже
Правдоподобнее сто раз,
Изорванный, в пыли и в саже,
Мой недочитанный рассказ,
Служанкой изгнан из уборной,
В передней кончит век позорный,
Как прошлогодний календарь
Или затасканный букварь.
Но что ж: в гостиной иль в передней
Равно читатели черны,
Над книгой их права равны,
Не я первой, не я последний
Их суд услышу над собой —
Ревнивый, строгий и тупой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Строфа V. После нее в черновой рукописи следовали стихи, предполагавшие иное развитие действия:

В постеле лежа, наш Евгений
Глазами Байрона читал,
Но дань вечерних размышлений
В уме Татьяне посвящал.

Проснулся он денницы ране,
И мысль была всё о Татьяне.
Вот новое, подумал он, —
Неужто я в нее влюблен?
Ей-богу, это было б славно,
Себя уж то-то б одолжил;
Посмотрим — и тотчас решил
Соседок навещать исправно,
Как можно чаще — всякий день,
Ведь им досуг, а нам не лень.

Решил, и скоро стал Евгений
Как Ленский . . . . .
. . . . .
Ужель Онегин в самом деле
Влюбился . . . . .

Строфа X. После нее в рукописи:

XI

Увы! друзья! мелькают годы —
И с ними вслед одна другой
Мелькают ветреные моды
Разнообразной чередой.
Всё изменяется в природе:
Ламуш и фижмы были в моде,
Придворный франт и ростовщик
Носили пудренный парик;
Бывало, нежные поэты
В надежде славы и похвал
Точили тонкий мадригал
Иль остроумные куплеты,
Бывало, храбрый генерал
Служил и грамоты не знал.

Строфа XVIII. К этой строфе в рукописи примечание:

Кто-то спрашивал у старухи: по страсти ли, бабушка, вышла ты замуж? — По страсти, родимый, — отвечала она: — приказчик и староста обещались меня до полусмерти прибить. — В старину свадьбы, как суды, обыкновенно были пристрастны.

Строфа ХХI. В рукописи после нее еще строфа:

Теперь мне должно б на досуге
Мою Татьяну оправдать —
Ревнивый критик в модном круге,
Предвижу, будет рассуждать:
Ужели не могли заранее
Внушить задумчивой Татьяне
Приличий коренных устав?
Да и в другом поэт неправ:
Ужель влюбиться с первой встречи
Она в Онегина могла,
И чем увлечена была,
Какой в нем ум, какие речи
Ее пленить успели вдруг?
Постой, поспорю я, мой друг.

Строфа ХХI I. После этой строфы первоначально было:

Но вы, кокетки записные,
Я вас люблю — хоть это грех.
Улыбки, ласки заказные
Вы расточаете для всех,
Ко всем стремите взор приятный;
Кому слова невероятны,
Того уверит поцелуй;
Кто хочет — волен: торжествуй.
Я прежде сам бывал доволен
Единым взором ваших глаз,
Теперь лишь уважаю вас,
Но, хладной опытностью болен,
И сам готов я вам помочь,
Но ем за двух и сплю всю ночь.

Строфа ХХIV. В рукописи после нее еще две строфы:

А вы, которые любили
Без позволения родных,
И сердце нежное хранили
Для впечатлений молодых,
Тоски, надежд и неги сладкой,
Быть может, если вам украдкой
Случалось тайную печать
С письма любовного срывать,
Иль робко в дерзостные руки
Заветный локон отдавать,

Иль даже молча позволять
В минуту горькую разлуки
Дрожащий поцелуй любви,
В слезах, с волнением в крови, —

Не осуждайте безусловно
Татьяны ветреной моей,
Не повторяйте хладнокровно
Решенья чопорных судей.
А вы, о *Девы без упрёка*,
Которых даже тень порока
Страшит сегодня как змия,
Советую вам то же я.
Кто знает? пламенной тоскою
Сгорите, может быть, и вы,
А завтра легкий суд молвы
Припишет модному герою
Победы новой торжество:
Любви вас ищет божество.

Строфа XXVI. За этой строфой первоначально следовали еще две строфы. Часть стихов из этих исключенных строф Пушкин перенес в «Альбом Онегина» (см. стр. 652):

Сокровищем родного слова
(Заметят важные умы)
Для лепетания чужого
Безумно пренебрегли мы.
Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремушки,
А не читаем книг своих.
Но где ж они? Давайте их.
Конечно: северные звуки
Ласкают мой привычный слух,
Их любит мой славянский дух,
Их музыкой сердечны муки
Усыплены... но дорожит
Одними звуками пиит.

Но где ж мы первые познанья
И мысли первые нашли,
Где применяем испытанья,
Где узнаем судьбу земли —

Не в переводах одичалых,
Не в сочиненьях запоздалых,
Где *русский* ум да *русский* дух
Зады твердит и лжет за двух.
Поэты наши переводят,
А прозы нет. Один журнал
Исполнен приторных похвал,
Тот брани плоской. Все наводят
Зевоту скуки — хоть не сон.
Хорош российский Геликон!

Строфа XXXIII. Первоначально вместо стихов 5—14 было:

Уж поздно, блеск луна теряет,
И утро тихое сияет
Сквозь ветви липы к ней в окно,
А нашей деве всё равно,
Окаменев, облокотилась;
Постель... горяча,
С ее прелестного плеча
Сорочка легкая спустилась,
Упали кудри на глаза,
На перси капнула слеза.

После этого следовало:

В волненьи сидя на постеле
Татьяна чуть могла дышать,
Письма не смея в самом деле
Ни перечесть, ни подписать,
И думала: что скажут люди
И подписала: Т. Л. *

Строфа XXXVI. В рукописи вместо нее:

Теперь как сердце в ней забилося,
Заныло будто пред бедой.
Возможно ль? Что со мной случилось?
Зачем писала, боже мой!..
На мать она взглянуть не смеет,
То вся горит, то вся бледнеет,
Весь день, потупя взор, молчит,
И чуть не плачет, и дрожит...
Внук няни поздно воротился.

---

* Следует читать: «Твердо, Люди». — Ред.

Соседа видел он; ему
Письмо вручил он самому.
И что ж сосед? — верхом садился
И положил письмо в карман —
Ах, чем-то кончится роман!

Там же второй вариант стихов 1—5:

Лишь только няня удалилась
И сердце, будто пред бедой,
У бедной девушки забилося,
Вскричала: боже! что со мной!
Встает. На мать взглянуть не смеет.

Песня девушек в черновой рукописи:

Песня
Вышла Дуня на дорогу,
Помолившись богу.
Дуня плачет, завывает,
Друга провожает.
Друг поехал на чужбину,
Дальнюю сторонку,
Ох, уж эта мне чужбина —
Горькая кручина!..
На чужбине молодицы,
Красные девицы,
Остаюся я, младая,
Горькою вдовицей.
Вспомяни меня, младую,
Аль я приревную,
Вспомяни меня заочно,
Хоть и не нарочно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Первые строфы главы не были введены в ее текст, но были напечатаны отдельно в журнале «Московский вестник» в октябре 1827 г.:

Женщины

Отрывок из Евгения Онегина

В начале жизни мною правил
Прелестный, хитрый, слабый пол;
Тогда в закон себе я ставил
Его единый произвол.

Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Каким-то чистым божеством.
Владея чувствами, умом,
Она сияла совершенством.
Пред ней я таял в тишине:
Ее любовь казалась мне
Недосягаемым блаженством.
Жить, умереть у милых ног —
Иного я желать не мог.

То вдруг ее я ненавидел,
И трепетал, и слезы лил,
С тоской и ужасом в ней видел
Созданье злых, тайных сил;
Ее пронзительные взоры,
Улыбка, голос, разговоры —
Всё было в ней отравлено,
Изменой злой напоено,
Всё в ней алкало слез и стона,
Питалось кровию моей...
То вдруг я мрамор видел в ней,
Перед мольбой Пигмалиона
Еще холодный и немой,
Но вскоре жаркий и живой.

Словами вещего поэта
Сказать и мне позволено:
Темира, Дафна и Лилета —
Как сон забыты мной давно.
Но есть одна меж их толпою...
Я долго был пленен одною...
Но был ли я любим, и кем,
И где, и долго ли?.. зачем
Вам это знать? не в этом дело!
Что было, то прошло, то вздор;
А дело в том, что с этих пор
Во мне уж сердце охладело,
Закрылось для любви оно,
И всё в нем пусто и темно.

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайне изменяя,
Не могут надивиться нами,
Себя по совести ценя.
Восторги наши своенравны
Им очень кажутся забавны;
И, право, с нашей стороны
Мы непростительно смешны.
Закабалюсь неосторожно,
Мы их любви в награду ждем,
Любовь в безумии зовем,
Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких и страстей!

Эти четыре строфы — результат большой работы. После первой строфы Пушкин начал:

Признаться ль вам, я наслажденье
В то время лишь одно имел,
Мне было мило ослепленье,
Об нем я после пожалел.

Вместо третьей строфы была написана другая (без первых четырех стихов):

Но я заманчивой загадкой
Не долго мучился украдкой...
И как же помогли оне,
Шепнули сами слово мне,
Давно известное по свету,
И даже никому давно
Уж не казалось и смешно.
Так разгадав загадку эту,
Сказал я: только-то, друзья,
Куда как недогадлив я!

После четвертой строфы начата строфа, совпадающая с окончательной восьмой. Сама четвертая строфа имеет вариант:

Смешон, конечно, важный модник —
Систематический Фоблас,
Красавиц записной угодник,
Хоть поделом он мучит вас.
Но жалок тот, кто без искусства
Души возвышенные чувства,
Прелестной веруя мечте,

Приносит в жертву красоте
И, расточась неосторожно,
Одной любви в награду ждет,
Любовь в безумии зовет,
Как будто требовать возможно
От мотыльков и от лилей
И чувств глубоких и страстей.

Далее следовали стихи:

Блажен, кто делит наслажденье,
Умен, кто чувствовал один,
Кто был невольного влеченья
Самолюбивый властелин,
Кто принимал без увлеченья
И оставлял без сожаленья,
Когда крылатая любовь
И . . . . предаваясь вновь.

. . . . .

За этими стихами еще одна строфа:

Страстей мятежные заботы
Прошли, не возвратятся вновь!
Души бесчувственной дремоты
Не возмутит уже любовь.
Пустая красота порока
Блестит и нравится до срока.
Пора проступки юных дней
Загладить жизнью моей!
Молва, играя, очернила
Мои начальные лета.
Ей подмогала клевета
И дружбу только что сместила,
Но, к счастью, суд молвы слепой
Опровергается порой!..

Строфа XVII. За нею первоначально следовала строфа, исключенная из белого текста:

Но ты — губерния Псковская,
Теплица юных дней моих,
Что может быть, страна глухая,
Несносней барышень твоих?
Меж ими нет — замечу кстати —
Ни тонкой вежливости знати,
Ни ветрености милых шлюх.

Я; уважая русский дух,
Простил бы им их сплетни, чванство,
Фамильных шуток остроту,
Порою зуб нечистоту,
И непристойность, и жеманство,
Но как простить им модный бред
И неуклюжий этикет?

Строфа XXIV. Стихи 5—14 читались иначе. Из первой редакции строфы видно, что Пушкин предполагал непосредственно перейти к отъезду Татьяны в Москву, не имея в виду эпизода дуэли Онегина с Ленским:

Родня качает головою;
Соседи шепчут меж собою:
Пора, пора бы замуж ей.
Мать также мыслит, у друзей
Тихонько требует совета.
Друзья советуют зимой
В Москву подняться всей семьей —
Авось в толпе большого света
Татьяне сыщется жених
Милей иль счастливей других.

За этим первоначально намечалась строфа, часть которой Пушкин перенес в главу седьмую (строфа XXVII), а остальное в строфу XI четвертой главы:

Старушка очень полюбила
Благодарный их совет,
В столицу ехать положила,
Как только будет зимний след.
Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало
и т. д.

Далее следовали две строфы:

Когда повеет к нам весною
И небо вдруг оживлено,
Люблю поспешною рукою
Двойное выставить окно.
С каким-то грустным наслажденьем
Я упиваюсь дуновеньем
Живой прохлады; но весна
У нас не радостна, она
Богата грязью, не цветами.
Напрасно манит жадный взор
Лугов пленительный узор;

Певец не свищет над водами,
Фиалок нет, и вместо роз
В полях растопленный навоз.

Что наше северное лето?
Карикатура южных зим.
Мелькнет и нет, известно это,
Хоть мы признаться не хотим.
Ни шум дубрав, ни тень, ни розы —
В удел нам отданы морозы,
Метель, свинцовый свод небес.
Безлиственный серебристый лес,
Пустыни ярко снеговые,
Где свищут подрези саней, —
Средь хладно пасмурных ночей
Кибитки, песни удалые,
Двойные стекла, банный пар,
Халат, лежанка и угар.

Строфа XXXVI была напечатана в первом издании четвертой главы:

Уж их далече взор мой ищет,
А лесом кравшийся стрелок
Поэзию клянет и свищет,
Спуская бережно курок.
У всякого своя охота,
Своя любимая забота:
Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами, как я,
Кто бьет хлопушкой мух нахальных,
Кто правит в замыслах толпой,
Кто забавляется войной,
Кто в чувствах нежится печальных,
Кто занимается вином:
И благо смешано со злом.

На экземпляре названного издания Пушкин исправил стихи 8 и 9.

Кто эпиграммами, как я,
Стреляет в куликов журнальных.

Строфа XXXVII. Последние два стиха этой строфы и строфа XXXVIII имеются в рукописи:

И одевался — только в ряд
Вы носите такой наряд.

Носил он русскую рубашку,
Платок шелковый кушаком,
Армяк татарский нараспашку
И шляпу с кровлею, как дом
Подвижный. Сим убором чудным,
Безнравственным и безрассудным,
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина,
А с ней Мизинчиков. Евгений,
Быть может, толки презирал,
А, вероятно, их не знал,
Но всё ж своих обыкновений
Не изменил в угоду им,
За что был ближним нестерпим.

Строфа XL IIII. Первые четыре стиха в белой рукописи первоначально читались:

В глуши что́ делать в это время?
Гулять? — Но голы все места,
Как лысое Сатурна темя
Иль крепостная нищета.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Строфа XXX первоначально оканчивалась описанием обморока Татьяны:

Она приветствий двух гостей
Не слышит, слезы из очей
Хотят уж хлынуть; вдруг упала
Бедняжка в обморок; тотчас
Ее выносят; суетясь,
Толпа гостей залепетала.
Все на Евгения глядят.
Как бы во всем его винят.

Строфы XXXVII и XXXVIII были напечатаны в первом издании главы:

XXXVII

В пирах готов я непослушно
С твоим бороться божеством;
Но, признаюсь великодушно,
Ты победил меня в другом:
Твои свирепые герои,

Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевес
Большой имеют перевес
Перед Онегиным холодным,
Пред сонной скукою полей,
Перед Истоминой моей,
Пред нашим воспитаньем модным;
Но Таня (присягну) милей
Елены пакостной твоей.

XXXVIII

Никто и спорить тут не станет,
Хоть за Елену Менелай
Сто лет еще не перестанет
Казнить Фригийский бедный край,
Хоть вокруг почтенного Приама
Собрание стариков Пергама,
Ее завидя, вновь решит:
Прав Менелай и прав Парид.
Что ж до сражений, то немного
Я попрошу вас подождать:
Извольте далее читать;
Начала не судите строго;
Сраженье будет. Не солгу,
Честное слово дать могу.

Строфа XLIII имеется в белой рукописи. В первом издании она появилась без первых четырех стихов:

Как гонит бич в песку манежном
По корде резвых кобылиц,
Мужчины в округе мятежном
Погнали, дернули девиц.
Подковы, шпоры Петушкова
(Канцеляриста отставного)
Стучат; Буянова каблук
Так и ломает пол вокруг;
Треск, топот, грохот — по порядку:
Чем дальше в лес, тем больше дров;
Теперь пошло на молодцов:
Пустились, только не в присядку.
Ах! легче, легче! каблук
Отдавят дамские носки!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Строфы XV и XVI, пропущенные Пушкиным, сохранились в копии:

XV

Да, да, ведь ревности припадка —
Болезнь, так точно как чума,
Как черный сплин, как лихорадка,
Как повреждение ума.
Она горячкой пламенеет,
Она свой жар, свой бред имеет,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй бог, друзья мои!
Мучительней нет в мире казни
Ее терзаний роковых.
Поверьте мне: кто вынес их,
Тот уж, конечно, без боязни
Взойдет на пламенный костер
Иль шею склонит под топор.

XVI

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя уж нет, о ты, которой
Я в бурях жизни молодой
Обязан опытом ужасным
И рая мигом сладострастным.
Как учат слабое дитя,
Ты душу нежную, мутя,
Учила горести глубокой.
Ты негой волновала кровь,
Ты воспаляла в ней любовь
И пламя ревности жестокой;
Но он прошел, сей тяжкий день:
Почий, мучительная тень!

Строфа XXXIV. Вероятно, к этому месту главы относятся две черновые строфы, сохранившиеся в бумагах Пушкина:

В сраженьи смелым быть похвально,
Но кто не смел в наш храбрый век?
Всё дерзко бьется, лжет нахально;
Герой, будь прежде человек.
Чувствительность бывала в моде

И в нашей северной природе.
Когда горящая картечь
Главу сорвет у друга с плеч,
Плачь, воин, не стыдись, плачь вольно:
И Кесарь слезы проливал,
Когда он друга смерть узнал,
И сам был ранен очень больно
(Не помню где, не помню как);
Он был, конечно, не дурак.

Но плакать и без раны можно
О друге, если был он мил,
Нас не дразнил неосторожно
И нашим прихотям служил.
Но если жница роковая,
Окровавленная, слепая,
В огне, в дыму — в глазах отца
Сразит залетного птенца!
О страх! о горькое мгновенье!
О Строганов, когда твой сын
Упал, сражен, и ты один,
Забыл ты славу и сраженье
И предал славе ты чужой
Успех, ободренный тобой.

Как мрачный стон, как гроба холод...

.....

Строфа XXXVIII известна по сохранившейся копии, в которой недостает двух заключительных стихов:

Исполня жизнь свою отравой,
Не сделав многого добра,
Увы, он мог бессмертной славой
Газет наполнить нумера.
Уча людей, мороча братий,
При гrome плесков иль проклятий,
Он совершить мог грозный путь,
Дабы последний раз дохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов иль Нельсон,

Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев.

. . . . .
. . . . .

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Строфы VIII и IX, пропущенные в печати, имеются в рукописи:

VII

Но раз вечернею порою
Одна из дев сюда пришла.
Казалось, тяжкою тоскою
Она встревожена была;
Как бы волнуемая страхом,
Она в слезах пред милым прахом
Стояла, голову склонив
И руки с трепетом сложив;
Но тут поспешными шагами
Ее настиг молодой улан;
Затянут, статен и румян,
Красуясь черными усами,
Нагнув широкие плеча
И гордо шпорами звуча.

IX

Она на воина взглянула,
Горел досадою взор его,
И побледнела и вздохнула,
Но не сказала ничего;
И молча Ленского невеста
От сиротеющего места
С ним удалилась — и с тех пор
Уж не являлась из-за гор.
Так равнодушное забвенье
За гробом настигает нас,
Врагов, друзей, любовниц глас
Умолкнет — об одном именье
Наследников ревнивый хор
Заводит непристойный спор.

Последние стихи строфы IX после ее исключения Пушкин перенес в строфу XI, которая первоначально оканчивалась так:

По крайней мере из могилы
Не вышла в сей печальный день
Его ревнующая тень,
И в поздний час, Гимену милый,
Не испугали молодых
Следы явлений гробовых.

За строфой XXI в белой рукописи следует описание «Альбома Онегина» и записи из этого альбома, исключенные из печати:

XXII

Опрятно по краям окован
Позолоченным серебром;
Он был исписан, изрисован
Рукой Онегина кругом.
Меж непонятого маранья
Мелькали мысли, замечанья,
Портреты, числа, имена
Да буквы, тайны письмена,
Отрывки, письма черновые,
И, словом, искренный журнал,
В который душу изливал
Онегин в дни свои младые,
Дневник мечтаний и проказ;
Кой что я выпишу для вас.

Альбом Онегина

1

Меня не любят и клеветуют,
В кругу мужчин несносен я,
Девчонки предо мной трепещут,
Косятся дамы на меня.
За что? — за то, что разговоры
Принять мы рады за дела,
Что вздорным людям важны вздоры,
Что глупость ветрена и зла,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность

Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит.

2

Бойтесь вы графини — овой? —
Сказала им Элиза К.
— Да, — возразил NN суровый, —
Боймся мы графини — овой,
Как вы бойтесь паука.

3

В Коране мыслей много здравых,
Вот например: пред каждым сном
Молись, беги путей лукавых,
Чти бога и не спорь с глупцом.

4

Цветок полей, листок дубрав
В ручье Кавказском каменеет.
В волненьи жизни так мертвеет
И ветреный и нежный нрав.

5

Шестого был у В. на бале.
Довольно пусто было в зале;
R. C. как ангел хороша:
Какая вольность в обхожденьи,
В улыбке, в томном глаз движеньи,
Какая нега и душа!

Далее зачеркнуты два стиха:

Она сказала (nota bene), *
Что завтра едет к Селимене.

6

Вечор сказала мне R. C.:
Давно желала я вас видеть.
Зачем? — мне говорили все,

---

* Надо заметить. (Латинск.) — Ред.

Что я вас буду ненавидеть.
За что? — за резкий разговор,
За легкомысленное мнение
О всем; за колкое презренье
Ко всем; однако ж это вздор.
Вы надо мной смеяться властны,
Но вы совсем не так опасны;
И знали ль вы до сей поры,
Что просто — очень вы добры?

7

Сокровища родного слова,
Заметят важные умы,
Для лепетания чужого
Безумно пренебрегли мы.
Мы любим муз чужих игрушки,
Чужих наречий погремушки,
А не читаем книг своих.
Да где ж они? — давайте их.
А где мы первые познания
И мысли первые нашли,
Где поверяем испытанья,
Где узнаем судьбу земли?
Не в переводах одичалых,
Не в сочиненьях запоздалых,
Где русский ум и русский дух
Зады твердит и лжет за двух.

8

Мороз и солнце! чудный день,
Но нашим дамам видно лень
Сойти с крыльца и над Невою
Блеснуть холодной красотою,
Сидят; напрасно их манит
Песком усыпанный гранит.
Умна восточная система
И прав обычай стариков:
Они родились для гарема
Иль для неволи теремов.

Вчера у В., оставя пир,
 Р. С. летела как зефир,
 Не внемля жалобам и пеням,
 А мы по лаковым ступеням
 Летели шумною толпой
 За одалиской молодой.
 Последний звук последней речи
 Я от нее поймать успел,
 Я черным соболем одел
 Ее блистающие плечи,
 На кудри милой головы
 Я шаль зеленую накинул,
 Я пред Венерою Невы
 Толпу влюбленную раздвинул.

10-я запись не выписана, а только обозначена:

— — — я вас люблю... *

За этим дана последняя запись:

11

Сегодня был я ей представлен,
 Глядел на мужа с полчаса;
 Он важен, красит волоса,
 Он чином от ума избавлен.

В черновой рукописи сохранилось еще несколько записей из «Альбома Онегина»:

Я не люблю княжны S. L.
 Ее невольное кокетство
 Она взяла себе за средство,
 Короче было б взять за цель.

Чего же так хотелось ей?
 Сказать ли первые три буквы?
 К-Л-Ю-Клю... возможно ль, клюквы!

* Возможно, что этими словами Пушкин обозначил строфу, вычеркнутую им из третьей главы романа: «Но вы, кокетки записные» (см. стр. 636) — *Ред.*

К четвертой записи было продолжение:

Так напряженьем воли твердой
Мы страсть безумную смирим,
Беду снесем душою гордой,
Печаль надеждой усладим!
Но как . . . . . утешить
Тоску, безумную тоску.
. . . . .

Строфа XXIV. За этой строфой первоначально было:

С ее открытием поздравим
Татьяну милую мою
И в сторону свой путь направим,
Чтоб не забыть, о ком пою.
Убив неопытного друга,
Томленье сельского досуга
Не мог Онегин перенести,
Решился он в кибитку сесть.
Раздался колокольчик звучный,
Ямщик удалый засвистал,
И наш Онегин поскакал
Искать отраду жизни скучной —
По отдаленным сторонам,
Куда, не зная точно сам.

Строфа XXXV. После этой строфы в черновике следовало:

Татьяну всё воображая
Еще ребенком, няня ей
Сулит веселье, истощая
Риторику хвалы своей.
Вотще она велеречиво
Москву описывает живо.
. . . . .

Строфа XXXVI первоначально оканчивалась следующими стихами:

Москва! как много в этом звуке
Для сердца русского слилось! ..
Как сильно в нем отозвалось!
В изгнании, в горести, в разлуке,
Москва! как я любил тебя,
Святая родина моя!

Строфа 1. К этой строфе относится набросок:

Как живо колкий Грибоедов
В сатире внуков описал,
Как описал Фонвизин дедов,
Созвал он всю Москву на бал.

. . . . .

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Предполагая издать одним выпуском две главы: VIII («Путешествие Онегина») и IX (по окончательному счету печатной редакции VIII); Пушкин написал к ним предисловие:

У нас довольно трудно самому автору узнать впечатление, произведенное в публике сочинением его. От журналов узнает он только мнение издателей, на которое положиться невозможно по многим причинам. Мнение друзей, разумеется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не станут ему в глаза бранить его произведение, хотя бы оно того и стоило.

При появлении VII песни Онегина журналы вообще отозвались об ней весьма неблагоприятно. Я бы охотно им поверил, если бы их приговор не слишком уж противоречил тому, что говорили они о прежних главах моего романа. После неумеренных и незаслуженных похвал, коими осыпали 6 частей одного и того же сочинения, странно было мне читать, например, следующий отзыв:

«Можно ли требовать внимания публики к таким произведениям, какова, например, глава VII Евгения Онегина? Мы сперва подумали, что это мистификация, просто шутка или пародия, и не прежде уверились, что эта глава VII есть произведение сочинителя «Руслана и Людмилы», пока книгопродавцы нас не убедили в этом. Эта глава VII — два маленькие печатные листика — испещрена такими стихами и балагурством, что в сравнении с ними даже Евгений Вельский кажется чем-то похожим на дело¹. Ни одной мысли в этой водянистой VII главе, ни одного чувствования, ни одной картины, достойной воззрения! Совершенное падение, chute complète... Читатели наши спросят: каково же содержание этой VII главы в 57 страничек? Стихи Онегина увлекают нас и заставляют отвечать стихами на этот вопрос:

Ну, как рассеять горе Тани?
Вот как: посадят деву в сани

---

¹ Евгений Вельский. Прошу извинения у неизвестного мне поэта, если принужден повторить здесь эту грубость. Судя по отрывкам его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обидным, если находят Евгения Онегина ниже Евгения Вельского.

И повезут из милых мест
В Москву на ярманку невест!
Мать плачется, скучает дочка;
Конец *седьмой главе* — и точка ¹.

Точно так, любезные читатели, всё содержание этой главы в том, что Таню везут в Москву из деревни!»

В одном из наших журналов сказано было, что VII глава не могла иметь никакого успеха, ибо век и Россия идут вперед, а стихотворец остается на прежнем месте. Решение несправедливое (т. е. в его заключении). Если век может идти себе вперед, науки, философия и гражданственность могут усовершенствоваться и изменяться, — то поэзия остается на одном месте, не стареет и не изменяется. Цель ее одна, средства те же. И между тем как понятия, труды, открытия великих представителей старинной астрономии, физики, медицины и философии состарелись и каждый день заменяются другими, произведения истинных поэтов остаются свежи и вечно юны, ибо душа человеческая с ее волнениями и страстями всегда одна в своих разнообразных изменениях.

Поэтическое произведение может быть слабо, неудачно, ошибочно, — виновато уж, верно, дарование стихотворца, а не век, ушедший от него вперед.

Вероятно, критик хотел сказать, что Евгений Онегин и весь его причет уже не новость для публики и что он надоел и ей, как журналистам.

Как бы то ни было, решаюсь еще искутить ее терпение. Вот еще две главы Евгения Онегина — последние, по крайней мере для печати. . . Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших. Осьмую главу я хотел было вовсе уничтожить и заменить одной римской цифрою, но побоялся критики. К тому же многие отрывки из оной были уже напечатаны. Мысль, что шутивную пародию можно принять за неуважение к великой и священной памяти, — также удерживала меня. Но Чайльд Гарольд стоит на такой высоте, что каким бы тоном о нем ни говорили, мысль о возможности оскорбить его не могла во мне родиться.

28 ноября 1830

Болдино

---

¹ 2 з а м е ч. Стихи эти очень хороши, но в них заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предмет может быть избран стихотворцем; критике нет нужды разбирать, что стихотворец описывает, но как описывает.

Строфы 1—11. В печатном тексте Пушкин указал пропуск десяти стихов 11 строфы. В действительности здесь пропущен ряд строф, описывающих лицейские годы.

I

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Елисея,
А Цицерона проклинал,
В те дни, как я поэме редкой
Не предпочел бы мячик меткий,
Считал схоластику за вздор
И прыгал в сад через забор,
Когда порой бывал прилежен,
Порой ленив, порой упрям,
Порой лукав, порою прям,
Порой смирен, порой мятежен,
Порой печален, молчалив,
Порой сердечно говорлив.

II

Когда в забвеньи перед классом
Порой терял я взор и слух,
И говорить старался басом,
И стриг над губой первый пух,
В те дни... в те дни, когда впервые
Заметил я черты живые
Прелестной девы, и любовь
Младую взволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманом пылких снов,
Везде искал ее следов,
Об ней задумывался нежно,
Весь день минутной встречи ждал
И счастье тайных мук узнал.

III

В те дни — во мгле дубравных сводов
Близ вод, текущих в тишине,
В углах лицейских переходов
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья,
Доселе чуждая веселья,

Вдруг озарилась! — муза в ней
Открыла пир своих затей;
Простите, хладные науки!
Простите, игры первых лет!
Я изменился, я поэт,
В душе моей едины звуки
Переливаются, живут,
В размеры сладкие бегут.

IV

И первой нежностью томима,
Мне муза пела, пела вновь
(Amorem canat aetas prima) *
Всё про любовь да про любовь.
Я вторил ей — младые други
В освобожденные досуги
Любили слушать голос мой.
Они, пристрастною душой
Ревнуя к братскому союзу,
Мне первый поднесли венец,
Чтоб им украсил их певец
Свою застенчивую музу.
О, торжество невинных дней!
Твой сладок сон душе моей.

V

И свет ее с улыбкой встретил,
Успех нас первый окрылил,
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.
И Дмитрев не был наш хулитель;
И быта русского хранитель,
Скрижаль оставя, нам внимал
И музу робкую ласкал.
И ты, глубоко вдохновенный
Всего прекрасного певец,
Ты, идол девственных сердец,
Не ты ль, пристрастьем увлеченный,
Не ты ль мне руку подавал
И к славе чистой призывал.

---

* Ранний возраст воспевае любовь. (Латинск.) — *Ред.*

В черновиках сохранились строфы, отчасти совпадающие с беловыми, но в основном дающие другие подробности лицейских лет Пушкина.

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал украдкой Апулея,
А над Виргилием зевал,
Когда ленился и проказил,
По кровле и в окошки лазил,
И забывал латинский класс
Для алых уст и черных глаз;
Когда тревожить начинала
Мне сердце смутная печаль,
Когда таинственная даль
Мои мечтанья увлекала,
И грезы до рассвета дня
Будили радостно меня.

Когда французом называли
Меня задорные друзья,
Когда педанты предрекали,
Что ввек повесой буду я,
Когда по розовому полю
Резвились и бесились вволю,
Когда в тени густых аллей
Я слушал клики лебедей,
На воды светлые взирая,
Или когда среди равнин

. . . . .
Кагульский мрамор навещая
. . . . .

Строфа IV в беловой рукописи начиналась стихами:

Но рок мне бросил взоры гнева
И вдаль занес. — Она за мной.
Как часто ласковая дева
Мне услаждала час ночной

Строфа XXIII оканчивалась стихами:

И слова не было в речах
Ни о дожде, ни о чепцах.

Далее следовали две строфы:

Со всею вольностью дворянской
Чуждаясь щегольства речей
И щекотливости мещанской
Журнальных чопорных судей,
В гостиной светской и свободной
Был принят слог простонародный
И не пугал ничьих ушей
Живою странностью своей
(Чему, наверно, удивится,
Готовя свой разборный лист,
Иной глубокий журналист;
Но в свете мало ль что творится,
О чем у нас не помышлял,
Быть может, ни один журнал!)

Никто насмешкою холодной
Встречать не думал старика,
Замея воротник немодный
Под бантом шейного платка.
И новичка-провинциала
Хозяйка спесью не смущала;
Равно для всех она была
Непринужденна и мила;
Лишь путешественник залетный,
Блестящий лондонский нахал,
Полуулыбку возбуждал
Своей осанкою заботной;
И быстро обмененный взор
Ему был общий приговор.

Строфа XXIV. После нее в белой рукописи:

И та, которой улыбалась
Расцветшей жизни благодать,
И та, которая сбиралась
Уж общим мнением управлять,
И представительница света,
И та, чья скромная планета
Должна была когда-нибудь
Смирненным счастьем блеснуть,
И та, которой сердце, тайно

Нося безумной страсти казнь,
Питало ревность и боязнь, —
Соединенные случайно,
Друг дружке чуждые душой,
Сидели тут одна с другой.

Строфа XXV. Вместо этой строфы в белой рукописи:

Тут был на эпиграммы падкий
На всё сердитый князь Бродин:
На чай хозяйки слишком сладкий,
На глупость дам, на тон мужчин,
На вензель, двум сироткам данный,
На толки про роман туманный,
На пустоту жены своей
И на неловкость дочерей;
Тут был один диктатор бальный,
Прыгун суровый, должностной;
У стенки фертик молодой
Стоял картинкою журнальной,
Румян как вербный херувим,
Затянут, нем и недвижим.

Строфа XXVI. Вместо стихов 5—14 в белой рукописи:

Тут был К. М., француз, женатый
На кукле чахлой и горбатой
И семи тысячах душах;
Тут был во всех своих звездах
Правленья цензор непреклонный
(Недавно грозный сей Катон
За взятки места был лишен);
Тут был еще сенатор сонный,
Проведший с картами свой век,
Для власти нужный человек.

После строфы XXVI в рукописи:

Смотрите: в залу Нина входит,
Остановилась у дверей
И взгляд рассеянный обводит
Кругом внимательных гостей;
В волненьи перси, плечи блещут,
Горит в алмазах голова,
Вкруг стана вьются и трепещут

Прозрачной сетью кружева,
И шелк узорной паутиной
Сквозит на розовых ногах;
Один Онегин . . . . .
Пред сей волшебною картиной:
Одной Татьяной поражен,
Одну Татьяну видит он.

Эту строфу Пушкин позднее предполагал заменить следующей:

И в зале яркой и богатой,
Когда в умолкший, тесный круг,
Подобна лилии крылатой
Колеблясь, входит Лалла-Рук,
И над поникшею толпою
Сияет царственной главою,
И тихо вьется и скользит
Звезда-харита меж харит,
И взор смешенных поколений
Стремится, ревностью горя,
То на нее, то на царя, —
Для них без глаз один Евгений:
Одной Татьяной поражен,
Одну Татьяну видит он.

Строфа XXVII. За этой строфой в белой рукописи следует еще одна:

Проходят дни, летят недели,
Онегин мыслит об одном,
Другой себе не знает цели,
Чтоб только явно иль тайком
Где б ни было княгиню встретить,
Чтобы в лице ее заметить
Хоть озабоченность иль гнев.
Свой дикий нрав преодолев,
Везде — на вечере, на бале,
В театре, у художниц мод,
На берегах замерзлых вод,
На улице, в передней, в зале
За ней он гонится как тень.
Куда его девалась лень!

ПУТЕШЕСТВИЕ ОНЕГИНА

*«Путешествие Онегина» первоначально составляло восьмую главу. В рукописи она сохранилась не полностью, в следующем составе.
Строфа I совпадает со строфой X последней (т. е. VIII) главы:*

Блажен, кто смолоду был молод

. . . . .

II

Блажен, кто понял голос строгий
Необходимости земной,
Кто в жизни шел большой дорогой,
Большой дорогой столбовой, —
Кто цель имел и к ней стремился,
Кто знал, зачем он в свет явился
И богу душу передал
Как откупщик иль генерал.
«Мы рождены, — сказал Сенека, —
Для пользы ближних и своей»
(Нельзя быть проще и ясней),
Но тяжело, прожив полвека,
В минувшем видеть только след
Утраченных бесплодных лет.

Строфа III совпадает, за исключением первого стиха, со строфой XI последней главы:

Несносно думать, что напрасно

. . . . .

Строфа IV совпадает со строфой XII последней главы:

Предметом став суждений шумных

. . . . .

V

Наскуча или слыть Мельмотом,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся раз он патриотом
Дождливой, скучною порой.
Россия, господа, мгновенно
Ему понравилась отменно,
И решено. Уж он влюблен,

Уж Русью только бредит он,
Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой,
С ее развратной суетой.
Онегин едет; он увидит
Святую Русь: ее поля,
Пустыни, грады и моря.

VI

Он собрался, и слава богу
Июля третьего числа
Коляска легкая в дорогу
Его по почте понесла.
Среди равнины полудикой
Он видит Новгород-великий.
Смирились площади — средь них
Мятежный колокол утих,
Не бродят тени великанов:
Завоеватель скандинав,
Законодатель Ярослав
С четою грозных Иоаннов,
И вокруг поникнувших церквей
Кипит народ минувших дней.

VII

Тоска, тоска! Спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком будто тени
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.
Тут у привязчивых крестьянок
Берет три связки он баранок,
Здесь покупает туфли, там
По гордым волжским берегам
Он скачет сонный. Кони мчатся
То по горам, то вдоль реки,
Мелькают версты, ящики
Поют, и свищут, и бранятся,
Пыль вьется. Вот Евгений мой
В Москве проснулся на Тверской.

VIII

Москва Онегина встречает
Своей спесивой суетой,
Своими девами прельщает,
Стерляжей потчует ухой,
В палате Английского клоба
(Народных заседаний проба)
Безмолвно в думу погружен
О кашах пренья слышит он.
Замечен он. Об нем толкует
Разноречивая молва,
Им занимается Москва,
Его шпионом именует,
Слагает в честь его стихи
И производит в женихи.

IX

Тоска, тоска! Он в Нижний хочет,
В отчизну Минина. Пред ним
Макарьев суетно хлопочет,

и далее как в тексте «Отрывков из путешествия Онегина» (стр. 567):

X

Тоска! Евгений ждет погоды.
Уж Волга, *рек, озер краса,*
Его зовет на пышны воды,
Под полотняны паруса.
Взмахнуть охотника нетрудно:
Наняв купеческое судно,
Поплыл он быстро вниз реки.
Надулась Волга; бурлаки,
Опершись на багры стальные,
Унынным голосом поют
Про тот разбойничий приют,
Про те разъезды удалые,
Как Стенька Разин в старину.
Кровавил Волжскую волну.

XI

Поют про тех гостей незваных,
Что жгли да резали. Но вот
Среди степей своих песчаных
На берегу соленых вод
Торговый Астрахань открылся.
Онегин только углубился
В воспоминанья прошлых дней,
Как жар полуденных лучей
И комаров нахальных тучи,
Пища, жужжа со всех сторон,
Его встречают, — и, взбешен,
Каспийских вод брега сыпучи
Он оставляет тот же час.
Тоска! — он едет на Кавказ.

XII

Он видит: Терек своенравный

и далее как в «Отрывках из путешествия Онегина» (строфы XII, XIII и XIV).

В черновике за строфой XII следовали еще три (из них первая без четырех начальных стихов):

Вдали Кавказские громады,
К ним путь открыт — чрез их преграды
За их естественную грань
До Грузии промчалась брань.
Авось их дикою красою
Случайно тронут будет он.
И вот, конвоем окружен,
Вослед за пушкою степною
. . . . . — ступил Онегин вдруг
В преддверье гор, в их мрачный круг.

Он видит: Терек разъяренный
Трясет и точит берега,
Над ним с чела скалы нагбенной
Висит олень, склонив рога;
Обвалы сыплются и блещут;
Вдоль скал прямых потоки хлещут.

Меж гор, меж двух высоких стен
Идет ущелие; стеснен
Опасный путь всё уже, уже;
Вверху чуть видны небеса;
Природы мрачная краса
Везде являет дикость ту же.
Хвала тебе, седой Кавказ,
Онегин тронут в первый раз.

Во время оное былое! . .
В те дни ты знал меня, Кавказ,
В свое святилище пустое
Ты призывал меня не раз.
В тебя влюблен я был безумно.
Меня приветствовал ты шумно
Могучим гласом бурь своих.
Я слышал рев ручьев твоих,
И снеговых обвалов грохот,
И клик орлов, и пенье дев,
И Терека свирепый рев,
И эха дальнoзвучный хохот,
И зрел я, слабый твой певец,
Казбека царственный венец.

Строфа XVI, из которой часть Пушкин включил в «Отрывки из путешествия Онегина», полностью имеется в рукописи:

«Блажен, кто стар! блажен, кто болен,
Над кем лежит судьбы рука!
Но я здоров, я молод, волен.
Чего мне ждать? тоска! тоска! . .»
Простите, снежных гор вершины,
И вы, кубанские равнины;
Он едет к берегам иным,
Он прибыл из Тамани в Крым,
Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат,
Там пел изгнанник вдохновенный
И посреди прибрежных скал
Свою Литву воспоминал.

Далее следуют строфы, напечатанные в «Отрывках» (XVII—XXIX). После этого в рукописи читаем:

XXX

Итак, я жил тогда в Одессе
Средь новоизбранных друзей,
Забыв о сумрачном повесе,
Герое повести моей.
Онегин никогда со мною
Не хвастал дружбой почтовою,
А я, счастливый человек,
Не переписывался век
Ни с кем. Каким же изумленьем,
Судите, был я поражен,
Когда ко мне явился он
Неприглашенным привиденьем,
Как громко ахнули друзья
И как обрадовался я!

XXXI

Святая дружба! глас природы!!!
Взглянув друг на друга потом,
Как Цицероновы Авгуры
Мы рассмеялися тишком...

— — —
— — —
— — —

XXXII

Недолго вместе мы бродили
По берегам Эвксинских вод.
Судьбы нас снова разлучили
И нам назначили поход.
Онегин, очень охлажденный
И тем, что видел, насыщенный,
Пустился к невским берегам.
А я от милых южных дам,
От жирных устриц черноморских,
От оперы, от темных лож
И, слава богу, от вельмож
Уехал в тень лесов Тригорских,
В далекий северный уезд;
И был печален мой приезд.

XXXIII

О, где б судьба ни назначала
 Мне безыменный уголок,
 Где б ни был я, куда б ни мчала
 Она смиренный мой челнок,
 Где поздний мир мне б ни сулила,
 Где б ни ждала меня могила,
 Везде, везде в душе моей
 Благословлю моих друзей.
 Нет, нет! нигде не позабуду
 Их милых, ласковых речей;
 Вдали, один, среди людей
 Воображать я вечно буду
 Вас, тени прибережных ив,
 Вас, мир и сон Тригорских ив.

XXXIV

И берег Сороти отлогий,
 И полосатые холмы,
 И в роще скрытые дороги,
 И дом, где пировали мы, —
 Приют, сияньем муз одетый,
 Младым Языковым воспетый,
 Когда из капища наук
 Являлся он в наш сельский круг
 И нимфу Сороти прославил,
 И огласил поля кругом
 Очаровательным стихом;
 Но там и я свой след оставил,
 Там, ветру в дар, на темну ель
 Повесил звонкую свирель.

Среди ранних черновых набросков, возможно, относится к «Евгению Онегину» следующий отрывок. С каким именно местом романа он связан, определить трудно:

«Женись». — «На ком?» — «На Вере Чацкой». —
 «Стара». — «На Радиной». — «Проста». —
 «На Хальской». — «Смех у ней дурацкий». —
 «На Шиповой». — «Бедна, толста». —
 «На Минской». — «Слишком томно дышит». —
 «На Торбиной». — «Романсы пишет,
 Шалунья мать, отец дурак». —

«Ну так на Ленской». — «Как не так!
Приму в родство себе лакейство». —
«На Маше Липской». — «Что за тон!
Гримас, ужимок миллион». —
«На Лидиной». — «Что за семейство!
У них орехи подают,
Они в театре пиво пьют».

ПРИМЕЧАНИЯ

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящее собрание стихотворных произведений Пушкина содер­жит почти полностью его поэтическое наследие. Не вошли только неоформленные наброски, планы осуществленных произведений и т. п. Из черновых текстов и ранних редакций приведены лишь наиболее значительные.

В расположении текстов приняты во внимание проекты издания полного собрания произведений, принадлежащие самому Пушкину. Таких планов за годы 1829—1833 до нас дошло несколько. Все они более или менее похожи друг на друга, отличаясь лишь степенью полноты. Главное отличие состоит в том, что в некоторых планах «Евгений Онегин» располагается среди поэм на своем хронологическом месте, в других он выделен и помещен вне разделов. В основном планы характеризуются следующей последовательностью разделов: на первом месте неизменно находятся поэмы. Затем идут «Борис Годунов» и другие драматические произведения, и после них мелкие стихотворения. Сказки как особый раздел появляются уже в поздних планах без точного указания, в каком месте им следует находиться (или после поэм, или около стихотворений).

Текст произведений Пушкина, вошедших в это собрание, в общем дан по большому Академическому изданию сочинений Пушкина с проверкой по первоисточникам. Существенные отступления от текста академического издания оговорены в примечаниях. Звездочкой отмечены названия, принадлежащие не Пушкину, а поставленные условно редакторами его сочинений. Сокращенные обозначения основных изданий Пушкина см. в т. III.

В составлении и комментировании настоящего издания ближай­шее участие принимала И. Н. Медведева.

ПОЭМЫ

Самое раннее произведение Пушкина, дошедшее до нас, — неоконченная сатирическая поэма, написанная на сюжет жития новгородского святого. Уже в этой поэме ясно было направление молодого поэта, объединившего сказочные приключения жития, основан-

ного на народных фантастических преданиях, с едкой сатирой против духовенства. Вторым замыслом Пушкина, тоже оставшимся в отрывке, явилась сказочная поэма «Бова». И в этой поэме сказочные приключения соединены с острой сатирой против царей и придворного быта.

У Пушкина были и некоторые другие эпические замыслы в Лицее, но от них до нас не дошло никаких отрывков. Так, в лицейском дневнике в декабре 1815 года Пушкин записывает о своем намерении написать «ироическую поэму» «Игорь и Ольга», а также сообщает план задуманного им произведения (повидимому, описательной поэмы) «Картина Царского села».

Еще в Лицее Пушкин задумал новую поэму — «Руслан и Людмила», которую он закончил только в 1820 году.

Таким образом, уже с ранних лет Пушкин считал создание крупного стихотворного произведения своей главной задачей. Именно поэмы поставили Пушкина на первое место в ряду русских поэтов его времени.

Поэмы знаменуют вехи творческого пути Пушкина. Непосредственно после «Руслана и Людмилы» Пушкин вступает на путь романтической поэзии, озаглавленной «южными поэмами», от «Кавказского пленника» до «Цыган». Задуманные в эти годы поэмы на сказочные и исторические сюжеты не были осуществлены Пушкиным, так как они возвращали его к жанру «Руслана и Людмилы». В ряду поэм следует поставить и «Евгения Онегина». В проекте издания полного собрания сочинений, задуманного Пушкиным в 1832—1833 годах, он выделил поэмы в два первых тома, причем ставил «Евгения Онегина» в общий ряд поэм на своем хронологическом месте.

Из поэм романтического периода только «Гавриилиада» выходит за пределы романтического стиля, приближаясь по своей литературной манере к сатирическим поэмам позднего классицизма.

«Евгений Онегин» открывает собой начало нового периода в творчестве Пушкина, периода реалистического. Непосредственно к деревенским главам «Евгения Онегина» примыкает и коротенькая сатирическая поэма «Граф Нулин». «Полтава» представляет собой опыт новой исторической эпопеи, связанный с другими произведениями, посвященными Петру (например, «Арап Петра Великого»). Разнообразны поэмы последних лет: «Домик в Коломне», бытовая повесть о жизни петербургской окраины, рассказ о «маленьких людях», в какой-то степени предопределивший очерки позднее пришедшей натуральной школы Гоголя, «Анджело», где сюжет драмы Шекспира изложен в стиле итальянской новеллы раннего Возрождения, наконец крупнейшее произведение последнего периода — «Медный всадник», в котором бытовые зарисовки города соединяются с большими историческими обобщениями, а картины стихийного бедствия сопровождаются поэтическими напоминаниями о переломных моментах в судьбе русского государства.

Руслан и Людмила (стр. 71). Поэма начата в 1817 году (еще в Лицее), завершена 26 марта 1820 года. Эпилог написан на Кавказе 26 июля 1820 года, а вступление («У лукоморья дуб зеленый») в 1825—1826 годах в селе Михайловском. Отрывки поэмы пе-

чатались в журналах: «Невский зритель», 1820, ч. 1, март (стихи 295—520 первой песни) и «Сын отечества», 1820, ч. 61, № 15 и № 16 (стихи 35—465 третьей песни). Полностью (но без вступления и эпилога) вышла в конце июля или начале августа (в отсутствие сосланного в то время Пушкина) отдельным изданием. Редактором этого издания был поэт Н. И. Гнедич. Второе издание с предисловием, вступлением и эпилогом вышло в 20-х числах марта 1828 года (см. «Предисловие» в отделе «Из других редакций» настоящего издания). Сказочная эта поэма содержит элементы истории Руси времен Владимира, взятые Пушкиным из «Истории Государства Российского» Карамзина. Стихи:

*С друзьями, в гряднице высокой
Владимир-солнце пировал*

связаны со следующими строками «Истории Государства Российского»: «С того времени сей князь всякую неделю угощал в *гряднице*, или в прихожей дворца своего бояр, *грядней*» (т. I, гл. IX). Там же Карамзин говорит о пировавших у Владимира богатырях, среди которых был сильный *Рахдай*. Стих *Мечом раздвинувший пределы* связан с текстом Карамзина «расширил пределы государства на западе». Имя *Фарлафа* находится среди бояр, окружавших Олега (т. I, гл. V). Имеет свой комментарий у Карамзина и чародейство Финна. Карамзин пишет: «Финские чародейства подробно описываются в северных сказках» (т. I, гл. II, прим. 77). Сюжет поэмы не имеет прямой основы в русских сказках, но из них взяты многие мотивы: богатырская голова, шапка-невидимка и др. Обработкой мотивов народных сказок является вступление к поэме, написанное в Михайловском в 1824—1826 годах. Поэма вызвала споры и враждебные рецензии в журналах 1820 и 1821 годов, ответом на которые явилось предисловие ко второму изданию поэмы. В 1830 году в Болдине, подводя итог критическим отзывам о поэмах, Пушкин писал: «Руслана и Людмилу» вообще принял благосклонно. Кроме одной статьи в «Вестнике Европы», в которой ее поборники весьма неосновательно,* и весьма дельных Вопросов, избобличающих слабость создания поэмы,** кажется, не было об ней сказано худого слова. Никто не заметил даже, что она холодна. Обвиняли ее в безнравственности, за некоторые слегка сладострастные описания, за стихи, мною выпущенные во втором издании:

*О страшный вид! волшебник хилый
Ласкает сморщенной рукой, и т. д.*

за вступление, не помню которой песни: ***

Напрасно вы в тени таились и т. д.

---

* В статье «Жителя Бутырской слободы», которую Пушкин приписывал Каченовскому, но которую писал А. Г. Глаголев. — *Ред.*

** Вопросы в «Сыне отечества», 1820, № 38, которые Пушкин приписывал Катенину, но которые писал приятель Катенина Д. Зыков. — *Ред.*

*** Третьей песни. — *Ред.*

и за пародию «Двенадцать спящих дев»: * за последнее можно было меня пожурить порядком, как за недостаток эстетического чувства. Непростительно было (особенно в мои лета) пародировать в угождение черни девственное поэтическое создание. Прочие упреки были довольно пустые. Есть ли в «Руслане» хоть одно место, которое в вольности шуток могло быть сравнено с шалостями хоть, например, Ариоста, на котором поминутно твердили мне? Да и выпущенное мною место было очень, очень смягченное подражание Ариосту (*Orlando, canto V, ottava VIII*). *Баян* — имя певца времен Владимира, упоминаемое в «Слове о полку Игореве». Оттуда же взят эпитет «Вещий». *И Лелем свитый им венец* — брак (Лель — бог брака и любви в славянской мифологии, сочиненной писателями XVIII века). *Шехеразада* — героиня цикла (рассказчица) арабских сказок «Тысяча и одна ночь». *Прекраснее садов Армиды* — сад волшебницы Армиды, воспетой в поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим». *Царь Соломон иль князь Тавриды* — библейский царь Соломон и князь Потемкин-Таврический, обладатели несметных богатств и роскошных садов. *Питомец Феба и Паллады* — скульптор древности Фидий; покровителями его названы Феб — бог искусств, и Паллада — богиня ремесел и наук. *Орловский Александр Осипович (1777—1832)* — художник-баталист. *Зоил* — греческий критик IV—III вв. до н. э. Его придирчивые разборы Гомера послужили причиной того, что имя его стало нарицательным в значении излишне и несправедливо строгого критика. *Певец таинственных видений, северный Орфей* — В. А. Жуковский. Речь идет о его поэме «Двенадцать спящих дев». Пушкин далее пародирует сюжет этой поэмы. *Как лицемерная Диана* — богиня луны и охоты, считавшаяся девственницей, погубившая Актеона за то, что он видел ее купающейся. Между тем она предавалась любви с карийским пастухом Эндимионом, который был погружен ею в вечный сон. *Лемноса хромой кузнец* — бог Вулкан. Застав свою неверную жену Венеру спящей в объятиях Марса, Вулкан покрыл их сетью и призвал богов. Боги, увидев Венеру и Марса, рассмеялись.

Кавказский пленник (стр. 151). Поэма написана во второй половине 1820 года. К августу относится первоначальная редакция поэмы «Кавказ», писанная в Гурзуфе. В декабре была написана вся поэма (черновой текст). Беловой текст закончен перепиской 23 февраля 1821 года в Каменке. Эпиграф написан в Одессе, помечен Пушкиным 15 мая 1821 года. В отдельном издании имеются цензурные искажения; например, исключено: «Свобода! он одной тебя» и следующие семь стихов, изменены стихи о «гонении» в посвящении поэмы и др. Во втором издании (1828) некоторые из пропущенных мест были восстановлены. В этом издании напечатано предисловие, которое затем в издании «Поэм» 1835 года не вошло. (См. «Из других редакций»). Пушкин первоначально в рукописи избрал эпиграфом к поэме следующий отрывок из поэмы итальянского поэта Имполита Пиндемонте «Путешествия»:

Oh felice chi mai non pose il piede
Fuori della natia sua dolce terra;

* Эпизод четвертой песни. — *Ред.*

Egli il cor non lasciò fitto in oggetti
Che di più riveder non ha speranza,
E cio, che vive ancor, morte non piange.

Pindemonti *

Поэма посвящена Раевскому Николаю Николаевичу (младшему), другу Пушкина, с которым он ездил в 1820 году на Кавказ и в Крым. Поэма написана под непосредственным впечатлением от Кавказа, где Пушкин побывал в июне—июле 1820 года (Минеральные воды, Горячеводск, Кисловодск, Железноводск). Пушкин ценил описательную сторону своей поэмы, считая, что «верному, хотя слегка означенному изображению Кавказа и горских нравов» обязана она своим успехом. Позднее, перечитывая «Кавказского пленника», Пушкин писал: «Сам не понимаю, каким образом мог я так верно, хотя и слабо, изобразить нравы и природу, виденные мною издали» (черновой текст «Путешествия в Арзрум»). Но в оценке своей поэмы Пушкин отмечает и отсутствие углубленных характеристик. Пушкин писал, что в своем герое хотел «изобразить это равнодушие к жизни и ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которая сделалась отличительными чертами молодежи 19-го века». Пушкин сам недоволен своей обработкой характера героя. В «Опровержении на критики» (1830) он писал: «Кавказский Пленник» — первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил; он был принят лучше всего, что я ни написал, благодаря некоторым эгегическим и описательным стихам. Но зато Николай и Александр Раевский и я, мы вдоволь над ним насмеялись». Между тем характер Пленника с его стремлением к идеалу свободы отвечал настроениям декабристской молодежи. Новизна поэмы была в простоте сюжета и изложения. Особенностью поэмы является ее лирическая, эгегическая сущность. Многие стихи поэмы соответствуют элегиям Пушкина (ср. «Погасло дневное светило» и стихи поэмы «Отступник света, друг природы» и др.). Монологи героя, по существу, представляют собой элегии, которые легко выделяются из поэмы (так элегия «Я пережил свои желанья» является отпавшим фрагментом поэмы). *Цицианов* Павел Дмитриевич, *Котляревский* Петр Степанович и *Ермолов* Алексей Петрович — генералы, командовавшие русскими войсками на Кавказе.

Г а в р и и л и а д а (стр. 179). Поэма написана в апреле 1821 года. Автографов не сохранилось. Опубликовано в «Русской потаенной литературе XIX столетия». Лондон, 1861, стр. 40—49, с предисловием Н. Огарева. В рукописях Пушкина сохранился сжатый план, поме-

---

* О, счастлив тот, кто никогда не ступал
За пределы своей милой родины;
Его сердце не привязано к предметам,
Которые он больше не надеется увидеть,
И то, что еще живет, он не оплакивает как умершее.

Пиндемонти. (Итал.) — *Ред.*

Стихи эти выписаны из «Истории литератур южной Европы» Сисмонди, в которой Пиндемонте назван Пиндемонти.

ченный 6 апреля: «Святой дух, призвав Гавриила, описывает ему свою любовь и производит в сводники. Гавриил влюблен. Сатана и Мария». Пушкин хотел предпослать поэме посвящение (вероятно, Н. С. Алексееву, своему кишиневскому приятелю), которое в дошедшие до нас списки поэмы не вошло (см. «Вот муза резвая болтунья»). «Гавриилиада» — пародия на евангельский рассказ о благовещении девы Марии, зачавшей и родившей Христа от духа святого. В поэму вошла, кроме того, и пародия на библейскую легенду о грехопадении Адама и Евы. Поэма, совершенно нецензурная, получила нелегальное распространение в списках. В 1828 году по настоянию духовных властей началось политическое следствие, по которому Пушкин был привлечен как автор поэмы. На допросе Пушкин отрекся от авторства, а затем, после новых допросов написал письмо Николаю I. Письмо это до нас не дошло, но, повидимому, Пушкин сознался в авторстве. Следствие, начатое в июне, было закончено 31 декабря резолюцией Николая: «Мне это дело подробно известно и совершенно кончено». В *Меркурии архангела избрал* — в качестве гонца, ходатая (Меркурий — вестник олимпийских богов). *Не правда ли? вы помните то поле* — обращение к друзьям-лицеистам. Имеется запись лицеиста С. Д. Комовского с вариантом этих стихов из поэмы:

Вы помните ль то розовое поле,
Друзья мои, где красною весной,
Оставя класс, резвились мы на воле
И тешились отважною борьбой?
Граф Брольо был отважнее, сильнее,
Комовский же — проворнее, хитрее;
Не скоро мог решиться жаркий бой.
Где вы, лета забавы молодой?

Вадим (стр. 197). Представляет первую песнь неоконченной поэмы «Вадим», писанной в 1822 году. Без ведома Пушкина отрывок (стихи 79—139) напечатан в альманахе «Памятник отечественных муз» на 1827 год. В «Московском вестнике», 1827, № 17, стр. 3—7, Пушкин напечатал 134 стиха (1—164 с пропуском стихов 71—75 и 114—138). По списку М. А. Урусова, дающему полностью первую песнь поэмы, опубликовано в сборнике «Пушкин родоначальник новой русской литературы». М.—Л., 1941, стр. 21—24. Героем поэмы является князь Вадим Новгородский — предводитель восстания в Новгороде в 863 году. Карамзин в «Истории Государства Российского», ссылаясь на летописцев, пишет: «Какой-то Вадим, именованый Храбрым пал от руки сильного Рюрика вместе со многими из своих единомышленников в Новгороде — случай вероятный: люди, привыкшие к вольности, от ужасов безначалия могли пожелать властителей, но могли и раскаяться, ежели варяги, единосемцы и друзья Рюриковы, утесняли их» (т. I, гл. IV). Летописное известие о Вадиме сравнительно позднего происхождения, почему Карамзин и подвергал его сомнению. Оно очень кратко: «Того же лета (863) оскорбишася новгородцы, глаголюще яко быти нам рабом и много зла всячески пострадати от Рюрика и от рода его. Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных много изби новгородцев советников его». Это краткое известие послужило основой для многих

литературных обработок, и имя Вадима вошло в традицию как имя первого русского вождя политического восстания и борца за свободу против самодержавной власти Рюрика. Из всех этих произведений наибольшей известностью пользовалась трагедия Я. Княжнина «Вадим», напечатанная при его жизни, но затем запрещенная цензурой и уничтоженная. Рылеев написал о Вадиме думу (но не окончил ее). Поэма Пушкина начата им одновременно с замыслом трагедии. Набросок трагедии и планы см. во втором томе. Возникновение этой темы в начале двадцатых годов объясняется тем, что пропаганда идей народоправства, которую вел Союз благоденствия, оживила интерес к истории древней Руси. Декабристы часто обращались к Новгородской вольности как исторической картине исконной, присущей русским гражданской свободы, идеализируя прошлое и окружая имя Вадима ореолом революционного героя. *С суровым племенем Одена* — т. е. со скандинавами (главное божество древних скандинавских народов — Оден, или, правильнее, Один). *Кириаландия* — Карелия. *Альбион* — древнее название Великобритании. *Перун* — бог громовержец. *Световид* — бог солнца и войны. *Ладо* или Лада — божество любви, брака и веселия (по условной славянской мифологии).

Братья разбойники (стр. 205). Поэма была написана в 1821—1822 годах, полный текст ее сожжен Пушкиным. Отрывки печатались: в «Полярной звезде» на 1825 год, стр. 359—367 (от «Нестая воронов слеталась» до «За старца брат меня молил») и в «Славянине», 1827, ч. 2, № 26, стр. 456—457 (от «Ах, юность, юность удалая!» до «И стража отвела в острог»). Поэма напечатана отдельной книжкой в 1827 году. Содержание полного текста поэмы можно представить по сохранившемуся плану:

I

Вечером девица плачет, подговаривает, молодцы готовы отплыть; есаул — где-то наш атаман — Они плывут и поют...

Под Астраханью разбивают корабль купеческий; он берет себе друга — та сходит с ума — новая не любит и умирает — он пускается на все злодейства. Есаул предает его.

II

- I. Разбойники, история двух братьев. —
- II. Атаман и с ним дева; хлад его etc.; песнь на Волге.
- III. Купеческое судно, дочь купца.
- IV. Сходит с ума.

По поводу уничтожения полного текста поэмы Пушкин писал А. Бестужеву: «Разбойников я сжег — и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского; если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог — не испугают нежных ушей читательниц «Полярной звезды», то напечатай его». Повидимому, Пушкин был недоволен поэмой, но сохранившийся отрывок считал удавшимся. Можно предполагать, что Пушкин хотел воспользоваться той же темой для какого-то лирического произведения под названием «Молдавская песня» (см. стр. 603).

Характеры и любовная ситуация уничтоженной поэмы совпадают с аналогичными характеристиками и ситуацией поэмы «Бахчисарайский фонтан». В письме к Вяземскому (от 11 ноября 1823 года) Пушкин сообщает: «Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославе, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдуманы». Кроме этого эпизода, в основе сюжета — реальные факты народного обнищания и отчаяния, приводившие к разбоям, которые Пушкин наблюдал на юге.

Бахчисарайский фонтан (стр. 213). Поэма начата весной 1821 года. Написана в 1822 году. Окончательная отделка относится к 1823 году. Впервые напечатана в начале 1824 года без стихов 549—558 (от «Все думы сердца к ней летят» до «Свое безумство разглашать»). К изданию 1824 и второму изданию 1827 года вместо предисловия предпослана статья П. Вяземского «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова». Ко всем трем прижизненным изданиям приложена выписка из книги И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде» (1823), а к третьему изданию (1830) еще и «Отрывок из письма Пушкина к Д.» с предисловием «От издателей»: «Желая познакомить читателей, не бывавших в Тавриде, со сценою повествования поэта нашего, предлагаем им здесь 1) выписку из любопытного и занимательного путешествия по Тавриде, изданного И. М. Муравьевым-Апостолом, 2) отрывок из письма самого автора к Д***». Эпиграф к поэме — из «Бустана» персидского поэта Саади (взятый Пушкиным из поэмы Т. Мура «Лалла-Рук» по французскому переводу Амедея Пишо). Сюжетная ситуация поэмы близка к сюжету неосуществленной поэмы о разбойнике (см. стр. 679). Бахчисарайский дворец и природа южного берега Крыма описаны Пушкиным под впечатлением от пребывания в Крыму в августе—сентябре 1820 года. До 1787 года «фонтан слез», послуживший сюжетом для поэмы Пушкина, находился при мавзолее на могиле одной из жен Крым-Гирея — Дилары Бикеч. Ко времени поездки Екатерины II в Крым был перенесен во дворец и подновлен. Памятник и фонтан были сооружены Крым-Гиреем в 1763 году. С этим мавзолеем и «фонтаном слез» была связана легенда о христианке, пленнице Крым-Гирея; считали, что это была Мария Потоцкая, взятая в плен во время похода в Польшу. Эту легенду Пушкин слышал еще до посещения Бахчисарая, в семействе Раевских. Хан Крым-Гирей, построивший «фонтан слез» и мавзолеем над могилой Дилары Бикеч, царствовал в Крыму с 1758 по 1764 год, а затем был отрешен от власти и вновь призван для ведения войны с Россией в 1768—1770 годах. Но так как памятник был построен в 1763 году, то надо полагать, что пленение относилось еще к началу 50-х годов, когда Крым-Гирей, будучи сераскиром ногайских орд, делал набеги на Польшу. Исторические сведения о походах крымских ханов Пушкин нашел в книге, названной им «Histoire de la Crimée», которую он брал у В. Ф. Раевского. Это могла быть книга Сестренцевича Богуша «Histoire de la Tauride», или, что еще вероятнее, книга Кастельно, вышедшая в 1820 году, «Essai sur l'histoire ancienne et moderne de la

Nouvelle Russie», содержащая историю Крыма и обзор его современного состояния. Пушкин пренебрег исторической достоверностью в поэме. Хана он назвал родовым именем всех крымских ханов. В черновой редакции, правда, он именовал его Девлет-Гиреем, но затем отказался от этого имени. Время действия в поэме неопределенное и скорее относится к раннему периоду Крымского ханства («Козни Генуи лукавой» могли происходить не позднее середины XV века, когда столица ханства была еще не в Бахчисарае, а в Солхате (Старом Крыме). Не придавая значения исторической точности в романтической поэме, Пушкин точен в описании природы, дворца, гаремной неволи и в типизующей, хотя и беглой характеристике самих ханов. Заключительная часть поэмы («Покинув север наконец» и след.) связывает ее с лирическим замыслом, отразившимся в набросках «Тавриды» (см. т. III, стр. 180) и в стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы» (т. III, стр. 133). Пушкин писал в статье 1830 года «Опровержение на критики»:

«Бахчисарайский фонтан» слабее «Пленника» и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство. Его, кажется, не критиковали. А. Раевский хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю — и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет...

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Всё это смешно, как мелодрама».

Несет ли Польша свой закон. — Крымское ханство постоянно угрожало польским владениям на Украине. На протяжении XVI—XVIII веков (кончая 60-ми годами) ханы неоднократно предъявляли Польше свои военные и экономические требования. *Открыл ли в войске заговор.* — Татарское войско, состоящее из многочисленных орд, часто бунтовало против ханов, утвержденных Стамбулом, свергало их и ставило своих военачальников (сераскиров). *Страшитесь ли народов гор* — речь идет о кавказских племенах. *Иль козней Генуи лукавой.* — Генуэзцы, учредившие в XIII веке свои колонии на Черноморском побережье Крыма, сохраняли торговые и военные права вплоть до 70-х годов XV века. *Брега веселые Салгира* — так Пушкин именует весь Крым, а отнюдь не те места в Симферополе и к югу от него, где протекает река с географическим названием Салгир. *В горах, дорогою прибрежной.* — Очевидно, имеется в виду старая береговая дорога из Гурзуфа в Партенит, доходившая по берегу до Аю-Дага и далее переваливающая через гору к Партенитскому заливу. *Аю-Даг* — гора (ныне именуемая Медведем), выдававшаяся в море. *Выписка из путешествия по Тавриде.* — Имеется в виду книга «Путешествие по Тавриде» И. М. Муравьева-Апостола, 1823 (представляющая собой путевые письма). *По теремам и дворам таврической Аламбры* — по отдельным флигелям и внутренним дворикам ханского дворца, сравниваемого с

Аламброй, или Альгамброй — дворцом-крепостью, сооруженным маврами в Гренаде (XIII—XIV века). *Митридат* (132—63 до н. э.) — царь Боспорского царства. Заколотся после понесенного им поражения в войне с Римом. Гробница Митридата — близ Керчи, на вершине горы его имени. *Панतिकопея* — древний город, столица Боспорского царства, на месте современной Керчи. *Юрзуф*—Гурзуф, селение меж Ялтой и Алуштой, на южном берегу Крыма. *Lazzaroni* — так именуют неаполитанских бродяг. *Георгиевский монастырь* — монастырь недалеко от Севастополя. Построен на крутом берегу. К морю ведет длинная лестница. *Баснословные развалины храма Дианы* — руины античного храма на мысе Фиолент, близ Георгиевского монастыря. Их связывают с культом богини-девственницы Дианы, с мифом об Ифигении, жрице этого храма. Брат Ифигении Орест и его друг Пилад, узнав, что одного из них должны принести в жертву богине, были готовы умереть один за другого.

Цыганы (стр. 235). Поэма начата в январе, закончена 10 октября 1824 года. В январе 1825 года написан монолог Алеко над колыбелью сына, не включенный Пушкиным в окончательный текст поэмы. В рукописи поэма снабжена эпиграфами и примечанием. Отрывки поэмы печатались в «Полярной звезде» на 1825 год, стр. 24—27 (первые 93 стиха), в «Московском телеграфе», 1824, XXI, ноябрь, стр. 69 («Цыганская песня» стихи 259—266 и 271—282), и в «Северных цветах» на 1826 год, стр. 100—102 (стихи 177—224). Впервые полностью поэма вышла отдельным изданием (без имени автора) в 1827 году: «Цыганы» (писано в 1824 году). Москва, 1827. Будучи в Кишиневе, Пушкин познакомился с бытом цыган. Есть свидетельство о том, что Пушкин даже пробыл несколько дней в цыганском таборе (см. об этом «Евгений Онегин», гл. VIII, строфа V, и стих. 1830 года «Цыганы»). Пушкин предполагал к «Цыганам» сделать примечания, оставшиеся незавершенными:

I

«Долго не знали в Европе происхождения цыганов; считали их выходцами из Египта — доньне в некоторых землях и называют их египтянами. Английские путешественники разрешили наконец все недоумения — доказано, что цыгане принадлежат отверженной касте индейцев, называемых париа. Язык и то, что можно назвать их верою, — даже черты лица и образ жизни — верные тому свидетельству. Их привязанность к дикой вольности, обеспеченной бедностью, везде утйомила меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг, — они кочуют в России, как и в Англии: мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют ворожбой, пеньем и плясками.

В Молдавии цыганы составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть только между сих смиренных приверженцев первобытной свободы. Это не мешает им однако же вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести. Они отличаются перед прочими большей нравственной чистотой. Они не про-

мышляют ни кражей, ни обманом. Впрочем, они так же дики, так же бедны, так же любят музыку и занимаются теми же грубыми ремеслами. Дань их составляет неограниченный доход супруги господара».

II

Примечание. Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас:

Она Державиным воспета
И славой русскою полна.

Но донныне область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников. Не знаю, выдет ли когда-нибудь Историческое и статистическое описание оной, составленное И. П. Липранди, соединяющим ученость истинную с отличными достоинствами военного человека».

Пушкин дорожил правдой в описаниях быта цыган. Он высмеивал требования критиков, недовольных грубыми и неблагородными занятиями Алеко в таборе. По этому поводу он писал: «Покойный Рылеев негодовал, зачем Алеко водит медведя и еще собирает деньги с глазающей публики. Вяземский повторил то же замечание (Рылеев просил меня сделать из Алеко хоть кузнеца, что было бы не в пример благороднее). Всего бы лучше сделать из него чиновника 8 класса или помещика, а не цыгана. В таком случае, правда, не было бы всей поэмы. . . » Алеко, так же как и Пленник, является героем своего времени, представителем передовой, ищущей молодежи, к которой принадлежали и декабристы. Именно этим объясняется особый успех поэмы «Цыганы». *Меж нами есть одно преданье.* — В рассказе старого цыгана говорится о римском поэте Овидии (I в. н. э.), который был сослан императором Августом на берег Черного моря (ср. стих. «К Овидию»). *Кочуя на степях Кагула* — в Бессарабии, по степям которой протекает приток Дуная река Кагул. *Буджак* — южная часть Бессарабии. *С высоких башен Аккермана* — с высот крепости, расположенной на берегу Днестровского лимана. С 1806 года турецкая крепость перешла в русские владения. В настоящее время Белгород Днестровский. *Где повелительные грани Стамбулу русский указал* — граница с Турцией, установленная после русско-турецкой войны в 1812 году.

Граф Нулин (стр. 261). Повесть написана 13 и 14 декабря 1825 года в селе Михайловском. В одной из рукописей носит название «Новый Тарквиний». Отрывок напечатан в «Московском вестнике», 1827, ч. 1, № 4, стр. 251 (от «Пора, пора! рога трубят» до «Опустошительный набег»). Впервые полностью — в «Северных цветах» на 1828 год, стр. 3—18, а затем в том же году отдельным изданием вместе с поэмой Баратынского «Бал». В 1830 году Пушкин записал обстоятельства создания поэмы:

«В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая «Лукрецию», довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что, если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию?»

Быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть».

Реалистическое изображение быта вызвало негодование критики. Об этом Пушкин писал в «Опровержении на критики»:

«Граф Нулин» наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) похабным — разумеется, в журналах; в свете приняли его благосклонно, и никто из журналистов не захотел за него заступиться. Молодой человек ночью осмелился войти в спальню молодой женщины и получил от нее пощечину! Какой ужас! как сметь писать такие отвратительные гадости? Автор спрашивал, что бы на месте Натальи Павловны сделали петербургские дамы: какая дерзость! Кстати о моей бедной сказке (писанной, буди сказано мимоходом, самым трезвым и благопристойным образом) — подняли противу меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Верю стыдливости моих критиков; верю, что «Граф Нулин» точно кажется им предосудительным. Но как же упоминать о древних, когда дело идет о благопристойности? И ужели творцы шуточных повестей Ариост, Бокаччио, Лафонтен, Касти, Спенсер, Чаусер, Виланд, Байрон известны им по одним лишь именам? Ужели, по крайней мере, не читали они Богдановича и Дмитриева? Какой несчастный педант осмелится укорить «Душеньку» в безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дурак станет важно осуждать «Модную жену», сей престелный образец легкого и шутового рассказа? А зротические стихотворения Державина, невинного, великого Державина? Но отстраним неравенство поэтического достоинства. «Граф Нулин» должен им уступить и в вольности, и в живости шуток.

Эти г. критики нашли странный способ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворения. У одного из них есть 15-летняя племянница, у другого 15-летняя знакомая — и всё, что по благоусмотрению родителей еще не дозволяется им читать, провозглашено неприличным, безнравственным, похабным etc! как будто литература и существует только для 16-летних девушек! Вероятно, благоразумный наставник не дает в руки ни им, ни даже их братьям полных собраний сочинений ни единого классического поэта, особенно древнего. На то издаются хрестоматии, выбранные места и тому под. Но публика не 15-летняя девица и не 13-летний мальчик. Она, слава богу, может себе прочесть без опасения и сказки доброго Лафонтена, и эклогу доброго Вергилия, и всё, что про себя читают сами г. критики, если критики наши что-нибудь читают, кроме корректурных листов своих журналов.

Все эти господа, столь щекотливые насчет благопристойности, напоминают Тартюфа, стыдливо накидывающего платок на открытую грудь Дорины».

С ужасной книжкой Гизота. — Речь идет о политических брошюрах Гизо, где он выступал против реакционного режима Карла X, с оправданием революции. С последней песней Беранжера. — Сатирические и революционные песни французского поэта Беранже были модны в середине 20-х годов. С мотивами Россини, Пера. — Говорится о новых операх Россини и Фердинандо Паэра. Тальма — знаменитый французский трагический актер, выдвинувшийся во время революции и еще игравший в 1825 году (умер в 1826 году в возрасте 63 лет). И мамзель Марс — *увь!* стареет. — Знаменитой французской трагической актрисе в 1825 году было 46 лет. Зато Потье, *le grand Potier*. — Нулин именуется великим Потье французского комического актера Шарля Потье, выступавшего в 20-х годах с успехом в мелких «бульварных» театрах. *Vcē d'Arincourt* и Ламартин. — Дарленкур — французский романист. Его псевдоисторические романы «Ренегат», «Одинокий» и др., написанные в духе романов Радклиф, с таинственными приключениями героев, были в большой моде в 20-х годах XIX века. Ламартин — французский поэт-романтик, автор «Поэтических размышлений», имевших большой успех в 20-х годах. Мы получаем «Телеграф» — журнал, начавший выходить в 1825 году. К нему прилагались модные картинки.

Полтава (стр. 273). Поэма начата 5 апреля, полностью завершена в ноябре — декабре 1828 года. Предисловие к поэме помечено 31 января 1829 года и предпослано первому изданию. Впервые напечатана отдельным изданием в 1829 году (вышла в свет 27—28 марта), с эпиграфом. Эпиграф взят из поэмы Байрона «Мазепа». Посвящение поэмы в черновом варианте сопровождалось припиской: *I love this sweet name.* * В набросках посвящения можно прочесть незаконченные стихи:

Что ты единая святыня,
Что без тебя... мир одна
Сибири хладная пустыня.

Сопоставляя последний стих с окончательным: «Твоя печальная пустыня», П. Е. Щеголев делал вывод, что речь идет о Марии Волконской, дочери генерала Н. Н. Раевского, последовавшей за мужем-декабристом в Сибирь. Предположение это нельзя считать доказанным. Имя Марии (вместо исторического Матрена) Пушкин избрал не сразу. В черновиках имеются другие имена героини поэмы:

Он горд Натальей молодой,
Свою дочью меньшей...
Он горд Матреной молодой...
И подлинно: прекрасной Анны
Милее нет.

В рукописи в числе примечаний, исключенных из печати, было:
«7. Другой могущественный враг. Из Байрона.

---

* Я люблю это нежное имя. (Англ.) — *Ред.*

... a day more dark and drear,
And a more memorable year,
Should give to slaughter and to shame
A mightier host and haughtier name:
A greater wreck, a deeper fall,
A shock to one a thunderbolt to all.*

Г. Каченовский остроумно замечает, что дело идет о Наполеоне, но что он и не того стоит (смотри прекрасную речь преосвященного Филарета etc.).

В этом примечании Пушкин цитирует стихи из вступительной части поэмы Байрона «Мазепа» и упоминает речь Филарета — его «Рассуждение о нравственных причинах успехов русских в войне 1812 года» («Сын отечества», 1813, ч. 6). Поэма «Полтава» является первым поэтическим произведением Пушкина, написанным на основе исторических изучений и разысканий, связанных с общим интересом Пушкина к истории Петра I. Основными источниками для Пушкина являлись: И. И. Голиков. Деяния Петра Великого. СПб., 1788—1789, «Журнал, или Поденная записка Петра Великого», изданный М. Щербатовым. СПб., 1770, Д. П. Бутурлин. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820, Д. Н. Бантыш-Каменский. История Малой России. М., 1822. В статье «Опровержение на критики» Пушкин отмечал историческую верность в изображении героев «Полтавы», указывая на то, что и в деталях он держался документальных свидетельств. Ни одна из поэм Пушкина не встретила такого холодного приема критики, как «Полтава», что вызвало недоумение Пушкина и отповедь критике в указанной статье:

«Nabent sua fata libelli.»* «Полтава» не имела успеха. Вероятно, она и не стоила его; но я был избалован приемом, оказанным моим прежним, гораздо более слабым произведениям; к тому ж это сочинение совсем оригинальное, а мы из того и бьемся.

Наши критики взялись объяснить мне причину моей неудачи — и вот каким образом.

Они, во-первых, объяснили мне, что отроду не видывали, чтоб женщина влюбилась в старика и что следственно любовь Марии к старому гетману (исторически доказанная) не могла существовать.

«Ну что ж, что ты Честон? Хоть знаю, да не верю». Я не мог довольствоваться этим объяснением: любовь есть самая своенравная страсть. Не говорю уже о безобразии и глупости, ежедневно предпочитаемых молодости, уму и красоте. Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филиру, Пасифаю,

---

* Пока день, более мрачный и страшный,
И более памятный год
Не предадут кровопролитию и позору
Еще более могущественное войско и более надменное имя;
Это будет более сильное крушение, более глубокое падение,
Толчок для одного, удар молнии для всех.

(Англ.) — *Ред.*

** У книг бывает своя судьба. (Латинск.). — *Ред.*

Пигмалиона — и признайтесь, что все сии вымыслы не чужды поэзии. А Отелло, старый негр, пленивший Дездемону рассказами о своих странствиях и битвах?.. А Мирра, внушившая итальянскому поэту одну из лучших его трагедий?..

Мария (или Матрена) увлечена была, говорили мне, тщеславием, а не любовью: велика честь для дочери генерального судии быть наложницею гетмана! — Далее говорили мне, что мой Мазепа злой и глупый старичишка. Что изобразил я Мазепу злым, особливо в ту минуту, когда он хлопочет о казни отца девушки, им обольщенной. Глупость же человека сказывается или из его действий, или из его слов: Мазепа действует в моей поэме точь-в-точь как и в истории, а речи его объясняют его исторический характер. — Заметили мне, что Мазепа слишком у меня злопамятен, что мало-российский гетман не студент и за пощечину или за дерганье усов мстить не захочет. Опять история, опроверженная литературной критикой — опять хоть знаю, да не верю! Мазепа, воспитанный в Европе в то время, как понятия о дворянской чести были на высшей степени силы, Мазепа мог помнить долго обиду московского царя и отомстить ему при случае. В этой черте весь его характер, скрытый, жестокий, постоянный. Дернуть ляха или казака за усы все равно было, что схватить россиянина за бороду. Хмельницкий за все обиды, претерпенные им, помнится, от Чаплицкого, получил в возмездие, по приговору Речи Посполитой, остриженный ус своего неприятеля (см. Летопись Кониского).

Старый гетман, предвидя неудачу, наедине с наперсником бранит в моей поэме молодого Карла и называет его, помнится, мальчишкой и сумасбродом: критики важно укоряли меня в неосновательном мнении о шведском короле. У меня сказано где-то, что Мазепа ни к кому не был привязан: критики ссылались на собственные слова гетмана, уверяющего Марию, что он любит ее больше славы, больше власти. Как отвечать на таковые критики?

Слова усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора — показались критикам низкими, бурлацкими выражениями. Как быть!

В «Вестнике Европы» заметили, что заглавие поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее Мазепой, чтоб не напомнить о Байроне. Справедливо, но была тут и другая причина: эпитафия. Так и «Бахчисарайский фонтан» в рукописи назван был Харемом, но меланхолический эпитафия (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня.

Кстати о «Полтаве» критики упомянули, однако ж, о Байроновом «Мазепе»; но как они понимали его! Байрон знал Мазепу только по Вольтеровой «Истории Карла XII». Он поражен только картиной человека, привязанного к дикой лошади и несущегося по степям. Картина, конечно, поэтическая, и зато посмотрите, что он из нее сделал. Но не ищите тут ни Мазепы, ни Карла, ни сего мрачного, ненавистного, мучительного лица, которое проявляется во всех почти произведениях Байрона, но которого (на беду одному из моих критиков) как нарочно в «Мазепе» именно и нет. Байрон и не думал о нем — он выставил ряд картин одна другой разительнее — вот и всё: но какое пламенное создание! какая широкая, быстрая кисть! Если ж бы ему под перо попала история обольщенной дочери и казненного отца, то, вероятно, никто бы не осмелился после него коснуться сего ужасного предмета.

Прочитав в первый раз в Войнаровском сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь,

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства.

Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и немудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах всегда казалась мне не похвальною. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было еще непростительнее. Однако ж какой отвратительный предмет! ни одного доброго, благосклонного чувства! ни одной утешительной черты! соблазн, вражда, измена, лукавство, малодушие, свирепость... Дельвиг дивился, как я мог заняться таким предметом. Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня. «Полтаву» написал я в несколько дней, далее не мог бы его заниматься, и бросил бы всё».

Шведский паладин — шведский король Карл XII, насмешливо именуемый рыцарем. *В дни наши новый, сильный враг* — речь идет о походе Наполеона на Москву. *Богдана счастливые споры*. — Богдан Хмельницкий, вождь казацких восстаний против польских помещиков, содействовал присоединению Украины к России, совершившемуся в 1654 году. *Угрозой хитрой подымает*. — Речь идет о предполагавшемся выступлении против России со стороны крымского хана Девлет-Гирея. *Когда с Забелой, с Гамалеем*. — Полковник генеральный судья П. М. Забела и генеральный есаул лубенский полковник Г. М. Гамалея вместе с Мазепой принимали участие в военных действиях против России в конце 60-х годов XVII века. Так же как и Мазепа, принадлежали к украинской знати, пытавшейся бороться за «самостоятельность» Украины, т. е. за господство польских помещиков. *Хитрый кардинал* — папа Сикст V, который, будучи кардиналом, притворился расслабленным, но как только был избран папой, бросил костыли и оказался вполне здоровым. *Старик Палей из мрака ссылки* — см. 10-е примечание Пушкина. *Запорожский атаман* — Гордеенко — см. 11-е примечание Пушкина. *И ты, любовник бранной славы* — воинственный шведский король Карл XII. *Уходит Розен сквозь теснины; сдается пылкий Шлипенбах*. — Меншиков с пятью батальонами пехоты и таким же количеством конницы теснил шведские войска, и один из самых боевых генералов, Шлипенбах, был вынужден сдаться в плен, вслед за ним был принужден сдаться и генерал Розен. *И Шереметев благородный* — Борис Петрович Шереметев, один из крупнейших военачальников и сотрудников Петра I, отличавшийся независимостью взглядов. *И Брюс, и Боур, и Репнин* — военачальники русской армии. *И счастья баловень безродный* — Меншиков Александр Данилович, ближайший сотрудник Петра, вершивший дела первостепенной важности. *Войнаровский* — племянник Мазепы и его единомышленник, был полковником шведской службы. Впоследствии был сослан Петром в Якутск. Герой поэмы Рыльева «Войнаровский». *В стране, где мельниц ряд крылатый* — в Бессарабии. Когда турецкое правительство, заключившее мир с Россией, пред-

ложило Карлу покинуть Турцию, он оказал сопротивление и был обезоружен.

* Та з и т (стр. 321). Поэма писалась в конце 1829 — начале 1830 года, а затем Пушкин вернулся к ней в 1833 году, но снова не довел до конца. Опубликована Жуковским после смерти Пушкина в «Современнике», 1837, т. VII, стр. 5, с заглавием «Галуб» (неправильно прочитанное имя Гасуба, отца Тазита). С содержанием неоконченной поэмы знакомят наброски плана:

I

«Обряд похорон — Уздень и меньший сын — I. день-лань — почта, грузинский купец — II. Орел-казак — III. Отец его гонит — Юноша и м о н а х. — Любовь, отвергнутый — Битва — м о н а х».

II

«1. Похороны — 2. Тризна. Черкес-христианин — 3. Купец — 4. Раб — 5. Убийца — 6. Изгнание (?) — 7. Любовь — 8. Сватовство — 9. Отказ — 10. Миссионер — 11. Война — 12. Сраженье — 13. Смерть — 14. Эпилог».

Сохранились черновые наброски продолжения поэмы, повидимому связанные с темой сватовства Тазита (см. стр. 611).

Создание этой поэмы связано с пребыванием Пушкина на кавказских водах в 1829 году, во время его поездки в Арзрум. Он выезжал на Горячие воды в мае, по дороге в Тифлис и около месяца провел там на обратном пути: с 14 августа до 8 сентября. Здесь он интересовался бытом горцев-черкесов племени адыге и их ветви абадзехов (у Пушкина — адехи). По свидетельству кавказоведа А. Берже, своим знакомством с нравами черкесов Пушкин обязан местному культурному деятелю абадзеху Шора Бекмурзин-Ногмову: «Ногмов познакомился с Пушкиным во время бытности его в Пятигорске... Ногмов содействовал поэту в собирании местных народных преданий и... поэт, в свою очередь, исправлял Ногмову перевод песен с адыгейского языка на русский». Именно Ногмов мог сообщить Пушкину подробности об обычае кровомщения, о котором говорится в поэме, а также и об «атальчестве» — обычае отдавать детей на воспитание до 16-летнего возраста. На самом примере Ногмова Пушкин мог видеть и проникновение русской европейской культуры в среду горцев. Во время своих поездок по окрестностям Пушкин, повидимому, посетил и колонию шотландских миссионеров в ауле Каррас; с этой колонией как-то связан был и Ногмов. Отразились в поэме и личные впечатления Пушкина от посещения горских аулов. Об этом свидетельствует совпадение некоторых эпизодов поэмы с отдельными местами «Путешествия в Арзрум», содержащих записи впечатлений от поездки и рассуждений о судьбах края и о задачах культурного проникновения в среду горцев. Сцена похорон является как бы стихотворным переложением «Путешествия в Арзрум» (первоначальная редакция): «...Попал на похороны. Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжа-

лись со всех сторон и с горьким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на бурке... положили его на арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела». В «Путешествии в Арзрум» Пушкин высказал свое мнение о значении русского влияния среди горцев Кавказа, считая, что оно должно было вестись в порядке экономической и культурной связи. Одной из форм связи в то время было миссионерство, т. е. приобщение горцев к европейско-христианской морали, в противовес дикой морали, основанной на обычаях кровавой мести. Этой теме и посвящена была поэма. *Вблизи развалин Татартуба* — руины древнего магометанского городища близ Эльхотова, на левом берегу Терека, где беглецы спасались от преследования. Там находился минарет, описанный Пушкиным в «Путешествии в Арзрум». *Уздени* — вассалы, воины, находившиеся при владетельных князьях. *Кунаки* — у горцев друзья, связанные обязанностью взаимной защиты и мести.

Домик в Коломне (стр. 331). Повесть написана в Болдине осенью 1830 года (окончена 9 октября). Напечатана в альманахе «Новоселье», 1833, стр. 109—125, с датой «1829», которая, возможно, относится к замыслу и первым наброскам поэмы. Повесть посвящена картине быта петербургской окраины; Пушкин хорошо знал Коломну, где жил в конце 10-х годов. По первоначальному плану поэму должны были предварять строфы, посвященные полемике с журналами. За этим следовало обоснование выбора стихотворного размера, связанное с современными спорами по вопросам стихосложения (см. «Из других редакций», стр. 613). Сокращения в печатной редакции диктовались художественными соображениями: Пушкин стремился избежать несоответствия между небольшой повествовательной частью и обширным вступлением. Кроме того, ко времени печатания поэмы острота журнальной полемики вступления уже была утрачена. Черновой набросок двух строф (см. «Из других редакций», стр. 612) является ответом на требования критики, порицавшей ничтожество тем, которые избирал Пушкин, и побудившей его отозваться на военные события конца 20-х годов. Пушкин отстаивал право поэта на выбор темы. В окончательном тексте был оставлен стих:

Ужель иных предметов не нашли

выражающий эти суждения критики. В рукописи эпиграф (из «Метаморфоз» Овидия):

Modo vir, modo femina. Ov.*

Так писал Шихматов богомольный — Ширинский-Шихматов, автор стихотворных произведений, проникнутых религиозностью. Он не допускал в своих стихах глагольных рифм. У Покрова —

---

* То мужчина, то женщина. Овидий. (Латинск.) — Ред.

у Покровского собора на окраине Петербурга, в Коломне. *Читала сочинения Эмина.* — Эмин Ф. А. — популярный в мещанских кругах писатель XVIII века, автор нравоучительных повестей. *Гоф-фурьер* — старший лакей при дворе. *Гроб на Охту отвезли.* — На Охте находилось кладбище, где хоронили преимущественно бедняков.

* **Езерский** (стр. 345). Поэма (без заглавия) начата, по-видимому, в конце 1832 года, работа над ней продолжалась в 1833 году и, предположительно, в сентябре — октябре 1835 года. Была оставлена Пушкиным в связи с замыслом поэмы «Медный всадник». В 1836 году Пушкин выделил из поэмы отрывок и переработал его для печати. Этот отрывок с заглавием «Родословная моего героя (Отрывок из сатирической поэмы)» был напечатан в «Современнике», 1836, т. III, стр. 152 (строфы II—X с сокращениями). Отдельные неопубликованные строфы печатались после смерти Пушкина в качестве вариантов поэмы «Медный всадник». Поэма переписана Пушкиным набело в составе 15 строф. В таком составе и под условным названием «Езерский» (по имени героя) поэма впервые напечатана в собрании стихотворений Пушкина, изд. «Библиотека поэта» (Большая серия), т. II. Л., 1939, стр. 255. Можно думать, что эта беловая редакция явилась результатом приспособления к цензурным условиям времени, однако нет возможности полностью восстановить предшествующую полную редакцию, так как часть автографов, содержащих эту редакцию, утрачена. Здесь печатается в основном тексте та же беловая редакция, к ней присоединены примечания, которыми Пушкин сопроводил в печати извлечение из поэмы («Родословная моего героя»). Тема судеб русского дворянства интересовала Пушкина и входила в его исторические розыскания 30-х годов. В тот же период, когда писалась поэма, Пушкин набрасывал свои заметки в форме вопросов о роли дворянства в России. Он писал: «Русское дворянство что ныне значит? какими способами делается дворянин? — что из этого следует? Глубокое презрение к сему званию и т. д.» («О дворянстве», заметка 3). Пушкин не сразу выбрал своего героя. По отброшенным черновым строфам видно, что герой его то должен был принадлежать к дворянской верхушке, то к нищим низам дворянства. Наконец Пушкин избрал в герои мелкого чиновника Езерского, имевшего родовитых предков. История рода Езерских доведена до времени Петра и на этом обрывается, между тем как очевидно, что судьба героя связана с судьбами его предков в XVIII веке. Обнищание дворянских родов и общее падение русского дворянства выражено в строфах, исключенных из последней белой редакции (см. «Из других редакций», стр. 620, где приведены сохранившиеся куски черного текста). *Что их поносит шут Фиглярин.* — Пушкин говорит о пасквильных фельетонах Булгарина, напечатанных в 1830 году, в которых тот нападал на предков поэта. Ответом было стихотворение Пушкина «Моя родословная». *Коллежский регистратор* — низший чин (14-го класса) по табели о рангах. *Державин двух своих соседей и смерть Мещерского воспел* — имеются в виду стихотворения Державина «К первому соседу» (1780), «Ко второму соседу» (1791) и «К С. В. Перфильеву на смерть князя А. И. Мещерского» (1779).

Анджело (стр. 355). Окончание поэмы датировано Пушкиным «27 октября 1833». Напечатано в альманахе «Новоселье», 1834, ч. 2, стр. 49—80, с цензурными изменениями в нескольких стихах. В рукописи подзаголовок (исключенный затем Пушкиным): «Повесть, взятая из Шекспировой трагедии «Measure for measure». * По настоянию главы цензурного комитета С. С. Уварова из поэмы было исключено несколько стихов. Хотя Пушкин решительно протестовал, но эти исключения не были восстановлены и во втором издании. Своеобразие поэмы заключается в свободном соединении повествования, основанного на сюжете драмы Шекспира «Мера за меру», с довольно близким переводом некоторых сцен этой драмы (см. в драматических отрывках перевод начала драмы Шекспира «Мера за меру»). Пушкин очень ценил свою поэму. П. И. Бартенев записал следующее сообщение друга Пушкина Нащокина: «Читая Шекспира, он пленился его драмой «Мера за меру», хотел сперва перевести ее, но оставил намерение, не надеясь, чтобы наши актеры, которыми он не был вообще доволен, умели играть ее. Вместо перевода, подобно своему «Фаусту», он передал шекспирово создание в своем «Анджело». Он именно говорил Нащокину: «Наши критики не обратили внимания на эту пьесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучшего я не написал». *Гарун Аль-Рашид* — багдадский халиф, живший в VIII веке. В арабских сказках «Тысяча и одна ночь» он изображен как идеальный государь; там рассказывается, как он ходил переодевшийся по Багдаду, чтобы точнее узнать правду о жизни своих подданных.

Медный всадник (стр. 379). Поэма написана в Болдине осенью 1833 года (Пушкин датировал начало ее 6 октября, завершение — 31 октября). Сохранились рукописи, дающие разночтения по сравнению с окончательным текстом (см. «Из ранних редакций», стр. 623). Начало под заглавием «Петербург. Отрывок из поэмы» (1—91 стих из вступления с изъятием стихов 39—42) напечатано в «Библиотеке для чтения», 1834, т. VII, кн. XII, отд. I, стр. 117—119. При жизни Пушкина поэма полностью не печаталась по причине неприемлемых для Пушкина поправок, которых требовал от него Николай I. Пушкин в своем дневнике (от 14 декабря 1833 года) по этому поводу пишет: «Мне возвращен «Медный всадник» с замечаниями государя. Слово к у м и р не пропущено высочайшею цензурою; стихи

И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиронская вдова —

вымараны. На многих местах поставлен (?) — всё это делает мне большую разницу». После смерти Пушкина Жуковский внес свои поправки именно в те места, которые были отмечены царской цензурой. В таком искаженном виде поэма была напечатана в «Современнике», т. V, 1837, № 1, стр. 1—21. Хотя Пушкин и написал поэму в месячный срок, она явилась результатом большой предваритель-

* Мера за меру. (Англ.) — *Ред.*

ной работы над замыслом, который приобретал разные формы. Первоначально Пушкин задумал поэму «Езерский» в онегинских строфах, с героем, которого, подобно Онегину, поместил в «роскошный кабинет». Этот первоначальный набросок ближе всего к идее продолжения «Евгения Онегина», которую внушали Пушкину его друзья (см. стих. «Вы мне советуете, други»). Но, повидимому, характер, подобный Онегину, уже больше не интересовал Пушкина. Его занимала мысль о молодом человеке иной социальной среды, «дворянине в мещанстве», маленьком чиновнике. Таков Езерский в окончательной редакции отрывка поэмы. Затем, отказавшись от строфической формы первоначального замысла, в новой поэме «Медный всадник» Пушкин разработал сюжет о судьбе мелкого героя в обстановке петербургского наводнения 1824 года. Пушкин ставил в поэме вопросы, связанные с так называемым «петербургским» периодом русской истории. Из размышлений Пушкина о судьбах деклассированного дворянства возник замысел личной истории Евгения и его протеста против подавляющего его исторического хода вещей (в форме угрозы Петру: «Ужо тебел!»). В изображении Петербурга и образа Петра отразились убеждения Пушкина в исторической необходимости развития русской государственности и в то же время признание крайней жестокости этого процесса. Возможно, что на окончательный выбор сюжета поэмы оказали воздействие стихотворения Мицкевича: «Памятник Петра Великого», где дана историческая оценка дела Петра I, и «Олешкевич», где описывается наводнение 1824 года. Сборник с этими стихотворениями Мицкевича Пушкин получил перед отъездом в Болдино осенью 1833 года. Подобно Мицкевичу, Пушкин вводит в стихи Фальконетов памятник Петра как символический образ политической роли Петра в истории России и связывает с деятельностью Петра корни русской государственности. Но взгляды Пушкина и Мицкевича на Петра противоположны. Для Мицкевича Петр — только тиран, «кнутодержец», а политическая свобода противопоставлена делу Петра. Пушкин не был в Петербурге во время наводнения 7 ноября 1824 года и пользовался рассказами очевидцев и книгой В. Н. Берха «Подробное историческое известие о всех наводнениях, бывших в Петербурге», о чем сам пишет в предисловии. В этой книге имеются следующие сообщения: «День 6 ноября, предшествовавший наводнению, был самый неприятный. Дождь и пронизательный холодный ветер с самого утра наполняли воздух сыростью. К вечеру ветер усилился и вода значительно возвысилась в Неве... В ночь настала ужасная буря: сильные порывы юго-восточного ветра потрясали кровли и окна; стекла звучали от плесков крупных дождевых капель... С рассветом мы увидели, что вода чрезвычайно возвысилась в каналах и сильно в них волновалась... Толпа любопытных устремила на берега Невы... Необозримое пространство вод казалось кипящею пучиною... Белая пена клубилась над водяными громадами, которые, беспрестанно увеличиваясь, наконец яростно устремились на берег... Нева... возросла в берегах своих, наполнила каналы и чрез подземные трубы хлынула в виде фонтанов на улицы... Погребя, подвалы и все нижние жилья тотчас наполнились водою... Разъяренные волны свирепствовали на Дворцовой площади, которая с Невею составляла одно огромное

озеро, изливавшееся Невским проспектом, как широкою рекою... Мойка скрылась от взоров и соединилась, подобно всем каналам, с водами, покрывавшими улицы, по которым неслись леса, бревна, дрова и мебели... Но бедствия на Адмиралтейской стороне не были столь ужасны, как в местах низких, заселенных деревянными строениями. Там большая часть домов повреждена, иные смыты до основания, все заборы ниспровергнуты и улицы загромождены были лесом, дровами и даже хижинами...» Во втором примечании к поэме Пушкин ссылается на *стихи кн. Вяземского к графине З****. Речь идет о стихотворении «Разговор 7 апреля 1832 г.», посвященном Е. М. Завадовской, где есть стихи

Я Петербург люблю, с его красою стройной,
С блестящим поясом роскошных островов,
С прозрачной ночью — дня соперницей беззнойной,
И с свежей зеленью молодых его садов.

Третье примечание Пушкина касается неточностей в описании кануна наводнения в поэме Мицкевича «Олешкевич». Там говорится, что «художник, спустившись на лед, измеряет через прорубь глубину Невы». В пятом примечании Пушкин ссылается на стихотворение Мицкевича «Памятник Петра Великого», где Мицкевич развил текст надписи к памятнику, принадлежавшей поэту Рубану:

Нерукотворная здесь Росская гора,
Вняв гласу божию из уст Екатерины,
Пришла во град Петров чрез Невские пучины
И пала под стопы великого Петра.

Самое описание памятника в стихотворении Мицкевича приписано Пушкину, выведенному в данном стихотворении беседующим с Мицкевичем: «Уж пьедестал готов; летит медный царь, царь-кнутодержец, в тоге римлянина, вскакивает конь на гранитную стену, останавливается на краю и подымается на дыбы».

Евгений Онегин (стр. 397). Этот «роман в стихах» является главным произведением Пушкина. Закончив его (вчерне) в Болдине в 1830 году, Пушкин составил следующую табличку:

«Часть первая. Предисловие

I песнь Хандра. Кишинев, Одесса (1823)

II > Поэт. Одесса (1823 и 1824)

III > Барышня. Одесса, Михайловское, 1824.

Часть вторая

IV песнь Деревня. Михайловское, 1825.

V > Именины. Михайловское, 1825, 1826.

VI > Поединок. Михайловское, 1826.

Часть третья

VII песнь Москва. Михайловское, Петербург, Малинники, 1827, 1828.

VIII > Странствие. Москва, Павловское 1829, Болдино (1830)

IX > Большой свет. Болдино (1830).

1823 год 9 мая, Кишинев — 1830, 25 сентября, Болдино:
7 лет, 4 месяца, 17 дней».

Эта табличка (повидимому, проект издания) неполна. Пушкин продолжал работать над романом. Он исключил из окончательного текста всю восьмую главу, перенеся из нее некоторые строфы в последнюю главу романа, которая и стала восьмой. В эту главу он включил письмо Онегина к Татьяне, написанное в Царском селе 5 октября 1831 года. Причины, по которым Пушкин выкинул первоначальную восьмую главу из окончательного текста, сообщил П. А. Катенин в письме П. В. Анненкову в 1853 году: «Об осьмой главе Онегина слышал я от покойного в 1832-м году, что сверх Нижегородской ярманки и Одесской пристани Евгений видел военные поселения, заведенные гр. Аракчеевым, и тут были замечания, суждения, выражения, слишком резкие для обнародования, и потому он рассудил за благо предать их вечному забвению и вместе выкинуть из повести всю главу, без них слишком короткую и как бы оскудевшую». Кроме этих девяти глав, предназначавшихся для издания, Пушкин приступил к десятой главе, не предназначавшейся для печати. В этой главе Пушкин дал хронике движения декабристов. Десятую главу Пушкин сжег в Болдино 19 октября 1830 года, но предварительно зашифровал ее на отдельных листках. Из них до нас дошел один листок, содержащий (с некоторыми пропусками) первые четверостишия шестнадцати начальных строф. Кроме того, сохранились черновики (неполные) трех строф главы. Остальное пропало; пропали и те строфы из «Путешествия Онегина» (восьмой главы), где говорилось о новгородских поселениях. Пушкин начал печатать отдельные главы романа задолго до его окончания. Первая глава появилась 15 февраля 1825 года с кратким предисловием и стихотворением «Разговор книгопродавца с поэтом» в качестве введения. Вторая глава вышла в свет в октябре 1826, третья — в октябре 1827 года. Этой главе была предпослана следующая заметка: «Первая глава Евгения Онегина, написанная в 1823 году, появилась в 25. Спустя два года издана вторая. Эта медленность произошла от посторонних обстоятельств. Отныне издание будет следовать в непрерывном порядке: одна глава тотчас за другой». Однако и дальнейшие главы печатались с большими перерывами. Четвертая и пятая появились в одной книжке около 1 февраля 1828 года, с посвящением П. А. Плетневу. Глава шестая вышла в конце марта того же года; в конце главы стояло: «Конец первой части», из чего можно было заключить, что Пушкин собирался написать еще шесть глав. Однако в свет вышли после этого только две главы: в марте 1830 года седьмая и в январе 1832 года последняя. Весь роман в одной книге вышел в свет в марте 1833 года. Второе издание романа (3 января 1837) было последней книжкой Пушкина, вышедшей при его жизни.

Глава первая. Пушкин начал писать первую главу романа в Кишиневе 9 мая 1823 года и окончил ее в Одессе 22 октября. Глава отражает впечатления Пушкина от последней зимы, проведенной им в Петербурге. Первая глава была напечатана, когда Пушкин писал уже пятую главу и общий характер романа вполне определился. Его друзья А. Бестужев и К. Рылеев остались недовольны

новым произведением Пушкина, находя его предмет слишком низким, сатиру (о которой было упомянуто в предисловии) слишком мелкой, и предпочитали «Онегину» возвышенные романтические поэмы Пушкина; на это Пушкин отвечал А. Бестужеву: «Ты неправ, всё-таки ты смотришь на Онегина не с той точки, всё-таки он лучше произведение мое. Ты сравниваешь первую главу с Дон Жуаном (Байрона). Никто более меня не уважает Дон Жуана, но в нем ничего нет общего с Онегиным. Ты говоришь о сатире англичанина Байрона и сравниваешь ее с моею, и требуешь от меня такой же! Нет, моя душа, многого хочешь. Где у меня *satira* о ней и помину нет в «Евгении Онегине». У меня бы затрещала набрежная, если б коснулся я сатиры. Самое слово *сатирический* не должно бы находиться в предисловии. Дождись других песен... Первая песнь просто быстрое введение, и я им доволен (что очень редко со мною случается)» (24 марта 1825). Выход в свет первой главы «Евгения Онегина» вызвал восторженную статью Н. Полевого в «Московском телеграфе». В связи с этим отзывом возникла полемика между Полевым и Веневитиновым, в которой по поводу первой главы «Евгения Онегина» ставились вопросы народности и романтической литературы.

Посвящение («Не мысля гордый свет забавить»). Первый раз появилось при отдельном издании четвертой и пятой главы романа. В качестве общего посвящения к роману, без имени Плетнева, появилось в издании 1837 года. Эпиграф — из стихотворения П. А. Вяземского «Первый снег».

VIII. *Которую воспел Назон* — о поэме Овидия Назона «Искусство любви».

XII. *Фоблас* — герой серии романов Луве де Кувре, появившихся в 1787—1790 годах, тип развращенного французского дворянина XVIII века.

XV. *Брегет* — часы со звоном (по имени фабриканта подобных часов).

XVI. *Каверин* — приятель Пушкина.

XVII. *Федра, Клеопатра, Моина* — имена трагических героинь. Федра — из одноименной трагедии Расина (шла на русской сцене в переводе Лобанова с 1823 года); Моина — из трагедии Озерова «Фингал» (1805); о какой именно роли Клеопатры идет речь, не установлено.

XVIII. *Там наш Катенин воскресил*. — П. Катенин перевел «Сидя» П. Корнеля, и в этом переводе трагедия была поставлена на петербургской сцене в 1822 году.

XXIII. Эта строфа является переделкой отрывка из неоконченной элегии «Таврида» (1822); она вставлена в главу при ее подготовке к печати в сентябре 1825 года.

XXVIII. *Child-Harold* — Чайльд-Гарольд, герой поэмы Байрона «Странствования Чайльд-Гарольда». В своем герое Байрон изобразил самого себя.

XLIX. *По гордой лире Альбиона* — имеется в виду IV песнь «Странствований Чайльд-Гарольда» Байрона, где описывается Венеция.

Глава вторая. Ко второй главе Пушкин приступил сразу по окончании первой. Вчерне он окончил главу в декабре 1823 года,

но продолжал над ней работать и в начале 1824 года. Кончая вторую главу, Пушкин сообщил друзьям о своем новом произведении. Он писал Вяземскому: «Я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница. Вроде «Дон Жуана» — о печати и думать нечего, пишу спустя рукава» (4 ноября 1823). Дельвигу: «Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь донельзя. Бируков (цензор) ее не увидит» (16 ноября). А. И. Тургеневу: «Я на досуге пишу новую поэму, «Евгений Онегин», где захлебываюсь желчью. Две песни уже готовы» (1 декабря). Повидимому, нарисованная во второй главе картина крепостной деревни представлялась Пушкину настолько резкой, что он не имел никакой надежды на то, что эту главу цензура разрешит к печати. Об этом же Пушкин писал и по окончании главы: «Об моей поэме нечего и думать: если когда-нибудь она и будет напечатана, то, верно, не в Москве и не в Петербурге» (А. Бестужеву, 8 февраля 1824). Однако в дальнейшем, пересмотрев текст главы и сделав в нем некоторые сокращения и цензурные изменения, Пушкин направил главу в печать, и она не встретила в таком виде больших затруднений в цензуре. Эпиграф — из Горация, из шестой сатиры второй книги.

XVI. *Отрывки северных поэм.* — Северной поэзией называли в эти годы романтическую, представленную в произведениях северных народов Европы: англичан (Байрон) и немцев.

XXXV. *Пучок зари.* — Заря или зоря — полевая трава из семейства зонтичных. Повидимому, к этой строфе имеет отношение запись московского цензора И. Снегирева в его дневнике 24 сентября 1826 года: «Был у А. Пушкина, который привез мне как цензору свою пьесу «Онегин», глава II, и согласился на сделанные мною замечания, выкинув и переменив несколько стихов: сказывал мне, что есть в некоторых местах обычай Троицкими цветами обметать гробы родителей, чтобы прочистить им глаза».

Глава третья. Эта глава в основном (кончая письмом Татьяны) писана в Одессе до ссылки в Михайловское. Начиная со строфы XXXII глава дописывалась в Михайловском, где и была закончена 2 октября 1824 года. В последних строфах уже отразились непосредственные свежие впечатления деревенской жизни: до сих пор Пушкин писал о деревне по воспоминаниям, и его описания носили суммарный характер. Эпиграф — из поэмы Мальфилатра «Нарцисс на острове Венеры» (1767).

XXХ. *Один, под финским небосклоном.* — Баратынский в эти годы служил солдатом в Финляндии; служба эта была вынужденной: исключенный по приказанию Александра I из Пажеского корпуса за шалость, он только солдатской службой до производства в офицеры мог восстановить гражданские права, присвоенные в России дворянам.

XXХI. *Фрейшиц* — опера Вебера «Волшебный стрелок» (1821).

Глава четвертая. Глава писалась одновременно с «Борисом Годуновым» в конце 1824 года и в течение всего 1825 года. Писалась она с большими перерывами, медленно. Пушкин писал Катенину 4 декабря 1825 года: «Онегин мне надоел и спит; впрочем, я его не бросил». Описывая жизнь Онегина в деревне, Пушкин ввел в роман много автобиографических черт: «В 4-й песне «Онегина» я изобразил свою жизнь» (Вяземскому, 27 мая 1826). Некоторые

строфы, носившие личный характер, Пушкин устранил из печатного текста романа. Начальные строфы главы, пропущенные в изданиях романа, были напечатаны Пушкиным в журнале «Московский вестник» в 1827 году (в количестве 4 строф) под названием: «Женщины. Отрывок из «Евгения Онегина» (см. «Из других редакций», стр. 639). Эпиграф — из сочинения г-жи Сталь «Взгляд на Французскую революцию», ч. 2, гл. XX.

XXVI. Шатобриан считался непревзойденным мастером в описаниях природы, особенно природы экзотической.

XXVII. *Критик строгий* — В. Кюхельбекер, напечатавший в альманахе «Мнемозина» (ч. 2, 1824) статью «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Кюхельбекер резко нападал на модный жанр унылой элегии, приписывая распространение элегического стиля влиянию Жуковского, и призывал поэтов отказаться от элегий и писать оды. *Труба, личина и кинжал* — эмблемы трагедии. Пушкин в это время писал «Бориса Годунова» и видел выход из порочного круга унылой субъективной романтической элегии в обращении к объективным формам поэзии и в первую очередь к поэзии драматической.

XXVIII. «*Чужого толка*» *хитрый лирик* — поэт, выведенный в сатире И. Дмитриева «Чужой толк» (1794), тип бездарного писателя, сочиняющего торжественные оды (гражданского направления).

XXVI, XXVII. *Певец Гюльнары* — Байрон (Гюльнара — героиня «Корсара»). В 1810 году он переплыл Дарданельский пролив (Геллеспонт), чтобы проверить материальную возможность мифа о Леандре и Геро. Об этом Байрон сообщал в примечаниях к «Абидосской невесте» и ко второй песне «Дон Жуана».

XLIИ. *Вот Прадт* — популярный в эти годы французский либеральный публицист, печатавший политические обозрения европейских событий.

Глава пятая. Глава писалась в 1826 году. Пушкин начал ее на следующий же день по окончании четвертой главы, 4 января 1826 года. Закончена и переписана набело глава была к 22 ноября 1826 года. Подобно предыдущей главе, и эта отражает деревенские впечатления Пушкина в описаниях гадания и бала на именинах Татьяны, 12 января, через 6 дней после гаданий (на Крещение, 6 января): именно к этой главе в особенности относится примечание Пушкина: «В нашем романе время расчислено по календарю». Среди журнальных отзывов, вызванных выходом в свет четвертой и пятой глав романа, особой придирчивостью отличался отзыв в московском журнале «Атеней». Пушкин собирался отвечать на этот разбор особой статьей, но ограничился замечаниями в примечаниях к этим главам. Эпиграф — из баллады Жуковского «Светлана».

X. *Светлана* — героиня баллады Жуковского «Светлана»; в балладе рассказывается о страшном сне, увиденном во время крещенского гадания.

XXIII. *Мальвина* — сентиментальный роман Коттен (1801). *Петриада* — поэма Грузинцева (1812); *Мармонтеля третий том* — по-видимому, «Нравоописательные повести». Все эти произведения в 20-е годы считались устаревшими.

XXVI. *Скотинины* — имя из «Недоросля» Фонвизина. Пушкин этим именем показывает, что среди помещиков еще не перевелись

подобные персонажам Фонвизина. *Буянов* — из рукописной поэмы Василия Львовича Пушкина «Опасный сосед».

Х. *Альбан* (Альбани) — итальянский художник XVII века, ценился за изящество и отделку своих картин.

Глава шестая. Глава написана в том же 1826 году, что и предыдущая; она была окончена уже к 1 декабря, и, следовательно, Пушкин начал ее писать еще до окончательной отделки пятой главы. Так как рукописи этой главы не дошли до нас, то мы не знаем точно время работы над этой главой. Пушкин продолжал отделять и дополнять главу и в 1827 году. В этом году, 10 августа, были написаны строфы 43 — 45. В свет вышла вскоре после появления предшествующих двух, в марте 1828 года. Эпиграф — из канцонны Петрарки «Джакомо Колонна».

XXIII. *Что романтизмом мы зовем.* — Стихи Ленского в строфах XXI и XXII представляют собой соединение характерных мотивов романтической «унылой» элегии 20-х годов.

XXIV. *Вечер* — вечерняя звезда, Венера, когда она видна при заходе солнца; здесь Пушкин применил это имя к Венере при ее появлении перед восходом солнца.

Глава седьмая. К этой главе Пушкин приступил, повидимому, вскоре после окончательной обработки шестой главы, в Михайловском, и писал ее в промежутки своей работы над «Арапом Петра Великого» (август — сентябрь 1827). Начал Пушкин писать строфы, описывающие поездку Татьяны в Москву, до конца главы (строфа XXXVI и дальнейшие). Повидимому, план главы представлялся Пушкину иначе, чем в окончательной редакции; в начале года Пушкин напечатал написанные в 1825 году строфы об Одессе с указанием: «Из седьмой главы Евгения Онегина». Путешествие Онегина предполагалось включить именно в эту седьмую главу. В самом начале 1828 года Пушкин начал писать первые строфы главы, не оставляя первоначального плана включить в главу и путешествие Онегина. После строфы XXIV в черновой рукописи следовала строфа, в которой Пушкин переходил к теме путешествия Онегина. Повидимому, здесь же Пушкин отказался от этого и завершил главу по новому плану. При окончательной обработке Пушкин сделал еще некоторые сокращения в главе. Глава была отделана и переписана набело в Малинниках 4 ноября 1828 года. Из седьмой главы (еще до ее окончания) Пушкин напечатал описание Москвы в журнале «Московский вестник» в январе 1827 года, а полностью глава появилась в марте 1830 года. Большая часть журналов поместила отрицательные отзывы об этой главе. Особенно резкий разбор был напечатан Булгаринным в «Северной пчеле»: новая глава романа объявлялась «совершенным падением» Пушкина, причем ему было указано, что по возвращении из армии следовало бы печатать не «Евгения Онегина», а стихи, восхваляющие победы. Эпиграфы — из стихотворения Дмитриева «Освобождение Москвы» (1795), из поэмы Баратынского «Пир» (1820) и из комедии Грибоедова «Горе от ума», д. I, явл. 7.

XIX. *Столбик с куклою чугунной* — статуэтка Наполеона; в 20-е годы подобные статуэтки получили широкое распространение в связи с романтическим переосмыслением исторической роли Наполеона: культ личности Наполеона возник как знак протеста против реакционной политики Священного союза.

ХХІІ. *Певец Гяура и Жуана* — Байрон.

ХХХІІІ. *Философические таблицы*. — Судя по черновому тексту строфы, Пушкин имел в виду статистические данные по книге Дюпена «Производительные и торговые силы Франции»: Дюпен приводил сравнительные данные по экономике европейских стран.

ХХХV. *Автомедон* — возница Ахилла; здесь — всякий ямщик.

ХLIX. *Архивны юноши* — молодые люди, служившие в московском архиве министерства иностранных дел. Среди них была группа молодых людей, интересовавшихся философией (кружок Любомудров), с которыми Пушкин сблизился после приезда из Михайловского в Москву в 1826 году.

L I. *Собрание* — Благородное собрание, род дворянского клуба; теперь в помещении Московского благородного собрания находится Дом Союзов.

Глава восьмая. Глава эта первоначально была девятой и следовала после главы, в которой описывалось путешествие Онегина. После исключения этой главы Пушкин перенес некоторые строфы из нее в бывшую девятую, и таким образом составил окончательный текст главы. Начал главу Пушкин 24 декабря 1824 года и окончил 25 сентября 1830 года. В первоначальном тексте главы не было письма Онегина. Оно написано через год, 5 октября 1831 года. Глава напечатана в конце января 1832 года. Через год, в марте 1833 года, «Евгений Онегин» был издан полностью в одной книге. Эпиграф — из стихотворения Байрона «Прощай» в сборнике «Домашние произведения» 1816 года.

IV. *Ленора* — героиня одноименной баллады Бюргера (1773), основанной на фантастическом народном предании. Пушкин намекает на сцену, когда Ленора скачет ночью на коне со своим женихом, явившимся за ней из гроба.

ХХVI. *St-Priest* — Сен-При — карикатурист-любитель, изображавший сцены петербургской великосветской жизни.

L I. «*Иных уж нет, а те далече*» — стих Саади, послуживший эпиграфом к «Бахчисарайскому фонтану». В 1830 году этот стих приобрел новое значение: в нем скрывался намек на ссыльных декабристов. В том же смысле писал Баратынский в 1828 году:

Я братьев знал; но сны младые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других.

Отрывки из путешествия Онегина. Эти отрывки извлечены Пушкиным из уничтоженной им первоначальной восьмой главы романа. К теме путешествия Онегина Пушкин приступил задолго до того, как у него сложился план всей главы. Картины Одессы (еще не связанные со странствиями Онегина) писались в Михайловском в начале 1825 года. Это описание Пушкин напечатал в 1827 году в «Московском вестнике» (от «Я жил тогда в Одессе пыльной» до «Итак, я жил тогда в Одессе») с подзаголовком: «Из седьмой главы Евгения Онегина». Основная работа над главой падает на осень 1829 года, когда написано было начало главы до описания Одессы. Последние строфы (о Тригорском) написаны в Болдине 18 сентября 1830 года. *Макарьев* — название Нижегородской ярмарки, которая первоначально собиралась ежегодно в городе Ма-

каръеве, а с 1817 года, после большого пожара в Макарьеве, была переведена в Нижний Новгород. Ярмарка располагалась на низком левом берегу Оки против города и собиралась ежегодно на один месяц (с 15 июля). *Почечуй* — геморрой. *Воображенью край священный*. — Пушкин имеет в виду миф об Ифигении, жрице храма Девы в Крыму, о ее брате Оресте (потомке Атрея) и его друге ПилADE, занесенных к берегам Крыма и обреченных на смерть, но узанных Ифигенией и бежавших с ней. Орест и Пилад великодушно спорили друг с другом, кто из них пожертвует своей жизнью для спасения друга. *Там пел Мицкевич*. — Пушкин говорит о «Крымских сонетах» Мицкевича. *Фламандской школы пестрый сор* — говорится о фламандских художниках-жанристах XVII века, изображавших сцены деревенского и городского быта. Этот термин распространялся иногда и на голландских художников того же времени. Картины фламандцев и голландцев резко отличались от пышной мифологической и религиозной живописи французских и итальянских мастеров. Здесь Пушкин сопоставляет с картинами фламандских жанристов свои произведения реалистического периода.

Десятая глава. От этой главы до нас дошли только отрывки. Пушкин писал ее в Болдине в 1830 году и 19 октября написанное сжег. Однако предварительно он переписал особым шифром текст сожженной рукописи. Сохранился один листок шифрованной записи, содержащий (не полностью) по четыре начальных стиха первых 16 строф. Кроме того, дошел один листок с недоработанным черновым текстом 3 строф (15 — 17). Пушкин читал эту главу своим друзьям Вяземскому и А. Тургеневу, и в их записях сохранились отдельные стихи главы (в пределах зашифрованного текста). Мы не знаем, была ли написана глава полностью, или же Пушкин ограничился историческим введением, содержащим обозрение событий от 1805 до 1825 года. Точно так же неизвестно, какую роль в этой главе должен был играть герой романа. Вяземский, которому Пушкин читал отрывки главы, назвал ее «предполагаемой», из чего можно заключить, что в декабре 1830 года, когда Пушкин был у Вяземского, глава не была окончена, и Пушкин не оставлял намерения ее написать, несмотря на ее политическое содержание, исключавшее всякую возможность ее опубликования. О плане Пушкина мы знаем только по неясному показанию М. Юзефовича, который в воспоминаниях о встрече с Пушкиным на Кавказе в 1829 году писал: «Он объяснил нам довольно подробно всё, что входило в первоначальный его замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов». А. И. Тургенев, сообщивший брату отрывок из десятой главы, писал: «Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года...». Отсюда можно заключить, что к 1832 году, когда это писал А. Тургенев, у Пушкина явилась мысль соединить строфы десятой главы с путешествием Онегина. Это подтверждается пометой на полях автографа «Путешествия Онегина». Против стихов

Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой.

Пушкин пометил: «в X песни».

Во всяком случае, Пушкин еще долго не оставлял своего замысла, и среди автографов 1835 года мы находим наброски, относящиеся к десятой главе. Шифр, которым воспользовался Пушкин для записи текста, состоял в том, что он выписал сначала все первые стихи начальных 16 строф главы, затем все вторые и т. д. При этом слова, которые могли вызвать подозрение, Пушкин обозначал одной буквой. Так, вместо «царь», «царствовал», Пушкин писал З, З-вал и т. п. Некоторые из таких сокращений не поддаются разгадке. Кроме того, в зашифровке имеются ошибки, затрудняющие прочтение. Поэтому не все стихи читаются с одинаковой уверенностью. На листке с шифром сохранилось четыре стиха, которые не являются частью зашифрованных четверостиший. Повидимому, это девятые стихи строф. По смыслу их следует отнести к строфам VI—IX. Зашифрованные стихи пополняются текстом черновиков, но наброски строф XVI и XVII настолько недоработаны, что не дают возможности восстановить связный текст этих строф.

I. Пушкин начинает изложение с событий 1805—1807 годов: русские патриоты считали Александра виновным в политике, которая привела Россию к позорному Тильзитскому миру.

II. Строфа, повидимому, относится к сражению при Аустерлице (1805).

III. *Русский бог* — формула официозной публицистики и поэзии периода 1812 года, обычно в выражении «велик русский бог» (по преданию — слова Мамаю после поражения татар на Куликовом поле). Трагедия Озерова «Дмитрий Донской» оканчивалась стихом: «Языки, ведайте: велик российский бог».

V. В шифре недостает четвертого стиха этой строфы.

VI. *Шиболет* — здесь в значении типичной национальной особенности. По библейскому рассказу, враждующие еврейские племена узнавали своих врагов по произношению слова «шиболет» (колос). Ефремляне произносили «сиболет», и по этому их узнавали галаадские евреи. *Стихоплет великородный* — князь И. М. Долгорукий автор стихотворения «Авось», где мы находим такие стихи:

С чего ж начать свою мне оду? . .

Авось! — что лучше сей обновки!

Твой я стану петь уловки. . .

VII. *Ханжа*. — Возможно, что так назван здесь кн. А. Н. Голицын, мистик, о котором Пушкин писал во «Втором послании к цензору» («святой отец»). В дальнейших стихах Пушкин пишет об амнистии декабристов, на которую он продолжал надеяться.

VIII. В измененном виде эта строфа вошла в стихотворение «Герой». Речь идет о Наполеоне.

IX. Говорится об испанской революции 1820 года, о неаполитанской революции того же года и о подготовке к греческому восстанию. *Безрукий князь* — Александр Ипсиланти. Смысл последнего стиха неясен.

X. Говорится о реакционной роли Александра на конгрессе в Лайбахе в 1821 году, на котором решено было подавить неаполитанскую революцию, и особенно на Веронском конгрессе в 1822 году, когда выработаны были общие меры борьбы с революциями и ре-

шена интервенция в Испанию. Строфа зашифрована ошибочно: стихи не рифмуют между собой. Смысл двух последних стихов неясен.

X I. *Потешный полк* — Семеновский полк, при поддержке которого был убит Павел I («тиран»).

X II. *Искра пламени иного* — начало революционного брожения в России.

X IV. *Никита* — Муравьев, *Илья* — Долгоруков. Муравьев до конца был одним из виднейших деятелей петербургских организаций тайных обществ декабристов. Долгоруков был членом Коренной управы Союза благоденствия и занимал пост блюстителя, но после ликвидации Союза в тайных обществах участия не принимал. Пушкин бывал у Муравьева и Долгорукова и читал там свои стихи.

X V. Здесь перечисляются участники собраний у Муравьева и Долгорукова. Михаил *Лунин*, один из наиболее видных членов Союза благоденствия, *Якушкин*, о котором в донесении Следственной комиссии было сказано, что он предложил себя в цареубийцы, так как вследствие несчастной любви ненавидел жизнь. Николай Иванович *Тургенев*, который постоянно отстаивал идею освобождения крестьян. *Поэлы* Пушкина — его «Сказки» («Ура, в Россию скачет»).

X VI. В Донесении Следственной комиссии деятельность Южного общества характеризовалась следующим образом: «Действия сего Тайного общества уже не ограничивались умножением членов; оные с каждым днем принимали характер решительного заговора против власти законной, и скоро на совещаниях стали обнаруживаться в часто повторяемых предложениях злодейские, страшные умыслы. В Тульчинской Думе первенствовал, как и прежде, полковник Пестель; его сочленом в оной и всегда гласным, хотя по наружности и недейтельным, был Юшневский». *Витгенштейновы дружины* — 2-я армия, находившаяся под командованием Витгенштейна. Ячейки Южного общества, из которых главные находились в Тульчине и в Каменке, располагались в пределах расквартирования второй армии, и членами общества были преимущественно офицеры этой армии. *Холоднокровный генерал* — вероятно, Сергей Волконский; обычное предположение, что это Юшневский, вряд ли верно; так как Юшневский не был генералом в обычном значении этого слова; он был интендантским чиновником в должности (а не в чине) «генерал-интенданта» 2-й армии. Хладнокровие, рассудительность Волконского были общезвестны в его кругу. *Муравьев* — Сергей Иванович Муравьев-Апостол, подполковник Черниговского полка, поднявший восстание после ареста Пестеля, один из пяти казненных декабристов.

НАБРОСКИ И ПЛАНЫ ПОЭМ

* Поэма о гетеристах (стр. 583). Опубликовано в Соч., 1930, т. I, стр. 365 (стихи) и в «Литературном наследстве», т. 16—18. М., 1934, стр. 316 (план). Писано зимой 1821—1822 года. Сюжет задуманной поэмы построен на эпизодах последних событий похода А. Ипсиланти. Отряд Александра Ипсиланти перешел Прут с русского берега на турецкий 22 февраля (6 марта) 1821 года под лозунгами освобождения Греции от турецкого ига. После первых успехов наступили трудные времена: обнаружилось, что национальные

интересы местного населения (молдаване и валахи) не совпадают с интересами греческих повстанцев. Ипсиланти не только не получил никакой помощи со стороны России, на которую он надеялся, но был выключен из состава русской армии, и Александр I согласился на то, чтобы турецкие войска вступили на территорию дунайских княжеств для подавления восстания. Обнаружились и внутренние раздоры в отряде Ипсиланти. Ипсиланти бежал 27 июня н. с. и был интернирован в Австрии. Его отряд распался. Часть стала отступать к Пруту и здесь под огнем турок, с большими потерями переправилась на русский берег у селения Скуляны. Другая часть, под командованием Георгаки Олимпиота (или, как называли его иначе, Йордаки Олимбиоти), отступила по реке Быстрице и заперлась в монастыре Секу. Монастырь был осажден турками, и во время штурма Георгаки взорвал монастырь и погиб вместе с осаждавшими 24 сентября 1821 года. События, упоминаемые в плане поэмы, позднее были изложены в повести Пушкина «Кирджали».

Актеон (стр. 583). Опубликовано П. В. Анненковым в Соч., т. I, 1855, стр. 84 (стихи) и в Соч. АН, т. III, 1912, стр. 108. Писано зимой 1821—1822 года. Сюжет поэмы представляет собой свободное соединение отдельных эпизодов двух мифов: о спящем Эндимионе, карийском пастухе, любовнике Дианы, и об Актеоне, увидевшем нагую Диану и за то превращенном ею в оленя; собаки Актеона, не узнав своего хозяина, растерзали его. Относящиеся сюда стихи описывают приближение Актеона к гроту Дианы в долине ручья Гаргафии. Возможно, что с этим же замыслом связаны гекзаметры 1827 года «В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера».

* Бова (стр. 584). Опубликовано: стихи В. Е. Якушкиным в «Русской старине», 1884, апрель, стр. 105; май, стр. 333 и 335; планы — М. К. Азадовским в Соч., 1930, т. III, стр. 263—264. На стихотворных отрывках — даты Пушкина 30 июня и 1 июля (1822 года, как это явствует из положения планов и отрывков в рабочих тетрадях Пушкина). План поэмы построен на эпизодах сказки о Бове, известной Пушкину с детства по устным рассказам, по народной книжке о Бове (которую он цитирует в примечаниях к «Евгению Онегину») и по поэме А. Радищева. Вольной обработкой сказки является лицейский отрывок «Бова». Содержание сказки вкратце сводится к следующему: Милитриса, жена царя Гвидона, призывает своего любовника Дадона, который изменнически убивает Гвидона и заключает его сына Бову в темницу. При помощи девушки Чернавки Бова спасается. Корабельщики (или разбойники) схватывают его, привозят в Армянское царство и продают царю Зензевею. Дочь Зензевея Дружневна влюбляется в Бову. Являются претенденты на руку Дружневны: Маркобрун и сын Задонского царя Салтана Лукапер (у Пушкина в плане Маркобрун отождествлен с Салтаном). Бова совершает подвиги, открывает Дружневне свое происхождение, убивает Лукапера. Завистники именем Зензевея посылают Бову в Задонское царство, к отцу Лукапера. Царь хочет его казнить, но дочь царя, Мельчигрея, влюбляется в Бову. Бова не разделяет ее любви. Его сажают в тюрьму, но при помощи меча-кладенца он спасается из тюрьмы, совершает много подвигов и после разных

приключений соединяется с Дружневной, отправляется на родину, где убивает Дадона, заключает в темницу Милитрису, освобождает Чернавку. Во время его приключений происходит несколько эпизодов, упоминаемых в планах Пушкина: его обкрадывает пилигрим, но Бова его находит, краденое отнимает, а в награду забирает три зелья: сонное, черное и белое; если умыться черным — становишься как уголь; если умыться белым, то белизна кожи возвращается. При помощи этих зельев Бова возвращает себе царство отца. Во время приключений Бова встречается с Полканом, посланным за ним в погоню. У Полкана по пояс ноги песьи, выше пояса он человек. После боя Полкан и Бова заключают союз, и Полкан помогает Бове. Первый план в общем близко следует сказке. Второй план свободно комбинирует события, не следуя ходу сказки. После эпизода с тремя зельями Пушкин пишет: «По сказке», указывая этим, что продолжение следует по сказочным событиям без изменений. Сказку свою Пушкин собирался начать с приключений Бовы при дворе Зензевея, с тем что прежние свои приключения Бова сообщает в рассказе Дружневне.

* Мстислав (стр. 586). Опубликовано В. Е. Якушкиным в «Русской старине», 1884, май, стр. 327—332. Писано в конце 1822 года. О своем намерении написать поэму о Мстиславе Пушкин сообщил в эпилоге к «Кавказскому пленнику», где в примечании дал историческую справку о Мстиславе, сражавшемся с косогами. Исторические предания в плане поэмы Пушкин соединил со сказочными и былинными. В частности, Пушкин ввел в рассказ былинную историю поездки Ильи Муромца и Добрыни на Софат-реку. Во время этой поездки происходит сражение Ильи с его сыном, причем только после победы Илья узнает, что его молодой противник — собственный его сын от татарской царевны из Задонского царства. С этими эпизодами соединены типичные для рыцарских поэм приключения на волшебном острове и пр. Французская фраза плана — стих из «Орлеанской девственницы» Вольтера (песнь XV).

* Русская девушка и черкес (стр. 587). План опубликован С. М. Бонди в Соч., 1930, т. III, стр. 265; стихи — В. Е. Якушкиным в «Русской старине», 1884, ноябрь, стр. 358. Писано в 1829 году, после поездки в Арзрум.

ИЗ ДРУГИХ РЕДАКЦИЙ *

Руслан и Людмила (стр. 591). В предисловии ко второму изданию поэмы Пушкин иронически процитировал ряд придирчивых и злобных отзывов на свою поэму. *Эпиграмма, приписываемая К**** — И. А. Крылову. *Самая пространная писана г. В.* — Здесь имеется в виду отзыв А. Ф. Воейкова, напечатанный в журнале «Сын отечества», 1820, № 34—37. Например, в «Вестнике

* Примечания даны только к тем из «Других редакций», которые требуют дополнительных разъяснений, отсутствующих в примечаниях к основному тексту. — *Ред.*

Европы», № 11, 1820, мы находим следующую благонамеренную статью. — Статья принадлежала А. Г. Глаголеву и была напечатана за подписью «Житель Бутырской слободы». Упомянуть и о мнении одного из увенчанных, первоклассных отечественных писателей. — Подразумевается И. И. Дмитриев. Первое его мнение было сообщено в журнале «Сын отечества», 1820, № 43, в статье, подписанной М. К.-в: «Увенчанный, первоклассный отечественный писатель, прочитав Руслан и Людмилу, сказал: я тут не вижу ни мыслей, ни чувств: вижу одну чувственность». В письме к П. А. Вяземскому 20 октября 1820 года И. И. Дмитриев писал о «Руслане и Людмиле»: «Я нахожу в нем очень много блестящей поэзии, легкости в рассказе; но жаль, что часто впадает в бюрлеск, и еще более жаль, что не поставил в эпиграф известный стих с легкою переменною: La mère en défendra la lecture à sa fille» * (стих Пирона из «Метромании»). Дмитриев заменил слово prescrire (предпишет) словом défendra (запретит). *Неправ Фернейский злой крикун.* — Здесь и в последующих стихах Пушкин упоминает Вольтера как автора сказки «Что нравится дамам», в заключительной части которой имеются стихи

O l'heureux temps que celui de ces fables,
Des bons démons, de esprits familiers,
Des farfadets, aux mortels secourables! **

Вольтер упоминается им также как автор «Кандида», направленного против положения «Всё к лучшему». В качестве современных колдунов Пушкин называет последователей Месмера, лечивших «магнетизмом», и в особенности многочисленных мистиков, игравших в те годы крупную роль в придворных кругах (А. Н. Голицын, Магницкий, Рунич) и вдохновлявших реакционную политику Александра I. Однако ближайшим образом имеется в виду масон А. Ф. Лабзин, издававший журнал «Сионский вестник» (1817—1818).

Кавказский пленник (стр. 599). Эпиграф — из пролога к «Фаусту» Гете. Источник французского эпиграфа не установлен.

Братья разбойники (стр. 603). Заключительные стихи напечатаны Жуковским в посмертном издании сочинений Пушкина, повидимому, по не дошедшей до нас рукописи Пушкина.

Бахчисарайский фонтан (стр. 604). Вступление к поэме, не вошедшее в окончательный текст, обращено к Н. Н. Раевскому-младшему. Первоначально эти стихи находились в заключительной части поэмы.

---

* Мать запретит своей дочери читать ее. (Франц.) — *Ред.*

** О счастливое время этих сказок,
Добрых демонов, домашних духов,
Бесенят, помогающих людям!
(Франц.) — *Ред.*

Цыганы (стр. 605). Обращение Алеко к сыну Пушкин написал уже по окончании поэмы, в январе 1825 года. «*Сколь черств и горек хлеб чужой*» — цитата из Данте («Рай», п. XVII, стих 58 и сл.). Эти же стихи Пушкин привел в «Пиковой даме».

Полтава (стр. 608). *Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы.* — Здесь подразумевается «Войнаровский» Рылева — поэма, по своему сюжету близкая к пушкинской «Полтаве», несмотря на резкое различие исторического освещения событий. *Некто в романтической повести изобразил Мазепу старым трусом.* — Е. Аладин в повести «Кочубей» (1828).

Домик в Коломне (стр. 612). *Пока сердито требуют журналы.* — Пушкин говорит о рецензиях, какими был встречен выход в свет седьмой главы «Евгения Онегина», в частности о рецензии Булгарина. К этой рецензии Пушкин возвращался в ненапечатанном предисловии к двум последним главам «Онегина» и в отброшенной части предисловия к «Путешествию в Арзрум». *Поэты Юга* — Ариосто и Тассо. *Взяв уловку лисью.* — См. басню Крылова «Лисица и виноград». *Как резвая покойница Жоко.* — В 1825 году в парижском театре у Сен-Мартенских ворот с необычайным успехом шла мелодрама «Жоко, или Бразильская обезьяна». В роли добродетельной обезьяны, умирающей в конце пьесы, особым успехом пользовался мимический актер Мазюрье. *Не то тебя кроюм телогрейкой.* — В журналах 1830 года часто высмеивалось выражение И. Киреевского «телогрейка новейшего уныния». *Иль наглою, безнравственной, мишурной* — намек на статьи Н. И. Надеждина в «Вестнике Европы» 1829—1830 годов о «Графе Нулине», о «Полтаве» и о седьмой главе «Евгения Онегина». *Коп* — содержатель гостиницы и ресторана в Москве.

* Езерский (стр. 618). Весьма возможно, что строфы, посвященные XVIII веку, были отброшены Пушкиным по соображениям цензурного характера, чем и объясняется обрывающаяся мысль стиха: «При императоре Петре...» (см. строфы VI—VIII в первой редакции). *Предатель умный Салтыков* — Михаил Глебович Салтыков, находившийся в постоянных сношениях с королем Сигизмундом, бежавший в Польшу после освобождения Москвы от поляков Мининым и Пожарским. *Примером нам да будет швед.* — Пушкин говорит о «кондициях», предложенных Анне Иоанновне «верховниками» и включавших некоторые пункты, заимствованные из аристократической шведской конституции. *Шептал с хитрым Трубецким.* — Никита Юрьевич Трубецкой (1699—1767), генерал-прокурор сената.

Медный всадник (стр. 623). *Со сна идет к окну сенатор* — действительный случай с В. В. Толстым. *Часовой стоял у сада* — известный рассказ о часовом, которого, вместе с будкой течение понесло мимо Зимнего дворца; увидев Александра I на балконе, часовой отдал ему честь.

Евгений Онегин (стр. 625). Глава первая. Предисловие. Слова *чувство уныния* и следующие являются цитатой из статьи В. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» («Мнемозина», 1824, ч. 2). Ср. строфу XXXII главы четвертой.

XXVI. Примечание. Пушкин цитирует речь Карамзина, произнесенную на собрании Российской Академии 5 декабря 1818 года.

Глава вторая. Примечание к строфе XII. Стих Пирона, действительно вошедший в поговорку, заимствован из комедии его «Метромания» (1738, акт III, сц. VII, слова Дамиса) и применяется к произведениям, проникнутым высоко нравственными идеями. Другие стихи Пирона, о которых здесь говорится, — юношеская порнографическая «Ода к Приапу».

XVII и следующие. Строфы, посвященные страсти к игре, Пушкин начал переделывать, применяя их к Онегину. В третью из этих строф Пушкиным были внесены поправки:

Стихи 3—4:

Онегина в минувши годы
Не отвлекли бы от игры.

Стих 6:

Бывал готов он в прежни лета.

Стих 12:

А он, нахмурен, бодр и бледен.

XXI и следующие. Последнюю из этих строф («Ни дура английской породы») Пушкин начал переделывать, применяя ее к Татьяне:

Не портили Татьяны милой...

Глава четвертая. Строфа «В начале жизни мною правил» и следующие. Эти строфы первоначально задуманы были как речь Онегина, обращенная к Татьяне. За последней из этих строф («Страстей мятежные заботы») следовали отрывочные строки:

Я вам открылся беспритворно
Нет, я не изверг сладострастный,
Я устыдился б обмануть
Доверчивость души прекрасной...
Нет, вы достойны быть любимой,

И далее:

Не все, конечно, нет сомненья
.....

Найти возможно исключения,
И вы живой тому пример,
Но вообще, клянусь пред вами,
Что женщины не знают сами,
Зачем они того берут...

Строфа IX (стр. 462), следовавшая за этими набросками, первоначально была написана от первого лица:

Я жертва долгих заблуждений,
Разврата пламенных страстей,
И жажды сильных впечатлений,
И бурной юности моей,

и соответственно кончалась стихами:

Провел я много, много лет,
Утрата жизни лучший цвет.

Но Пушкин здесь же отказался от этого плана и, написав строфу XII, расположил первые строфы как безличные размышления, за которыми должна была следовать IX строфа уже в переделанном виде:

Так точно думал мой Евгений
и т. д.

Окончательный вид придан началу главы уже перед самой подготовкой к печати.

Строфа «Словами вещего поэта». *«Темира, Дафна и Лилета Как сон забыты мной давно»* — цитата из стихотворения Дельвига «Фани».

XXXVII. Описанный наряд Онегина соответствует тому, как одевался сам Пушкин, когда жил в Михайловском.

Глава шестая. XV и XVI. Эти строфы известны по публикации Я. Грота с утраченной ныне копии В. Ф. Одоевского. Грот печатал:

Да, да, ведь ревности припадки.

Это создавало невозможную у Пушкина рифму: припадки — лихорадка. Очевидно, данное чтение результат неправильной догадки Грота. Он не учел, что в пушкинское время было слово женского рода — «припадка».

XXXIV. В черновых набросках, повидимому относящихся к этой строфе, имеется в виду сражение при Кране 23 февраля 1814 года, в котором русскими войсками командовал П. А. Строганов. Узнав о смерти сына, он передал командование Воронцову, который и приписал себе успех, достигнутый в этом сражении Пушкин мог знать этот эпизод по рассказу С. Волконского, позднее описавшего этот случай в своих мемуарах. *И Кесарь слезы проливал.* — Здесь Пушкин неточно вспоминает рассказ Плутарха из

жизнеописания Ю. Цезаря: когда к нему принесли голову убитого Помпея, «Кесарь отвратился от нее с ужасом, но принял печать Помпея и заплакал» (цит. по русскому переводу 1821 года). О том, что Пушкин смутно помнил исторический факт, можно судить по черновому варианту:

И Кассий слезы проливал,
Когда он Брута смерть узнал.

Это неверное воспоминание о другом месте из Плутарха: Брут после смерти Кассия «плакал над его телом, называя Кассия последним римлянином — ибо Рим не мог более произвести человека с возвышенными чувствами».

Глава восьмая. Предисловие. В этом предисловии Пушкин цитирует статью Ф. Булгарина в «Северной пчеле». В дальнейшем он оспаривает мнение Н. Полевого, редактора «Московского телеграфа».

V. Пушкин вспоминает встречу с Державиным на экзамене в 1815 году, первое знакомство с Карамзиным («быта русского хранитель»), с Жуковским («прекрасного певец»).

XXIV—XXVI. Над этими строфами Пушкин работал в июне 1831 года, уже после окончания романа. В черновике имеется несколько других зарисовок большого петербургского света:

За ним другой красавец бальный
Вошел картинкою журнальной;
Тут Лиза, дочь его, была,
Уж так жеманна, так мала,
Так неопрятна, так писклива,
Что поневоле всякий гость
Предполагал в ней ум и злость.

Пушкин имел в виду Оленина и его дочь; в черновых вариантах читаем: «Лиза Лосина», «Annette Olenine», и в характеристике отца: «Нулек на ножках», «тут был отец ее А. О.». Последние буквы записаны в виде монограммы, которой подписывал свои рисунки Оленин.

Строфа «И в зале яркой и богатой». Здесь изображена Александра Федоровна, жена Николая I, выступавшая в роли Лаллы-Рук в живых картинах, когда она была еще невестой, и воспетая под этим именем в стихотворении Жуковского «Милый сон, души пленитель».

Путешествие Онегина. X. «Рек, озер краса» — цитата из стихотворения И. И. Дмитриева «К Волге» (1794).

Тексты Пушкина воспроизводятся в современной орфографии с возможно наименьшим отклонением от принятых ныне норм. Однако в некоторых случаях, когда произносительная форма слова претерпела со времен Пушкина существенные изменения, принято написание, передающее историческое своеобразие языка Пушкина, например «вкрив» (встречающееся, в частности, в рифме с «вручив»), «поздний» (иногда в рифме с «морозный»), «постеля» (и соответственно в «постеле»), «два дни», «не ест, ни пьет» (где «ни» в значении «и не») и т. п.; сохраняется одиночное «н» или двойное в причастиях («неждану встречу» и под.), как оно употреблялось Пушкиным.

Впрочем, некоторые произносительные особенности в нашем издании не сохранены, как не всегда сохранялись они и в орфографической системе первой половины XIX века. В частности, надо иметь в виду, что прилагательные мужского рода единственного числа в именительном падеже имели во времена Пушкина двойное произношение: книжное на «-ый» и разговорное на «-ой», причем разговорное преобладало, несмотря на правописание. Таким образом, наряду с произношением «цвет прекрасной» (в рифме с «напрасно»), «шлем высокой» (в рифме с «жестоко») было более редкое произношение «смелый» (в рифме с «пределы») и «великий» (в рифме с «клики»). В настоящем издании применяется везде общепринятое правописание на «-ый», «-ий» (в том числе и после основ на «г», «к», «х»), так как читатель, зная возможность двойного произношения, по самой рифме увидит, в каких случаях необходимо книжное произношение прилагательных.

Знаки препинания поставлены с некоторыми отклонениями от пунктуации прижизненных изданий произведений Пушкина или его автографов. В общем соблюдена система пунктуации, ныне принятая, за очень редкими исключениями, когда своеобразие старинного оборота, примененного Пушкиным, не позволяло передать его средствами ныне принятой пунктуации.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. *Портрет Пушкина*: Гравюра Е. Гейтмана, при первом издании поэмы «Кавказский пленник». 1822. Фронтиспис.

2. *Рисунок Пушкина на полях рукописи «Кавказского пленника»* к стихам первой части:

Колена преклонив, она
К его устам кумыс отрадный
Подносит тихою рукой.

Между стр. 152 и 153.

3. *Рисунок Пушкина на полях рукописи «Кавказского пленника»* к стихам первой части «Иль, ухватив рогатый пень» и т. д. Между стр. 160 и 161.

4. *Рисунок Пушкина на полях рукописи «Кавказского пленника»*. Между стр. 176 и 177.

5. *Рисунок Пушкина к поэме «Цыганы»*. Между стр. 240 и 241.

6. *Рисунок Пушкина на полях поэмы «Полтава»*. Между стр. 288 и 289.

7. *Рисунок Пушкина к строфе XXX «Домика в Коломне»*. Между стр. 336 и 337.

8. *Рисунок Пушкина к строфе XXXVII «Домика в Коломне»*. Между стр. 344 и 345.

9. *Рисунок Пушкина к «Евгению Онегину», гл. I, строфа XLVII*. Между стр. 416 и 417.

10. *Рисунок Пушкина к «Евгению Онегину», гл. III, строфа XXXII*. Между стр. 448 и 449.

11. *Рисунок Пушкина к «Евгению Онегину», гл. III, строфа XXXVI, черновая редакция*. Между стр. 640 и 641.

СОДЕРЖАНИЕ *

Пушкин. Вступительная статья *Б. Томашевского* 5

П О Э М Ы

Руслан и Людмила	71	<i>674</i>
Кавказский пленник	151	<i>676</i>
Гавриилиада	179	<i>677</i>
Вадим	197	<i>678</i>
Братья разбойники	205	<i>679</i>
Бахчисарайский фонтан	213	<i>680</i>
Цыганы	235	<i>682</i>
~~Граф Нулин~~	261	<i>683</i>
Полтава	273	<i>685</i>
* Тацит	321	<i>689</i>
Домик в Коломне	331	<i>690</i>
* Езерский	345	<i>691</i>
Анджело	355	<i>692</i>
Медный всадник	379	<i>692</i>
Евгений Онегин	397	<i>694</i>
Глава первая	400	<i>695</i>
Глава вторая	424	<i>696</i>
Глава третья	441	<i>697</i>
Глава четвертая	461	<i>697</i>
Глава пятая	479	<i>698</i>
Глава шестая	497	<i>699</i>
Глава седьмая	515	<i>699</i>
Глава восьмая	537	<i>700</i>
Отрывки из путешествия Онегина	566	<i>700</i>
Десятая глава	575	<i>701</i>

---

* Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

Наброски и планы поэм	581	703
* Поэма о гетеристах	583	703
Актеон	583	704
* Бова	584	704
* Мстислав :	586	705
* Русская девушка и черкес	587	705

ИЗ ДРУГИХ РЕДАКЦИЙ

Руслан и Людмила	591	705
Кавказский пленник	599	706
Братья разбойники	603	706
Бахчисарайский фонтан	604	706
Цыганы	605	707
Граф Нулин	607	—
Полтава	608	707
* Тазит	611	—
Домик в Коломне	612	707
* Езерский	618	707
Медный всадник	623	707
Евгений Онегин	625	708

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечания	673
Список иллюстраций	712

Редакционная коллегия:

*В. Г. Базанов, А. Г. Дементьев, В. П. Друзин,
В. Н. Орлов, А. А. Прокофьев, В. М. Саянов,
А. К. Тарасенков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. П. Щипачев*

ПУШКИН АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
СТИХОТВОРЕНИЯ, т. I

Редактор *В. Г. Базанов*

Художник *И. С. Серов*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректоры *С. М. Пигус* и *И. А. Якимович*

Сдано в набор 30/V 1955 г. Подписано
в печать 27/VII 1955 г. М 41668
84×108/32 Печ. л. 44 3/4 + 1Г вкл. (37,0).
Уч.-изд. л. 35,63. Тираж 25000. Зак. 622.
Цена ██████████ р.

Ленинградское отделение издательства
«Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. № 28

Типография № 3 Управления культуры
Ленгорисполкома
Ленинград, Красная ул., д. № 1/3.

